2р 50к.

11-3-18

...п. Б
...л. 23.

Кат. №61 (Ж)
Инв. № 3022

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ
МОГИЛЕВСКОЕ
ФУНД. БИБЛ.
Шк. 1
Пол. 7
№ кат.
№ инв. 3022
27
РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ.

Biogr. Brikner
920 ap (Potemkin)

9/3092

Bayerische Staatsbibliothek
<36648290860011

ПОТЕМКИНЪ

Ин. 3022.

СОЧИНЕНІЕ

А. Г. БРИКНЕРА.

СЪ 2 ПОРТРЕТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій проспектъ, 14.
1891.

S. n. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

1871

ЯКОВУ КАРЛОВИЧУ ГРОТУ

ПОСВЯЩАЕТЪ ЭТОТЪ ТРУДЪ

АВТОРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая здѣсь не только спеціалистамъ-историкамъ, но и публикѣ монографія о князѣ Г. А. Потемкинѣ появилась въ 1887 г. въ журналѣ „Новь“ (т. XIII до XVIII). Къ ней въ настоящее время сдѣланы нѣкоторыя дополненія на основаніи данныхъ, появившихся съ тѣхъ поръ въ исторической литературѣ. Ограничиваясь очеркомъ жизни и дѣятельности князя въ рамкѣ небольшого тома, я предоставляю другимъ, посвятить этому предмету многотомное сочиненіе, за изданіе котораго я взяться не могъ и не хотѣлъ.

А. Брикнеръ.

Іена,
5 октября 1891 г.

Сто лѣтъ послѣ
кончины Потемкина.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

		стран.
	Введеніе	1
I.	Молодость Потемкина (до 1774 г.)	9
II.	Потемкинъ въ 1774 — 76 гг.	24
III.	Отношенія Екатерины къ Потемкину (1776—1786 гг.) . .	39
IV.	Дѣятельность Потемкина до 1786 г.	55
V.	Путешествіе Екатерины (въ 1787 г.)	80
VI.	Начало турецкой войны	104
VII.	Очаковъ	127
VIII.	Событія 1789 и 1790 годовъ	157
IX.	Пребываніе Потемкина въ Петербургѣ въ 1791 г.	185
X.	Кончина Потемкина.	208
XI.	Оцѣнка личности Потемкина	231

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К.ъ въ Москвѣ.

Съ гравированнаго портрета Дикинсона
(1773).

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ВВЕДЕНІЕ.

Издавая стихотвореніе Державина „Водопадъ“, Я. К. Гротъ замѣтилъ: „Справедливая оцѣнка Потемкина въ настоящее время еще не возможна. Едва ли правы тѣ, которые считаютъ его за честолюбца, все приносившаго въ жертву своимъ личнымъ видамъ. Безусловное къ нему довѣріе императрицы въ продолженіе столькихъ лѣтъ заставляетъ предполагать въ немъ необыкновенный государственный умъ и истинныя заслуги“ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ было сдѣлано это замѣчаніе нашимъ знаменитымъ знатокомъ новой исторіи Россіи, прошло болѣе двухъ десятилѣтій. Въ продолженіе этого времени было издано столько данныхъ для исторіи царствованія императрицы Екатерины II вообще и жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ ея фаворитовъ въ особенности, что въ настоящее время нельзя уже болѣе отрицать возможности справедливой оцѣнки Потемкина. Осторожныя и неопредѣленныя выраженія маститаго издателя трудовъ Державина о способностяхъ и заслугахъ Потемкина вполнѣ подтверждаются множествомъ историческихъ матеріаловъ, опубликованныхъ въ послѣднее время, но еще не вполнѣ разработанныхъ спеціалистами.

Укажемъ вкратцѣ на исторію литературы о Потемкинѣ.

Въ Германіи раньше чѣмъ въ Россіи были сдѣланы нѣкоторыя попытки составленія очерковъ жизни и дѣятельности

[1]) Сочиненія Державина. С.-Петербургъ, 1864 г., т. I, стр. 476.

Потемкина. Скоро послѣ его кончины появились анонимные труды: „Anekdoten zur Lebensgeschichte des Reichsfürsten Potemkin. Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm“ (Freistadt am Rhein, 1792) и „Privatleben des berühmten Russisch-Kaiserl. Feldmarschalls Fürsten von Potemkin Tawritscheskoy. Herausgegeben von S***“ (Leipzig und Grätz, 1793). Эти книжки, скудныя содержаніемъ, представляютъ собою сборники анекдотовъ; въ нихъ отчасти есть и полемическій тонъ; на каждомъ шагу встрѣчаются несообразности и неточности.

Въ 1794 году появилось беллетристическое произведеніе „Pansalvin, Fürst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen“ (Germanien, 1794). Это — романъ-памфлетъ, направленный противъ любимца Екатерины. Авторомъ его считаютъ нѣкоего доктора Альбрехта [1]). Какъ передаютъ, императрица не безъ удовольствія читала этотъ трудъ, въ которомъ ея личность, подъ именемъ героини романа „Миранды“, была выставлена въ довольно выгодномъ свѣтѣ [2]).

Гораздо бо̀льшее значеніе имѣла біографія Потемкина, помѣщенная въ журналѣ „Minerva“, издававшемся въ концѣ XVIII вѣка въ Гамбургѣ извѣстнымъ историкомъ и публицистомъ Архенгольцомъ. Авторомъ этого труда, обнимающаго болѣе 600 небольшихъ страницъ и появившагося въ пятнадцати книжкахъ этого журнала (отъ 1797 до 1800 гг.), былъ саксонскій дипломатъ Гельбигъ, которому не безъ основанія приписываютъ и другія сочиненія по исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи, а именно сборникъ анекдотовъ подъ заглавіемъ: „Russische Günstlinge“ и біографію Петра III въ двухъ томахъ, изданную въ Тюбингенѣ въ 1809 году. Гельбигъ находился въ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины II. Не говоря уже о другихъ причинахъ, заставляющихъ насъ считать его авторомъ біографіи Потемкина, необходимо указать

---

[1]) См. соч. Блюма—„Ein russischer Staatsmann“. Leipzig und Heidelberg, 1857. II. 542.

[2]) См. соч. Гельбига въ журналѣ „Minerva“. 1797. III. 4. Тамъ-же дано объясненіе и другихъ лицъ романа.

на то обстоятельство, что многіе обороты и отзывы въ печатномъ трудѣ дословно соотвѣтствуютъ разнымъ мѣстамъ въ донесеніяхъ этого дипломата, хранящихся въ дрезденскомъ государственномъ архивѣ [1]). Не даромъ Гельбигъ называетъ свой трудъ сборникомъ анекдотовъ. Множество данныхъ, встрѣчающихся въ немъ, выходятъ изъ рамки біографіи Потемкина и скорѣе относятся къ царствованію Екатерины вообще. Авторъ далеко не безпристрастенъ. Онъ сильно предубѣжденъ противъ императрицы и ея друга и сотрудника. Не безъ основанія Екатерина ненавидѣла Гельбига и подумывала о довольно безцеремонномъ удаленіи его изъ Россіи. Такъ какъ главнымъ источникомъ при составленіи сочиненія Гельбига служили сплетни въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ, то нужно пользоваться этимъ трудомъ съ крайнею осторожностью. Мѣстами встрѣчаются фактическія неточности и промахи. Тонъ раздраженія, въ которомъ говорится о Потемкинѣ, придаетъ этимъ статьямъ Гельбига характеръ памфлета или, по крайней мѣрѣ, скорѣе публицистическаго, нежели серьезно-историческаго труда.

Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ журнальныя статьи Гельбига о Потемкинѣ появились въ 1804 году особою книжкою: „Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten“ (Halle und Leipzig). Въ 1808 году въ Парижѣ была издана французская редакція этого труда подъ заглавіемъ: „Vie du prince Potemkin. Rédigée par un officier français d'après les meilleurs ouvrages allemands et français, qui ont paru sur la Russie à cette époque“ [2]). Воспроизведеніе этой книги на англійскомъ языкѣ появилось въ двухъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: „Memoirs of the life of Prince Potemkine. Comprehending original anec-

---

[1]) См. замѣчанія Эрнста Германна въ его сочиненіи „Geschichte des russischen Staats“, т. VI. 149. Русскимъ переводомъ труда Гельбига, хранящимся въ рукописи въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, пользовался Я. К. Гротъ при составленіи комментарія къ сочиненіямъ Державина.

[2]) Мы имѣемъ въ рукахъ 2-е изданіе этой книги, появившейся также въ 1808 году. Въ каталогѣ „Russica“ Публ. Библіотеки, I. 217, авторомъ этого труда названа „M-me de Cérenville“.

dotes of Catherine II and of the russian court. Translated from the German". London, 1812 и 1813. Мало того: первое сочиненіе о Потемкинѣ, появившееся на русскомъ языкѣ, „Жизнь генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго" (С.-Петербургъ, 1811 г., два тома) было просто переводомъ французскаго изданія труда Гельбига, хотя нигдѣ въ книгѣ не имѣется на этотъ счетъ ни малѣйшихъ указаній. Недаромъ графъ Самойловъ, племянникъ Потемкина, въ крайнемъ раздраженіи, удивлялся, въ 1812 году, воспроизведенію на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій о Потемкинѣ [1]).

Совершенно противоположнымъ направленіемъ отличается сочиненіе графа А. Н. Самойлова „Жизнь и дѣятельность генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго". Племянникъ знаменитаго временщика говоритъ о немъ не иначе, какъ въ тонѣ панегирика. Самойловъ писалъ между 1812 и 1814 годами [2]). Его трудъ, однако, былъ напечатанъ лишь въ 1867 году въ „Русскомъ Архивѣ". Не смотря на односторонность отзывовъ, сужденій и выбора фактовъ, это сочиненіе можетъ служить очень важнымъ пособіемъ при изученіи жизни и дѣятельности Потемкина.

Очерки біографіи Потемкина, помѣщенные въ изданіяхъ Бантышъ-Каменскаго „Словарь достопамятныхъ людей" и „Біографіи русскихъ генералиссимусовъ", не имѣютъ особеннаго значенія, такъ какъ они писаны въ официальномъ тонѣ. Не безъ основанія новѣйшій біографъ Потемкина, М. Семевскій, называетъ эти труды „формулярными списками, подцвѣченными риторикой" [3]). Далеко важнѣе біографія Потем-

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что рѣзкія выраженія Самойлова въ началѣ его біографіи Потемкина („Русскій Архивъ" 1867, стр. 583) относятся къ русской редакціи труда Гельбига. Онъ находитъ въ немъ „лживыя сплетенія и нелѣпости, которыя здравымъ разсудкомъ и соображеніемъ съ законами и обыкновеніями россійскими сами собою опровергаются". Далѣе онъ высказываетъ удивленіе, что „цензура позволила такія бредни печатать" и пр.

[2]) Въ этомъ же трудѣ говорится, между прочимъ, о Кутузовѣ, какъ о „незабвенномъ во вѣки спасителѣ отечества". Самойловъ умеръ въ 1814-мъ году.

[3]) „Русск. Стар.", XII. 482.

кина, составленная Надеждинымъ и помѣщенная въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1839 годъ.

Трудъ М. Семевскаго „Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій“, помѣщенный въ XII—XIV томахъ „Русской Старины“, заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей, занимающихся этимъ предметомъ. Значеніе монографіи опредѣлено авторомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не задаемся мыслію составленія біографіи Потемкина, но, приступая къ печатанію значительнаго собранія разнообразныхъ документовъ, до него относящихся, признаемъ необходимымъ представить эти матеріалы въ рамкѣ изъ фактовъ его жизни, съ указаніемъ, по мѣрѣ возможности и надобности, на противорѣчія и нѣкоторыя погрѣшности біографовъ“. Превосходство труда г. Семевскаго заключается, главнымъ образомъ, въ сообщеніи новыхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ жизнь и характеръ Потемкина. Такъ напр. особенно важно сообщеніе писемъ князя къ Варварѣ Энгельгардтъ, къ Прасковьѣ Андреевнѣ Закревской и т. п. За то, при разработкѣ этого новаго матеріала недостаточно было обращено вниманія на печатную литературу, на различныя изданія, въ которыхъ встрѣчаются данныя о Потемкинѣ.

Въ 1888 г. появилось сочиненіе о Потемкинѣ подъ заглавіемъ: „S. Jean, Lebensbeschreibung des Fürsten Gregor Alexandrowitsch Potemkin des Tauriers als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katharina II. Nach dem noch ungedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz. übersetzt von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothermel. Karlsruhe 1888“. Въ „Deutsche Literaturzeitung“ въ началѣ 1889 г. мы высказались объ этомъ сочиненіи, которое должно считаться подлогомъ. О секретарѣ князя, С. Жанѣ, пока ничего неизвѣстно. Къ тому же множество промаховъ и недоразумѣній, встрѣчающихся въ этой книгѣ, подтверждаетъ предположеніе, что это сочиненіе скорѣе компиляція позднѣйшаго времени, чѣмъ результатъ наблюденія человѣка, близкаго Потемкину. Довольно того, что тутъ разсказано объ отравленіи князя императрицею, о его намѣреніи занять рус-

скій престолъ, о его планѣ сдѣлаться герцогомъ Лифлянд-скимъ, о томъ, что будто при Екатеринѣ случаи жестокихъ казней происходили чуть-ли не ежедневно и пр. Значитъ, тутъ ничто иное, какъ неумѣлая мистификація.

И до появленія въ свѣтъ труда Семевскаго, и послѣ этого, особенно же въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія, было издано множество матеріаловъ для исторіи царствованія Екатерины, гдѣ роль князя Потемкина занимаетъ столь видное мѣсто. Самымъ важнымъ вопросомъ должно считать отношеніе императрицы къ Потемкину. Благодаря изданію бумагъ Екатерины, хранящихся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]), мы имѣемъ возможность составить себѣ точное понятіе о томъ мѣстѣ, которое занималъ Потемкинъ въ отношеніи императрицы. Далѣе, были публикованы депеши и донесенія иностранныхъ дипломатовъ, въ которыхъ очень часто и иногда очень подробно говорится о Потемкинѣ. О немъ же идетъ постоянно рѣчь въ письмахъ и запискахъ современниковъ; на каждомъ шагу, при чтеніи общедоступныхъ историческихъ изданій („Русскаго Архива, „Русской Старины“, „Древней и новой Россіи“, „Архива князя Воронцова“ и пр.), мы встрѣчаемъ слѣды дѣятельности свѣтлѣйшаго князя, письма, въ которыхъ о немъ говорится болѣе или менѣе подробно, анекдоты, имѣющіе источникомъ устное преданіе и т. п.

Отъ С. Н. Шубинскаго мы получили въ копіяхъ довольно значительное число писемъ разныхъ лицъ къ Потемкину, а также и писемъ Попова къ Безбородкѣ о князѣ. Разработка этого отчасти очень интереснаго матеріала въ частностяхъ можетъ воспослѣдовать лишь послѣ изданія этихъ писемъ, что̀ обойдется не безъ затрудненій, такъ какъ на многихъ письмахъ нѣтъ числа. Мы однако позволимъ себѣ воспользоваться для нашего труда нѣкоторыми, впрочемъ немногими выдержками изъ этихъ писемъ и при этомъ считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить С. Н. Шубинскому ис-

---

[1]) „Сб. И. Общ.“ VII, X, XIII, XXVII и XLII.

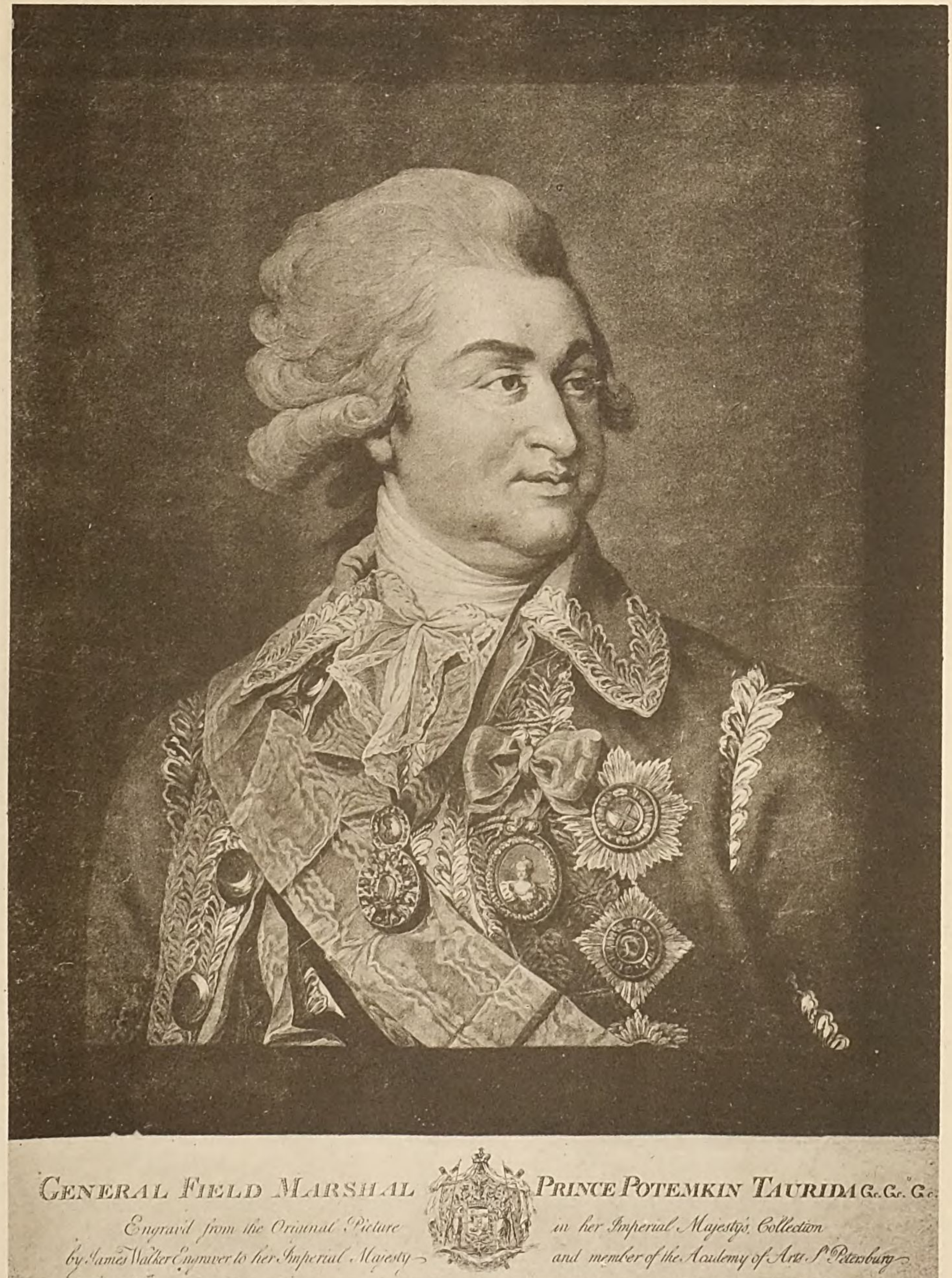
креннюю благодарность за сообщеніе для просмотра этихъ рукописныхъ данныхъ, которыя при болѣе подробномъ изложеніи жизни Потемкина, какъ можно надѣяться, отчасти окажутся достойными служить матеріаломъ при изученіи частной жизни князя, исторіи его отношенія къ фаворитамъ, разнымъ сановникамъ, лицамъ военнаго вѣдомства и пр.

Что касается административной дѣятельности Потемкина, то она отчасти стала извѣстною чрезъ публикованіе многихъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ Потемкина и его сотрудниковъ въ различныхъ изданіяхъ, напр., въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“ и т. п. Правда, бо̀льшая часть дѣловыхъ бумагъ, сюда относящихся, еще не издана. Такъ, напр., почти всѣ архивные матеріалы, хранившіеся въ Рѣшетиловкѣ, имѣніи наслѣдниковъ начальника Потемкинской канцеляріи, В. С. Попова, остаются еще пока неизвѣстными. Поэтому полная и всесторонняя оцѣнка всѣхъ частностей дѣятельности Потемкина, какъ военачальника и правителя, остается впереди.

Тѣмъ не менѣе мы въ настоящее время располагаемъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній для составленія возможно полнаго очерка біографіи Потемкина и оцѣнки его личности и дѣятельности. Приступая къ рѣшенію этой сложной и трудной задачи, считаемъ долгомъ заявить, что главное вниманіе въ послѣдующихъ главахъ обращено на вопросъ о личномъ отношеніи Потемкина къ императрицѣ Екатеринѣ, и мы не имѣемъ въ виду разработки частностей политической роли знаменитаго фаворита.

Предоставляя будущимъ изслѣдователямъ исчерпывать этотъ предметъ при помощи всесторонняго анализа и пока еще не изданныхъ данныхъ, мы довольствуемся сообщеніемъ и освѣщеніемъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности друга Екатерины и подведеніемъ для общей характеристики Потемкина итоговъ несмѣтному множеству фактовъ и отзывовъ, разбросанныхъ въ исторической литературѣ и повременныхъ изданіяхъ. Занявшіеся послѣ насъ этимъ предметомъ, — хотя-бы

даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имѣя возможность начертить біографію Потемкина въ бо̀льшихъ размѣрахъ и съ сообщеніемъ гораздо бо̀льшей массы фактовъ, — едва-ли придутъ къ новымъ результатамъ въ отношеніи самыхъ важныхъ фазисовъ исторической роли Потемкина и оцѣнки преимуществъ и недостатковъ нашего героя.



GENERAL FIELD MARSHAL PRINCE POTEMKIN TAURIDA G. G. G.

Engravd from the Original Picture in her Imperial Majesty's Collection

by James Walker Engraver to her Imperial Majesty and member of the Academy of Arts S.t Petersburg

Publish.d Jan.y 1. 1792. as the Act directs, by Ja.s Walker, S.t Petersburg W. Hodges Queen Street, May Fair, and R. Blamire, Corner of Northumberland Street, Strand London.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К.° въ Москвѣ.

I.

Молодость Потемкина (до 1774 г.).

Свѣдѣнія о происхожденіи и молодости Потемкина, основанныя бо̀льшею частію на устномъ преданіи, имѣютъ лишь анекдотическій характеръ и въ значительной ихъ части не могутъ считаться достовѣрными. Такъ, напр., нѣтъ положительныхъ данныхъ о родствѣ Григорія Александровича съ извѣстнымъ русскимъ дипломатомъ, Петромъ Потемкинымъ, побывавшимъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ разныхъ государствахъ Западной Европы въ качествѣ московскаго посла, но не отличавшагося ни политическимъ тактомъ, ни образованіемъ. Во время „случая“ Григорія Александровича такъ мало знали о политической роли его мнимаго родственника, что даже племянникъ знаменитаго фаворита, Энгельгардтъ, относитъ путешествіе Петра Потемкина въ Англію къ эпохѣ Петра [1]), между тѣмъ какъ онъ былъ тамъ гораздо раньше и умеръ до воцаренія Петра Великаго. Въ средѣ дипломатовъ, находившихся въ Петербургѣ въ то время, когда Григорій Александровичъ сдѣлался княземъ и когда зашла рѣчь о его родствѣ съ Петромъ Потемкинымъ, составленіе такой родословной считали или самообольщеніемъ, или обманомъ [2]).

Мы не придаемъ также значенія разсказу о происхожденіи рода Потемкиныхъ изъ Польши. Объ этомъ говорятъ ино-

---

[1]) Зап. Льва Ник. Энгельгардта. Москва, 1860, стр. 32.

[2]) „Minerva“, 1797, II. 8—9.

странные писатели, а также и Энгельгардтъ, между тѣмъ какъ у Самойлова, также близкаго родственника Григорія Александровича, не упомянуто объ этомъ обстоятельствѣ.

Годъ рожденія Потемкина точно неизвѣстенъ; въ различныхъ источникахъ говорится то о 1736, то о 1739 годѣ; у Самойлова показанъ 1742 годъ [1]). Во всякомъ случаѣ Потемкинъ былъ нѣсколькими годами моложе Екатерины.

Родившись въ селѣ Чижевѣ, близъ Смоленска, Потемкинъ, бывши еще мальчикомъ, лишился своего отца, Александра Васильевича, скончавшагося въ 1746 году. Поэтому разные анекдоты о строптивомъ нравѣ сего послѣдняго, безграничною ревностью яко-бы мучившаго свою жену, мать Григорія Александровича, не могутъ имѣть для насъ особеннаго значенія [2]). Такъ какъ однако едва-ли можно сомнѣваться въ грубости нрава отца и въ его жестокомъ обращеніи съ женою, бывшею гораздо моложе его, то кончина отца для Грица, — какъ называли дома способнаго мальчика, — была скорѣе выгодою, чѣмъ потерею. Мать Григорія Александровича, сдѣлавшаяся впослѣдствіи статсъ-дамою, была хороша собою и считалась умною женщиною [3]). Послѣ смерти мужа, она переселилась въ Москву, гдѣ жила подъ покровительствомъ родственника, президента камеръ-коллегіи, Григорія Матвѣевича Козловскаго, и гдѣ единственный сынъ ея, вмѣстѣ съ сыномъ Козловскаго, посѣщалъ учебное заведеніе Литкела въ Нѣмецкой слободѣ.

Сохранились нѣкоторые анекдоты о честолюбіи Потемкина въ юномъ возрастѣ. То онъ мечталъ о проектѣ скупить когда-то множество домовъ за Яузою и выстроить преогромное

---

[1]) „Minerva“, 1797, II. 8. Въ біографіи Потемкина, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ (XII, 485), сказано: „По нѣкоторымъ сообщеніямъ мы останавливаемся на 1739 г.“, при чемъ не говорится подробнѣе объ источникахъ.

[2]) См. устные разсказы объ отцѣ Потемкина между анекдотами, записанными П. Ѳ. Карабановымъ, въ „Рус. Старинѣ“, V, 463, и у Самойлова въ „Р. Архивѣ“, 1867, стр. 588.

[3]) См. замѣчанія Карабанова въ „Русской Старинѣ“, III, 39—40. На какомъ основаніи г. Семевскій („Р. Ст.“, XII. 485) считаетъ Дарью Васильевну неспособною?

зданіе [1]); то онъ говорилъ своимъ товарищамъ: „Хочу непремѣнно быть архіереемъ или министромъ“ [2]), или: „Такъ, такъ начну военной службой; а не такъ, то стану командовать попами“ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи онъ неоднократно мечталъ о посвященіи себя монашескому званію и весьма часто занимался вопросами богословія. Энгельгардтъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ“ о Потемкинѣ: „Поэзія, философія, богословіе и языки латинскій и греческій были его любимыми предметами; онъ чрезвычайно любилъ состязаться, и сіе пристрастіе осталось у него навсегда; во время своей силы, онъ держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и всякаго званія ученыхъ людей; любимое его было упражненіе, когда всѣ разъѣзжались, призывать ихъ къ себѣ и стравливать ихъ, такъ сказать, а между тѣмъ самъ изощрялъ себя въ познаніяхъ“ [4]). Также и Самойловъ разсказываетъ о страсти Потемкина къ наукамъ отвлеченнымъ, къ чтенію классиковъ, о его уединенномъ прилежаніи [5]). Въ селѣ Татевѣ, куда онъ въ молодости пріѣзжалъ къ роднымъ гостить, сохранилось преданіе, что часто утромъ находили молодаго Потемкина спящимъ въ библіотекѣ на стоявшемъ тамъ билліардѣ (уцѣлѣвшемъ до сихъ поръ);—онъ просиживалъ за книгами цѣлыя ночи [6]). Полезнымъ наставникомъ его былъ іеродіаконъ греческаго монастыря, Дорооей. Вступивъ въ только-что учрежденный московскій университетъ, Потемкинъ, за свои дарованія и успѣхи, удостоился золотой медали, а затѣмъ, кажется въ іюлѣ 1757 года, находился въ числѣ двѣнадцати лучшихъ воспитанниковъ университета, отправленныхъ въ Петербургъ и представленныхъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. По возвращеніи въ Москву онъ, вмѣсто участія въ регулярныхъ занятіяхъ университетскихъ, увлекался самостоятельными работами, чтеніемъ книгъ

---

[1]) „Р. Ст.“, V. 465.
[2]) Энгельгардтъ, 33.
[3]) Карабановъ, въ „Р. Старинѣ“, V. 465.
[4]) Энгельгардтъ, 33.
[5]) „Р. Архивъ“, 1867, 600.
[6]) „Р. Архивъ“, 1867, 600.

и пр., вслѣдствіе чего былъ исключенъ изъ университета „за нехожденіе“ [1]).

Во все это время Потемкинъ,—какъ это тогда было принято для молодыхъ дворянъ, — считался находившимся на военной службѣ, съ дозволеніемъ не являться на службу до окончанія ученія. Въ 1755 году онъ былъ записанъ въ конной гвардіи рейтаромъ; въ 1757 году произведенъ въ капралы; въ 1758—въ ефрейтъ-капралы, а въ 1759 году—въ каптенармусы [2]).

По исключеніи изъ университета Григорій Александровичъ рѣшился посвятить себя военной карьерѣ. Въ числѣ лицъ духовнаго званія, которыхъ посѣщалъ Потемкинъ въ Москвѣ, находился Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывшій тогда архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ: онъ одобрилъ его намѣреніе и далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей [3]).

Въ Петербургъ Потемкинъ прибылъ въ то время, когда тамъ готовились чрезвычайно важныя событія. Во время царствованія Петра III онъ сдѣлался вахмистромъ, былъ взятъ ординарцемъ къ принцу Георгу Гольштинскому и въ то же время правилъ ротою, въ которой онъ служилъ.

Участіе Потемкина въ государственномъ переворотѣ 26 іюня 1762 года обратило на него вниманіе Екатерины. О его сношеніяхъ съ Орловыми до этого событія мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Есть преданіе, что онъ. во время кризиса, дѣйствовалъ въ пользу Екатерины, уговаривалъ солдатъ объявить ее самодержицею и проч. Обо всемъ этомъ не сохранилось достовѣрныхъ извѣстій. Въ какой степени трудно воспроизведеніе частностей такихъ фактовъ,

---

[1]) Бантышъ-Каменскій „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ“ (Спб., 1840, II, 54), гдѣ указано на печатное объявленіе объ исключеніи Потемкина. Тамъ же разсказанъ позднѣйшій анекдотъ о томъ, какъ князь вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ.

[2]) См. данныя Лонгинова въ „Р. Архивѣ“, 1867, стр. 954.

[3]) Разсказъ племянника Амвросія, отца извѣстнаго историка Бантышъ-Каменскаго. См. соч. послѣдняго „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“. Москва, 1836, IV. 197. Потемкинъ эту сумму обѣщалъ съ процентами возвратить впослѣдствіи, но не исполнилъ обѣщанія.

видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Разсказываютъ, что Потемкинъ въ ту минуту, когда Екатерина 30-го іюня, верхомъ, въ мужскомъ платьѣ, во главѣ отряда войскъ, отправилась въ Петергофъ, находился въ ея свитѣ; услышавъ, что императрица желаетъ имѣть темлякъ на шпагѣ, онъ сорвалъ свой темлякъ, подъѣхалъ къ государынѣ и поднесъ ей желаемое украшеніе, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе императрицы [1]). Самойловъ, племянникъ Потемкина, рѣшительно отвергаетъ достовѣрность этого анекдота на томъ основаніи, что Потемкинъ, будучи еще унтеръ-офицеромъ, не могъ поднести своего темляка государынѣ, „поелику оный былъ не офицерскій“ [2]). Однако, самъ Потемкинъ разсказывалъ впослѣдствіи Сегюру даже подробности объ этомъ случаѣ: какъ онъ подалъ темлякъ, какъ его лошадь, привыкшая къ эскадронному ученью, поровнялась съ лошадью императрицы и, не смотря на всѣ усилія, упорствовала удалиться, какъ императрица улыбнулась и пр. [3]).

Какъ бы то ни было, императрица придавала участію Потемкина въ государственномъ переворотѣ нѣкоторое значеніе. Въ ея письмѣ къ Понятовскому о частностяхъ этого событія, между прочимъ, сказано: „Въ конной гвардіи двадцатидвухлѣтній офицеръ Хитрово и семнадцатилѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно“ [4]).

Лучшимъ свидѣтельствомъ и точною мѣркою участія Потемкина въ государственномъ переворотѣ 1762 г. служатъ награды, которыхъ былъ онъ удостоенъ за услуги, оказанныя при этомъ случаѣ Екатеринѣ. Онъ получилъ 400 душъ крестьянъ; далѣе, въ собственноручномъ росписаніи Екатерины о наградахъ по тому случаю сказано: „Въ конной гвардіи вахмистръ Григорій Потіомкинъ два чина по полку да 10,000 рублей“; въ другомъ мѣстѣ этого документа упо-

---

[1]) Такъ, напр., разсказано это въ соч. Бантышъ-Каменскаго, „Словарь“, IV. 198.

[2]) „P. Арх.“, 1867, стр. 997.

[3]) Ségur, „Mémoires ou souvenirs et anecdotes“, Paris, 1827, II. 252.

[4]) „La cour de la Russie il y a cent ans“. Berlin, 1858 г., стр. 252.

мянуто о назначеніи Потемкина камергеромъ [1]). Всѣ эти награды были лишь предположеніемъ Екатерины, которая къ тому-же ошибалась, считая Потемкина въ 1762 году семьнадцатилѣтнимъ юношею: онъ тогда былъ по крайней мѣрѣ тремя годами старше. Во всякомъ случаѣ въ то время онъ не сдѣлался камергеромъ, а только камеръ-юнкеромъ, и былъ удостоенъ званія подпоручика.

Безъ сомнѣнія Потемкинъ тотчасъ-же послѣ государственнаго переворота бывалъ часто при дворѣ и обращалъ на себя вниманіе императрицы. Въ устномъ преданіи сохранились нѣкоторые анекдоты, за фактическую достовѣрность которыхъ нельзя ручаться. Такъ, напр., разсказано въ сборникѣ анекдотовъ Карабанова: „Стараясь нравиться императрицѣ, онъ ловилъ ея взгляды, вздыхалъ, имѣлъ дерзновеніе дожидаться въ корридорѣ и, когда она проходила, упадалъ на колѣни и, цѣлуя ей руку, дѣлалъ нѣкотораго рода изъясненія. Она не противилась его движеніямъ. Орловы стали замѣчать каждый шагъ и всевозможно противиться его предпріятію“ и проч. [2]). Самойловъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды, за столомъ, императрица обратилась къ нему съ вопросомъ на французскомъ языкѣ; Потемкинъ отвѣчалъ ей по-русски. Кто-то изъ сановниковъ замѣтилъ ему, что слѣдуетъ отвѣчать на томъ языкѣ, на которомъ предложенъ вопросъ. Нимало не смущаясь, Потемкинъ возразилъ: „А я, напротивъ того думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ можетъ вѣрнѣе мысли свои объяснять; русской-же языкъ учу я слишкомъ 22 года“ [3]). Митрополитъ Платонъ разсказывалъ, что Потемкинъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ умѣнью поддѣлаться подъ чужой голосъ, чѣмъ иногда забавлялъ Григорія Орлова. Послѣдній сообщилъ объ этомъ государынѣ, и она пожелала видѣть забавника. Потемкинъ, о чемъ-то спрошенный Екатериною, отвѣчалъ ей ея-же голосомъ и выговоромъ,

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, VII. 109, 110, 113, 115.
[2]) „Р. Старина“, V. 465.
[3]) „Р. Арх.“, 1867, 598.

чѣмъ насмѣшилъ ее до слезъ [1]). Гельбигъ разсказываетъ о ненависти братьевъ Орловыхъ къ Потемкину въ это время и сообщаетъ довольно подробно о томъ, какъ однажды Григорій и Алексѣй Орловы воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы начать съ нимъ споръ, и страшно избили его палками и проч. [2]).

До чего доходятъ выдумки въ отношеніи къ этой эпохѣ жизни Потемкина, видно изъ разныхъ толковъ о лишеніи его одного глаза. Гельбигъ разсказываетъ, что Потемкинъ, бывши еще ребенкомъ, какъ-то неосторожно игралъ ножницами и при этомъ ранилъ себя въ глазъ [3]). По другимъ разсказамъ, Потемкинъ былъ изувѣченъ во время драки съ Орловыми; иные передаютъ, что ему вышибли глазъ нечаянно во время игры въ мячъ [4]). Кастера сообщаетъ, что Алексѣй Орловъ своимъ кулакомъ лишилъ Потемкина глаза [5]). Въ примѣчаніяхъ къ „Запискамъ Энгельгардта“ сказано, что Потемкинъ окривѣлъ въ 1766 году, во время ссоры съ однимъ придворнымъ, который шпагой выкололъ ему глазъ [6]). Правдоподобнѣе всѣхъ этихъ анекдотовъ оказывается повѣствованіе Самойлова, что Потемкинъ однажды, заболѣвъ сильною горячкою и не довѣряя медикамъ, велѣлъ отыскать мужика-знахаря, который обвязалъ ему голову и одинъ глазъ какою-то припаркою, лишившею его способности видѣть этимъ глазомъ [7]). За то совершенно лишеннымъ основанія оказывается замѣтка въ донесеніи сардинскаго дипломата, маркиза де-Парело, что Потемкинъ, послѣ этого несчастія, совершилъ поѣздку въ Парижъ для пріобрѣтенія хрустальнаго глаза [8]). Потемкинъ не лишился глаза, а только ослѣпъ на одинъ глазъ. Это несчастіе не могло не лишить его нѣкоторой доли красоты, которою онъ отличался. Самойловъ говоритъ: „Тог-

---

[1]) „Р. Арх.“ 1871, 459.

[2]) „Minerva“ 1797, II. 429.

[3]) „Minerva“ 1800, IV. 545.

[4]) „Vie de Potemkine“, Paris, 1808, стр. 19: „par l'atteinte d'une balle au jeu de peaume“.

[5]) „Vie de Cathérine II“, II. 88.

[6]) „Зап. Энгельгардта“. 34.

[7]) „Р. Арх.“, 867. 599.

[8]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI. 312.

дашніе остроумы сравнивали его съ аѳинейскимъ Альцибіадомъ. прославившимся душевными качествами и отличною наружностью". Онъ описываетъ отчаяніе Потемкина по поводу этого несчастія, причемъ разсказываетъ подробно, какъ Потемкинъ совершенно удалился отъ двора и отъ всякаго общества вообще; въ продолженіе полутора года онъ не выходилъ изъ дому, занимаясь чтеніемъ и пріобрѣтая множество познаній; онъ отростилъ себѣ бороду и мечталъ о пострижеиіи въ монахи, но любовь къ нему одной красавицы и вниманіе императрицы принудили его оставить жизнь отшельника и возвратиться ко двору [1]). Частности этого разсказа имѣютъ анекдотическій и даже легендарный характеръ. Къ тому-же въ разсказахъ другихъ современниковъ мы находимъ совершенно иное объясненіе причины добровольнаго удаленія Потемкина отъ двора. Въ анекдотахъ, собранныхъ Карабановымъ, странный образъ дѣйствій Потемкина объясненъ его любовью къ императрицѣ [2]). Разные разсказы согласны, однако, въ передачѣ довольно важнаго обстоятельства: сама Екатерина позаботилась о привлеченіи вновь ко двору Потемкина; исполненію ея желанія долженъ былъ содѣйствовать Григорій Орловъ. Эти общіе факты, какъ кажется, не могутъ подлежать сомнѣнію, между тѣмъ какъ подробности этихъ разсказовъ не заслуживаютъ серьезнаго вниманія историковъ [3]). Къ тому-же мы не имѣемъ возможности опредѣлить точно время 18-мѣсячнаго отшельничества Потемкина.

Не только въ біографіи Потемкина, составленной Самойловымъ, но и въ другихъ источникахъ говорится о путешествіи Потемкина въ Швецію. Нѣкоторые писатели относятъ эту поѣздку къ 1762 году, утверждая, что Потемкинъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ къ находившемуся тамъ русскому

---

[1]) „Р. Арх." 1867. 599—603. Многіе писатели относились безъ критики къ разсказамъ объ этомъ эпизодѣ, напр. Блюмъ въ своемъ сочиненіи о Сиверсѣ, II. 54—56.

[2]) „Р. Старина", V. 466—467.

[3]) См., напр., нѣкоторыя черты въ разсказѣ Гельбига („Minerva" 1797. II. 443—446), гдѣ этотъ эпизодъ отнесенъ ко времени фаворита Васильчикова.

посланнику, графу Остерману, съ извѣстіемъ о воцареніи Екатерины [1]). Самойловъ, напротивъ, относитъ эту поѣздку къ позднѣйшему времени, объясняя ее желаніемъ Орловыхъ удалить Потемкина отъ двора, гдѣ онъ, послѣ только-что упомянутаго происшествія, игралъ довольно важную роль [2]). Какъ-бы то ни было, путешествіе Потемкина въ Швецію, о которомъ ничего неизвѣстно изъ документальныхъ источниковъ, не могло имѣть какого-либо важнаго политическаго значенія. Онъ не игралъ при этомъ роли дипломата, а былъ простымъ курьеромъ. Замѣчанію Самойлова, что Потемкинъ, послѣ возвращенія изъ Швеціи, „не имѣлъ болѣе у двора той пріятности, какою пользовался до отбытія своего“, мы не можемъ придавать особеннаго значенія.

За то мы узнаемъ на основаніи архивныхъ данныхъ, что Потемкинъ во второй половинѣ 1763 года былъ опредѣленъ на службу въ синодѣ. Сохранилась инструкція, составленная по этому случаю Екатериной для Потемкина. Изъ нея видно, что онъ былъ помощникомъ оберъ-прокурора [3]). Потемкину было тогда двадцать лѣтъ съ небольшимъ. Недаромъ сказано въ указѣ синоду, что онъ опредѣляется на эту должность, „дабы онъ слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій... навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту“ и пр. О дѣятельности Потемкина въ синодѣ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Главнымъ занятіемъ Потемкина во все это время была, какъ кажется, военная служба. Въ іюлѣ 1762 года, онъ былъ представленъ въ корнеты, но императрица написала: „быть подпоручикомъ“; 19 апрѣля 1765 года онъ былъ произведенъ въ поручики; въ этомъ-же году онъ исполнялъ квартирмейстерскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ; 19 іюня 1766 года онъ получилъ командованіе 9-ой ротой; въ 1767 году съ двумя ротами своего полка командированъ въ Москву во время коммиссіи объ „Уложеніи“.

---

[1]) См. напр., „Зап. Энгельгардта“. 34. „Minerva“, 1797. II. 20 и пр.
[2]) „Р. Арх.“ 1868. 604—605.
[3]) См. „Сб. Ист. Общ.“, VII. 316—318.

22-го сентября 1768 года Потемкинъ сдѣлался камергеромъ, а въ ноябрѣ былъ отчисленъ отъ конной гвардіи по волѣ императрицы, какъ состоящій при дворѣ [1]).

Въ 1767 году собралась извѣстная „Большая Коммиссія“ для составленія „Уложенія“. Въ занятіяхъ этого собранія Потемкинъ участвовалъ въ качествѣ опекуна депутатовъ отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, которые выбрали его опекуномъ „по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ“; кромѣ того, онъ былъ членомъ „коммиссіи духовно-гражданской“ [2]). Болѣе подробныхъ извѣстій о дѣятельности Потемкина при этомъ случаѣ мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, она прекратилась въ то время, когда началась турецкая война, и Потемкинъ, какъ и многіе другіе члены этого собранія, изъявилъ желаніе отправиться въ походъ. Въ засѣданіи 2-го января 1769 года маршалъ собранія, А. В. Бибиковъ, объявилъ, что „господинъ опекунъ отъ иновѣрцевъ и членъ коммиссіи духовно-гражданской, Григорій Потемкинъ, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, отправляется въ армію волонтиромъ“, и вслѣдствіе этого, на его мѣсто нужно избрать другое лицо [3]).

Мы не знаемъ, когда Потемкинъ, отправляясь въ армію, покинулъ столицу. Весною 1769 онъ обратился къ императрицѣ съ слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ 24 мая „въ квартирѣ князя Прозоровскаго“ и обнаруживающимъ желаніе молодаго честолюбца обратить на себя вниманіе Екатерины и отличиться воинскими подвигами. Мы передаемъ этотъ характеристическій документъ цѣликомъ. „Всемилостивѣйшая Государыня! Безпримѣрныя Вашего Величества попеченія о пользѣ общей учинили отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданнической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ Вашимъ и съ сей стороны должность моя исполнена точно такъ, какъ Вашему Величеству

---

[1]) См. данныя, собранныя Лонгиновымъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867, стр. 594.

[2]) „Сборникъ Ист. Общ.“ VIII. 386. XXXII. 11. 78. 98.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“. XXXVI. 156.

угодно. Я высочайшія Вашего Величества милости видѣлъ съ признаніемъ, вникалъ въ премудрыя Ваши узаконенія и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, наполняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ Вашего Величества усердіемъ. Я обязанъ служить Государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ благодарность моя тогда только изъявится въ своей силѣ, когда мнѣ для славы Вашего Величества удастся кровь пролить; сей случай представился въ настоящей войнѣ, и я не остался въ праздности. Теперь позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Величества и просить Высочайшаго повѣленія въ дѣйствительной должности при корпусѣ князя Прозоровскаго, въ какомъ званіи Вашему Величеству угодно будетъ, не включая меня навсегда въ военный списокъ, но только пока война продлится. Я, Всемилостивѣйшая Государыня, старался быть къ чему ни есть годнымъ въ службѣ Вашей; склонность моя особливо къ конницѣ, которой и подробности я смѣло утвердить могу, что знаю; впрочемъ, что касается до военнаго искусства, больше всего затвердилъ сіе правило, что ревностная служба къ своему Государю и пренебреженіе жизни бываютъ лучшими способами къ полученію успѣховъ. Вотъ, Всемилостивѣйшая Государыня, чему научила меня тактика и тотъ генералъ, при которомъ служить я прошу Вашего Высочайшаго повелѣнія. Вы изволите увидѣть, что усердіе мое въ службѣ Вашей наградитъ недостатки моихъ способностей и Вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ Вашемъ. Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ, Григорій Потемкинъ“ [1]).

„Квартира“ князя Прозоровскаго въ маѣ 1769-го года находилась на Днѣстрѣ, близъ Хотина. Тогда именно русское войско готовилось аттаковать эту крѣпость штурмомъ [2]). Вскорѣ начались удачныя дѣйствія Потемкина, произведеннаго

---

[1]) „Русская Старина“, XXIII. 716—717.

[2]) См. мнѣніе Прозоровскаго въ военномъ совѣтѣ 19 мая, въ соч. Петрова, „Война Россіи съ Турціей“ 1769—1774. С.-Петербургъ, 1866, I. 174.

въ генералъ-маіоры во время этого похода. Такъ напр. онъ отличился въ авангардномъ дѣлѣ подъ Хотинымъ (19-го іюня), далѣе при овладѣніи (2-го іюля) турецкими укрѣпленіями подъ Хотинымъ и (29 августа) въ сраженіи, въ которомъ верховный визирь, Молдаванджи-паша и крымскій ханъ были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство. Затѣмъ, когда Румянцевъ, въ качествѣ главнокомандующаго, замѣнилъ Голицына, въ самомъ началѣ 1770 года, Потемкинъ успѣшно участвовалъ въ сраженіи при Фокшанахъ (3—4 января) [1]; объ этомъ дѣлѣ императрица Екатерина упоминала въ составленномъ ею краткомъ хронологическомъ поречнѣ событій кампаніи противъ турокъ, причемъ однако этотъ фактъ по ошибкѣ отнесенъ ею къ декабрю 1769 года [2]. Далѣе Потемкинъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Браиловѣ (18 января), командовалъ отрядомъ, двинувшимся къ Букаресту, содѣйствовалъ генералу Штофельну въ овладѣніи Журжею (4 февраля), успѣшно преслѣдовалъ турокъ, бѣжавшихъ послѣ дѣла близъ Рябой Могилы, отличился въ сраженіи при Ларгѣ и Кагулѣ [3]), принималъ дѣятельное участіе въ занятіи Измаила [4]), поразилъ турокъ у рѣки Олты [5]), сжегъ городъ Цыбры, причемъ имъ было взято множество турецкихъ судовъ [6]).

Румянцевъ въ своей реляціи отъ 9 сентября 1770 года доносилъ о Потемкинѣ императрицѣ: „Ваше Величество видѣть соизволили, сколько участвовалъ въ дѣйствіяхъ своими ревностными подвигами генералъ-маіоръ Потемкинъ. Не зная, что есть быть побуждаемому на дѣло, онъ самъ искалъ отъ доброй своей воли вездѣ употребиться. Сколько сія причина, столько другая, что онъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ведемъ

---

[1]) См. подробности у Петрова, II. 40 и слѣд.

[2]) „Сб. И. Общ.“, XIII, 152.

[3]) Соловьевъ, „Ист. Россіи“ XXVIII, 117. Самойловъ („Р. Арх.“ 1867. 1000) замѣчаетъ, что Потемкинъ не принималъ участія въ Кагульской битвѣ.

[4]) Петровъ, II. 146.

[5]) „Архивъ Госуд. Совѣта“, I. 89.

[6]) Соловьевъ, XXVIII. 219. И объ этомъ событіи Екатерина упомянула въ вышеозначенномъ мѣстѣ, см. „Сб. И. Общ.“ XIII, 156.—См. также нѣкоторыя подробности у Бантышъ-Каменскаго „Біогр. р. генер.“ II. 60.

войну, съ примѣчаніемъ обращался и въ состояніи подать объясненіе относительно до нашего положенія и обстоятельствъ сего края, преклонили меня при настоящемъ концѣ кампаніи отпустить его въ С.-Петербургъ во удовольство его просьбы, чтобы пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“ [1]).

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о пребываніи Потемкина въ Петербургѣ между кампаніями 1770—1771 годовъ. Анекдотическіе разсказы, относящіеся къ этому времени, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Говорили, что Екатерина была недовольна Потемкинымъ за то, что онъ, будто-бы, насмѣхался надъ главнокомандующимъ, княземъ Голицынымъ, между тѣмъ какъ тотъ съ похвалою отзывался о Потемкинѣ [2]). Самойловъ пишетъ, что императрица благосклонно приняла пріѣхавшаго въ Петербургъ Потемкина, но завистники его успѣли устроить дѣло такимъ образомъ, что Потемкинъ не долго оставался въ столицѣ и скоро долженъ былъ вернуться въ армію. Достоенъ вниманія разсказъ, что Потемкинъ, черезъ библіотекаря императрицы Петрова и черезъ Ивана Перфильевича Елагина, пользовавшагося довѣріемъ Екатерины, испросилъ дозволеніе писать къ ней и получать черезъ нихъ словесные ея отвѣты. Карабановъ, передающій этотъ фактъ, прибавляетъ: „Съ любопытствомъ прочитывая всѣ письма, она видѣла, съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъясняется онъ насчетъ ея особы, сперва приказывала словесные отвѣты, а потомъ сама принялась за перо и вела съ нимъ переписку“ [3]).

Мы увидимъ, что въ позднѣйшее время войны, а именно въ 1773-мъ году, Екатерина, дѣйствительно, переписывалась съ Потемкинымъ. Вѣроятно также, что она неоднократно бесѣдовала о немъ съ Елагинымъ и Петровымъ.

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1865. II, отд. 2. стр. 112.

[2]) См. разсказъ Самойлова въ Р. Арх.“ 1867, 998, гдѣ приводится донесеніе Голицына, въ которомъ сказано, что русская конница „до сего времени еще не дѣйствовала съ такою стройностью и мужествомъ, какъ подъ командою генералъ-маіора Потемкина“.

[3]) „Р. Старина“, V. 466.

Уѣзжающему въ армію въ началѣ 1771 г. Потемкину императрица поручила купить для нея турецкую лошадь. Объ исполненіи этого порученія писалъ Румянцевъ къ графу Н. И. Панину осенью 1771 года [1]).

Такъ какъ изложеніе участія Потемкина въ военныхъ дѣйствіяхъ выходитъ изъ рамки нашего очерка, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые подвиги его. Онъ участвовалъ между прочимъ въ дѣлахъ при Красовѣ и Турно въ 1771 г., въ военныхъ операціяхъ близъ Силистріи въ 1772 году, находился вмѣстѣ съ Орловымъ въ Фокшанахъ во время переговоровъ, происходившихъ въ этомъ мѣстечкѣ, въ 1773 году поразилъ турецкую конницу въ сраженіи у Силистріи и проч. [2]).

Не особенно выгоденъ отзывъ кн. Ю. В. Долгорукаго, участвовавшаго въ этой послѣдней кампаніи и находившагося при Потемкинѣ близъ Силистріи: „Какъ у Потемкина никогда ни въ чемъ порядку не было, а графъ Румянцевъ его весьма уважалъ по его связямъ у Двора“ и пр. [3]).

Достойно вниманія то обстоятельство, что въ началѣ 1773 года, когда императрица настаивала на переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай, а Румянцевъ писалъ ей о неудобствахъ такого дѣйствія, Потемкинъ находился въ числѣ тѣхъ генераловъ, которые говорили противъ мнѣнія Екатерины [4]). Послѣдняя, сообщая Вольтеру въ іюнѣ 1773 года о военныхъ дѣйствіяхъ, упоминала о подвигахъ Потемкина [5]). Нѣсколько позже, осенью, узнавъ черезъ Румянцева о смѣлыхъ военныхъ дѣлахъ Потемкина у Силистріи [6]), Екатерина собственноручно писала Потемкину 4 декабря 1773 года: „Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ. Вы, я чаю, столь упражнены глазѣньемъ на Силистрію, что вамъ некогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предуспѣла-ли ваша

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, IX. 427.

[2]) См. между прочимъ разсказъ Самойлова; подробности въ сочиненіи Петрова.

[3]) Р. Старина (1889) т. LX, стр. 503.

[4]) Соловьевъ, XXIX. 11.

[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XIII, 343.

[6]) „Сб. Ист. Общ.“, XIII, 374.

бомбардирада, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предпріемлете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я весьма желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу по пустому не вдаваться въ опасности. Вы, читавъ сіе письмо, можетъ-статься, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей объ васъ, ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна".

„Екатерина".

„Декабря 4 числа 1773 г."

„Скажите и бригадиру Павлу Потемкину спасибо за то, что онъ хорошо турокъ принялъ и угостилъ, когда они пришли за тѣмъ, чтобъ у васъ батарею испортить на острову".

Адресъ этого письма писанъ рукою-же императрицы: „Григорію Александровичу Потемкину" [1]).

Расположеніе Екатерины къ Потемкину предвѣщало важную перемѣну въ жизни послѣдняго.

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XIII. 373.

II.

Потемкинъ въ 1774—1776 гг.

Въ продолженіе 1774 года Потемкинъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ уже въ началѣ этого года прибылъ въ Петербургъ. О времени его пріѣзда и о подробностяхъ его путешествія въ столицу мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній [1]).

Самойловъ разсказываетъ, что Потемкинъ отправился изъ арміи въ Петербургъ „съ тѣмъ, чтобы не чрезъ чье-либо посредство, но прямымъ путемъ представить монархинѣ основательныя соображенія свои“, что онъ, прибывъ въ столицу въ январѣ 1774 года, остановился въ домѣ зятя своего, Н. Б. Самойлова, и вскорѣ послѣ пріѣзда, чрезъ посредство Григорія Орлова, видѣлся съ императрицею въ Царскомъ Селѣ. Самойловъ сообщаетъ далѣе, что императрица дозволила ему написать къ ней письмо съ просьбою о пожалованіи его въ генералъ-адъютанты. Сдѣлавъ это, Потемкинъ вскорѣ получилъ собственноручный отвѣтъ, въ которомъ Екатерина, исполняя его просьбу, хвалила его за то, что онъ

---

[1]) Въ XIII томѣ „Сборника Имп. И. О.“, стр. 363, помѣщенъ рескриптъ на имя генералъ-маіора Кара. Редактору этого тома, Я. К. Гроту, какъ кажется, принадлежитъ замѣчаніе въ надписи, что этотъ рескриптъ (отъ 10 октября 1773 г.) писанъ рукою Потемкина. Возможно-ли это? Могъ-ли въ это время Потемкинъ находиться въ Петербургѣ? Очевидно, тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Можно-ли утверждать, какъ то дѣлаетъ комментаторъ на стр, 395, что Потемкинъ былъ вызванъ письмомъ Екатерины отъ 4 декабря 1773 г.? Въ письмѣ отъ 4 декабря не заключалось приглашенія въ Петербургъ.

писалъ прямо къ ней, а не искалъ повышенія побочными путями [1]).

Все это шло чрезвычайно быстро. Уже 1 марта 1774 года императрица могла сообщить Бибикову о назначеніи Потемкина генералъ-адъютантомъ. „Какъ онъ думаетъ", сказано въ этомъ письмѣ, „что вы, любя его, тѣмъ обрадуетеся, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что, по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ, не много для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіе трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу [2]). 15 марта она писала къ Бибикову: „Друга вашего Потемкина весь городъ опредѣляетъ быть подполковникомъ въ полку Преображенскомъ. Весь городъ часто лжетъ, но сей разъ я весь городъ во лжи не оставлю, и вѣроятіе есть, что тому быть такъ" [3]).

Поспѣшивъ затѣмъ удалить Васильчикова, осыпаннаго при удаленіи разными милостями, императрица въ своихъ письмахъ къ барону Гримму неоднократно въ это время весьма выгодно отзывалась о Потемкинѣ. Такъ напр. она писала 19 іюля 1774 года: „Генералъ Потемкинъ болѣе въ модѣ, чѣмъ многіе другіе, и смѣшитъ меня такъ, что я держусь за бока". Въ другомъ письмѣ, отъ 14 іюля: „я удалилась отъ нѣкоего прекраснаго, но очень скучнаго гражданина [4]), который тотчасъ-же былъ замѣщенъ, не знаю сама, какъ это случилось, однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ и забавныхъ оригиналовъ сего желѣзнаго вѣка". Сообщая Гримму въ письмѣ отъ 8 августа, что у нея въ работѣ постельное одѣяло для

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Біогр." II. 61, 62, сообщаетъ оба письма дословно; ссылка: „Изъ портфелей Миллера, хранящихся въ моск. архивѣ мин. ин. д.". У Самойлова („Р. Арх." 1867, 1018) выписка изъ рескрипта императрицы, по содержанію схожая съ документомъ, сообщеннымъ Бантышъ-Каменскимъ. Тутъ однако рождается вопросъ: почему это письмо Екатерины не издано въ XIII томѣ „Сборника Ист. Общества"? Вѣдь тамъ-же изданы бумаги Екатерины, хранящіяся въ государственномъ архивѣ. Неужели не были приняты въ соображеніе „портфели Миллера"?

[2]) „Сб. И. О." XIII. 395.

[3]) „Сб. И. О.", XIII. 396.

[4]) Васильчикова.

ея собачки и что Потемкинъ собирается украсть это одѣяло для себя, Екатерина прибавляетъ: „О, какая славная голова у этого человѣка! Онъ болѣе чѣмъ кто-либо участвовалъ въ заключеніи этого мира [1]), и эта голова забавна какъ дьяволъ,“ и проч. [2]).

Карьера Потемкина надѣлала много шуму. Жена новгородскаго губернатора Сиверса, находившаяся въ это время въ столицѣ, писала мужу 31 марта: „Новый генералъ-адъютантъ дежуритъ постоянно вмѣсто всѣхъ другихъ... Говорятъ, онъ очень скроменъ и пріятенъ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 3 апрѣля: „Пока онъ живетъ у Елагина“. Далѣе 10 апрѣля: „Покои для новаго генералъ-адъютанта готовы, и онъ занимаетъ ихъ; говорятъ, что они великолѣпны“. 17 апрѣля: „Потемкина хвалятъ; онъ состоитъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Панину, который когда то, въ опасное время, спасъ его отъ происковъ Орловыхъ и отправилъ его съ какимъ-то порученіемъ въ Швецію. Я часто вижу Потемкина, мчащагося по улицѣ шестернею“. Въ письмѣ отъ 28 апрѣля г-жа Сиверсъ разсказываетъ о посѣщеніи императрицею театра: „Потемкинъ былъ въ ложѣ; съ нимъ бесѣдовали (т.-е. императрица бесѣдовала) много во все время представленія; онъ пользуется большимъ довѣріемъ; говорятъ, что онъ отличается щедростью“. 9 мая: „Недавно Потемкинъ сдѣлался членомъ государственнаго совѣта; это маленькая пощечина для Брюса, который не принадлежитъ къ этому собранію“, и проч. [3]).

Фонъ-Визинъ 20 марта писалъ къ Обрѣзкову въ Букарештъ: „Здѣсь у двора примѣчательнаго только то, что г. камергеръ Васильчиковъ высланъ изъ дворца, и генералъ-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и въ Преображенскій полкъ подполковникомъ. Sapienti sat“ [4]).

---

[1]) Кучукъ-кайнарджійскаго.

[2]) „Сб. Ист. О.“ XIII. 409, 416, 432, 439. Тѣ же письма еще разъ изданы въ XXIII томѣ, стр. 4, 6, 9.

[3]) Blum, „Ein russischer Staatsmann“, II. 20—24.

[4]) „P. Арх.“ 1865. 851.

По поводу возвышенія Потемкина Петръ Ив. Панинъ въ письмѣ къ одному пріятелю замѣтилъ (7 марта 1774 года): „Мнѣ представляется, что сей новый актеръ станетъ роль свою играть съ великою живностью и со многими перемѣнами, если только утвердится“ [1]).

Также и иностранцы-дипломаты зорко слѣдили за перемѣною, происшедшею при русскомъ дворѣ. Такъ, напр., прусскій посланникъ, графъ Сольмсъ, доносилъ 15 марта: „По-видимому Потемкинъ съумѣетъ извлечь пользу изъ расположенія къ нему императрицы и сдѣлается самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи. Молодость, умъ и положительность доставятъ ему такое значеніе, какимъ не пользовался даже Орловъ... Графъ Алексѣй Орловъ намѣренъ отправиться въ Архипелагъ раньше, чѣмъ предполагалъ, а князь Григорій Григорьевичъ, какъ говорятъ, высказываетъ желаніе уѣхать путешествовать заграницу. Потемкинъ никогда не жилъ между народомъ, а потому не будетъ искать въ немъ друзей для себя и не будетъ бражничать съ солдатами. Онъ всегда вращался между людьми съ положеніемъ; теперь онъ, кажется, намѣренъ дружиться съ ними и составить партію изъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянству и знати. Говорили, что онъ не хорошъ съ Румянцевымъ, но теперь я узналъ, что, напротивъ того, онъ друженъ съ нимъ и защищаетъ его отъ тѣхъ упрековъ, которые ему дѣлаютъ здѣсь“ [2]).

Вопросъ объ отношеніи Потемкина къ Орловымъ, Панину и другимъ вельможамъ казался весьма важнымъ. Въ средѣ иностранцевъ въ то время передавали слѣдующій анекдотъ. Однажды Потемкинъ подымался по дворцовой лѣстницѣ, направляясь въ покои государыни, а князь Орловъ спускался по той же лѣстницѣ, направляясь къ себѣ домой. Первый изъ нихъ, чтобы не казаться смущеннымъ, обратился къ своему предшественнику съ привѣтствіемъ и, не зная, что сказать, спросилъ его: „Что новаго при дворѣ?“ Князь Орловъ

---

[1]) „Р. Стар.“ VIII. 343.
[2]) „Р. Архивъ“ 1873, 126—127.

холодно отвѣтилъ: „Ничего, только вы подымаетесь, а я иду внизъ“ [1]).

Особенно часто и подробно говорилось въ это время о Потемкинѣ въ депешахъ англійскаго дипломата Гуннинга. Такъ напр. онъ писалъ 4 марта: „Васильчиковъ, способности котораго были слишкомъ ограничены для пріобрѣтенія вліянія въ дѣлахъ и довѣрія своей государыни, теперь замѣненъ человѣкомъ, обладающимъ всѣми задатками для того, чтобы владѣть и тѣмъ и другимъ въ высочайшей степени. Выборъ императрицы равно не одобряется какъ партіей великаго князя, такъ и Орловыми [2])... Это — Потемкинъ, прибывшій сюда съ мѣсяцъ тому назадъ изъ арміи, гдѣ онъ находился во все время продолженія войны, и гдѣ, какъ я слышалъ, его терпѣть не могли... Онъ громаднаго роста, непропорціональнаго сложенія, и въ наружности его нѣтъ ничего привлекательнаго. Судя по тому, что я объ немъ слышалъ, онъ, кажется, знатокъ человѣческой природы и обладаетъ бо̀льшей проницательностью, чѣмъ вообще выпадаетъ на долю его соотечественниковъ, при такой-же, какъ у нихъ, ловкости для веденія интригъ и гибкости, необходимой въ его положеніи, и хотя распущенность его нрава извѣстна, тѣмъ не менѣе онъ единственное лицо, имѣющее сношенія съ духовенствомъ“. Въ концѣ апрѣля Гуннингъ доносилъ: „Весь образъ дѣйствій Потемкина доказываетъ совершенную увѣренность въ прочности его положенія. Онъ пріобрѣлъ сравнительно со всѣми своими предшественниками гораздо бо̀льшую степень власти и не пропускаетъ никакого случая заявить это. Недавно онъ собственною властью и вопреки сенату распорядился винными откупами невыгоднымъ для казны образомъ“. Въ письмѣ отъ 16 мая говорится: „Г. Потемкинъ продолжаетъ поддерживать величайшую дружбу съ г. Панинымъ и дѣлаетъ видъ, что руководится въ совѣтѣ исключительно его мнѣніями; въ тѣ дни, когда происходятъ

---

[1]) „Зап. Гордта“, въ „Др. и н. Россіи“ 1880. III. 526.

[2]) См. анекдотъ о бесѣдѣ Екатерины съ Орловымъ, записанный М. С. Воронцовымъ въ Арх. кн. Воронцова ст. XXIII. Приложеніе стр. 21.

засѣданія, онъ отдѣляется отъ прочихъ членовъ и держитъ сторону г. Панина". 13 іюня: „Потемкинъ назначенъ товарищемъ графа Захара Чернышева по военной коллегіи. Это было ударомъ для послѣдняго... Принимая въ соображеніе характеръ человѣка, котораго императрица такъ возвышаетъ и въ чьи руки она, какъ кажется, намѣревается передать бразды правленія, можно опасаться, что она сама для себя изготовитъ цѣпи, отъ которыхъ ей впослѣдствіи нелегко будетъ освободиться. Послѣднее ея распоряженіе озаботило Орловыхъ больше, чѣмъ все предыдущее. По этому поводу между ней и княземъ (Орловымъ) произошло нѣчто болѣе простаго объясненія, а скорѣе горячее столкновеніе, что̀, какъ говорятъ, разстроило ее до такой степени, какъ еще никогда не видали, а его привело къ рѣшенію предпринять путешествіе тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы" и проч.

И въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ Гуннинга говорится о лишеніи Чернышева Потемкинымъ всякаго вліянія, о соперничествѣ между нимъ и графомъ Орловымъ, о наградахъ, которыми императрица осыпала фаворита, и проч. 12 апрѣля Гуннингъ писалъ „секретно и конфиденціально": „Насколько я могу судить на основаніи немногихъ случаевъ, встрѣтившихся мнѣ для разговора съ нимъ, мнѣ кажется, что онъ не обладаетъ тѣми качествами и способностями, которыя обыкновенно приписывались ему, но, напротивъ того, проявляетъ большое легкомысліе и пристрастіе къ самымъ пустымъ развлеченіямъ". Въ одномъ изъ своихъ донесеній Гуннингъ писалъ, что Потемкинъ нисколько не заботится о вопросахъ внѣшней политики; нѣсколько позже онъ разсказывалъ, что Потемкинъ въ Государственномъ Совѣтѣ предлагалъ воспользоваться безпорядками въ Персіи, между тѣмъ какъ Панинъ рѣзко и энергично возражалъ ему, утверждая, что не должно вмѣшиваться въ чужія дѣла, такъ что Потемкинъ прервалъ пренія съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. Вообще, англійскіе дипломаты доносили о постоянно возрастающемъ вліяніи Потемкина. Въ октябрѣ Гуннингъ писалъ изъ Москвы: „При назначеніи путешествія императрицы въ Ко-

ломну въ будущее воскресенье, было позабыто о томъ, что въ слѣдующую среду именины графа Потемкина, вспомнивъ о чемъ ея величество отложила на нѣкоторое время предполагаемую свою поѣздку, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ день графъ могъ принимать поздравленія дворянства и всѣхъ сословій, причемъ ей угодно было подарить ему сто тысячъ рублей", и проч. 5 февраля 1776 года Ричардъ Оксъ писалъ: „Вліяніе Потемкина, безъ сомнѣнія, достигло своего меридіана безъ малѣйшихъ признаковъ уменьшенія", а въ мартѣ онъ сообщалъ, что вниманіе, оказанное Екатериною князю Орлову во время болѣзни послѣдняго, подало поводъ „къ нѣкоторому горячему объясненію" между императрицею и Потемкинымъ. Далѣе сказано: „Хотя Потемкинъ пользуется въ настоящую минуту полною властью, многіе подъ секретомъ предсказываютъ его паденіе, какъ событіе весьма недалекое. Но я думаю, что это слѣдуетъ скорѣе объяснить всеобщимъ къ тому желаніемъ, чѣмъ какими-либо положительными признаками. Доказательствомъ дурнаго мнѣнія о его характерѣ служитъ то обстоятельство, что весьма многіе повѣрили слуху (совершенно неосновательному) о томъ, будто-бы онъ отравилъ князя Орлова. Правда, что зависть его ко всякому, кто пользуется малѣйшимъ отличіемъ императрицы, чрезмѣрна и, какъ кажется, выражается такимъ образомъ и при такихъ случаяхъ, которые не могутъ быть пріятны императрицѣ, а напротивъ способны только внушить ей отвращеніе" и проч. [1]).

Въ донесеніи другаго дипломата въ сентябрѣ 1774 года сказано: „Потемкинъ устранилъ всѣхъ лицъ, казавшихся ему опасными; этимъ возвышается его сила. Онъ никѣмъ не любимъ; всѣ его боятся" [2]).

Довольно часто и подробно о Потемкинѣ говорится въ это время въ письмахъ статсъ-дамы графини Е. М. Румянцовой къ мужу. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ (20 марта 1774 г.): „Много новизны; сколько новаго пере-

[1]) „Сб. Ист. Общ." XIX. 405—513.
[2]) Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats". V. 678.

мѣнилося по пріѣздѣ Григорія Александровича... все странною манерою идетъ... Онъ всѣхъ ищетъ дружбы. Александръ Семенычъ (Васильчиковъ) вчерась съѣхалъ изъ дворца къ брату своему на дворъ... Ежели Потемкинъ не отбояритъ пяти братовъ (Орловыхъ), такъ опять имъ быть великимъ. Правда, что онъ уменъ и можетъ взяться такою манерою, только для него одинъ пунктъ тяжелъ, что великій князь не оченъ любитъ, и по сю пору съ нимъ ничего не говоритъ". Въ другихъ письмахъ сказано о пожалованіи Потемкину большихъ имѣній. 2 февраля 1776 г. графиня писала: „Григорій Александровичъ по наружности такъ великъ, великъ, что̀ захочетъ, то сдѣлаетъ... онъ совсѣмъ другую жизнь ведетъ; вечера у себя въ карты не играетъ, а всегда тамъ прослуживаетъ; у насъ же на половинѣ такія атенціи въ угодность дѣлаетъ, особливо по полку, что даже на покупку лошадей денегъ своихъ прислалъ 4000 р. и ходитъ съ представленіями, какъ мундиры перемѣнять и какъ дѣлать и все на апробацію; вы его бы не узнали, какъ онъ нонеча учтивъ предо всѣми. Веселымъ всегда и говорливымъ дѣлается; видно, что сіе притворное только; со всѣмъ тѣмъ, что бы онъ ни хотѣлъ и ни попросилъ, то конечно не откажутъ" [1]).

О занятіяхъ Потемкина дѣлами, во время его „случая", т.-е. до 1776 года, сохранилось немного данныхъ. По разсказу Самойлова, Потемкинъ убѣдилъ Екатерину въ неудобствѣ стѣсненія фельдмаршала графа Румянцева подробными инструкціями и въ необходимости предоставленія ему бо̀льшаго простора какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и въ переговорахъ о мирѣ; вообще же Потемкинъ, какъ сообщаетъ Самойловъ, оказывалъ вліяніе на ходъ военныхъ операцій распоряженіемъ объ отправленіи новыхъ полковъ на театръ дѣйствій; далѣе, онъ участвовалъ въ принятіи мѣръ для борьбы съ Пугачевымъ; а затѣмъ, „по соображеніямъ Григорія Александровича", была уничтожена Запорожская Сѣчь [2]).

---

[1]) См. „Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу" (изд. гр. Д. А. Толстымъ). Спб. 1888, стр. 188—201.

[2]) „Р. Арх.", 1867 г. 1018—1027.

Въ Государственномъ Совѣтѣ, членомъ котораго былъ назначенъ Потемкинъ, онъ, какъ видно изъ протоколовъ этого собранія, нерѣдко участвовалъ въ преніяхъ. Такъ, напр., онъ дѣлалъ предложенія о размѣщеніи войскъ въ Крыму, подавалъ свое мнѣніе въ вопросахъ финансоваго управленія, сообщалъ свои соображенія о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Портою послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира и проч. [1]). Сохранились докладныя записки Потемкина о мѣропріятіяхъ по поводу волненій въ крестьянскомъ сословіи, о раздачѣ наградъ разнымъ лицамъ, съ замѣчаніями Екатерины на поляхъ [2]). Также сохранилось нѣкоторое число краткихъ записокъ императрицы къ Потемкину, относящихся къ этому времени и заключающихъ въ себѣ разныя замѣчанія о текущихъ дѣлахъ. Въ нѣкоторыхъ запискахъ говорится о безпорядкахъ, состоявшихъ въ связи съ Пугачевщиною, объ отправленіи войскъ въ юговосточную Россію, объ участіи Суворова въ поимкѣ Пугачева и проч. Обо всемъ этомъ говорится какъ бы мимоходомъ, въ тонѣ шутки; въ этихъ запискахъ Екатерина называетъ Потемкина то „monseigneur“, то „батенькою“ и проч. [3]). Какъ кажется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Потемкинъ имѣлъ вліяніе на дѣла. Такъ, напр., послѣ кончины Бибикова, отправленнаго на востокъ для усмиренія Пугачевскаго бунта, весь составъ штаба войскъ былъ распущенъ по желанію фаворита [4]). Кругъ дѣятельности его, послѣ назначенія его въ товарищи Чернышеву, начальникомъ военной коллегіи, сдѣлался весьма широкимъ [5]). Державинъ неоднократно обращался къ Потемкину, какъ къ своему начальнику, съ просьбою объ исходатайствованіи наградъ за его подвиги во время Пугачевщины, и Потемкинъ составлялъ по этому предмету докладныя записки [6]). Въ документахъ

---

[1]) „Арх. Гос. Сов“, I. 296, 301, 308, 326.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 17—21.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“ XIII. 403, 407, 412, 419—420, 436, 446.

[4]) Гротъ, Державинъ, VIII. 126.

[5]) Такъ, напр., рескриптъ о назначеніи 4 авг. 1774 г. графа С. Р. Воронцова въ бригадиры подписанъ Чернышевымъ и Потемкинымъ. См. „Арх. кн. Воронцова“, XXVIII. 64.

[6]) Гротъ, Державинъ, V. 269, 271, 293.

Государственнаго Совѣта и въ рескриптахъ императрицы уже лѣтомъ 1774 года говорится о Потемкинѣ, какъ о „главномъ командирѣ“ или даже о „генералъ-губернаторѣ Новороссійской губерніи“ [1]). Въ этой должности онъ, между прочимъ, писалъ (16 іюля 1774 г.) къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому о дѣлахъ по ввѣренной ему губерніи [2]); однако, какъ кажется, управленіе южною Россіею въ это время не обременяло Потемкина сложными и тяжелыми заботами.

Разумѣется, возвышеніе Потемкина было сопряжено съ матеріальными выгодами и почестями всякаго рода. Не говоря уже о щедрости Екатерины въ отношеніи къ денежнымъ наградамъ, мы упоминаемъ о великолѣпной, украшенной драгоцѣнными каменьями, иконѣ, которою императрица благословила его при назначеніи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ [3]). Въ одной изъ записокъ Екатерины къ Потемкину, относящихся къ этому времени, сказано: „Изволь самъ сказать или написать къ Елагину, чтобъ сыскалъ и купилъ и устроилъ домъ по твоей угодности. И я ему также подтвержу“ и проч. Въ другой запискѣ говорится [4]): „Послушай, другъ мой; твое письмо повело бы къ длиннымъ разсужденіямъ, если-бы я пожелала отвѣтить на него подробно, но я выбрала изъ него два существенныхъ пункта: во-первыхъ, касательно дома Аничкова; въ Москвѣ же требовали четыреста тысячъ рублей; это огромная сумма, которую я и не знала бы, гдѣ достать, но пусть Елагинъ спроситъ о цѣнѣ; можетъ быть, онъ и дешевле: это домъ необитаемый и грозящій разрушеніемъ; съ одной стороны вся стѣна въ трещинахъ; содержаніе и возстановленіе обойдутся, я думаю, недешево“ и проч. [5]).

По случаю празднованія кучукъ-кайнарджійскаго мира Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство, полу-

---

[1]) „Арх. Гос. Сов.“ II. 220. „Сб. И. О.“ XIII. 418.
[2]) „Зап. Од. Общ.“ VIII. 191.
[3]) „Зап. Одесск. Общ.“ X. 418.
[4]) Эта записка на французскомъ языкѣ.
[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 80 и 90.

чилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами и портретъ императрицы, осыпанный брилліантами для ношенія на груди на андреевской лентѣ; далѣе, онъ удостоился андреевской ленты и ордена св. Георгія. По его же просьбѣ императрица разрѣшила ему, въ качествѣ новороссійскаго генералъ-губернатора, имѣть штатъ наравнѣ со штабомъ малороссійскаго генералъ-губернатора [1]).

Далѣе императрица позаботилась о доставленіи Потемкину заграничныхъ знаковъ отличія. Король польскій препроводилъ ему орденъ Бѣлаго Орла и св. Станислава; Фридрихъ Великій поручилъ брату своему Генриху возложить на Потемкина ленту Чернаго Орла; датскій король прислалъ орденъ Слона, шведскій—орденъ Серафима [2]). Все это сильно занимало Екатерину. Она сама написала черновую письма Потемкина къ принцу Генриху по поводу полученія андреевскаго ордена [3]). Въ украшеніи Потемкина орденомъ Чернаго Орла иностранцы видѣли попытку прусскаго короля задобрить императрицу [4]). Датскій министръ, Бернсторфъ, отправляя къ Потемкину орденъ Слона, въ частномъ письмѣ убѣдительнѣйше просилъ фаворита содѣйствовать сохраненію дружескихъ сношеній между Россіей и Даніей [5]).

Достойно вниманія слѣдующее „секретное“ письмо императрицы къ князю Д. М. Голицыну, русскому послу въ Вѣнѣ (отъ 13-го января 1776 г.): „Я вамъ чрезъ сіе предписываю и прошу всячески стараться, и буде за нужное разсудите, то дозволяю вамъ адресоваться прямо къ его величеству императору римскому именемъ моимъ и изъявить сему государю, что высокія его качества и всѣ въ разныя времена доходящіе сентименты его величества о Россіи и о особѣ моей возбудили во мнѣ довѣренность таковую, что приняла

---

[1]) Рескриптъ отъ 16 января 1775 года. „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 26.
[2]) Бантышъ-Каменскій, II. 64.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 16.
[4]) „Minerva“, 1797. III. 116. См. также донесеніе Окса въ „Сб. Ист. Общ.“ XIX. 514.
[5]) „Minerva“, 1797. III. 116—117.

намѣреніе къ нему прямо производить просьбу, которая персонально меня много интересуетъ, а именно, чтобъ его величество удостоилъ генерала графа Григорія Потемкина, много мнѣ и государству служащаго, дать Римской Имперіи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту. Поручаю сіе дѣло вашему прилежному попеченію самолично; вы о семъ ни съ кѣмъ, окромѣ со мною, не имѣете производить переписку, а что будетъ о томъ, мнѣ донесете прямо, надписывая въ собственныя руки [1]).

Желаніе императрицы вскорѣ было исполнено. Въ мартѣ 1776 года былъ доставленъ Потемкину дипломъ на княжеское достоинство [2]). Разсказывали, впрочемъ, что Іосифъ II, изъявляя готовность исполнить желаніе Екатерины, указалъ на разные случаи отказа въ дарованіи этого титула [3]). Что касается шведскаго Серафимскаго ордена, то король Густавъ III, какъ передавали въ то время въ средѣ дипломатовъ, сначала не хотѣлъ пожаловать Потемкина кавалеромъ этого ордена, такъ что приходилось подѣйствовать на него, для достиженія этой цѣли, чрезъ французскаго посланника въ Стокгольмѣ [4]). Замѣтимъ кстати, что нѣсколько позже, во время пребыванія въ Россіи англійскаго дипломата Геррриса, Потемкинъ домогался англійскаго ордена Подвязки, и Геррисъ ходатайствовалъ объ этомъ передъ королемъ Георгомъ III. Послѣдній-же не только не удостоилъ Потемкина этой чести, но даже сдѣлалъ выговоръ Геррису за такую просьбу [5]).

Не безъ основанія какъ тогда, такъ и послѣ иностранные дипломаты передавали другъ другу разныя анекдотическія черты неограниченнаго честолюбія Потемкина; разсказы-

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1878. I. 18.

[2]) См. собственноручный рескриптъ императрицы Потемкину о дозволеніи ему принять это достоинство. „Сб. Ист. Общ.“ XXVII. 77.

[3]) „Minerva“, 1797. III. 113.

[4]) „Minerva“, 1797. III. 117.

[5]) См. письмо графа С. Р. Воронцова къ А. Р. Воронцову 12 іюля 1801 г.: „Le roi non seulement n'y a pas consenti, mais en a été très choqué et a ordonné qu'on fît une bonne savonnade à Harris“ („Арх. Кн. Вор.“, X. 110).

вали, напримѣръ, что въ 1775 году онъ мечталъ о польской коронѣ [1]). Какъ бы то ни было, честолюбіе фаворита находило обильную пищу въ раболѣпствѣ, съ которымъ относились къ нему люди разныхъ сословій, не исключая самыхъ знатныхъ вельможъ.

Тотъ-же самый университетъ московскій, который исключилъ Потемкина изъ числа своихъ студентовъ, восхвалялъ его въ латинскихъ виршахъ, сочиненныхъ нѣкіимъ Гумилевскимъ. Стихотвореніе это имѣетъ заглавіе: „Illustrissimo Comiti Grigorio Alexandridi de Potemkin hoc grati animi sui documentum offert Academia Mosquensis“ [2]). Безбородко, поздравляя Потемкина съ возвышеніемъ, просилъ его хадатайства для полученія разныхъ наградъ [3]). Завадовскій, который немного позже сдѣлался нѣкоторымъ образомъ соперникомъ Потемкина, для себя или для графа Семена Романовича Воронцова просилъ Потемкина о покровительствѣ [4]). Князь С. Голицынъ, узнавъ о возвышеніи Потемкина, писалъ ему между прочимъ: „Этотъ постъ, можно сказать, вамъ давно уже принадлежалъ“ [5]). Разныя духовныя лица, напримѣръ московскій архіепископъ Платонъ, митрополитъ петербургскій Гавріилъ, архіепископъ псковскій и проч., обращались къ Потемкину съ письмами, въ которыхъ поздравляли его съ разными наградами [6]). Протоіерей Алексѣевъ поднесъ ему сочиненный имъ „Церковный Словарь“ [7]). Писатели, какъ Сумароковъ и Херасковъ, восхваляли его, какъ мецената [8]). Гренадеры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, участвовавшіе въ государственномъ переворотѣ 1762 года, обратились къ

---

[1]) См. донес. Фёлькерзама, гдѣ указано на разговоръ Панина съ Деболи. Herrmann, Ergänzungsband, стр. 107.

[2]) Печатный экземпляръ этихъ стиховъ хранится въ Публ. Библ. въ Петербургѣ.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI. 279.

[4]) Письмо Завадовскаго въ „Арх. Кн. Воронцова“, XII. 2—3. Г. Бартеневъ полагаетъ, что оно писано Завадовскимъ для С. Р. Воронцова.

[5]) Лебедевъ, „Графы Панины“, стр. 111.

[6]) „Р. Арх.“, 1878. III. 20.

[7]) „Р. Арх.“, 1863, 603.

[8]) „Р. Арх.“, 1879. III. 26.

Потемкину съ просьбою наградить ихъ за услугу, оказанную императрицѣ при этомъ случаѣ [1]). Даже графъ Алексѣй Орловъ писалъ къ Потемкину изъ Пизы въ это время въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ [2]).

Что касается личныхъ отношеній Потемкина къ вельможамъ, то мы видѣли выше, что онъ сначала угождалъ Панину, но старался дѣйствовать противъ Григорія Орлова. Впрочемъ разсказы современниковъ-наблюдателей объ интригахъ Потемкина основаны лишь на сплетняхъ и не заслуживаютъ особеннаго вниманія [3]). Такъ, напримѣръ, въ то время, когда въ средѣ иностранцевъ говорили о враждѣ между графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и Потемкинымъ, въ болѣе достовѣрныхъ источникахъ встрѣчаются противоположныя данныя [4]).

О ненависти Сиверса къ Потемкину въ это время мы узнаемъ изъ письма Сиверса къ императрицѣ, въ которомъ онъ порицалъ равнодушіе его къ благу имперіи и указывалъ на его неспособность заниматься дѣлами. Екатерина отвѣчала Сиверсу: „Ревность продиктовала ваше письмо, которое я сожгла“ [5]). Въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ о невниманіи и недоброжелательствѣ къ нему Потемкина въ первое время возвышенія, о неудачной карьерѣ, причиною которой были интриги Потемкина; при этомъ замѣчено, что С. Р. Воронцовъ при Силистріи оказалъ Потемкину существенную услугу—и образъ дѣйствій Потемкина свидѣтельствовалъ о неблагодарности его [6]).

Нельзя удивляться, что при столь высокомъ положеніи

---

[1]) „P. Арх.“, 1880. II. 148–150.

[2]) „P. Арх.“, 1876. II. 5.

[3]) „Minerva“, 1797. II. 452.

[4]) „Russische Günstlinge“, 217; совсѣмъ иныя данныя встрѣчаются въ сочиненіи Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“, I. 357 и 358.

[5]) Blum, II. 128.

[6]) „Арх. Кн. Воронцова“, VIII. 13—16. Болѣе выгодный отзывъ о Потемкинѣ въ письмѣ С. Р. Воронцова къ отцу въ 1775 г. „Арх. Кн. Воронцова“, XVI. 134.

Потемкина у него были недоброжелатели, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе его паденія. Такъ, напримѣръ, Гуннингъ доносилъ графу Суффольку 1-го января 1776 года: „Если вѣрить свѣдѣніямъ, недавно мною полученнымъ, императрица начинаетъ совсѣмъ иначе относиться къ вольностямъ, которыя позволяетъ себѣ ея любимецъ. Отказъ графа Алексѣя Орлова отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей до того оскорбилъ ее, что она захворала, и при этомъ до нея въ первый разъ дошли преобладающіе въ обществѣ слухи. Уже поговариваютъ изподтишка, что нѣкоторое лицо, опредѣленное ко двору Румянцевымъ, повидимому скоро пріобрѣтетъ полное ея довѣріе“ [1]).

Слухъ объ удаленіи Потемкина основывался на томъ фактѣ, что Румянцевъ въ декабрѣ 1775 года, по просьбѣ императрицы, рекомендовалъ ей для занятія секретарской должности при ея кабинетѣ Завадовскаго и Безбородко.

Молва о предстоявшей перемѣнѣ въ судьбѣ Потемкина не была лишена основанія. Его значеніе обусловливалось исключительно личнымъ расположеніемъ къ нему императрицы. Множество записокъ Екатерины къ Потемкину даетъ намъ возможность заглянуть, такъ сказать, въ закулисную исторію личныхъ отношеній между Потемкинымъ и императрицею. Матеріалъ этотъ въ высшей степени интересенъ не только въ историческомъ, но и въ психологическомъ отношеніи.

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XIX. 509

III.

Отношенія Екатерины къ Потемкину (1776—1786 гг.).

Не во всѣхъ отношеніяхъ императрица была довольна Потемкинымъ. Оставаясь вполнѣ независимою отъ него въ области управленія государствомъ, она неоднократно изъявляла ему свое неудовольствіе его образомъ дѣйствій. Она дѣлала это со свойственною ей мягкостью, сохраняя притомъ искреннюю дружбу и привязанность къ Потемкину.

Такъ, напр., въ одной запискѣ императрицы къ Потемкину, относящейся къ 1774-му году, она жаловалась, что Потемкинъ не сообщаетъ ей достаточныхъ подробностей о ввѣренныхъ ему дѣлахъ военной администраціи и этимъ ставитъ ее въ неловкое положеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда разныя лица обращаются къ ней съ вопросами.

Рядомъ съ заявленіями благосклоннаго вниманія и истиннаго расположенія въ запискахъ Екатерины къ Потемкину встрѣчаются болѣе или менѣе рѣзкія замѣчанія. Когда Потемкинъ однажды просилъ императрицу дать купцу Фалѣеву на откупъ пошлину на соль въ южной Россіи, она наотрѣзъ отказала ему въ исполненіи просьбы, замѣтивъ на самой запискѣ Потемкина: „Пока живу, никакой таможни не будетъ на откупѣ“. О сильномъ раздраженіи свидѣтельствуетъ слѣдующая записка, хронологическое опредѣленіе которой, къ сожалѣнію, представляетъ затрудненіе и содержаніе которой остается неяснымъ. „Отъ вашей свѣтлости“, писала Екатерина, „подобнаго бѣшенства ожидать надлежитъ, буде дока-

зать вамъ угодно въ публикѣ, такъ какъ и передо мною, сколь мало границъ имѣетъ ваша необузданность, и конечно сіе будетъ неоспоримымъ знакомъ вашей ко мнѣ благодарности, такъ какъ и малой вашей ко мнѣ привязанности; ибо оно противно какъ воли моей, такъ и несходственно съ положеніемъ дѣлъ и состояніемъ персонъ. Вѣнскій дворъ одинъ изъ того долженъ судить, сколь надежна я есмь въ тѣхъ персонахъ, коихъ я рекомендую имъ къ высшимъ достоинствамъ; такъ-то оказывается попеченіе ваше о славѣ моей".

Возвышеніе Завадовскаго, представленнаго Екатеринѣ въ декабрѣ 1775 года, пока не измѣняло внѣшняго положенія Потемкина. Императрица, послѣ пріѣзда изъ Москвы, подарила ему въ Бѣлоруссіи воеводство Кричевское, въ которомъ состояло 14,000 душъ, подарила ему Аничковскій дворецъ и 100,000 рублей на поправленіе его; но въ то-же самое время современники замѣчали нѣкоторую перемѣну въ отношеніяхъ между Потемкинымъ и императрицею; говорили о холодности, съ которою императрица принимала Потемкина, объ уменьшеніи его силы у двора [1]). Англійскій дипломатъ Оксъ писалъ 3-го мая 1776 года къ Уильяму Идену: „Ежедневно ожидаютъ удаленія князя Потемкина и испрошенія имъ дозволенія уѣхать на нѣкоторое время въ свою губернію". Въ другой депешѣ, 10 мая, сказано: „Принцъ Генрихъ, хорошо зная правила Орловыхъ, конечно, желаетъ дать имъ соперника во власти въ лицѣ одного изъ своихъ сторонниковъ, и я полагаю, что онъ много содѣйствовалъ отсрочкѣ удаленія князя Потемкина, котораго лента (Чернаго Орла) привязала къ его интересамъ. Тѣмъ не менѣе, легко быть можетъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ положенъ конецъ тѣмъ наружнымъ признакамъ милости, которые до сихъ поръ сохранены ему" [2]).

Ожиданія англійскаго дипломата оказались лишенными

---

[1]) Самойловъ въ „Русскомъ Архивѣ", 1867, стр. 1205—1207.

[2]) „Сб. Ист. Общ.", XIX. 516 и 517. Подробности о возвышеніи Завадовскаго по желанію самого Потемкина въ разсказѣ Гельбига („Minerva", 1797. III. 119 и слѣд.) не заслуживаютъ вниманія.

основанія. Не только продолжались „наружные признаки милости“, но и дружескія отношенія между императрицею и Потемкинымъ не прекращались.

Тѣмъ не менѣе, однако, недоразумѣнія въ началѣ лѣта 1776 года заставили, наконецъ, Потемкина упросить императрицу, чтобы ему, какъ генералъ-инспектору, позволено было осмотрѣть войска въ С.-Петербургской и Новгородской губерніяхъ. Екатерина, какъ разсказываетъ Самойловъ, согласилась на эту поѣздку, но съ условіемъ, чтобы отлучка князя изъ Петербурга не продолжалась болѣе трехъ недѣль. Къ тому-же Потемкинъ сохранилъ, при удаленіи, комнаты, отведенныя для него во всѣхъ дворцахъ [1]).

Путешествіе Потемкина считалось современниками знакомъ немилости Екатерины. Каково было впечатлѣніе этого событія, видно изъ письма Чернышева къ Андрею Кирилловичу Разумовскому отъ 24 іюня 1776 года: „Бѣдный Потемкинъ вчера уѣхалъ въ Новгородъ, какъ говоритъ, на три недѣли, для осмотра войскъ: хотя онъ имѣетъ экипажи и столъ придворные, онъ все-таки недоволенъ“ [2]). Ричардъ Оксъ доносилъ 1 іюля 1776 года: „Несмотря на высокую степень милости, которою Орловы пользуются въ настоящую минуту у государыни, и на недоброжелательство, съ которымъ, какъ полагаютъ, графъ Орловъ относится къ князю Потемкину, послѣднему продолжаютъ оказывать необычайныя почести. Во время своей поѣздки въ Новгородъ онъ пользуется совершенно придворной обстановкой, и продолжаютъ утверждать, что онъ чрезъ нѣсколько недѣль возвратится сюда, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что милость его окончена, и меня увѣряли, что онъ уже перевезъ часть принадлежащей ему мебели изъ комнатъ, занимаемыхъ имъ въ Зимнемъ дворцѣ. Высокомѣріе его поведенія въ то время, когда онъ пользовался

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1867, стр. 1207.

[2]) „Il n'en est pas plus content“. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, III. 48. За то графиня Румянцева, упоминая въ письмѣ къ мужу отъ 21 іюня 1776 о поѣздкѣ Потемкина въ Новгородъ, не дѣлаетъ намека на немилость. См. ея письма, стр. 204.

властью, пріобрѣло ему столько враговъ, что онъ можетъ разсчитывать на то, что они ему отмстятъ въ немилости, и было-бы не удивительно и не неожиданно, если-бы онъ окончилъ свое поприще въ монастырѣ, — образъ жизни, къ которому онъ всегда оказывалъ расположеніе; и едва-ли не лучшее убѣжище для отчаянія разбитаго честолюбія. Говорятъ, что долги его превышаютъ двѣсти тысячъ рублей".

Вскорѣ послѣ этого, англійскій дипломатъ сообщалъ о пожалованіи Завадовскому и денегъ и крестьянъ и чиновъ; но уже 26 іюля онъ доносилъ о другой новости: „Князь Потемкинъ пріѣхалъ сюда въ субботу вечеромъ и появился на слѣдующій день при дворѣ. Возвращеніе его въ комнаты, прежде имъ занимаемыя во дворцѣ, заставляетъ многихъ опасаться, что, быть можетъ, онъ снова пріобрѣтетъ утраченную милость" [1]).

Устные разсказы современниковъ о путешествіи Потемкина, объ устраиваемыхъ всюду въ честь его празднествахъ, объ упрямствѣ, которое обнаруживалось въ его желаніи во чтобы то ни стало сохранить за собою квартиры во дворцахъ,—все это имѣетъ легендарный характеръ [2]). Такъ, напр., Гельбигъ сообщаетъ разные анекдоты о томъ, какъ Екатерина тщетно старалась освободиться отъ Потемкина, выжить его изъ дворца и пр. Документальные источники не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что Потемкинъ и послѣ краткаго отсутствія оставался другомъ императрицы, что она нуждалась въ немъ, какъ въ сотрудникѣ. Слѣдующее, напр., обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія. Когда Потемкина не было въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ отправился въ Берлинъ великій князь Павелъ Петровичъ, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить свою невѣсту, вюртембергскую принцессу (Марію Ѳедоровну). Во время пребыванія цесаревича заграницей Екатерина находилась съ нимъ въ довольно оживленной перепискѣ. Потемкинъ возвратился въ столицу около 20 іюля. Въ концѣ іюля Екатерина написала Павлу

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XIX. 521.
[2]) „Minerva", 1797, III. 210—212.

письмо, въ которомъ говорилось подробно о его женитьбѣ. Черновая этого собственноручнаго письма испещрена поправками и дополненіями, сдѣланными рукою Потемкина [1]). Значитъ, онъ тотчасъ же послѣ возвращенія изъ путешествія, считавшагося знакомъ яко-бы постигшей его опалы, былъ настолько близкимъ къ Екатеринѣ лицомъ, что принималъ участіе въ редакціи ея писемъ къ сыну.

И другіе документы, найденные между бумагами Екатерины и относящіеся ко второй половинѣ 1776 года, свидѣтельствуютъ о его пребываніи въ Петербургѣ и о томъ, что онъ, вмѣстѣ съ императрицею работалъ надъ разными вопросами внутренней администраціи и внѣшней политики. Такъ, напр., Екатерина 26 іюля доставила Потемкину разныя бумаги, относящіяся къ безпорядкамъ, происходившимъ въ окрестностяхъ Вологды [2]). Въ августѣ она подписывала рескрипты о крымскихъ дѣлахъ, очевидно приготовленные Потемкинымъ; подобныя же бумаги относятся къ октябрю и проч. [3]). Все это не лишено значенія, потому что даже въ средѣ современниковъ смотрѣли на отлучку Потемкина, какъ на какую-то ссылку, продолжавшуюся нѣсколько мѣсяцевъ. Въ „Запискахъ“ Державина сказано, что Потемкинъ до ноября 1776 года прожилъ въ Новгородѣ [4]). Впрочемъ, разсказъ самого Державина о томъ, какъ онъ въ декабрѣ 1776 года домогался чрезъ Потемкина повышенія въ чинѣ и разныхъ наградъ, свидѣтельствуетъ о важной роли Потемкина въ это время при дворѣ. Къ тому же во второй половинѣ 1776 г. мать Потемкина сдѣлалась статсъ-дамою, а племянница его—гофъ-фрейлиною [5]).

---

[1]) См. Письмо Екатерины къ Павлу въ „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 105—107, гдѣ подъ страницею указано на поправки и добавленія, сдѣланныя Потемкинымъ.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 101.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 111. 120 и пр.

[4]) Гротъ, „Державинъ“, VI. 529—535. Въ виду всего сказаннаго, мы не соглашаемся съ замѣчаніемъ Я. К. Грота на стр. 529, что обстоятельство удаленія Потемкина вполнѣ разъяснено въ запискахъ Самойлова и въ монографіи Гельбига. Оба они писали гораздо позже.

[5]) „Minerva“, 1797, III. 214—215.

Объ отношеніяхъ Потемкина къ Завадовскому въ это время мы не знаемъ почти ничего положительнаго. Только въ письмѣ Завадовскаго къ С. Р. Воронцову, писанномъ въ это время, сказано: „Кромѣ двухъ Орловыхъ, я не вижу, кого бы интересовалъ жребій отчизны“. Это замѣчаніе, какъ видно, заключаетъ въ себѣ упрекъ Потемкину, котораго Завадовскій не считалъ хорошимъ патріотомъ. Въ другомъ письмѣ, какъ кажется, тоже говорится о Потемкинѣ, объ отношеніяхъ его къ императрицѣ, о козняхъ его, направленныхъ противъ Завадовскаго: „Пріѣзжій съ Г. получше [1]). Противъ меня тотъ же. Да я радъ, лишь бы онъ ея не прогнѣвлялъ: меня жъ онъ раздражить никогда не можетъ. Напрасно вы стараетесь находить средства сдѣлаться его другомъ. Онъ не родился съ качествомъ для сего нужнымъ. Таланты его высоки, но душа... [2]) Всѣхъ совершенствъ не даетъ природа одному человѣку. Такимъ сдѣлать его, каковымъ быть ему надобно и любящимъ его особу и отечество желательно, никакъ нельзя и вотще всѣ будутъ помышленія. Со мною онъ не будетъ николи искренекъ, потому больше, что онъ самъ знаетъ, что его довольно знаю“ [3]).

Кромѣ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ въ письмахъ Завадовскаго мы не располагаемъ никакими достовѣрными данными объ интригахъ Потемкина въ это время [4]). Сообщая своему другу, С. Р. Воронцову, о своемъ горѣ, о томъ, что онъ лишился расположенія императрицы, Завадовскій лѣтомъ 1777 года ни однимъ словомъ не обвиняетъ въ своемъ несчастіи Потемкина. Замѣчанія Гельбига въ составленной имъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, это письмо издано безъ числа; издателемъ поставленъ на немъ 1776 годъ. Слово „пріѣзжій“ можетъ относиться къ Потемкину, возвратившемуся изъ Новгорода въ іюлѣ. „Г.“ вѣроятно значитъ „Государыня“.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII. 11. Г. Листовскій въ „Р. Арх.“, 1883, 91, относитъ эти слова не къ Потемкину, а къ Румянцеву. Издатель не занялся рѣшеніемъ вопроса, о комъ идетъ рѣчь въ данномъ мѣстѣ.

[4]) Разсказъ г. Листовкаго въ составленной имъ біографіи Завадовскаго въ „Р. Архивѣ“, 1883, III. 87—89 основанъ на слухахъ и догадкахъ.

біографіи Потемкина объ участіи послѣдняго въ возвышеніи Зорича не заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что не подтверждаются никакими положительными данными въ разсказахъ современниковъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Разные документы, записки, рескрипты, относящіеся къ этому времени, свидѣтельствуютъ о расположеніи Екатерины къ Потемкину. Препровождая императрицѣ въ концѣ 1776 года челобитную находившихся въ Хивѣ въ плѣну русскихъ, Потемкинъ добавилъ въ краткой запискѣ объ этомъ предметѣ: „Моя щедрая мать, будь здорова по мѣрѣ моего желанія“. На этой же бумагѣ Екатерина написала: „При семъ посылаю мое мнѣніе; я здорова и тебя, батя, прошу быть здоровымъ и веселымъ. Прощай до завтра“ [1]). Къ 1777 году относятся многіе доклады Потемкина съ разными резолюціями Екатерины [2]). Рукою Потемкина написанъ указъ, съ собственноручными поправками Екатерины, о должности флигель-адъютантовъ [3]). Спрашивая мнѣнія Потемкина о награжденіи Прозоровскаго, Екатерина оканчиваетъ свою записку словами: „Пребываю навѣки дружелюбна“ [4]). 30 сентября 1777 года она, празднуя день рожденія и именинъ Потемкина, подарила ему 150,000 руб. „на оплату долга“ [5]). Въ одной изъ записокъ императрицы говорится о турецкихъ и татарскихъ дѣлахъ, о необходимости современемъ подумать о завоеваніи Очакова и Бендеръ, а въ концѣ этой записки находится замѣтка: „О лѣтахъ баста; болѣе ни словечешка не молвлю“ [6]). Изъ писемъ императрицы къ барону Гримму, относящихся къ этому времени, видно, что Потемкинъ по вечерамъ бывалъ у Екатерины и служилъ ея собесѣдникомъ. Въ началѣ 1778 г. она заказала великолѣпный севрскій фарфоровый сервизъ, причемъ замѣтила въ письмѣ къ Гримму: „Сервизъ назначенъ для моего дорогаго и любимаго князя Потемкина, и чтобы

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 125.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 126, 127, 128.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 130.
[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 134.
[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 137.
[6]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 138.

онъ вышелъ получше, я показывала видъ, будто онъ заказанъ для меня“ [1]). Немного позже Екатерина, сообщая Гримму о составленіи списка всѣмъ достопримѣчательнымъ дѣйствіямъ ея царствованія, прибавляетъ, что Потемкинъ, по природѣ своей не любящій льстить, въ восхищеніи отъ этой записки [2]).

Недаромъ даже люди сильные, высокопоставленные, какъ напр. гетманъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, ухаживали за Потемкинымъ. Дочь Кирилла Григорьевича была недовольна отцомъ за это [3]). Въ 1778 году Потемкинъ устроилъ у себя для двора празднество, стоившее, по словамъ англійскаго посланника, 50,000 руб. [4]).

Изъ донесеній Герриса видно, что князь во все это время игралъ при дворѣ первенствующую роль. Однако въ одномъ изъ этихъ донесеній мы встрѣчаемъ нѣкоторыя данныя о непріятностяхъ, происходившихъ при дворѣ, о столкновеніяхъ между Потемкинымъ и другими чиновниками, о недоразумѣніяхъ, неоднократно случавшихся между княземъ и императрицею. Не легко рѣшить вопросъ, насколько разсказы англійскаго дипломата заслуживаютъ довѣрія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они основаны на слухахъ и догадкахъ, имѣютъ анекдотическій характеръ и едва-ли во всѣхъ частностяхъ соотвѣтствуютъ фактамъ.

Въ какой мѣрѣ около этого-же времени ненавидѣли Потемкина въ публикѣ, видно изъ той части „Записокъ“ Болотова, которая относится къ 1778 году. Онъ называетъ князя „мужемъ, дышущимъ любочестіемъ и любовластіемъ безпредѣльнымъ, и простирающимъ замыслы и намѣренія свои почти за самыя облака“, разсказываетъ о склонности Потемкина къ интригамъ, его безмѣрномъ сребролюбіи и проч. [5]).

Отдавая полную справедливость необычайнымъ умствен-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 64, 73, 84.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 100.

[3]) Въ ея письмѣ къ брату сказано: „En verité je souffre, quand je vois si peu de fierté. Comment faire la cour à ce vilain aveugle et pourquoi?“ Васильчиковъ, I. 367—368.

[4]) Diaries and correspondence of James Harris. I. 154.

[5]) Зап. Болотова, ч. III, стр. 812 и слѣд.

нымъ способностямъ Потемкина, Геррисъ считалъ его интригантомъ, всячески старавшимся господствовать надъ императрицею. Въ происках Потемкина, направленныхъ противъ Панина, нельзя сомнѣваться. Геррисъ, находившійся въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ, участвовалъ въ этихъ интригахъ. Однако, изъ донесеній же англійскаго дипломата видно, что вліяніе князя на дѣла было ограничено, что императрица во многихъ отношеніяхъ дѣйствовала независимо отъ Потемкина. Такъ напр. Геррисъ замѣчаетъ, что князь немного заботился о вопросахъ западно-европейской политики, но особенно охотно занимался восточнымъ вопросомъ. При дворѣ онъ и въ 1779 году игралъ первенствующую роль [1]).

Особенною роскошью отличался праздникъ, устроенный Потемкинымъ въ честь императрицы, лѣтомъ 1779 года, на своей дачѣ Островки, находившейся на берегу рѣки Невы недалеко отъ Александро-Невской лавры. Тутъ были маскарадъ и балъ съ фейерверкомъ на озерѣ, разныя изобрѣтенія прихотливаго воображенія, напр. плавучая картина, представлявшая храмъ съ именами членовъ императорскаго дома. Всю ночь продолжалась иллюминація; надъ озеромъ видны были разнаго рода зданія, блиставшія разноцвѣтными огнями. Мѣсто, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ, представляло пещеру Кавказскихъ горъ, убранную миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другіе цвѣты; ее прохлаждалъ ручей, стремительно падавшій съ вершины горы и разбивавшійся объ утесы. Во время ужина, устроеннаго по обычаю древнихъ, хоръ пѣвцовъ, подъ звуки органа, пѣлъ въ честь славной посѣтительницы строфы, составленныя на эллино-греческомъ языкѣ, и проч. [2]).

Нѣкоторыя записки Екатерины къ Потемкину, относящіяся къ этому времени, свидѣтельствуютъ о расположеніи императрицы къ князю.

---

[1]) „The court is entirely directed by Prince Potemkin, who continues to enjoy the first place“ и пр. Геррисъ въ сентябрѣ 1779 г. I. 224.

[2]) Гротъ, „Державинъ“, I. 379.

Записки и донесенія Герриса и другіе источники исторіи внѣшней политики Россіи за это время даютъ понятіе о важности той роли, которую игралъ Потемкинъ въ области внѣшней политики. Иностранные дипломаты постоянно бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ; Геррисъ называлъ его своимъ другомъ: черезъ него шли переговоры между представителями иностранныхъ державъ и императрицею. Это доказываетъ, что Потемкинъ во все это время пользовался истиннымъ расположеніемъ Екатерины. Но изрѣдка между ними происходили кое-какія недоразумѣнія.

Императоръ австрійскій Іосифъ II писалъ изъ Могилева своей матери: „Кредитъ Потемкина въ высшей степени силенъ. Ея величество за столомъ назвала его своимъ истиннымъ другомъ; въ бесѣдѣ со мною она хвалила его способности“ и проч. [1]). По случаю пребыванія принца прусскаго въ Петербургѣ, осенью 1780 года, императрица писала Потемкину: „Защитница и другъ твой совѣтуетъ надѣть прусскій орденъ“ [2]). Недаромъ, значитъ, король Фридрихъ II всячески старался задобрить Потемкина, обѣщая ему герцогство Курляндское и т. п. [3]).

Послѣ возвращенія императора Іосифа въ Вѣну англійскій дипломатъ Кейтъ спросилъ его: „Долженъ-ли Потемкинъ, послѣ опалы графа Панина, считаться главнымъ, пользующимся полнымъ довѣріемъ совѣтникомъ императрицы?“ — „Да“, отвѣчалъ императоръ, „но онъ совѣтникъ несостоятельный. У него мало свѣдѣній; къ тому-же онъ лѣнивъ, и даже сама императрица обращается съ нимъ, какъ со своимъ ученикомъ въ дѣлахъ политики; она и говоритъ о немъ, какъ о своемъ ученикѣ и какъ о человѣкѣ, который скорѣе нуждается въ руководствѣ, нежели способенъ быть руководителемъ. Ей доставляетъ большое удовольствіе говорить: „„онъ мой ученикъ““, „„онъ знаніемъ дѣлъ обязанъ исключительно мнѣ““. Вы можете представить себѣ, что тѣ лица, которымъ она это

---

[1]) Arneth, „Maria Theresia und Ioseph II“, III. 255.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 395
[3]) Harris, I. 255—256.

говоритъ, недостаточно откровенны, чтобы прямо возразить ей: такъ какъ, государыня, онъ вашъ ученикъ, то онъ вамъ не дѣлаетъ чести“.—„Можно-ли думать“, спросилъ далѣе Кейтъ, „что вліяніе князя Потемкина и довѣріе, которымъ онъ пользуется, ослабѣваютъ мало-по-малу?“—„Нисколько“, возразилъ императоръ, „но въ области политики ихъ отношенія никогда не были такими, какими они считались въ публикѣ. Императрица не желаетъ разстаться съ Потемкинымъ и на то имѣетъ тысячу причинъ. Она не легко могла бы отдѣлаться отъ него, если-бы даже желала этого. Нужно побывать въ Россіи, чтобы составить себѣ точное понятіе о положеніи, въ которомъ находится императрица“ [1]).

Достойно вниманія замѣчаніе Герриса, лѣтомъ 1780 года, о стараніи Потемкина угождать во всемъ Екатеринѣ, чтобы изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на Іосифа II [2]). Во время пребыванія въ Петербургѣ принца прусскаго, которому былъ оказанъ чрезвычайно холодный пріемъ, Геррисъ писалъ: „Мнѣ кажется, что еслибъ и князь Потемкинъ захотѣлъ сдѣлать что-либо въ этомъ отношеніи, онъ не имѣлъ-бы достаточнаго вліянія на императрицу, чтобы убѣдить ее не показывать отвращенія къ принцу“ и проч. [3]). Въ другомъ мѣстѣ Геррисъ писалъ: „Потемкинъ или боится помочь мнѣ, или не можетъ этого сдѣлать“. Дѣло въ томъ, что князь неоднократно жаловался въ это время, въ разговорѣ съ англійскимъ дипломатомъ, на раздражительность императрицы и проч. Во всякомъ случаѣ около этого времени не было полнаго согласія между императрицею и княземъ въ отношеніи къ англо-русскимъ дѣламъ. Очевидно происходили кое-какія непріятности, потому что Потемкинъ, въ разговорѣ съ Геррисомъ, сильно жаловался на недостатки въ характерѣ Екатерины [4]). Геррисъ упоминаетъ, что императрица, когда Потемкинъ около этого времени захворалъ, не бывала

---

[1]) „La cour de la Russie il y a cent ans“, 345—346.
[2]) Harris, I. 271.
[3]) Harris, I. 288.
[4]) Harris, I. 380.

у него, между тѣмъ какъ прежде она въ подобныхъ случаяхъ оказывала ему гораздо больше вниманія. Въ другомъ донесеніи сказано, что Потемкинъ надѣется вскорѣ возстановить свое прежнее вліяніе на Екатерину, и весною 1782 года Геррисъ писалъ опять: „Потемкинъ не лишенъ ни милости, ни вліянія“ [1]).

Въ 1782 году, когда Потемкинъ находился на югѣ, императрица съ большимъ вниманіемъ слѣдила за его дѣйствіями по присоединенію Крыма къ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ Екатерины къ Потемкину въ іюнѣ 1783 г. сказано между прочимъ: „Когда изволишь писать: дай Боже, чтобъ вы меня не забыли, — то сіе называется у насъ писать пустошь: не токмо помню часто, но и жалѣю и часто тужу, что ты тамъ, а не здѣсь, ибо безъ тебя я какъ безъ рукъ“. Въ другомъ письмѣ говорится: „Ты мнѣ очень-очень надобенъ, и такъ прошу тебя всячески беречь здоровье“. Когда, во время пребыванія Потемкина на югѣ, тамъ свирѣпствовала язва, императрица сильно безпокоилась и въ каждомъ письмѣ просила князя остерегаться, писать почаще и проч. Послѣ присоединенія Крыма Екатерина писала: „За всѣ приложенные тобою труды и неограниченныя попеченія по моимъ дѣламъ не могу тебѣ довольно изъяснить мое признаніе; ты самъ знаешь, колико я чувствительна къ заслугамъ, а твои отличныя, такъ какъ и моя къ тебѣ дружба...; дай Богъ тебѣ здоровья и продолженія силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; знаю, что не ударишь лицомъ въ грязь; будь увѣренъ, что не подчиню тебя никому окромя себя“. Когда Потемкинъ осенью 1783 года на югѣ заболѣлъ, императрица писала ему: „Всекрайне меня безпокоиваетъ твоя болѣзнь; я вѣдаю, какъ ты не умѣешь быть больнымъ и что во время выздоровленія никакъ не бережешься; только сдѣлай милость, вспомни въ нынѣшнемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ, благо имперіи и мою славу добрую: побережись ради самого Бога; не пусти моей просьбы мимо ушей;

---

[1]) Harris. I, 425. См. также стр. 438.

важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя оборотится ни во что“ и проч. [1]).

Въ письмѣ Ланскаго къ князю отъ 29 сентября 1783 г. сказано: „Вы не можете представить, сколь чувствительно огорченъ я болѣзнью вашею; несравненная наша Государыня-Мать тронута весьма сею вѣдомостью и неутѣшно плачетъ; я рѣшился послать зятя моего узнать о здоровьѣ вашемъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ васъ отъ всѣхъ болѣзней“ [2]).

Такія увѣренія въ дружбѣ были сопровождаемы частыми и щедрыми подарками. Такъ напр. въ августѣ 1783 года императрица приказала отпустить на постройку петербургскаго дома князя 100,000 рублей „изъ кабинета“ [3]). Посылая ему къ именинамъ нессесеръ, Екатерина писала: „Праздникъ такой, который для меня столь драгоцѣненъ и любезенъ, какъ твое рожденіе. Пріими, другъ мой, даръ добраго сердца и дружбы“. Въ другой запискѣ сказано: „Посылаю тебѣ шубку, да чарку и фляжку для водки“ и проч. [4]). Князь, въ свою очередь, посылая императрицѣ дорогую шелковую материю, писалъ ей: „Вы приказали червямъ работать на людей отъ плодовъ учрежденій вашихъ. Ахтуба приноситъ вамъ на платье. Если моленіе мое услышено будетъ, то Богъ продлитъ лѣта ваши до позднѣйшихъ временъ, и ты, милосердная мать, посѣщая страны мнѣ подчиненныя, увидишь шелками устланъ путь“. Какъ видно, это письмо писано въ то время, когда уже зашла рѣчь о путешествіи Екатерины на югъ Россіи, т.-е. въ 1784 году [5]).

Сомнѣваться въ искреннемъ расположеніи Екатерины къ князю во все это время нельзя. Въ ея письмахъ къ нему не было конца ласкамъ и выраженіямъ дружбы. Слова въ родѣ „батенька“, „голубчикъ“, „mon coeur“, „mon bijou“, „батя“, „папа“ и пр. встрѣчаются на каждомъ шагу. Впрочемъ, и

---

[1]) „Сб. И. Общ.“, XXVII, 207—288.

[2]) Изъ собранія копій писемъ, находящемся въ распоряженіи г. Шубинскаго.

[3]) „Сб. И. Общ.“, XXVII, 277.

[4]) „Сб. И. Общ.“, XLII, 393 и 394.

[5]) „Сб. И. Общ.“, XLII, 393 и 410.

въ это время случались недоразумѣнія, временныя размолвки. Однажды князь требовалъ денегъ, но императрица отказала ему въ этомъ; объясняя свой образъ дѣйствій, Екатерина писала: „Хотя сердишься, но нельзя не говорить того, что правда“. Другой разъ она упрекнула князя въ томъ, что онъ „смотритъ сквозь пальцы“. Онъ сильно обидѣлся и писалъ: „Когда бы перестали мои способности или охота, то можно избрать лучшаго нежели я, на что я со всею охотою согласенъ“. Она старалась успокоить его, замѣчая: „Я колобродным пересказамъ не причиною“ и проч. [1]).

Въ „Запискахъ“ Энгельгардта встрѣчается слѣдующій разсказъ, относящійся къ 1783 году: „По разнымъ причинамъ, государыня оказала къ князю немилость и уже онъ собирался путешествовать въ чужіе края и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ, почему какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей никто у него не бывалъ, а сему слѣдуя и другіе всякаго званія люди его оставили; близъ его дома ни одной кареты не бывало, а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Княгиня Дашкова довела до свѣдѣнія императрицы чрезъ сына своего, бывшаго при князѣ дежурнымъ полковникомъ [2]), о разныхъ неустройствахъ въ войскѣ: что слабымъ его управленіемъ вкралась чума въ Херсонскую губернію, что выписанные имъ итальянцы и другіе иностранцы, для населенія тамъ пустопорожнихъ земель, за неприготовленіемъ имъ жилищъ и всего нужнаго, почти всѣ померли, что раздача земель была безъ всякаго порядка и окружающіе его дѣлали много злоупотребленія, и тому подобное; къ княгинѣ Дашковой присоединился А. Д. Ланской. Императрица не совсѣмъ повѣрила доносу на свѣтлѣйшаго князя и черезъ особыхъ, вѣрныхъ ей людей, тайно узнала, что непріятели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя, какъ человѣка,

---

[1]) „Сб. И. Общ.“, XLII, 402, 405.

[2]) Объ отношеніяхъ Потемкина къ молодому Дашкову, см. Записки Дашковой въ „Архивѣ князя Воронцова“, XXI, 234, 261, 262, 377.

способствовавшаго къ управленію государствомъ; лишила милости княгиню Дашкову, князю возвратила довѣренность". Разсказавъ затѣмъ о назначеніи Потемкина президентомъ военной коллегіи и фельдмаршаломъ, Энгельгардтъ продолжаетъ: „Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты князя были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе предъ нимъ пресмыкались" и проч. [1]).

Въ 1785 году произошло возвышеніе Ермолова. Потемкинъ относился благосклонно къ этому гвардейскому офицеру; но Ермоловъ, по словамъ графа Сегюра, какъ очевидца, старался вредить Потемкину въ глазахъ Екатерины, обвиняя его, между прочимъ, въ несправедливомъ обращеніи съ несчастнымъ бывшимъ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ. Къ Ермолову присоединились другіе недоброжелатели князя, на котораго посыпались доносы и поклепы. Потемкинъ, — какъ разсказываетъ французскій дипломатъ далѣе, — гордый и надменный, не считалъ нужнымъ оправдываться, покинулъ дворъ, находившійся въ это время въ Царскомъ Селѣ, и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ занимался устройствомъ великолѣпныхъ праздниковъ для своихъ знакомыхъ. Всѣ ожидали опалы Потемкина; многіе избѣгали встрѣчи съ нимъ; даже иностранные дипломаты большею частію измѣнили свое обращеніе съ княземъ, между тѣмъ какъ Сегюръ продолжалъ попрежнему бывать у Потемкина. Сегюръ даже началъ открыто бесѣдовать съ нимъ объ угрожавшей ему опасности. Князь возразилъ: „Неужели вы также ожидаете, чтобы я, послѣ столькихъ оказанныхъ мною услугъ, унижался и уступалъ? Я знаю, про меня говорятъ, что я погибну. Не безпокойтесь: меня не погубитъ этотъ мальчикъ, и вообще нѣтъ никого, кто бы осмѣлился это сдѣлать. Я слишкомъ презираю моихъ враговъ, чтобы бояться ихъ", и проч. Между тѣмъ, — какъ сказано далѣе въ „Запискахъ" Сегюра, — Ермоловъ болѣе и болѣе начиналъ принимать участіе въ дѣлахъ, и,

---

[1]) Записки Энгельгардта, 30—31.

вмѣстѣ съ Шуваловымъ, Безбородкою, Воронцовымъ и Завадовскимъ, завѣдывалъ государственнымъ банкомъ. Вдругъ узнали объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву; его приверженцы потеряли всякую надежду. Но спустя нѣкоторое время онъ возвратился въ столицу, между тѣмъ какъ Ермоловъ былъ удаленъ отъ двора и отправился путешествовать по западной Европѣ. Въ бесѣдѣ съ Сегюромъ Потемкинъ хвалился своимъ торжествомъ надъ всѣми недоброжелателями [1]).

Въ 1785 году Потемкинъ сопровождалъ Екатерину въ путешествіи, цѣлью котораго былъ смотръ системы Вышневолоцкаго канала. Многія подробности этой поѣздки не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что князь въ это время пользовался полнымъ расположеніемъ императрицы [2]). Къ апрѣлю 1786 года относится краткая записка Екатерины къ Потемкину, отличающаяся тономъ дружбы [3]).

Позднѣйшія письма относятся къ тому времени, когда Потемкинъ уже покинулъ столицу и спѣшилъ на югъ, гдѣ онъ въ 1787 году долженъ былъ встрѣтить Екатерину. Въ ноябрѣ она неоднократно писала къ нему въ тонѣ дружбы [4]).

Во все это время императрица съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за дѣятельностью Потемкина. Онъ былъ не только другомъ, но и сотрудникомъ Екатерины. Не безъ основанія она высоко цѣнила его умъ, познанія, рабочую силу. Его труды при управленіи южною Россіей и въ области военной администраціи казались ей въ высшей степени полезными и важными для государства.

---

[1]) Segur, Mémoires, III, 397—402.
[2]) Напр. шутки въ письмахъ къ Гримму, „Сб. И. Общ.“, XXIII, 342, 352—55.
[3]) „Сб. И. О.“, XXVII, 367.
[4]) „Сб. И. О.“, XXVII, 367, 373, 391, 396.

IV.

Дѣятельность Потемкина до 1786 г.

И въ качествѣ вице-президента военной коллегіи и занимая должность новороссійскаго генералъ-губернатора, Потемкинъ уже въ семидесятыхъ годахъ принималъ участіе въ управленіи дѣлами. Множество докладовъ его по разнымъ вопросамъ, весьма значительное число рескриптовъ, подписанныхъ Екатериною, свидѣтельствуютъ о многосторонней дѣятельности князя въ это время. Особенно часто въ дѣловыхъ бумагахъ этой эпохи говорится о крымскихъ дѣлахъ, о мѣрахъ колонизаціи на югѣ, о распоряженіяхъ относительно войскъ около Крыма [1]). Самойловъ особенно хвалитъ мѣры, принятыя Потемкинымъ въ это время для приведенія въ надлежащее состояніе нерегулярныхъ казацкихъ войскъ на Дону [2]).

Что касается вопросовъ внѣшней политики, то Потемкинъ, за время завѣдыванія Панина этою частью, не игралъ въ этомъ отношеніи особенно важной роли. Иностранныя державы, зная расположеніе императрицы къ Потемкину, всячески старались задобрить вліятельнаго царедворца, значеніе котораго росло по мѣрѣ того, какъ графъ Панинъ мало-по-малу лишался довѣрія и расположенія Екатерины. Трудно опредѣлить, насколько разсказы о стара-

---

[1]) См. напр. „Сб. И. Общ.“ XXVII, 1—130.
[2]) „Р. Арх.“, 1867, стр. 1230.

ніяхъ разныхъ державъ подкупить Потемкина заслуживаютъ довѣрія. Разсказывали напр. что австрійскій дворъ въ то время, когда былъ поднятъ вопросъ о баварскомъ наслѣдствѣ, чрезъ графа Кауница велѣлъ передать Потемкину значительную сумму денегъ. Даже Гельбигъ, упоминая объ этомъ слухѣ, замѣчаетъ, что, при громадномъ богатствѣ князя, Австрія едва ли располагала достаточными средствами, чтобы этимъ способомъ повліять на Потемкина и чрезъ него на Екатерину [1]). Какъ уже было замѣчено нами раньше, около этого же времени ходили слухи, будто-бы Фридрихъ Великій предлагалъ Потемкину герцогство Курляндское [2]). Одновременно съ тѣмъ, какъ Англія во что бы то ни стало старалась помѣшать Россіи въ проведеніи мысли о такъ-называемомъ вооруженномъ нейтралитетѣ, ходили слухи о громадныхъ суммахъ денегъ, истраченныхъ лондонскимъ кабинетомъ, чтобы подкупить князя Потемкина; однако другіе современники сомнѣвались въ достовѣрности этихъ слуховъ [3]). Словомъ, никакихъ, сколько-нибудь достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ не сохранилось. Къ тому же, при полной самостоятельности, которою отличался образъ дѣйствій Екатерины въ области внѣшней политики, подкупъ вельможи можно было считать дѣломъ лишнимъ и нецѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ видно между прочимъ изъ донесеній Герриса, Потемкинъ не имѣлъ достаточнаго вліянія на дѣла и не могъ служить полезнымъ орудіемъ иностраннымъ державамъ.

Трудно сказать также, насколько Потемкинъ около 1780 года содѣйствовалъ сближенію Россіи съ Австріей. Энгельгардтъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что Екатерина, рѣшаясь на союзъ съ Іосифомъ II, въ бесѣдѣ съ Румянцевымъ, не одобрявшимъ этой политики, ссылалась на мнѣніе Потемкина; Румянцевъ, сказано у Энгельгардта, замѣтилъ: „Государыня, вамъ не нужно ни отъ кого принимать совѣ-

---

[1]) „Minerva“, 1797, III, 460.

[2]) Harris, I, 260 (первое изданіе) и „Minerva“, 1797, III, 461.

[3]) Zinkeisen, „Geschichte des osmanischen Reiches“, VI, 255. „Minerva“, 1797, IV, 111—112.

товъ: свой умъ — царь въ головѣ“ и проч. [1]). Но справедливость этихъ сообщеній подлежитъ большому сомнѣнію. Столько же неосновательно предположеніе Гельбига, что Потемкинъ былъ виновникомъ путешествія императрицы въ Могилевъ, гдѣ она встрѣтилась съ императоромъ Іосифомъ II [2]). Во время пребыванія Потемкина въ Москвѣ вмѣстѣ съ Іосифомъ II онъ избѣгалъ говорить съ нимъ о политическихъ дѣлахъ [3]). На императора онъ произвелъ гораздо болѣе впечатлѣніе царедворца, чѣмъ замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. За то послѣ возвращенія въ Петербургъ князь неоднократно бесѣдовалъ съ австрійскимъ посломъ Кобенцлемъ въ видахъ сближенія Австріи съ Россіей [4]). Въ Могилевѣ князь не игралъ особенно выдающейся роли. Завадовскій, насмѣхаясь, писалъ изъ Могилева 29 мая 1780 года къ С. Р. Воронцову: „Полкъ свой училъ для императора князь Потемкинъ, котораго вездѣ вижу херувимомъ“ [5]). Во время пребыванія принца Фридриха-Вильгельма въ Петербургѣ Потемкинъ не говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, и могъ выказать свой взглядъ на отношеніе Россіи къ Пруссіи развѣ только холодностью обращенія съ племянникомъ прусскаго короля, невниманіемъ къ высокому гостю. „Князь Потемкинъ“, доносилъ Геррисъ, „нисколько не старается угодить принцу и обращаетъ на него не болѣе вниманія, чѣмъ требуетъ необходимость“. Дальше: „Отъѣздъ князя Потемкина (на охоту) долженъ считаться, по справедливости, признакомъ неуваженія къ принцу прусскому“. Наконецъ: „Князь Потемкинъ не хотѣлъ дозволить своей племянницѣ устроить для принца вечеръ и проч. [6]). Не смотря на эти указанія, все же нѣтъ никакого основанія вѣ-

---

[1]) Энгельгардтъ, 19. Также разсказъ у Блюма, „Ein russischer Staatsmann“, II, 340, основанъ на однихъ предположеніяхъ, не поддерживаемыхъ фактическими данными.

[2]) „Minerva“, 1797, III, 464.

[3]) Arneth, „Maria Theresia und Joseph“, III, 263—264.

[4]) Arneth, III, 269, 270, 284.

[5]) „Арх. Кн. Воронцова“, XXIV, 159. О столкновеніи Потемкина съ гр. З. Чернышевымъ въ Могилевѣ см. Зап. Энгельгардта 20 и Зап. Добрынина въ „Русской Старинѣ“, IV, 117.

[6]) Harris, I, 330—337 (первое изданіе).

рить утвержденіямъ Гельбига, будто бы не кто иной какъ Потемкинъ былъ виновникомъ холоднаго пріема, оказаннаго прусскому принцу Екатериною [1]).

Во время пребыванія великаго князя Павла Петровича во Флоренціи онъ въ бесѣдѣ съ герцогомъ тосканскимъ, Леопольдомъ, говорилъ, что русскіе сановники подкуплены вѣнскимъ дворомъ, и между ними первымъ назвалъ Потемкина [2]). Съ другой стороны именно въ это же время ходили слухи о раздраженіи Потемкина противъ Іосифа II, когда возникли кое-какія затрудненія при заключеніи договора между Австріей и Россіей въ 1781 году [3]).

Нѣкоторые дипломаты, какъ напр. Геррисъ и Сегюръ, часто бесѣдовавшіе съ Потемкинымъ о дѣлахъ, хвалили его способности и, какъ кажется, были довольны его открытымъ и честнымъ образомъ дѣйствій. Геррисъ съ Потемкинымъ говорилъ болѣе откровенно, чѣмъ съ Остерманомъ или Панинымъ [4]). Въ свою очередь Потемкинъ въ бесѣдѣ съ Безбородкою называлъ Герриса „человѣкомъ коварнымъ, лживымъ и весьма непохвальныхъ качествъ“ [5]). Даже и тогда, когда Потемкинъ находился на югѣ Россіи и былъ занятъ устройствомъ ввѣреннаго ему края, онъ подробно зналъ о состояніи отношеній Россіи къ другимъ державамъ. Въ письмахъ Екатерины къ князю всѣ эти вопросы занимаютъ весьма видное мѣсто. Въ своихъ отвѣтахъ Потемкинъ сообщалъ императрицѣ свои соображенія. Но все-же напрасно нѣкоторые современники приписывали князю чрезмѣрное вліяніе на внѣшнюю политику. По разсказу Гельбига и союзъ Россіи съ Австріей и поѣздка императрицы въ Фридрихсгамъ для свиданія съ Густавомъ III и вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи по поводу образовавшагося тамъ такъ-называемаго княжескаго

---

[1]) „Minerva“, 1797, III, 467.

[2]) Arneth, „Joseph II und Leopold von Toscana“, Wien. 1872, 765—772 у Григоровича въ біографіи Безбородки—„Сб. И. Общ.“, XXVI, 83.

[3]) „Minerva“, 1797, IV, 119, гдѣ сказано о перепискѣ между Іосифомъ и княземъ по этому поводу.

[4]) „Арх. кн. Вор.“, XIII, 2.

[5]) „Сб. И. Общ.“, XXVI, 109.

союза — все это было дѣломъ почина Потемкина [1]). Такой взглядъ на дѣятельность князя не соотвѣтствуетъ фактамъ. Западная Европа, вообще говоря, интересовала князя настолько, насколько съ нею были связаны дѣла восточнаго вопроса. Бывали, впрочемъ, случаи, въ которыхъ Потемкинъ чрезвычайно зорко слѣдилъ за событіями въ томъ или другомъ государствѣ. Неоднократно онъ старался вмѣшиваться въ дѣла Польши [2]). Въ 1784 году имъ была составлена записка о мѣрахъ на случай войны съ Швеціей [3]). Въ заключеніи торговаго договора съ Франціей въ 1786 году онъ принималъ дѣятельное участіе, какъ видно изъ записокъ Сегюра, изъ писемъ Безбородки и проч. [4]). Во время нерасположенія императрицы къ Англіи Потемкинъ скорѣе былъ склоненъ къ союзу съ этою державою, нежели къ сближенію съ Франціей [5]). Если бы сохранились и были изданы всѣ письма Потемкина къ Екатеринѣ, мы могли бы составить себѣ гораздо болѣе точное понятіе объ участіи князя въ дѣлахъ внѣшней политики. Изъ писемъ императрицы къ князю видно, что онъ часто и подробно писалъ ей о предметахъ внѣшней политики.

Въ письмѣ князя къ Безбородкѣ отъ 30 іюля 1783 г. изъ Карасубазара сказано между прочимъ: „Мысли мои въ разсужденіе противовѣсія Бурбонскимъ дворамъ; союзъ съ Англіею, который чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ полезнѣе Россіи, ибо Франція открыла свое доброхотство и что она наипаче желаетъ Россію поставить какъ державу безъ дѣйствія. Вообразите, какъ бы она зачала давать законы, еслибъ усилилась; намъ нужна морская держава, такъ какъ и она познала нужду въ союзѣ нашемъ. Противъ истины сей говорить нечего, и если Государыня рѣшиться изволитъ, то увидите, чего мы не

---

[1]) „Minerva“, 1797, 1V, 298, 1798, I, 357 и пр.

[2]) См. напр. каррикатуру, о которой говорится въ соч. Гельбига, „Minerva“, 1798, I, 35.

[3]) „Сб. И. Общ.“, XXIX, 515—516.

[4]) „Сб. И. Общ.“, XXVI, 110. „Minerva“, 1798, II, 164.

[5]) „Арх. кн. Вор.“, XIII, 68, 72, 76, 95, 177.

сдѣлаемъ. По сему увѣдомите меня, въ какомъ положеніи дѣла заграничныя... Нужно намъ снабдиться флотомъ; тогда воля Божія“ и пр. [1]).

Главнымъ предметомъ вниманія Потемкина въ области политики былъ восточный вопросъ, отношеніе Россіи къ татарамъ и туркамъ. Участіе въ турецкой войнѣ было эпохою приготовленія къ той дѣятельности, которой онъ посвятилъ себя послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Расширеніе границъ Россіи на югѣ, устройство новозанятыхъ провинцій, присоединеніе Крымскаго полуострова, сокрушеніе Оттоманской Порты, полное торжество Россіи надъ исламомъ—вотъ главные предметы заботъ Потемкина до его кончины. Самойловъ разсказываетъ, что онъ еще во время первой турецкой войны неоднократно вспоминалъ о подвигахъ первыхъ русскихъ государей — Олега и Игоря въ борьбѣ съ Царьградомъ, сравнивалъ татаръ съ половцами, давно составилъ планъ отдѣленія татаръ отъ турокъ, приведенія Крыма подъ власть Россіи, занятія Очакова, постройки на югѣ русскихъ крѣпостей, проведенія линіи укрѣпленій на Кавказѣ и проч. [2]) Несомнѣнно, что Потемкинъ, сдѣлавшись другомъ и сотрудникомъ Екатерины, часто съ нею бесѣдовалъ объ этихъ задачахъ внѣшней политики Россіи. Начиная съ 1776 года явилось множество рескриптовъ императрицы къ князю, въ которыхъ идетъ рѣчь о приведеніи въ исполненіе начертанной имъ программы. Точно также и въ частныхъ письмахъ Екатерины къ Потемкину постоянно встрѣчаются относящіяся къ этому предмету замѣчанія.

Въ особенной запискѣ Потемкинъ изложилъ свои мысли обо всемъ этомъ [3]): „Крымъ“,—говорится въ этой запискѣ,—„положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы. Нужна ли

---

[1]) Изъ рукописной коллекціи бумагъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ С. Н. Шубинскимъ и изъ другихъ писемъ Потемкина къ Безбородкѣ видно, сколь дѣятельно онъ занимался такими вопросами.

[2]) „Рус. Арх.“, 1867, 1009—1014.

[3]) См. Соловьева „Паденіе Польши“, 156—157. Трудно понять, какъ нашъ знаменитый историкъ могъ сообщить столь важный документъ безъ обозначенія времени, къ которому онъ относится.

осторожность съ турками по Бугу или со стороны Кубанской—во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ, такъ сказать, въ сердце. Положите теперь, что Крымъ вашъ и что нѣтъ уже сей бородавки на носу,—вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ видѣнъ. Со стороны Кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще вдобавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая Государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику; Цесарцы безъ войны у турковъ въ Молдавіи взяли больше, нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собою Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный — да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите и такую, какой ни одинъ Государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава положитъ дорогу еще къ другой и бо̀льшей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ; отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ туркамъ и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи, что хотите, — онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько

вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ она могла, да не хотѣла или упустила. Естьли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврическій Херсонъ! изъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри, какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіанскаго правленія“.

Можно думать, что эта записка очень понравилась императрицѣ. Программа, составленная Потемкинымъ, была исполнена. Уже въ 1776 году князь, руководствуясь секретнѣйшими предписаніями Екатерины, содѣйствовалъ занятію Перекопской линіи Румянцевымъ. Постоянно князь распоряжался войсками около Крымскаго полуострова; онъ же занимался колонизаціей Азовской губерніи [1]), чрезъ него Екатерина предписывала Стахіеву въ Константинополѣ, какъ должно было трактовать съ турками; ему она писала уже въ концѣ 1777 года о необходимости приготовленія къ войнѣ; ему она въ 1778 году приказывала распорядиться о постройкѣ кораблей на Днѣпрѣ, адмиралтейства на Лиманѣ, города Херсона; ему она предписывала принять мѣры противъ набѣговъ кабардинцевъ въ 1779 году, а также и противъ волненій въ Крыму въ 1782 году и проч. [2]). Можно считать вѣроятнымъ, что многіе рескрипты Екатерины, относящіеся къ этимъ дѣламъ, были результатомъ докладовъ Потемкина.

Такимъ образомъ, уже въ семидесятыхъ годахъ Екатерина съ Потемкинымъ были заняты такъ-называемымъ „греческимъ проектомъ“, виновникомъ котораго считался князь [3]). Геррисъ доносилъ въ 1779 году, что Потемкинъ „заразилъ“ императрицу своими идеями объ учрежденіи новой византійской имперіи [4]). Ему приписывали проектъ медали, выбитой

---

[1]) „Зап. Од. Общ.“, VIII, 210.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 120, 124, 137, 140, 145, 152, 153—155, 166, 177, 207 —288. Множество писемъ Потемкина и къ нему напечатано въ послѣднее время въ изданіи Дубровина „Присоединеніе Крыма къ Россіи“. Спб. 1885 и слѣд.

[3]) См. Петровъ, „Вторая турецкая война“, Спб., 1882, I, 21. „Minerva“, 1797, III, 232.

[4]) Harris, I, 203 (второе изданіе).

по случаю рожденія великаго князя Константина Павловича [1]). На этой медали изображены Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море, надъ которымъ сіяетъ звѣзда [2]). Свои мысли Потемкинъ проводилъ и въ перепискѣ съ другими сановниками [3]), и въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта [4]), и въ бесѣдахъ съ Екатериною. Одновременно онъ заботился какъ о присоединеніи Крыма къ Россіи, такъ и о приведеніи въ подданство Россіи царя грузинскаго Ираклія. Весною 1782 года Потемкинъ самъ былъ на югѣ, откуда писалъ императрицѣ подробно о состояніи дѣлъ [5]). Осенью этого же года онъ писалъ Екатеринѣ изъ Херсона. Она отвѣчала: „Не блистающее состояніе Очакова, которое ты изъ Кинбурна усмотрѣлъ, совершенно соотвѣтствуетъ попеченію той имперіи объ общемъ и частномъ добрѣ, къ которой по сю пору принадлежитъ; какъ сему городишку носъ подымать противу молодого Херсонскаго колосса! Съ удовольствіемъ планы новаго укрѣпленія Кинбурна приму и выполненіе онаго готова подкрѣпить всякими способами... Для тамошняго строенія флота плотниковъ я приказала пріискать, а сколько сыщется, тебѣ сообщу“ [6]).

Поддерживая въ Крыму русскую партію, князь сообщалъ императрицѣ о всѣхъ событіяхъ. Имъ же заранѣе былъ составленъ манифестъ отъ имени императрицы, которымъ татары призывались къ присягѣ. Въ апрѣлѣ 1783 года онъ явился въ Херсонъ, откуда сдѣлалъ послѣднія распоряженія для занятія Крыма. Переговоры съ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ привели къ желанной цѣли. Переписка Потемкина съ императрицею въ это время была особенно оживленною. Еще въ концѣ 1782 года она писала ему, что настала самая удобная пора для рѣшительныхъ дѣйствій и нужно начать съ занятія Ахтіярской гавани [7]). Геррисъ писалъ около этого

---

[1]) „Minerva“, 1797, III, 237.
[2]) „Р. Старина“, XIX, 220—225.
[3]) См. напр. письмо Румянцева къ Потемкину въ „Р. Старинѣ“, VIII, 711.
[4]) См. напр. „Архивъ Гос. Совѣта“, I, 331.
[5]) См. „Арх. кн. Вор.“, XIII, 26.
[6]) „Сб. И. Общ.“, XXVII, 217. Рескрипты о Крымѣ и пр., стр. 221.
[7]) Т. е. Севастополя. „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 228.

времени: „Потемкинъ желаетъ овладѣть Очаковымъ; очевидно, существуютъ самые широкіе планы относительно Турціи, и эти планы доходятъ до такихъ размѣровъ, что императрицѣ приходится сдерживать пылкое воображеніе Потемкина“. „Онъ просилъ“, — сказано въ другомъ донесеніи Гэрриса, — „объ усиленіи артиллеріи въ южной Россіи, такъ какъ онъ намѣренъ въ ближайшемъ будущемъ приступить къ осадѣ Очакова“ [1]). Осенью 1783 года Грейгъ составилъ записку о нападеніи на Дарданеллы; къ ней Потемкинъ прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія [2]). Современники считали вѣроятнымъ, что Потемкинъ мечталъ о какомъ-то крымскомъ царствѣ для себя [3]). До настоящаго времени сохранилось мнѣніе, что Потемкинъ „мечталъ, при поддержкѣ императрицы, получить греческую корону“ [4]). Такія предположенія не подтверждаются никакими документальными свидѣтельствами.

Изъ нѣкоторыхъ сохранившихся писемъ Потемкина къ императрицѣ [5]), Булгакову [6]) и другимъ видно, какъ многостороння была его дѣятельность въ 1783 году. Лѣтомъ онъ тяжело заболѣлъ. Завадовскій писалъ 19 сентября къ графу С. Р. Воронцову: „Въ Крыму будучи, кн. Потемкинъ получилъ горячку: она такъ сильна была, что онъ соборовался масломъ, исповѣдался и причастился. Въ горячкѣ онъ и христіанской вѣры обряды хранитъ. Однакожъ онъ выздоровѣлъ. Въ болѣзни перевезли его въ Кременчугъ“ и пр. [7]). Въ Петербургѣ ходили слухи о безнадежномъ положеніи князя. Разсказывали, будто Екатерина отправила на югъ офицера съ порученіемъ запечатать, въ случаѣ кончины Потемкина, всѣ его бумаги [8]).

---

[1]) Harris, II, 8—56 (первое изд.).

[2]) „Русская Старина“, XXII, 449 и сл.

[3]) Гельбигъ.

[4]) Петровъ, I, 33.

[5]) См. „Р. Старина“, XII, 689.

[6]) „Сб. Ист. Общ., XLVII, стр. 92.

[7]) „Арх. кн. Воронцова“, XII, 23.

[8]) Извлеченіе изъ депешъ Гёрца въ сочиненіи Цинкейзена „Gesch. d. osman Reiches“, VI, 398. Въ другой депешѣ было сказано, что Потемкинъ „moins moribond que fou“.

Такъ какъ Потемкинъ лѣтомъ 1783 года писалъ рѣдко, императрица не совсѣмъ была довольна имъ. Изъ Царскаго Села она писала 15 іюля: „Ты можешь себѣ представить, въ какомъ я должна быть безпокойствѣ, не имѣя отъ тебя ни строки болѣе пяти недѣль; сверхъ сего, здѣсь слухи бываютъ ложные, кои опровергнуть нечѣмъ. Я ждала занятія Крыма по крайнемъ срокѣ въ половинѣ мая, а теперь и половина іюля, а я о томъ не болѣе знаю, какъ и папа римскій; сіе неминуемо производитъ толки всякіе, кои мнѣ отнюдь не пріятны: я тебя прошу всячески, увѣдомляй меня почаще, дабы я могла слѣдить за теченіемъ дѣлъ; природная дѣятельность моего ума и головы измышляетъ тысячи мыслей, которыя часто мучатъ меня“. Узнавъ объ успѣшномъ окончаніи крымскаго дѣла, она писала князю: „Прямо ты другъ мой сердечный. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ“. Въ письмѣ отъ 31 августа сказано: „Ожидала-ли я, чтобъ ты всекрайне опечалилъ меня извѣстіемъ о твоей опасной болѣзни... Просила я тебя, да и прошу ради самого Бога, и естьли меня любишь, приложи болѣе прежняго стараніе о сбереженіи драгоцѣннаго твоего для меня здоровья... Браниться съ тобою и за то хочу, для чего въ лихорадкѣ и въ горячкѣ скачешь повсюду; теперь крайне буду безпокойна, пока отпишешь что каковъ.“. Въ сентябрѣ она писала: „Другъ мой сердечный, я объ тебѣ въ крайнемъ безпокойствѣ, и для того посылаю нарочнаго курьера, чтобъ узнать, каковъ ты? Отъ постороннихъ людей слышу, что маленько будто лучше тебѣ“ [1]).

Присоединеніе Крыма къ Россіи легко могло имѣть слѣдствіемъ столкновеніе между Россіею и Портою. Уже въ 1783 году ожидали разрыва. Недаромъ Потемкинъ все время переписывался съ Булгаковымъ. Именно въ то время, когда состоялось занятіе Крыма, Булгаковъ писалъ Потемкину о настроеніи умовъ въ Константинополѣ, о появленіи какой-то книги, въ которой заключалось пророчество неминуемо пред-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 269, 276—279.

стоявшаго крушенія Турецкой имперіи [1]). Любопытно, что Потемкинъ скоро послѣ присоединенія Крыма къ Россіи мечталъ о поѣздкѣ въ Константинополь и писалъ о своемъ намѣреніи Булгакову. Послѣдній не совѣтовалъ князю посѣтить Турцію. Въ его письмѣ отъ 15 (26) марта 1784 года сказано: „Здѣсь почитаютъ вашу свѣтлость нашимъ верховнымъ визиремъ. Прибытіе ваше сюда не можетъ быть утаено и произведетъ суматоху въ народѣ, коей и понынѣ еще Сераль и Порта опасаются, ибо думаютъ, что духи еще не успокоились“ и проч. [2]).

Около этого времени, не только крымскія дѣла, но и всѣ части турецкой монархіи обращали на себя вниманіе Потемкина. Онъ зналъ обо всемъ, что происходило въ Дунайскихъ княжествахъ и на Кавказѣ. Всюду онъ имѣлъ своихъ агентовъ, съ которыми велъ переписку [3]). Съ Булгаковымъ онъ переписывался о заключеніи турецко-русскаго торговаго договора, съ Павломъ Потемкинымъ — о дѣлахъ Грузіи [4]); академикъ Палласъ составилъ по желанію Потемкина проектъ учрежденія военныхъ колоній на Кавказѣ [5]); о персидскихъ дѣлахъ князь переписывался съ Безбородкою [6]) и пр. Во все это время онъ очень часто бывалъ въ дорогѣ. Занимаясь управленіемъ южной Россіей, онъ часто ѣздилъ въ столицу. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1783 года, онъ уже въ мартѣ 1784 года снова покинулъ столицу. Сообщая объ отъѣздѣ князя, Безбородко въ письмѣ къ А. Р. Воронцову замѣчаетъ: „Онъ полагаетъ первые четыре или пять мѣсяцевъ года всегда проживать въ своихъ намѣстничествахъ“ [7]). Въ іюлѣ этого же года онъ опять былъ въ Петербургѣ [8]). Около этого же вре-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLVII, 70.

[2]) „Р. Архивъ“, 1866, 1574.

[3]) „Minerva“, 1797, IV, 303—309.

[4]) „Minerva“, 1798, 26. „Зап. Од. Общ.“, VIII, 201 и слѣд. „Р. Арх.“, 1879, II, 430 и слѣд.

[5]) Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats“, VI, 69.

[6]) „Арх. кн. Воронцова“, XIII, 53—54.

[7]) „Арх. кн. Воронцова“, XIII, 48.

[8]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 337.

мени была рѣчь о путешествіи Потемкина въ Италію, чему, однако, не суждено было осуществиться [1]). Осенью 1785 г. онъ собирался ѣхать на Кавказскую линію [2]). Въ 1786 году онъ, побывавъ въ столицѣ, осенью отправился на югъ, куда собиралась ѣхать немного позже императрица. На пути туда онъ побывалъ въ Ригѣ, гдѣ ему былъ оказанъ самый торжественный пріемъ [3]).

Въ качествѣ президента военной коллегіи и фельдмаршала Потемкинъ во все это время занимался администраціей войска. Безбородко писалъ о немъ въ 1784 году: „По военной коллегіи не занимается онъ кромѣ секретныхъ и самыхъ важныхъ дѣлъ, давъ скорое теченіе прочимъ“ [4]). „Потемкинъ ворочалъ военною частью“, — писалъ о немъ впослѣдствіи Завадовскій [5]). Онъ былъ, такъ сказать, военнымъ министромъ. Фельдмаршаломъ онъ сдѣлался въ началѣ 1784 года [6]). Важныя реформы его въ военномъ дѣлѣ относятся къ 1783 и 1784 годамъ. Въ подробной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ на технику обученія солдатъ, на ихъ одежду, уборку волосъ и пр. Тутъ развиваются мысли о большей свободѣ, о сбереженіи силъ и времени военныхъ, о гуманномъ обращеніи съ солдатами. Онъ ратовалъ противъ „вреднаго щегольства, удручающаго тѣло“; встрѣчаются очень дѣльныя замѣчанія объ исторіи одежды и вооруженія солдатъ; князь между прочимъ рѣзко порицаетъ „педантство“ иностранныхъ офицеровъ. „Имъ казалось“,—писалъ онъ,—„что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая же себя такою дрянью, они не знаютъ самыхъ важныхъ вещей“. Дальше сказано: „Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское-ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ дол-

---

[1]) Zinkeisen, VI, 488.
[2]) „Арх. кн. Воронцова“, XIII, 97.
[3]) Herrmann, Ergänzungsband, 643.
[4]) „Арх. кн. Воронцова“, XIII, 48.
[5]) „Арх. кн. Воронцова“, XII, 104.
[6]) См. письмо Н. П. Румянцева къ А. Р. Воронцову, въ „Арх. кн. Воронцова“, XXVII, 109.

женъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ и готовъ“ [1]). Все это изложено весьма подробно; указаніе на частности свидѣтельствуетъ о полномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Въ этомъ смыслѣ были проведены реформы, которыми восхищались современники. Самойловъ хвалитъ „вниманіе князя объ искорененіи жестокихъ наказаній, попеченіе его объ обогащеніи солдатскихъ артелей и объ устроеніи лазаретовъ“ и проч. „Солдаты русскіе,“—говоритъ онъ далѣе,—„никогда не забудутъ того, что князь Григорій Александровичъ остриженіемъ волосъ избавилъ ихъ отъ головныхъ болѣзней, отъ лишнихъ напрасныхъ издержекъ для мазанія пудреной головы“ [2]). Довольны были этими нововведеніями также и другіе современники [3]). Даже графъ С. Р. Воронцовъ, вообще очень рѣзко осуждавшій дѣятельность князя, хвалитъ его за введеніе удобнаго и соотвѣтствующаго климату обмундированія войска [4]). Державинъ одобрялъ введеніе княземъ легкихъ сапожковъ—ботинъ [5]). Солдаты сочинили пѣсню о перемѣнѣ солдатской прически: „Дай Богъ тому здоровье, кто выдумалъ сіе; виватъ, виватъ, кто выдумалъ сіе“ и проч. [6]). Энгельгардтъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что одинъ гренадеръ говорилъ по случаю кончины Потемкина: „Покойный его свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу: довольствовалъ насъ всѣми потребностями; словомъ сказать, мы были избалованныя его дѣти“ и проч. [7]).

Менѣе довольны Потемкинымъ были офицеры, какъ видно изъ слѣдующей записки князя къ Суворову, найденной въ бумагахъ послѣдняго (безъ числа): „Свѣдалъ я, что офицеры

---

[1]) Эта записка напечатана въ „Русской Старинѣ“, VIII, 722—727 и въ „Русскомъ Архивѣ“ (1888), II, 364—367.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1867, 581—582, см. тамъ же стр. 1575—1576.

[3]) См., напр., „Записки Энгельгардта“, 40.

[4]) См. „Архивъ князя Воронцова“, X, 473.

[5]) Гротъ, „Державинъ“, I, 415.

[6]) „Русская Старина“, VIII, 817.

[7]) Энгельгардтъ, Зап. 100.

ваши разглашаютъ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что еслибы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно симъ угождали. То и извольте имъ сказать, что легкій способъ все кончить: отстать мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми остаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ государственною обороною“ [1]).

Впрочемъ, были слышны и чрезвычайно неблагопріятные отзывы о военной администраціи Потемкина. Графъ С. Р. Воронцовъ сильно порицалъ чрезмѣрное обращеніе вниманія князя на конницу [2]). Послѣ кончины Потемкина Безбородко писалъ о „воинскомъ хаосѣ“, находя „болѣе всего странною страсть князя къ казакамъ, которая до того простиралася, что онъ все видимое превращалъ въ это названіе“ [3]). Въ средѣ иностранцевъ находили, что нововведенія Потемкина повредили дисциплинѣ въ войскѣ [4]). Саксонскій дипломатъ Сакенъ доносилъ своему правительству о страшномъ безпорядкѣ, яко-бы господствовавшемъ въ военной администраціи вслѣдствіе небрежности Потемкина [5]). Ходили слухи о неудовольствіи Алексѣя Орлова, Румянцева и другихъ лицъ по поводу мѣръ принятыхъ княземъ, и разныхъ злоупотребленій [6]). Особенно рѣзко осуждалъ военную организацію Потемкина князь Кочубей, обращая главное вниманіе на распущенность солдатъ, развившуюся вслѣдствіе мѣръ Потемкина и необдуманнаго формированія имъ новыхъ и новыхъ полковъ конницы [7]). Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Пизы своему брату въ 1785 году: „Князь Потемкинъ, даромъ что

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1886, I, 308.

[2]) „Архивъ князя Воронцова“, X, 479.

[3]) „Архивъ князя Воронцова“, XIII, 227.

[4]) „Minerva“, 1798, III, 218. Герцогъ Ришельё писалъ: „Les ressorts de la discipline étaient relâchés. La faute est au prince Potemkin, qui pour se faire aimcer du soldat, a diminué l'autorité de l'officier et donne toujours tort à celui-ci, quand un soldat vient se plaindre. Depuis la mort du prince la discipline se rétablit“ etc. „Сб. Ист. Общ., LIV. 151.

[5]) Herrmann, Ergänzungsband, 633.

[6]) Herrmann, Ergänzungsband, 651. Гарновскій въ „Р. Старинѣ“, XV, стр. 23. „Minerva“, 1798, I, 367.

[7]) „Архивъ князя Воронцова“, XVIII, 55.

онъ военный министръ, ничуть не годится для этой должности; онъ вздумалъ сооружать крѣпости при помощи нехорошихъ топографическихъ картъ; такимъ образомъ былъ построенъ Херсонъ, такимъ образомъ сооружена Моздокская линія укрѣпленій; напрасно спеціалисты, люди знающіе старались убѣждать князя въ невозможности такого образа дѣйствій; онъ считалъ себя Вобаномъ и вѣрилъ безусловно въ свою способность къ математикѣ“ [1]).

Очень невыгодно отзывался о дѣятельности князя въ качествѣ военнаго администратора князь Ю. В. Долгорукій, въ запискахъ котораго сказано: „По вытѣсненіи графа Чернышева Потемкинъ сдѣлался президентомъ военной коллегіи. Въ начальство Чернышева армейскія дѣла шли можно сказать по музыкальнымъ нотамъ, а Потемкинъ въ арміи все разстраивалъ по разнымъ преображеніямъ (sic) войскъ. Гусарскіе полки, кои были всегда очень хороши, передѣлалъ въ легкоконные“. Затѣмъ князь Долгорукій разсказываетъ, какъ эти легкоконные полки находились въ разстройствѣ, но какъ онъ, получивши командованіе надъ ними, привелъ ихъ въ хорошее состояніе и какъ эти полки, показанные Екатеринѣ въ Кременчугѣ въ 1787 г., понравились императрицѣ [2]).

Адмиралъ Чичаговъ замѣтилъ въ 1805 году, что именно Потемкинъ внушилъ императрицѣ Екатеринѣ убѣжденіе въ необходимости содержанія сильнаго флота; при этомъ князь обвиняется имъ въ томъ, что флотъ долженъ былъ служить лишь орудіемъ княжескаго честолюбія [3]). Современники, приверженцы Потемкина, удивлялись опытности и знанію дѣла, которыя онъ обнаруживалъ по этой части ввѣренной ему администраціи [4]). Сооруженіе флота на Черномъ морѣ обусловливалось наступательными дѣйствіями Россіи противъ Турціи въ это время. Въ разныхъ мѣстахъ были построены верфи. Въ Херсонѣ Потемкинъ завелъ морской кадетскій корпусъ и

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, IX, 26—27.

[2]) „Р. Старина“ (1889), т. LXIII. стр. 509.

[3]) См. письмо Чичагова къ С. Р. Воронцову въ „Арх. князя Воронцова“, XIX, 150.

[4]) Самойловъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1867 г., стр. 1577.

училища штурманское и корабельной архитектуры [1]). Основаніе Севастопольской гавани было эпохою въ исторіи русскаго флота [2]). Объ этомъ предметѣ князь переписывался съ императрицею. Въ одномъ изъ его писемъ, въ которомъ онъ проситъ ее позаботиться о доставленіи флотскихъ офицеровъ и матросовъ, между прочимъ сказано: „Прикажите отрядить хорошихъ, а то что барыша, когда въ новое мѣсто нашлютъ дряни. Ежели бы приказали великому князю, какъ генералъ-адмиралу, сей нарядъ сдѣлать, сказавши, что ваша воля есть чтобъ люди были годные, то бы конечно разборъ былъ лучшій. Я, матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ не слѣдуешь по стезямъ другого“ [3]). Спустивъ первый корабль съ Херсонской верфи, Потемкинъ сообщилъ императрицѣ, что намѣренъ наименовать его, „Слава Екатерины“. „Это наименованіе“, писалъ онъ, „я берусь оправдать и въ случаѣ дѣйствительномъ“ [4]). Она отвѣчала: „Пожалуй не давай кораблямъ очень огромныя имена, чтобы слишкомъ знаменитыя имена не стали бы въ тягость, и чтобы не было слишкомъ затруднительно выполнить имъ подобную карьеру; впрочемъ, какъ хочешь съ именами; держи узду въ рукахъ, потому что лучше быть, чѣмъ казаться и не быть“ [5]). Потемкина не разъ затѣмъ обвиняли въ томъ, что флотъ имъ построенъ слишкомъ наскоро и при этомъ былъ употребленъ негодный матеріалъ [6]); тѣмъ не менѣе нельзя не отдавать ему справедливости въ томъ, что созданный имъ флотъ успѣшно сражался съ турецкимъ; значитъ, оказался не совсѣмъ негоднымъ.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1867, 1564.

[2]) См. подробности въ монографіи „Начало учрежденія Россійскаго флота на Черномъ морѣ и дѣйствій его съ 1778 по 1798 годъ“ въ „Запискахъ Одесскаго Общ.“, IV, 261—303.

[3]) „Русская Старина“, XII, 697.

[4]) „Русская Старина“, XII, 689.

[5]) „Сборникъ Ист. Общ.“, XXVII, 265.

[6]) Безбородко писалъ въ 1795 году: „Потемкинъ умѣлъ выводить въ море гнилые корабли въ большомъ числѣ“. „Сб. Ист. Общ.“, XXIX, 290.

„Лучше быть, чѣмъ казаться“,—писала Екатерина. Этого правила не всегда придерживался Потемкинъ при постройкѣ новыхъ городовъ въ ввѣренныхъ ему намѣстничествахъ. Екатерина называла, какъ мы видѣли выше, учрежденный въ 1778 году городъ Херсонъ „молодымъ колоссомъ“; между тѣмъ это новое созданіе Потемкина вовсе не заслуживало такого громкаго имени. Городъ, впрочемъ, развивался быстро. Хемницеръ, бывшій тамъ проѣздомъ въ 1782 году, на пути въ Константинополь, не могъ надивиться быстрому возрастанію и украшенію его [1]). Уже въ 1776 году туда былъ опредѣленъ архіепископомъ грекъ Булгарисъ, польстившій Потемкину переводомъ на греческій языкъ стиховъ Петрова, сочиненныхъ въ честь князя [2]). Въ Херсонѣ Потемкинъ бывалъ очень часто и руководилъ происходившими тамъ работами, на которыя тратились громадныя суммы. Развитіе города было задержано, между прочимъ, чумою, которая свирѣпствовала въ немъ два года [3]); Самойловъ говоритъ по этому поводу: „Предположеніе Потемкина было, чтобы сдѣлать сей городъ знаменитымъ и толико же цвѣтущимъ, каковъ былъ древній Херсонъ въ Херсонесѣ Таврическомъ... Григорій Александровичъ предполагалъ произвесть на этомъ мѣстѣ то, что Петръ Великій произвелъ на зыбкомъ грунтѣ въ Петербургѣ... Чрезъ два года по основаніи уже въ Херсонъ приходили корабли и отправлялись съ грузомъ и подъ россійскимъ флагомъ. Народъ стремился со всѣхъ сторонъ и обогащался. Иностранцы завели коммерческіе домы“ [4]). Но фактическое развитіе Херсона не соотвѣтствовало панегирическому тону въ разсказѣ племянника князя. Херсонъ не сдѣлался вторымъ Петербургомъ.

Особенно рельефно выступаетъ разница между предна-

---

[1]) „Р. Старина“, V, 223.

[2]) „Древняя и новая Россія“, 1876, I, 217.

[3]) Записки Дримпельмана въ „Р. Арх.“, 1881, I, 33—35.

[4]) Самойловъ въ „Р. Арх.“, 1867, 1214—1215. См. также очеркъ Новороссійскаго края въ „Зап. Од. Общ.“, V, 435 и слѣд. О Херсонѣ см. еще нѣкоторыя замѣчанія въ сочиненіи „Anekdoten zur Lebensgeschichte des Fürsten Potemkin“. Freistadt am Rhein, 1792, стр. 214—218.

чертаніями и успѣхами Потемкина при основаніи Екатеринослава — города, предназначеннаго для возвѣщенія всему свѣту славы императрицы.

Уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ императрица, между прочими распоряженіями по устройству Екатеринославской губерніи, приказала Потемкину избрать мѣсто для постройки города по правой сторонѣ Днѣпра [1]), а въ 1784 году повелѣно было учредить университетъ въ Екатеринославѣ [2]). Въ началѣ 1785 года явилось множество рабочихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось строить городъ. Въ донесеніи князя императрицѣ отъ 4 и 6 октября 1786 года указывается на значеніе Екатеринослава и богатство всего края, говорится о необходимости устроить тамъ университетъ и выражается надежда, что „по сосѣдству Польши, Греціи, земель Волошской, Молдавской и народовъ иллирійскихъ, множество притечетъ юношества обучаться“ [3]). Далѣе сказано, что „слѣдуетъ выстроить храмъ въ подражаніе храма св. Петра въ Римѣ, въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ и обиталище звѣрей въ благопріятное пристанище людямъ, изъ всѣхъ странъ текущихъ“. Затѣмъ Потемкинъ предлагаетъ построить „судилище на подобіе древнихъ базиликъ“, „лавки полукружіемъ на подобіе Пропилей или преддверія Аѳинскаго“, съ биржей и театромъ посрединѣ. Кромѣ того, Потемкинъ предполагалъ учредить „музыкальную академію или консерваторію“, двѣнадцать фабрикъ—шерстяную, шелковую, суконную и проч. Ко всему этому онъ прибавилъ, что для всѣхъ предполагаемыхъ зданій уже заготовлено довольно строительныхъ матеріаловъ [4]). Относительно университета, немедленно были приняты мѣры для его устройства. Предполагали строить обсерваторію, жилища для профессоровъ и студентовъ. Уже въ 1785 году назначено было жалованье университетскимъ

---

[1]) „Пол. собр. зак.“ №№ 15908, 15910.
[2]) „П. с. з.“ № 16057.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1865, стр. 722—747.
[4]) „Русскій Архивъ“, 1865, стр. 394.

наставникамъ (20,178 рублей), учреждена была университетская канцелярія и приглашены были нѣкоторые преподаватели. Знаменитый композиторъ Сарти былъ опредѣленъ директоромъ музыкальной консерваторіи съ жалованьемъ 3,500 рублей и разными другими доходами. Громадныя суммы были ассигнованы на устройство университета и на постройку города. Учреждены были строительныя коммиссіи. Городъ долженъ былъ имѣть пространство въ 300 квадратныхъ верстъ, выгонной земли для пастбища городского скота предназначалось до 80,000 десятинъ, улицы должны были имѣть ширину въ 30 саженей.

На заведеніе одной чулочной фабрики назначено было 340,000 рублей; изъ этой суммы истрачено было 240,000 р. на постройку 200 избъ для мастеровыхъ [1]). На чулочной фабрикѣ, которую успѣли устроить въ Екатеринославѣ, были, какъ разсказываютъ, приготовлены шелковые чулки до того тонкіе, что они вложены были въ скорлупу грецкаго орѣха и поднесены Екатеринѣ. Великолѣпный домъ Потемкина отдѣлали совершенно. При домѣ былъ садъ съ двумя оранжереями: одна ананасовая, другая — изъ лавровыхъ, померанцевыхъ, лимонныхъ, апельсиновыхъ, гранатныхъ, финиковыхъ и другихъ деревьевъ [2]). Церковь должна была имѣть 71 сажень длины, 21 сажень ширины; проектъ вида собора былъ составленъ итальянцемъ Моретти [3]).

Результаты всей этой дѣятельности не соотвѣтствовали надеждамъ и намѣреніямъ Потемкина. Желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся производительностью, густымъ населеніемъ и проч., — князь не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцеляріи Потемкина видно, какъ многостороння и неусыпна была его дѣятельность по управленіи южною Россіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней очевидны лихорадочность, поспѣш-

---

[1]) „Зап. Од. Общ.“, II. 773 и слѣд.; II, 332; III, 138, V, 426 и слѣд.,
[2]) „Зап. Од. Общ.“, V, 437.
[3]) См: краткій указатель музея въ Одессѣ. Одесса, 1867 г., стр. 19.

ность, самообольщеніе, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ, виноградниковъ и шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей — все это предпринималось чрезвычайно размашисто, въ большихъ размѣрахъ, причемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Но, къ сожалѣнію, многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; осуществилась лишь самая ничтожная часть смѣлыхъ проектовъ [1]).

Исторія учрежденія Николаева немного позже походитъ на исторію начала Херсона и Екатеринослава. И тутъ кипучая дѣятельность, множество ордеровъ, трата весьма значительныхъ суммъ денегъ — не повели къ особенно важнымъ результатамъ. И тутъ число рабочихъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ; Потемкинъ мечталъ о заведеніи аптекарскаго сада въ большихъ размѣрахъ, объ устройствѣ мастерскихъ для снабженія флота соленымъ мясомъ и консервами изъ овощей, пильныхъ мельницъ, образцовыхъ сельско-хозяйственныхъ фермъ и проч. [2]). Однако новый городъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе напр. на врача Дримпельмана, посѣтившаго его въ 1788 году. Городъ составляли отдѣльныя хижины изъ тростника или жилища, выкопанныя въ землѣ; гигіеническія условія были ужасны. Впрочемъ, Дримпельманъ замѣчаетъ, что постройка новаго города „шла впередъ съ изумительною быстротою“, и въ теченіе года было выстроено болѣе полутораста домовъ. Лѣсъ и другіе строительные матеріалы доставлялись въ изобиліи на казенный счетъ по Бугу и продавались весьма дешево желавшимъ поселиться въ новомъ городѣ [3]).

Иностранцы, не расположенные къ Потемкину, находили, что всѣ эти работы, происходившія подъ руководствомъ князя,

---

[1]) См. мое соч. „Исторія Екатерины II“, изд. Суворина, Спб. 1885, стр. 610 и 611.

[2]) См. статью „Мирныя предначертанія князя Потемкина“ въ „Р. Арх.“, 1874, II, 289—302. См. также „Зап. Од. Общ.“, IV, 363 и слѣд.

[3]) „Р. Арх.“, 1881, 48—50.

обходились казнѣ слишкомъ дорого. Мильоны, истраченные княземъ на администрацію въ Крыму, оказались далеко невыгодною капитализаціею. Нѣкоторые авантюристы-спекуляторы съумѣли при такомъ случаѣ дѣйствовать въ свою пользу. Купецъ Антуанъ, пользовавшійся покровительствомъ графа Сегюра и Потемкина, занимался контрабандною торговлею [1]). Графъ С. Р. Воронцовъ, бывшій посланникомъ въ Англіи, сильно порицалъ намѣреніе Потемкина заселить Крымъ преступниками и каторжниками изъ Англіи, и отъ себя принялъ мѣры, чтобы воспрепятствовать приведенію въ исполненіе такого страннаго и оскорбительнаго для достоинства Россіи намѣренія. Онъ представилъ императрицѣ всю несообразность и нелѣпость этого проекта; императрица вполнѣ убѣдилась въ нелѣпости затѣи князя. Потемкинъ, задѣтый за живое такимъ образомъ дѣйствій Воронцова, никогда не могъ простить ему этой помѣхи [2]). Чрезвычайно рѣзко обвиняли Потемкина въ невниманіи къ интересамъ переселенцевъ, которыхъ онъ разными обѣщаніями старался привлечь въ Крымъ [3]). Ходили слухи о чемъ-то въ родѣ набора по всей имперіи нѣсколькихъ тысячъ дѣвушекъ, которыхъ Потемкинъ хотѣлъ выдать замужъ за колонистовъ въ Крыму; разсказывали о страшныхъ притѣсненіяхъ, заставлявшихъ не только прежнихъ жителей Крыма, татаръ, но и прибывшихъ туда грековъ спасаться въ Турцію и проч. [4]).

Но, не смотря на все это, было бы несправедливо бросить тѣнь на всю вообще административную дѣятельность Потемкина.

Безпристрастные современники умѣли цѣнить признаки прогресса, совершавшагося на югѣ въ это время. Такъ, напр., слѣдующее письмо Кирилла Григорьевича Разумовскаго къ

---

[1]) См. письмо Безбородки въ „Арх. кн. Воронц.“, XIII, 109.

[2]) Безбородко писалъ С. Р. Воронцову объ этомъ дѣлѣ. „Арх. кн. Воронцова“, XIII, 102. С. Р. Воронцовъ къ Панину въ 1801 г. „Арх. кн. Воронц.“, XI, 177—179.

[3]) „Minerva“, 1797, IV, 129.

[4]) См. депеши прусскаго дипломата Гёрца въ 1785 г. въ сочиненіи Цинкейзена, „Gesch. d. osman. Reiches“, VI, 620—621.

Ковалинскому, отъ 22 іюня 1782 года, заслуживаетъ полнаго вниманія. Совершивъ путешествіе на югъ, бывшій гетманъ писалъ: „Въ сдѣланномъ мною въ Херсонѣ вояжѣ я ощущалъ особливое удовольствіе, ибо неточію въ путешествіи семъ не имѣлъ никакого безпокойства, но зрѣніе мое безпрестанно занималось пріятнымъ удивленіемъ, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, гдѣ въ недавнемъ времени едва кое-гдѣ разсѣянныя обрѣтаемы были ничего незначущія избушки, называемыя отъ бывшихъ запорожцевъ зимовниками, на сей пустотѣ, особливо по Херсонскому пути, начиная отъ самаго Кременчуга, нашелъ я довольныя селенія верстахъ въ 20, въ 25 и не далѣе 30, большею же частью при обильныхъ водахъ. Что принадлежитъ до самаго Херсона, то, кромѣ извѣстнаго великолѣпнаго Днѣпра, сѣверный берегъ котораго здѣсь онымъ населяется, представьте себѣ множество всякій часъ умножающихся каменныхъ зданій, крѣпость, замыкавшую въ себѣ цитадель и лучшія строенія, адмиралтейство съ строющимися и построенными уже кораблями, обширное предмѣстье, обитаемое купечествомъ и мѣщанами разнородными съ одной стороны, казармы, около 10,000 военнослужащихъ въ себѣ вмѣщающія, съ другой. Присовокупите къ сему почти передъ самымъ предмѣстіемъ и видопріятный островъ съ карантинными строеніями, съ греческими купеческими кораблями и съ проводимыми для выгодъ сихъ судовъ каналами. Все сіе вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вамъ скажу, что я и понынѣ не могу выдти изъ недоумѣнія о толь скоромъ возвращеніи на мѣстѣ, гдѣ такъ недавно одинъ токмо обрѣтался зимовникъ. Не говорю уже о томъ, что сей городъ, конечно, въ скорости процвѣтетъ богатствомъ и коммерціею, сколь то видѣть можно изъ завиднаго начала оной. Херсонъ для меня столь показался пріятенъ, что я взялъ въ немъ и мѣсто для постройки дома, на случай, хоть быть тамъ некогда и согражданиномъ. Скажу вамъ и то, что не одинъ сей городъ занималъ мое удивленіе. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый-Кондакъ, лѣпоустроенный Екатеринославль.

Къ тому же присовокупить должно расчищенные и къ судоходству удобными сдѣланные Ненасытицкіе пороги съ проведеннымъ и проводимымъ при нихъ съ невѣроятнымъ успѣхомъ каналомъ, равно достойны всякаго вниманія и разума человѣческаго“ и проч. [1]).

Такой отзывъ доказываетъ, какъ осторожно нужно относиться къ сочиненіямъ въ родѣ біографіи Потемкина Гельбига, гдѣ просто осмѣяна административная дѣятельность князя. Любопытно, что тотъ самый французскій писатель, который въ 1808 году воспроизвелъ въ сущности сочиненіе Гельбига, въ той главѣ, гдѣ говорится объ управленіи Потемкинымъ южною Россіей, не соглашаясь съ мнѣніемъ автора монографіи, помѣщенной въ журналѣ „Minerva“, смягчилъ отзывы о вредѣ мѣръ, принятыхъ княземъ, указалъ на затрудненія, съ которыми приходилось бороться Потемкину, и похвалилъ результаты его дѣятельности [2]).

Писателямъ-памфлетистамъ въ родѣ Гельбига, иностраннымъ дипломатамъ, вообще любившимъ хулить все видѣнное ими въ Россіи, не могли быть извѣстны частности дѣятельности Потемкина. Послѣ того, какъ было опубликовано множество дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ этому предмету, рѣзкіе отзывы о князѣ оказываются совершенно несправедливыми. Просматривая переписку Коховскаго съ Потемкинымъ или съ Поповымъ, письма Синельникова къ князю, письма Потемкина къ Фалѣеву и пр., мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ князю принадлежитъ починъ во многомъ, насколько онъ заботился о реформахъ и старался быть полезнымъ краю.

Императрица, разумѣется, знала о работахъ Потемкина и поэтому цѣнила его дѣятельность, хотя, быть можетъ, она и придавала слишкомъ большое значеніе результатамъ его управленія. Къ тому же нельзя не признать, что князь располагалъ громадными суммами, пользовался неограниченнымъ кредитомъ и, какъ будетъ объяснено ниже, только въ видѣ

---

[1]) Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, I, 370—371.
[2]) „Vie du prince Potemkin“, Paris, 1808, стр. 86—90.

исключенія отдавалъ отчетъ въ истраченныхъ имъ мильонахъ. Правда, стремленія князя не всегда имѣли успѣхъ; грандіозные его проекты большею частію оставались проектами. Если, однако, принять во вниманіе всю трудность и сложность административныхъ задачъ вообще, если вспомнить о дикомъ состояніи края, гдѣ трудился Потемкинъ, то нельзя не относиться снисходительно къ нѣкоторымъ промахамъ, сдѣланнымъ княземъ, и къ сравнительно скромнымъ результатамъ, достигнутымъ имъ.

V.

Путешествіе Екатерины (1787 г.).

Кипучая дѣятельность князя Потемкина въ южной Россіи не могла не обратить на себя вниманія современниковъ. Недоброжелатели князя, конечно, не считали эту дѣятельность плодотворною. Утверждали напротивъ, что громадныя суммы, истраченныя Потемкинымъ, не приносятъ никакой пользы, что даже пріобрѣтеніе Крыма не стоило огромныхъ пожертвованій, требуемыхъ княземъ. По разсказу одного современника, мысль о путешествіи императрицы Екатерины въ полуденный край появилась вслѣдствіе интриги, направленной противъ Потемкина. Ермоловъ, — разсказываетъ Гельбигъ, — желая повредить Потемкину во мнѣніи Екатерины, уговаривалъ ее поѣхать на югъ и убѣдиться самолично въ неисправности администраціи князя [1]).

Разсказъ Гельбига основанъ на сплетняхъ. Онъ же разсказываетъ, что „Потемкинъ, узнавъ о намѣреніи Екатерины посѣтить ввѣренныя ему провинціи, сильно перепугался и даже сознался, что полученные имъ для административныхъ цѣлей три мильона рублей онъ истратилъ на собственныя частныя нужды“, и проч. Все это едвали заслуживаетъ вниманія. Ничего положительнаго неизвѣстно о томъ, какъ и почему именно у Екатерины явилось желаніе совершить путешествіе на югъ Россіи. Извѣстно только, что объ этой по-

---

[1]) „Minerva“, 1798, I, 364.

ѣздкѣ начали говорить уже въ 1784 году. Такъ какъ она состоялась не раньше первой половины 1787 года, то Потемкинъ достаточно располагалъ временемъ, чтобы подготовить управляемый имъ край и показать его Екатеринѣ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Если недоброжелатели Потемкина намѣревались при этомъ случаѣ нанести ударъ князю, то ихъ разсчеты оказались лишенными всякаго основанія. Онъ остался полнымъ побѣдителемъ. Употребивъ слишкомъ два года на подготовленіе края къ путешествію Екатерины, онъ устроилъ дѣло такъ ловко, что южный край, особенно благодаря стараніямъ князя, произвелъ на императрицу самое благопріятное впечатлѣніе.

Современники разсказывали разные анекдотическія черты о чрезмѣрномъ честолюбіи князя. Говорили напр., что Потемкинъ, предвидя путешествіе Екатерины, уже въ 1784 году удалилъ Тутолмина, оказавшаго ему важныя услуги при устройствѣ южной Россіи и Крымскаго полуострова, перемѣстивъ его въ Архангельскъ, чтобы, въ случаѣ пріѣзда императрицы, ни съ кѣмъ не дѣлить ея признательности [1]). Далѣе утверждали, что Потемкинъ, истрачивая въ своихъ губерніяхъ громадныя суммы для путешествія Екатерины, старался устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы Румянцевъ, управлявшій Малороссіей, былъ лишенъ средствъ для приведенія Кіева и прочихъ мѣстъ въ надлежащее состояніе [2]).

Какъ бы то ни было, Потемкинъ сдѣлалъ все возможное, чтобы доказать неосновательность слуховъ о недостаткахъ его управленія, чтобы восторжествовать надъ своими противниками. Богатство степнаго края, быстрое развитіе городовъ, изобиліе военныхъ запасовъ и снарядовъ, отличное устройство войска, значеніе военныхъ портовъ, прелесть южной природы въ Крыму, слѣды заботливости и результаты трудовъ князя во всемъ краѣ—все это должно было поразить Екатерину и обезоружить недоброжелателей князя. Путепе-

---

[1]) Blum, „Ein russischer Staatsmann“, II, 476.

[2]) Ségur, Mémoires, III, 47. О путешествіи вообще см. мою статью въ „Истор. Вѣстникѣ“, 1885—іюль, августъ и сентябрь.

ствіе императрицы, если оно и имѣло значеніе контроля надъ дѣйствіями Потемкина, должно было обратиться въ полное торжество его.

Заблаговременно начались приготовленія къ этой поѣздкѣ. Уже 13 октября 1784 года Потемкинъ отправилъ къ бригадиру Синельникову ордеръ, въ которомъ говорилось о приготовленіи на различныхъ станціяхъ извѣстнаго числа лошадей, о мѣстностяхъ, гдѣ во время путешествія должны быть приготовлены обѣденные столы, о дворцахъ, которые должны были строиться по присланному рисунку, о квартирахъ въ городахъ для свиты императрицы и т. д. [1]). Главныя приготовленія въ южномъ краѣ происходили въ 1876 году. Зимою Потемкинъ старался подготовить находившихся въ Кременчугѣ русскихъ, сербовъ, молдаванъ, грековъ къ пріѣзду Екатерины, давалъ имъ балы, концерты и другія пиршества. Тысячи рабочихъ трудились надъ созданіемъ Екатеринослава. На Днѣпрѣ строилась цѣлая галерная флотилія, на которой Екатерина и ея спутники должны были спуститься изъ Кіева до Херсона. Самая роскошная галера — „Днѣпръ“ — была назначена для Екатерины, другая — „Бугъ“ — для Потемкина. Что же касается приготовленій въ Крыму, то многія подробности о происходившихъ тамъ работахъ сдѣлались извѣстны изъ писемъ правителя Таврической области В. В. Коховскаго къ правителю канцеляріи В. С. Попову, для доклада Потемкину. Въ письмахъ говорится объ исправленіи уже существовавшихъ дорогъ и о проложеніи новыхъ, о постройкѣ дворцовъ на станціяхъ, объ экипажахъ и лошадяхъ, о мебели въ покояхъ, приготовленныхъ для императрицы, и проч. Далѣе, были приняты мѣры, чтобы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя проѣзжала императрица, ее встрѣчали и привѣтствовали толпы татаръ, киргизовъ, ногайцевъ, туркменъ [2]).

1786

---

[1]) „Зап. Од. Общ. ист. и др.“, II, 758.

[2]) „Зап. Од. Общ. ист. и др.“, X. 253 и слѣд. О кабардинцахъ см. письмо Попова къ Петру Потемкину въ „Р. Арх.“, 1879, II, 436. Множество новыхъ данныхъ объ административной дѣятельности Потемкина въ это время

Для путешествія Екатерины не только строились въ разныхъ мѣстахъ тріумфальныя ворота, но даже воздвигались цѣлые города, какъ напр. Алешинъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссіянами. Генералъ-маіору Синельникову было поручено позаботиться о приданіи Кременчугу вида столичнаго города. Архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово. Наконецъ, неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время для слушанія торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Екатерины итальянскимъ капельмейстеромъ Сарти [1]).

Хлопоты Потемкина продолжались и въ то время, когда уже началось путешествіе Екатерины. Онъ покинулъ столицу уже въ 1786 году, отправился въ свое намѣстничество заниматься приготовленіями къ пріему Екатерины и, когда она прибыла въ Кіевъ, присоединился къ путешественникамъ. Въ Кіевѣ онъ занималъ самое видное мѣсто между лицами, окружавшими императрицу. За нимъ, между прочимъ, ухаживали пріѣхавшіе въ Кіевъ поляки, представители оппозиціи противъ короля Станислава-Августа. Изъ „Записокъ“ Сегюра, сопровождавшаго императрицу въ этомъ путешествіи, видно, что Потемкинъ въ то время игралъ весьма важную роль и пользовался расположеніемъ государыни. Однако, въ то же самое время, въ Петербургѣ ходили слухи о разныхъ непріятностяхъ, съ которыми князю приходилось бороться. Гарновскій писалъ къ правителю канцеляріи Потемкина, В. С. Попову, что въ Петербургѣ говорили „о негодованіи (Екатерины) на свѣтлѣйшаго князя“; разсказывали далѣе, что Потемкинъ боленъ, что онъ по болѣзни не могъ доѣхать до Кіева. Въ

см. въ монографіи Арсенія Маркевича „Матеріалы Архива Канцеляріи Таврическаго губернатора относящіеся къ путешествію императрицы Екатерины II въ Крымъ“. Симферополь, 1891.

[1]) „Русская Старина“, XII. 693.

одномъ изъ писемъ Гарновскаго сказано: „Говорятъ въ городѣ и при дворѣ (т.-е. при такъ-называемомъ маломъ дворѣ, такъ какъ великій князь и его супруга оставались въ Петербургѣ) еще слѣдующее: Задунайскій и Ангальтъ приносили ея императорскому величеству жалобу на худое состояніе россійскихъ войскъ, отъ небреженія его свѣтлости (т.-е. князя Потемкина) въ упадокъ пришедшихъ. Его свѣтлость, огорчась на графа Ангальта за то, что онъ таковыя вѣсти допускаетъ до ушей ея императорскаго величества, выговаривалъ ему словами, чести его весьма предосудительными. Послѣ чего графъ Ангальтъ требовалъ отъ его свѣтлости сатисфакціи. Къ сему присовокупляютъ, что ея императорское величество не благоволитъ его свѣтлости... Многіе не въ пользу его свѣтлости толкуютъ и то, что его свѣтлость въ монастырѣ, а не во дворцѣ жить въ Кіевѣ изволилъ“ [1]).

Нельзя не считать вѣроятнымъ, что между Потемкинымъ и другими сановниками въ Кіевѣ происходили кое-какія недоразумѣнія. Существовала ненависть между Румянцевымъ и Потемкинымъ. Въ Петербургѣ даже говорили о намѣреніи Румянцева подать въ отставку. Сегюръ, какъ очевидецъ, разсказываетъ, что Потемкинъ въ Кіевѣ былъ невеселъ и даже не всегда бывалъ при дворѣ. Онъ поселился въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ его окружала толпа льстецовъ, надѣявшихся чрезъ милости князя достигнуть какихъ-либо выгодъ. Его странный образъ дѣйствій, между прочимъ, выражался въ томъ, что онъ то являлся въ пышной одеждѣ и блестящемъ мундирѣ, то угрюмый, брюзгливый, полуодѣтый, по цѣлымъ суткамъ лежалъ на диванѣ, даже въ присутствіи знатныхъ лицъ. „Потемкинъ глядитъ волкомъ“, сказала однажды Екатерина въ это время [2]). Съ особенною холодностью, пишетъ Сегюръ, Потемкинъ обращался съ графомъ Румянцевымъ и графомъ Штакельбергомъ. Его обращеніе съ поляками доходило иногда до крайней грубости. Когда Браницкій въ

---

[1]) „Р. Старина“, XV, 20--23.

[2]) Храповицкій 30 мая 1787. „Le prince tient du borgne et du louche“, писалъ о немъ принцъ де-Линь „Oeuvres“, II, 9. Ségur, II, 76—77.

чемъ-то заупрямился, Потемкинъ сталъ кричать на него и даже махалъ кулакомъ у него подъ носомъ. При Браницкихъ у Потемкина былъ однажды нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго обошлась съ нимъ нелюбезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу. Игнатія Потоцкаго онъ называлъ „scélérat", Казиміра-Нестора лгунишкой и другимъ нелестнымъ именемъ [1]). Всѣ боялись Потемкина. Такъ, напримѣръ, до его пріѣзда въ Кіевъ ходили кое-какіе неблагопріятные слухи о его управленіи; но лишь только онъ пріѣхалъ, всѣ начали раболѣпствовать передъ всесильнымъ княземъ; одинъ только Румянцевъ не скрывалъ своего нерасположенія къ нему и безцеремонно высказывалъ свое мнѣніе о недостаткахъ Потемкина [2]). Странности послѣдняго, впрочемъ, — какъ разсказываетъ Сегюръ, — не мѣшали ему и въ Кіевѣ, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ и родственниковъ, обнаруживать любезность, остроуміе и способность бесѣдовать о всевозможныхъ предметахъ [3]). Къ тому же онъ въ это время серьезно занимался дѣлами, переписывался съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ о восточномъ вопросѣ, бесѣдовалъ съ Сегюромъ объ отношеніи Франціи къ Турціи и находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ со множествомъ агентовъ, техниковъ, поставщиковъ и прикащиковъ, работавшихъ надъ приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію Екатерины. Эти работы оказывались столь сложными, что Потемкинъ, ради окончанія ихъ, старался удержать императрицу въ Кіевѣ какъ можно дольше [4]), чтобы выиграть время для подготовленія блестящаго пріема.

Изъ Кіева Потемкинъ ѣздилъ въ мѣстечко Фастово для свиданія съ польскимъ королемъ, причемъ послѣдній жаловался Потемкину на Браницкаго [5]). Говорили далѣе о пре-

---

[1]) Костомаровъ, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", въ „Вѣстникѣ Европы". 1869, апрѣль, 622 и 623.

[2]) Ségur, III, 70.

[3]) Ségur, III, 79.

[4]) Храповицкій, 4 апрѣля 1787 г.

[5]) Польскій историкъ Ксаверій Лиске сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этомъ свиданіи въ статьѣ: „Beiträge z. Gesch. d. Kaniower Zusammenkunft 1787" въ „Russische Revue", IV, 483—494.

образованіяхъ Потемкина въ южной Россіи, о его проектахъ учредить университетъ и музыкальную консерваторію въ Екатеринославѣ и пр. Долго бесѣдовалъ Потемкинъ съ епископомъ Нарушевичемъ. Съ королемъ Потемкинъ говорилъ о Польшѣ, о партіяхъ въ этой странѣ, о готовности императрицы, насколько это было возможно, исполнить желаніе короля. Чрезъ Штакельберга, бывшаго съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ узналъ, что Потемкинъ желалъ сдѣлаться польскимъ вельможею и что для этой цѣли онъ купилъ громадное имѣніе Смѣла. Наконецъ Потемкинъ коснулся еще богословскихъ вопросовъ, говоря объ уніи, причемъ обнаружилъ нѣкоторыя познанія въ области церковной исторіи.

Свиданіе Потемкина съ королемъ происходило въ мартѣ; въ концѣ апрѣля состоялось свиданіе Станислава-Августа съ императрицею въ Каневѣ. Потемкинъ игралъ при этомъ первенствующую роль. Такъ напр. послѣ торжественнаго обѣда, происходившаго на галерѣ „Десна“, король въ сопровожденіи Потемкина дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго. Въ присутствіи Потемкина происходилъ крупный разговоръ между королемъ и Браницкимъ. Потемкина король просилъ уговорить императрицу остаться нѣсколько дольше въ Каневѣ и отобѣдать у него [1]).

Екатерина не желала исполнить просьбы короля и въ двухъ запискахъ къ Потемкину, писанныхъ очевидно послѣ обѣда, объясняла князю, почему ей нужно, не теряя времени, продолжать путь. Очевидно Потемкинъ серьезно стоялъ за исполненіе желанія короля, и въ одной изъ записокъ императрицы къ князю сказано въ нѣсколько рѣзкомъ тонѣ: „Когда я что опредѣляю, тогда обыкновенно бываетъ то не на вѣтру, какъ въ Польшѣ часто случалось; итакъ ѣду завтра, какъ назначала, а ему желаю всякаго благополучія... Право, батинька, скучно“. Въ другой запискѣ ея говорится: „Пожалуй, дай ему (гостю) учтивымъ образомъ чувствовать,

---

[1]) См. подробности у Лиске, 496—497.

что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣту“ [1]).

Когда вечеромъ, послѣ бесѣды въ каютѣ императрицы, она дала почувствовать королю, что пора разставаться, Станиславъ-Августъ попотомъ сказалъ Потемкину: „Есть ли надежда, что можно остаться долѣе?“ Потемкинъ отвѣчалъ: „Нѣтъ“. Вслѣдъ затѣмъ онъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, гдѣ Екатерина простилась съ нимъ. Де-Линь затѣмъ разсказывалъ королю, что Потемкинъ говорилъ императрицѣ: „Вы меня компрометировали предъ королемъ и всею Польшею, столько сокращая свиданіе“ [2]). Въ свою очередь, императрица жаловалась на Потемкина, замѣтивъ на другое утро: „Князь Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться; король торговался на три, на два дня или хотя для обѣда на другой день“ [3]).

Если вообще разсказъ о замѣчаніи Потемкина, что Екатерина „компрометировала его передъ королемъ и Польшею“, заслуживаетъ довѣрія, то нельзя не замѣтить, что желаніе Потемкина угодить королю легко могло находиться въ связи съ нѣкоторыми честолюбивыми замыслами его въ отношеніи къ Польшѣ. Такое предположеніе подтверждается и разсказомъ принца де-Линя, будто онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Потемкинъ дѣлалъ выговоръ Браницкому за его образъ дѣйствій въ отношеніи къ королю, причемъ раздраженіе князя дошло до того, что онъ едва не прибилъ Браницкаго [4]).

Король и Потемкинъ остались взаимно довольными другъ другомъ. Можетъ быть даже, что этому выгодному впечатлѣнію, произведенному Станиславомъ-Августомъ на Потемкина, должно приписывать то обстоятельство, что король еще

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 407—408. Въ другой запискѣ къ Потемкину, 25 апрѣля, сказано: „Я на тебя сержусь: ты сегодня ужасно какъ неловокъ“ („Р. Старина“, XVI, 239).

[2]) Лиске, 498. Разсказъ самого короля.

[3]) Храповицкій, 26 апрѣля 1787 г.

[4]) Лиске, 499.

нѣсколько лѣтъ оставался на престолѣ [1]). Существуетъ разсказъ, будто король предлагалъ Потемкину обратить его помѣстья, находившіяся въ Польшѣ, въ особое владѣтельное княжество, зависимое отъ польской короны, подобно Курляндіи, однако князь отклонилъ отъ себя это предложеніе [2]); но это не согласуется съ воззрѣніями короля на событія этого времени. Станиславъ-Августъ съ трепетомъ взиралъ на опасность, грозившую ему въ случаѣ занятія Потемкинымъ какого-либо политическаго поста въ Польшѣ. Около этого времени ходили даже разные слухи объ обширныхъ интригахъ Потемкина въ отношеніи къ Польшѣ. Завадовскій 8 марта 1787 года писалъ къ А. Р. Воронцову: „Графъ А. А. (т.-е. Безбородко) пишетъ ко кнѣ, что Штакельбергъ, обще съ Браницкимъ и Потоцкимъ, находящимися въ Кіевѣ, интригу открылъ свою противъ короля польскаго, считая на помощь князя Потемкина“ [3]).

Не смотря на разногласіе между Потемкинымъ и Екатериною по вопросу о дальнѣйшемъ пребываніи путешественниковъ въ Каневѣ, не смотря на слухи о нерасположеніи Екатерины къ князю, мы не имѣемъ основанія думать, что императрица была недовольна княземъ. Она, напротивъ, была въ восхищеніи отъ приготовленій Потемкина къ дальнѣйшему путешествію. Недаромъ Гарновскій писалъ Попову послѣ того, какъ Екатерина со всею свитою уѣхала изъ Кіева: „Со времени отъѣзда ея императорскаго величества изъ Кіева, не только всѣ непріятные о его свѣтлости слухи вдругъ умолкли, но и всѣ говорятъ теперь о его свѣтлости весьма громко“ [4]).

Мѣры, принятыя Потемкинымъ для путешествія по Днѣпру, удивляли и Екатерину, и ея спутниковъ. Галеры были построены въ римскомъ вкусѣ и отличались огромными размѣрами и богатствомъ убранства. На особенно большой галерѣ „Десна“ находилась огромная столовая, въ которой императрица давала большіе обѣды. На галерахъ находилось около

---

[1]) Castéra, II, 125. То-же писалъ Фицъ-Гербертъ въ Англію, см. дневникъ Храповицкаго, 16 марта 1787 г.

[2]) Лиске, 485.

[3]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII, 38.

[4]) „Р. Старина“, XV, 23.

3,000 человѣкъ. Очень величественный видъ имѣла флотилія, окруженная со всѣхъ сторонъ шлюпками и челноками.

Въ нѣкоторыхъ особенно живописныхъ мѣстахъ путешественники осматривали берега, на которыхъ почти всегда толпился народъ. Стрѣляли изъ пушекъ. Происходили маневры казаковъ. Екатерина наслаждалась прекрасною весенней погодою, хвалила благорастворенный воздухъ, теплый климатъ, сожалѣла, что не на берегахъ Днѣпра построенъ Петербургъ, и проч. По распоряженію Потемкина, многія скалы на Днѣпрѣ были взорваны порохомъ для большей безопасности плаванія. Тѣмъ не менѣе путешествіе было нѣсколько медленнѣе, чѣмъ ожидали. Екатерина въ своихъ письмахъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, Сегюръ и принцъ де-Линь въ своихъ мемуарахъ и донесеніяхъ говорили о затрудненіяхъ и даже опасностяхъ, съ которыми приходилось бороться во время плаванія по Днѣпру. Нигдѣ, однако, не говорится о какихъ бы то ни было непріятностяхъ для Потемкина, вслѣдствіе несовсѣмъ удачнаго плаванія.

Въ Кременчугѣ, куда путешественники пріѣхали черезъ нѣсколько дней, началось полное торжество Потемкина, съ давнихъ поръ готовившагося съ особеннымъ великолѣпіемъ привѣтствовать Екатерину во ввѣренномъ ему намѣстничествѣ. Для императрицы было приготовлено весьма удобное помѣщеніе съ прекраснымъ садомъ. Екатерина была очень довольна. Зная объ интригахъ недоброжелателей князя, она съ своей стороны дѣлала все возможное для распространенія болѣе выгоднаго мнѣнія о Потемкинѣ. Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ она горячо хвалила Потемкина, особенно за приведеніе въ надлежащее состояніе войска.

Въ 1786 году была укомплектована армія. Нѣкоторые изъ лучшихъ полковъ находились въ Кременчугѣ и очень понравились Екатеринѣ, которой такимъ образомъ представился удобный случай полемизировать противъ недоброжелателей Потемкина. Такъ напр. она писала Еропкину: „Здѣсь нашла я треть конницы, той, про которую нѣкоторые не-

знающіе люди твердили донынѣ, будто она лишь счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ, однако же она дѣйствительно налицо и такова, какъ, можетъ быть, еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, разсказавъ любопытнымъ, ссылаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду и отдавали справедливость усердію ко мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ“ [1]). Въ другомъ письмѣ, къ Салтыкову, говорится: „Здѣсь я нашла три легкоконные полка, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные“ [2]).

Различіе между Кіевомъ и Кременчугомъ, то-есть между намѣстничествами графа Румянцева и князя Потемкина, бросалось въ глаза. Сегюръ, хваля успѣхи административной дѣятельности Потемкина, замѣчаетъ, что Екатерина сказала князю: „До самаго Кіева я могла думать, что механизмъ администраціи въ моей имперіи испорченъ; здѣсь же я нахожу, что онъ дѣйствуетъ съ полною силою“ [3]). Въ письмѣ къ Гримму императрица хвалила прекрасный домъ, въ которомъ помѣстилъ ее Потемкинъ. „Кременчугъ“,—писала она,—„прелестнѣйшая мѣстность, какую мнѣ случалось видѣть; здѣсь все пріятно. Мы нашли здѣсь расположенныхъ въ лагерѣ 15,000 человѣкъ . превосходнѣйшаго войска, какое только можно встрѣтить“, и проч. [4]). Въ такихъ же восторженныхъ выраженіяхъ Екатерина сообщала о своемъ пребываніи въ Кременчугѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и другимъ лицамъ [5]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее замѣчаніе въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову: „Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось, наипаче послѣ Кіева, который между нами ни

---

[1]) „Соч. Екатерины“, изд. Смирд. III, 342.

[2]) „Р. Арх.“, 1864, 966. См. замѣчаніе объ этихъ легкоконныхъ полкахъ въ запискахъ кн. Ю. В. Долгорукаго въ „Р. Старинѣ“ (1889), т. LXIII, стр. 509 и 510.

[3]) Ségur, „Mémoires“, III, 134.

[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 408—409.

[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XV, 95 и „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 1235.

единаго не получилъ партизана, и если бы я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала. Чтобы видѣть, что я не по-пусту имѣю довѣренность къ способностямъ фельдмаршала князя Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе; войска, которыя здѣсь, таковы, что даже чужестранные оныя хвалятъ неложно; города строятся; недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ, оттого что ничему не давано движенія, недоимки простираются до милліона, города мерзкіе и ничто не дѣлается“ [1]).

Вскорѣ послѣ пребыванія въ Кременчугѣ Екатерина должна была встрѣтиться съ императоромъ Іосифомъ II. Мы не знаемъ, справедливо ли замѣчаніе Гельбига, что не только императрица пригласила Іосифа къ участію въ путешествіи по южной Россіи, но что и Потемкинъ неоднократно писалъ къ императору объ этомъ свиданіи [2]). Во всякомъ случаѣ князь, въ ту минуту, когда Екатерина встрѣтилась съ Іосифомъ II на берегу Днѣпра, игралъ довольно важную роль. Разсказывая въ письмѣ къ барону Гримму объ этой встрѣчѣ съ Іосифомъ, Екатерина шутила о странномъ положеніи, въ которомъ очутились оба коронованныя лица: „Онъ (Іосифъ) разсчитывалъ обѣдать у меня; я же разсчитывала найти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина; а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города. Мы нашли (въ Кайдакахъ) князя Потемкина, только-что возвратившагося изъ своей поѣздки, и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассау въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники,—и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронацій, не случалось имѣть столь блистательной прислуги и столь плохаго обѣда“ и проч. [3]).

На другой день путешественники присутствовали при за-

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1864, стр. 966.
[2]) „Minerva“, 1798, II, 314.
[3]) „Сб И. Общ.“, XXIII, 410. Ségur, III, 138.

кладкѣ храма въ городѣ Екатеринославѣ. Ко времени прибытія императрицы на мѣсто постройки города по гигантскимъ планамъ Потемкина, княземъ въ Берлинѣ была заказана статуя императрицы, которая, однако, не была готова въ маѣ 1787 года [1]). Когда Екатерина, сопровождаемая Іосифомъ II, пріѣхала 8 мая къ этому мѣсту, оно, какъ пишетъ Самойловъ, „уже имѣло видъ пріятнаго обиталища“ [2]). Въ походной церкви, т.-е. въ шатрѣ, раскинутомъ на берегу Днѣпра, отслужили молебенъ, а затѣмъ происходила закладка собора. Храмъ этотъ долженъ былъ походить на храмъ св. Петра въ Римѣ. Мелочность честолюбія Потемкина доходила до того, что онъ приказалъ архитектору „пустить на аршинчикъ длиннѣе, чѣмъ соборъ въ Римѣ“ [3]). Іосифъ II и Сегюръ не безъ основанія скептически относились къ будущности Екатеринослава и въ бесѣдѣ между собою смѣялись надъ честолюбіемъ Потемкина. Скоро послѣ закладки храма постройка его была пріостановлена. Гораздо позже была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось строить громадный соборъ, церковь въ довольно скромныхъ размѣрахъ; фундаментъ проектированнаго собора, на который было истрачено болѣе 70,000 рублей, въ настоящее время составляетъ ея ограду. Въ музеѣ общества исторіи и древностей въ Одессѣ до сихъ поръ хранятся великолѣпные планы и рисунки колоссальнаго проекта Потемкина. Однако въ 1787 году Екатерина, какъ кажется, вполнѣ раздѣляла оптимизмъ своего друга и сотрудника. На пути въ Херсонъ она писала Еропкину: „Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; здѣсь все дѣлается и успѣваетъ... польза окажется со временемъ... здѣшніе жители всѣ безъ изъятія имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ эти примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину къ опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда

---

[1]) „Сб. И. Общ.“, XIII, стр. XIX.
[2]) „Р. Архивъ“, III, 1867, 1232.
[3]) „Р. Архивъ“, 1865, стр. 870.

въ умахъ людскихъ. Все вышеописанное оспаривать можетъ лишь слабость, либо страсть или невѣдѣніе“ [1]).

Въ Херсонъ Екатерина пріѣхала въ великолѣпной колесницѣ, въ которой сидѣла съ Іосифомъ II и Потемкинымъ. Херсонъ удивилъ даже иностранцевъ, бывшихъ въ свитѣ Екатерины. Крѣпость почти совершенно оконченная, большія казармы, адмиралтейство съ богатыми магазинами, арсеналъ со множествомъ пушекъ, два линейные корабля и одинъ фрегатъ, совершенно готовые на верфяхъ, казенныя зданія, нѣсколько церквей, частные дома, лавки, купеческіе корабли въ портѣ—все это свидѣтельствовало о неутомимой и успѣшной дѣятельности Потемкина [2]). Тогда думали, что Херсонъ сдѣлается вторымъ Амстердамомъ [3]). Даже Іосифъ II, весьма недовѣрчиво относившійся къ реформамъ и проектамъ Потемкина и Екатерины, замѣтилъ о Херсонѣ: „Cela a l’air de quelque chose“ [4]). Въ письмѣ Екатерины къ Салтыкову сказано между прочимъ: „Мы съ удивленіемъ и съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли, что здѣсь сотворено... Степи обѣщаютъ вездѣ изобиліе... гдѣ сажаютъ, тутъ принимается и растетъ... Прошу вспомнить, что шесть лѣтъ назадъ не было ничего... Крѣпость не въ примѣръ лучше кіевской... дома мѣщанскіе таковы, что и въ Петербургѣ не испортятъ ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейскихъ“ [5]). Еще подробнѣе хвалила Екатерина въ письмѣ къ Еропкину все видѣнное ею въ Херсонѣ, заключая свой разсказъ замѣчаніемъ: „Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краѣ приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной хвалы; усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные“ [6]). Въ этомъ же тонѣ Екатерина писала къ великимъ князьямъ Акеександру и Кон-

---

[1]) „Соч. Екатерины“, III, 344—345.
[2]) См. разсказы Сегюра, Самойлова и пр.
[3]) Колотовъ, „Ист. Екатерины“, III, 131.
[4]) Arneth, „Ioseph II und Katharina“, 359.
[5]) „Р. Арх.“, 1864, 969.
[6]) „Соч. Ек.“ изд. Смирд., III, 346—347.

стантину, къ Маріи Ѳеодоровнѣ и проч. [1]) Въ письмѣ къ Гримму сказано между прочимъ, послѣ подробнаго изложенія всего того, что Екатерина видѣла въ Херсонѣ: „Словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, гдѣ при заключеніи мира не было ни одной хижины, сдѣлались цвѣтущимъ городомъ и краемъ и ихъ процвѣтаніе будетъ возрастать изъ года въ годъ“ [2]).

Также и англійскій дипломатъ Фицъ-Гербертъ, сопровождавшій Екатерину, писалъ изъ Херсона: „Повидимому, императрица чрезвычайно довольна положеніемъ этихъ губерній, благосостояніе которыхъ дѣйствительно удивительно, ибо не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь была совершенная пустыня. Князь Потемкинъ“, сказано, впрочемъ, далѣе въ этомъ письмѣ, „конечно, позаботился о томъ, чтобы представить все съ наилучшей стороны“ [3]). О нѣсколько мелочномъ тщеславіи Потемкина при церемоніи спуска кораблей въ Херсонѣ пишетъ очевидецъ, нѣмецкій врачъ Дримпельманъ: „Государыня явилась запросто, въ сѣромъ суконномъ капотѣ, съ черною атласною шапочкою на головѣ. Графъ Фалькенштейнъ также одѣтъ былъ въ простомъ фракѣ. Князь Потемкинъ напротивъ блисталъ въ богато вышитомъ золотомъ мундирѣ со всѣми орденами“ и проч. [4]).

Іосифу и другимъ спутникамъ Екатерины Херсонъ понравился далеко не въ такой мѣрѣ, какъ самой императрицѣ. Императоръ, побывавъ въ Херсонѣ еще до встрѣчи съ Екатериною и тщательно осмотрѣвъ фортификаціонныя работы и проч., находилъ, что многаго здѣсь недоставало и военная администрація была далеко не совершенна; достойны вниманія также его замѣчанія о непрочности кораблей, построенныхъ изъ сыраго лѣсу, о неудачномъ выборѣ мѣста для постройки города и проч. [5]). Въ этомъ же скептическомъ и

---

[1]) Письма и бумаги Екатерины, издан. Бычковымъ. Спб., 1873, 44. „Сб. И. Общ.“, XXVII, 408 и XV, 108 и 110.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 410—411.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI. 183—184.

[4]) „Р. Арх.“, 1881, I, 40—43.

[5]) Arneth, „Ioseph II und Katharina“, 355—359.

строго-критическомъ тонѣ говоритъ о дѣятельности Потемкина въ Херсонѣ и графъ Сегюръ, который откровенно сообщилъ свое мнѣніе самому князю [1]).

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Херсонѣ путешественники отправились въ Крымъ чрезъ Кизикерманъ и Перекопъ. Сооружая этотъ путь, Потемкинъ предписывалъ: „Дорогу отъ Кизикермана до Перекопа сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ; я назову ее: Екатерининскій путь“ [2]). Въ Крыму весьма эффектнымъ эпизодомъ было окруженіе императрицы многочисленными депутаціями отъ татаръ, кабардинцевъ и пр. Этими манифестаціями, устроенными Потемкинымъ, онъ хотѣлъ убѣдить Екатерину въ расположеніи татаръ къ Россіи, между тѣмъ какъ современники считали татаръ весьма склонными освободиться отъ новаго правительства [3]).

Крымъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на императрицу, отдавшую и при этомъ случаѣ Потемкину, какъ главному виновнику пріобрѣтенія полуострова, полную справедливость. Изъ Бахчисарая она писала Еропкину: „Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ уничиженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края“ и проч. Въ заключеніе сказано: „Съ сими мыслями и съ немалымъ утѣшеніемъ ложусь спать сегодня, видя собственными глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу имперіи“ [4]). И въ письмахъ къ Гримму, къ Маріи Ѳеодоровнѣ и проч. Екатерина хвалила Тавриду. Въ бесѣдѣ съ разными лицами, ее окружавшими, она сказала между прочимъ: „Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого заплатили бы за то, но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ о бородахъ, при Петрѣ I выбритыхъ“ и проч. [5]). Безъ сомнѣнія Потемкинъ самъ старался внушить императрицѣ оптимистическій взглядъ, расходившійся съ пессимиз-

---

[1]) Mémoires, III, 143—144.
[2]) Надеждина, біогр. Потемкина, въ „Од. Альманахѣ“ на 1869 г., стр. 61.
[3]) Arneth, 362.
[4]) „Соч. Ек.“, III, 348.
[5]) Храповицкій, 21 мая 1787 г.

момъ или скептицизмомъ Іосифа II, Сегюра и другихъ спутниковъ Екатерины.

Потемкинъ былъ, такъ сказать, героемъ путешествія императрицы. Недаромъ она въ Бахчисараѣ прославляла Потемкина въ стихахъ на французскомъ языкѣ. Къ слову сказать, императрица, хорошо писавшая въ прозѣ, не отличалась стихотворнымъ дарованіемъ [1]). Потемкина хвалили за великолѣпный фейерверкъ, устроенный имъ въ честь императрицы въ Бахчисараѣ; кромѣ того онъ удивилъ путешественниковъ сооруженіемъ новой дороги до Инкермана чрезъ горы и вдоль по рѣкѣ Качѣ [2]).

Въ Инкерманѣ, гдѣ также былъ построенъ дворецъ, во время обѣда вдругъ отдернули занавѣсъ, закрывавшій видъ съ балкона, и такимъ образомъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, открылся видъ прекрасной Севастопольской гавани. На рейдѣ стояло 3 корабля, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскія лодки и 2 брандера. Открылась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Это зрѣлище было чуть ли не самымъ эффектнымъ моментомъ изъ всего путешествія Екатерины. Оно произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

Послѣ обѣда императрица вмѣстѣ съ Іосифомъ поѣхала въ Севастополь въ особой шлюпкѣ, заранѣе заказанной Потемкинымъ въ Константинополѣ и совершенно сходной съ султанскою [3]). Даже Іосифъ II былъ въ восхищеніи отъ этой великолѣпной гавани и предвѣщалъ ей великую будущность. Въ его письмѣ къ Ласи сказано, между прочимъ: „Императрица въ восхищеніи отъ такого приращенія силъ Россіи. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и нельзя вообразить себѣ, какъ всѣ за нимъ ухаживаютъ“ [4]).

---

[1]) См. „Зап. Храповицкаго, 23 и 28 мая 1787 года“, „Мемуары“ Сегюра, „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 1513, и письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковымъ, 147.

[2]) Pallas, II, 41.

[3]) См. порученіе Потемкина Булгакову заказать шлюпку, отъ 7 января 1787 года изъ Севастополя, въ „Рус. Архивѣ“, 1865, 413.

[4]) Arneth, 363—364. Екатерина подарила Потемкину пальмовую вѣтвь, которую получила отъ гросмейстера Мальтійскаго ордена. „См. Зап. Од. Общ.“, IV, 265.

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ Севастополя: „Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года ничего не было, я нашла довольно красивый городъ и флотилію довольно живую и бойкую на видъ; гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Цотемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость“ [1]).

Для проѣзда Екатерины изъ Севастополя по Байдарской долинѣ, тогда почти цѣликомъ принадлежавшей князю Потемкину [2]), была также сдѣлана новая дорога. Чтобы показать путешественникамъ пару ангорскихъ козъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, Потемкинъ заставилъ ихъ проѣхать туда горами по тяжелымъ дорогамъ, такъ что придворные экипажи были приведены въ страшный безпорядокъ и путешественники не раньше какъ въ часъ пополудни пріѣхали въ Бахчисарай [3]). Отдохнувъ здѣсь день, они чрезъ Акмечеть, нынѣшній Симферополь, гдѣ Потемкинъ успѣлъ устроить садъ въ англійскомъ вкусѣ и нѣсколько домовъ, поѣхали въ Карасубазаръ. Въ этомъ городѣ князь имѣлъ прекрасный дворецъ, окруженный садомъ, съ фонтанами и искусственнымъ водопадомъ. Немного повыше былъ построенъ дворецъ для Екатерины. Садъ, вечеромъ освѣщенный великолѣпнѣйшимъ образомъ, удивилъ всѣхъ своею красотою [4]). Фейерверкъ состоялъ изъ 300,000 ракетъ, и проч. [5]).

Внѣшній блескъ путешествія, маневры войскъ и флота, дворцы, сады, и проч.—все это не мѣшало современникамъ относиться скептически къ административной дѣятельности Потемкина. Въ письмахъ императора Іосифа II къ Ласи встрѣчаются болѣе или менѣе ѣдкія замѣчанія объ упадкѣ городовъ въ Крыму, особенно-же о печальномъ состояніи Кафы, куда путешественники поѣхали изъ Карасубазара, о неудовольствіи татаръ, готовыхъ отложиться отъ Россіи, о мно-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 412.
[2]) „Рус. Арх.“, 1867, стр. 1571.
[3]) О неудовольствіи Іосифа по этому поводу см. Арнета, 366.
[4]) Ségur. III. 195.
[5]) Arneth, 367.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

гихъ случаяхъ выселенія изъ Крыма въ другія мѣста, объ отчаянномъ положеніи иностранцевъ, поселившихся въ послѣднее время въ южной Россіи, и о разныхъ крупныхъ промахахъ Потемкина, какъ администратора. Но при всемъ томъ, нельзя было не удивляться тому, что̀ Потемкинъ въ короткое время успѣлъ сдѣлать на югѣ. Принцъ де-Линь отчасти даже и Сегюръ, восхищались тѣмъ, что̀ было создано имъ [1]). Изъ бесѣдъ Іосифа II съ Сегюромъ видно однако, что они не ожидали особенно прочныхъ результатовъ отъ административной дѣятельности Потемкина. Іосифъ, напримѣръ, говорилъ: „Я вижу во всемъ этомъ гораздо болѣе эффекта, нежели внутренней цѣны. Князь Потемкинъ дѣятеленъ, но онъ гораздо лучше умѣетъ начинать, нежели довершать. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь никакимъ образомъ не щадятъ ни денегъ, ни людей, то все можетъ казаться нетруднымъ. Мы, въ Германіи и во Франціи, не смѣли бы предпринимать того, что̀ здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ; рабы работаютъ; имъ вовсе не платятъ или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются, и я знаю, что въ продолженіе трехъ лѣтъ въ этихъ вновь пріобрѣтенныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе утомленія и вреднаго климата болотистыхъ мѣстъ, умерло около 50,000 человѣкъ; никто не жаловался, никто даже и не говорилъ объ этомъ“. Въ другой разъ Іосифъ замѣтилъ: „Вы видите, что здѣсь ни во что не ставятъ жизнь и труды человѣческіе; здѣсь строятся дороги, гавани, крѣпости, дворцы въ болотахъ; разводятся лѣса въ пустыняхъ безъ платы рабочимъ, которые, не жалуясь, лишены всего, не имѣютъ постели, часто страдаютъ отъ голода“. Сегюръ отвѣчалъ: „Все здѣсь начинается, ничто не оканчивается. Князь Потемкинъ часто оставлялъ то, что̀ только-что было начато; ни одинъ проектъ не составляется солидно; ни одинъ не исполняется до конца. Въ Екатеринославѣ мы видѣли начало города, который не будетъ обитаемъ, начало церкви, въ которой никогда не будетъ службы; мѣсто, избранное для Екатеринослава, безводное; Херсонъ

[1]) De Ligne, Oeuvres, III. 43.

окруженъ опасною болотистою атмосферою. Въ послѣдніе годы степи опустѣли хуже прежняго. Крымъ лишился двухъ третей своего прежняго населенія. Городъ Кафа разоренъ и никогда не поднимется болѣе. Одинъ Севастополь—дѣйствительно великолѣпное мѣсто, но еще пройдетъ много времени, пока тамъ будетъ порядочный городъ. Старались украсить все временно для императрицы. Послѣ отъѣзда ея всѣ чудеса исчезнутъ [1]). Я знаю князя Потемкина; его пьеса сыграна, занавѣсъ упалъ; князь займется теперь задачами или въ Польшѣ, или въ Турціи. Настоящая администрація, требующая постоянства, не согласуется съ его характеромъ". Іосифъ кончилъ бесѣду, назвавъ все путешествіе „галлюцинаціей" [2]).

Какъ бы то ни было, путешествіемъ императрицы Потемкинъ удивилъ современниковъ, какъ видно, между прочимъ, изъ письма Гарновскаго къ Попову, въ іюлѣ 1787 года: „Я сомнѣваюсь, чтобы кто болѣе превозносилъ хвалами походъ ея императорскаго величества въ Тавриду, какъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ. Сіе преимущество отдаю я потому, что онъ льстить не умѣетъ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ почти тако: Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и въ Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея императорское величество попустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явилися. Чортъ знаетъ, откуда взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ что...

---

[1]) На этотъ счетъ любопытно замѣчаніе въ письмѣ Гарновскаго къ Попову: „Вейкардтъ писалъ къ Либериху: Послѣ отъѣзда государыни въ Тавриду остались мы здѣсь (въ Херсонѣ), какъ овцы безъ пастыря или какъ сироты безъ отца и безъ матери. Ѣсть и пить нечего, купить нечего, да и кого объ ономъ спросить—не знаемъ". и проч. „Рус. Старина", XV. 27. Почти всѣ дворцы, построенные по поводу путешествія Екатерины, исчезли. См. частности этого упадка тотчасъ послѣ 1787 г. въ соч. Арс. Маркевича стр. 59 и слѣд.

[2]) Ségur, Mémoires, III. 149, 213—214. И въ бесѣдѣ съ герцогомъ Ришелье Іосифъ II смѣялся надъ результатами дѣятельности Потемкина. См. „Сб. Ист. Общ.", LIV, стр. 132.

Какое изобиліе въ ясствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ – ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я тогда ходилъ какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя: я-ли? гдѣ я? не мечту-ли, или не привидѣніе-ли вижу? Н-у! надобно правду сказать: ему—ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Кажется, не видно было, чтобъ онъ въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами... ну, подлинно удивилъ! Не духи ли какіе-нибудь ему прислуживаютъ“ [1]).

Любопытно также письмо Сегюра къ Потемкину, писанное тотчасъ же послѣ путешествія. Тутъ сказано между прочимъ по поводу заявленія о намѣреніи поѣхать во Францію: „Я тамъ съ восторгомъ опишу всѣ тѣ чудныя картины, которыя вы представили нашимъ взорамъ: коммерцію, завлеченную въ Херсонъ, не смотря ни на зависть, ни на болота; флотъ, построенный въ два лишь года какимъ-то чудомъ въ Севастополѣ, вашъ Бахчисарай, напоминающій Тысячу и одну ночь, вашу Темпейскую долину [2]); ваши празднества, почти баснословныя, въ Карасубазарѣ; вашъ Екатеринославъ, гдѣ вы собрали въ три года болѣе монументовъ, нежели иныя столицы въ три столѣтія; эти пороги, которые вы подчинили своей власти, въ ущербъ авторитетности историковъ, географовъ и журналистовъ, и ту гордую Полтаву, на поляхъ которой вы отвѣчали подвигомъ своихъ семидесяти эскадроновъ на критики, которыми невѣжество да зависть клеветали на вашу администрацію и опытность вашей арміи. Если мнѣ не повѣрятъ—вы въ томъ виноваты: зачѣмъ сотворили столь много чудесъ въ столь малое время и не гордились ими передъ всѣми, пока не показали намъ ихъ всѣхъ вдругъ“, и проч. [3]).

---

[1]) „Русская Старина“, XV. 33.

[2]) Темпейскою долиною одна англійская путешественница назвала Байдарскую долину.

[3]) „Зап. Од. Общ.“, IX. 230. Число 24 апрѣля 1787 г. невѣрно; должно быть 24 авг. Представленіе Сегюровой трагедіи „Коріоланъ“, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, происходило 17 августа 1787 г. (см. Дневникъ Храповицкаго).

Изъ всего этого видно, что Потемкинъ однимъ казался чародѣемъ, геніальнымъ преобразователемъ, умѣющимъ создавать изъ ничего города, села, и проч.; другіе же видѣли въ немъ фокусника, шарлатана, обманщика. Гельбигъ разсказываетъ, что бо̀льшая часть селеній, показанныхъ на пути императрицѣ, были не что иное, какъ театральная декорація [1]); благодаря полицейскимъ распоряженіемъ, толпа людей, пригнанныхъ издалека, украшала всюду дорогу, чрезъ которую проѣзжала Екатерина; ей пять или шесть разъ показывали одно и то-же громадное стадо скота, которое по ночамъ гнали изъ мѣста въ мѣсто; Потемкинъ показывалъ ей богатые склады хлѣба, въ которомъ мѣшки были наполнены не пшеницею, а пескомъ; базары на пути императрицы были также ничѣмъ инымъ какъ искусственнымъ драматическимъ представленіемъ; великолѣпные сады въ Кременчугѣ и другихъ городахъ тотчасъ-же послѣ краткаго пребыванія тамъ Екатерины, были запущены, превратились опять въ голую степь и проч. Принцъ де-Линь, участвовавшій въ этомъ путешествіи, называетъ разсказъ о театральныхъ декораціяхъ, представляющихъ села и деревни, нелѣпою баснею, но говоритъ, что дѣйствительно на пути встрѣчались „города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, безъ дверей и безъ оконъ“; императрицѣ показывали лишь казенныя помѣщенія; она не прогуливалась пѣшкомъ и поэтому видѣла меньше, чѣмъ нѣкоторые изъ ея спутниковъ [2]). Такое-же мнѣніе объ административной дѣятельности Потемкина высказывалъ тогда князь М. М. Щербатовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, ходившихъ по рукамъ въ послѣднее время царствованія Екатерины. По поводу путешествія ея онъ замѣтилъ довольно рѣзко: „Монархиня видѣла и не видала, и засвидѣтельствованіе и похвалы ея суть тщетны, самымъ дѣйствіемъ научающія монарховъ не хвалить того, чего совершенно сами не знаютъ“ [3]).

---

[1]) „Die Häuser und Kirchthurme waren nur auf Bretter gemalt“. „Minerva“, 1798, XI. 300 и слѣд.

[2]) См. письмо его изъ Тулы на обратномъ пути, „Oeuvres“, II. 49.

[3]) „Чтенія М. Общ. Ист. и Др.“, 1860, I. 80.

Разставшись съ Потемкинымъ въ Харьковѣ, она пожаловала ему названіе „Таврическаго“ [1]). Кромѣ того, онъ получилъ въ подарокъ 100,000 рублей „за труды и старанія въ доставленіи продовольствія войскамъ, съ выгодою и сбереженіемъ казны“ [2]). Важнѣйшею же наградою были письма Екатерины къ Потемкину, писанныя тотчасъ-же послѣ ея пребыванія въ южной Россіи. Такъ напр. она писала ему 25 іюня 1787 года изъ Села Коломенскаго: „Мы здѣсь чванимся ѣздою и Таврідою и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ“. Изъ Твери 6 іюля: „Твои чувства и мысли тѣмъ наипаче милы мнѣ, что я тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю“. Въ другомъ письмѣ: „Слава Богу, что ты здоровъ, пожалуй побережись.... Богъ съ тобою.... я здорова. Котенокъ твой доѣхалъ со мною здорово же.... Мы безъ тебя во всей дорогѣ, а наипаче на Москвѣ какъ безъ рукъ... При великихъ жарахъ, кои у васъ на полдень, прошу тебя всепокорно: сотвори милость, побереги свое здоровье, ради Бога и ради насъ, и будь столь доволенъ мною, какъ я тобою“. 13 іюля изъ Царскаго Села: „Третьяго дни окончили мы свое шести-тысячи-верстное путешествіе, пріѣхавъ на сію станцію въ совершенномъ здоровьѣ, а съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи, попеченіи и порядкѣ, вами устроенномъ повсюду. Итакъ, другъ мой, разговоры наши почти непрестанные замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо съ боку твое имя, либо твою работу. Пожалуй, пожалуй, пожалуй будь здоровъ и пріѣзжай къ намъ безвреденъ, а я, какъ всегда, къ тебѣ и дружна, и доброжелательна“. 27 іюля: „Между тобою и мною, мой другъ, дѣло въ кратькихъ словахъ: ты мнѣ служишь, а я признательна, вотъ и все тутъ; врагамъ своимъ ты ударилъ по пальцамъ усердіемъ ко мнѣ и ревностью къ дѣламъ имперіи“ [3]).

---

[1]) „Зап. Од. Общ.“, VIII. 222.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 413.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 415—419.

17-го іюля Потемкинъ писалъ изъ Кременчуга: „Матушка государыня! Я получилъ ваше милостивое письмо изъ Твери. Сколь мнѣ чувствительны онаго изъясненія, то Богу извѣстно. Ты мнѣ паче родной матери, ибо попеченіе твое о благосостояніи моемъ есть движеніе, по избранію учиненное. Тутъ не слѣпой жребій. Сколько я тебѣ долженъ, сколь много ты сдѣлала мнѣ отличностей; какъ далеко ты простерла свои милости на принадлежащихъ мнѣ, но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мнѣ причинить у тебя зла и всѣ коварства не могли имѣть успѣха. Вотъ что̀ рѣдко на свѣтѣ: непоколебимость такого степеня (sic) тебѣ одной предоставлена. Здѣшній край не забудетъ своего счастія. Онъ тебя зритъ присно у себя, ибо почитаетъ себя твоею вотчиною и крѣпко надѣется на твою милость... Прости, моя благотворительница и мать; дай Боже мнѣ возможность доказать всему свѣту, сколько я тебѣ обязанъ, будучи по смерть вѣрнѣйшій рабъ“, и проч. [1]).

Между бумагами императрицы найденъ проектъ надписи на медали, которая должна была увѣнчать память о путешествіи. Изъ тридцати восьми различныхъ надписей Екатерина выбрала слова „Путь на пользу“. Эта надпись находится на медали, вырѣзанной въ 1787 году [2]). Екатерина была довольна своимъ путешествіемъ; она считала дѣятельность Потемкина полезною.

Но эта дѣятельность Потемкина на югѣ, въ связи съ путешествіемъ Екатерины, подала поводъ къ новому столкновенію Россіи съ Турціей. Во время путешествія Екатерины Потемкинъ былъ декораторомъ, чичероне и maître de plaisir. Теперь онъ долженъ былъ дѣйствовать въ качествѣ полководца.

---

[1]) „Русская Старина“, XII. 699—700.

[2]) См. „Ségur, Mémoires“, т. III. См. также письма Екатерины къ Гримму въ „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 411, 412.

VI.

Начало войны.

Путешествіе Екатерины, имѣвшее цѣлью контроль дѣятельности князя Потемкина, легко могло получить характеръ политической демонстраціи. То, что̀ самимъ путешествовавшимъ казалось partie de plaisir колоссальныхъ размѣровъ, въ глазахъ западной Европы могло служить выраженіемъ наступательной политики Россіи. Во время путешествія на югѣ были сосредоточены различные отряды войскъ. Кромѣ того, громадное скопленіе тамъ-же значительныхъ военныхъ припасовъ и снарядовъ могло быть принято за демонстрацію противъ Оттоманской Порты и ея защитниковъ [1]).

Душею этой политической демонстраціи былъ Потемкинъ. Онъ, какъ мы видѣли, въ продолженіе десяти лѣтъ, главнымъ образомъ занимался восточнымъ вопросомъ; онъ былъ виновникомъ присоединенія Крымскаго полуострова къ Россіи; о немъ заграницею въ 1786 году разсказывали, что онъ сдѣлается королемъ Тавриды [2]); онъ во время путешествія Екатерины стоялъ на первомъ планѣ, показывая императрицѣ и Іосифу II построенный имъ флотъ, сооруженныя имъ гавани, приготовленныя имъ войска; онъ въ то же время переписывался съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ Булгаковымъ, и

---

[1]) См. появившуюся немного позже брошюру Вольнея (Volney), „Considérations sur la guerre actuelle“, стр. 13.

[2]) См. письмо Сожи (Saugy) къ С. Р. Воронцову изъ Швальбаха отъ 29 іюля 1886 г. въ „Архивѣ князя Воронцова“, XXVII. 189.

проч. Не безъ основанія современники считали вѣроятнымъ, что инструкціи, данныя Потемкинымъ Булгакову, повели къ войнѣ.

Потемкинъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ императрицы. Въ ея секретнѣйшемъ рескриптѣ къ нему отъ 16 октября 1786 года сказано, что война съ Портою въ ближайшемъ будущемъ неминуема, и далѣе прибавлено: „Съ особеннымъ удовольствіемъ пріемлемъ мы планъ, вами начертанный... ввѣривъ вамъ главное начальство надъ арміей, даемъ вамъ полную власть и разрѣшеніе распространить всѣ поиски, кои къ пользѣ дѣла и къ славѣ оружія нашего служить могутъ. Посланникъ нашъ, Булгаковъ, имѣетъ уже отъ насъ повелѣніе посылать дубликаты своихъ донесеній къ вамъ и предписанія ваши по службѣ нашей исполнять. Мы дали ему знать, что, какъ-скоро получитъ отъ насъ увѣдомленіе о выѣздѣ изъ Царьграда, долженъ предъявить Портѣ причины тому и требовать безопаснаго отъѣзда“ [1]). 13 декабря 1786 года Потемкинъ сообщилъ Булгакову выписку изъ этого повелѣнія, указывая на ввѣренную ему власть „начинать военныя дѣйствія“ [2]). Чрезъ Булгакова Потемкинъ грозилъ Портѣ немедленнымъ разрывомъ, самыми рѣшительными дѣйствіями.

Хотя другіе сотрудники Екатерины не могли знать о широкомъ планѣ Потемкина объявить Портѣ войну по своему усмотрѣнію, они все-таки видѣли въ немъ виновника предстоявшей войны. Сегюръ во время путешествія приставалъ къ Безбородкѣ съ требованіемъ объяснить ему положеніе дѣлъ и, главнымъ образомъ, сказать, дѣйствуетъ-ли Булгаковъ сообразно съ данными ему инструкціями, или руководствуется-ли онъ собственными соображеніями. Сегюру дали почувствовать, что Булгаковъ дѣйствовалъ отчасти по внушеніямъ Потемкина, расположеннаго къ войнѣ. Сегюръ разсказываетъ даже въ своихъ Запискахъ, будто Екатерина въ бесѣдѣ съ

---

[1]) См. мою статью „Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 году“, въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“, CLXVIII, отд. 2, 138.

[2]) „Сб. И. Общ.“, XLVII, 191–192.

нимъ упрекала Потемкина въ чрезмѣрной горячности [1]). Потемкинъ же въ своихъ разговорахъ съ Сегюромъ рѣзко обвинялъ Францію въ томъ, что эта держава поддерживала варваровъ-турокъ, и говорилъ о необходимости опредѣлить для Турціи болѣе удобныя границы ради избѣжанія дальнѣйшихъ столкновеній. „Я понимаю“, — возразилъ Сегюръ, — „вы хотите занять Очаковъ и Аккерманъ: это почти то-же самое, что требовать Константинополя; это значитъ—объявить войну съ цѣлью сохраненія мира“. Далѣе Потемкинъ выразилъ желаніе сдѣлать господарей молдавскаго и валахскаго независимыми [2]).

Нельзя удивляться послѣ этого тому, что Сегюръ, когда наконецъ дѣло дошло до войны, считалъ князя Потемкина главнымъ виновникомъ разрыва. Потемкинъ на возвратномъ пути въ Петербургъ, разстался съ путешественниками и отправился на югъ, какъ бы для принятія мѣръ на случай войны [3]). Значительное количество войскъ находилось уже около турецкихъ границъ. Понятно, что Потемкинъ и Булгаковъ, разсчитывая на это обстоятельство, могли увлечься и чрезмѣрными требованіями заставить Порту объявить войну. Въ Херсонѣ, во время путешествія, находился Булгаковъ; туда же пріѣхалъ изъ Константинополя австрійскій дипломатъ Гербертъ; современники придавали большое значеніе переговорамъ, происходившимъ въ Херсонѣ, но весьма лишь немногія лица могли имѣть свѣдѣнія о томъ, что̀ было рѣшено въ этомъ мѣстѣ. Недаромъ Сегюръ жаловался, что въ Россіи все происходило въ глубокой тайнѣ, и развѣ только Екатерина, Безбородко и Потемкинъ знали положеніе дѣлъ. Въ то время, какъ Безбородко увѣрялъ графа Сегюра въ томъ, что Россія желаетъ сохранить миръ, Булгаковъ грозилъ туркамъ вторженіемъ въ предѣлы Турціи 60,000 войска подъ начальствомъ князя Потемкина.

При всемъ томъ нельзя утверждать, чтобы Потемкинъ,

---

[1]) Ségur, „Mémoires“, III. 93.
[2]) Ségur, III. 106.
[3]) Ségur, III. 223.

воспользовавшись путешествіемъ императрицы, старался во чтобы то ни стало внушить ей желаніе тотчасъ же начать войну. И сама Екатерина не желала своимъ появленіемъ на берегахъ Чернаго мори подать поводъ къ разрыву съ Портою. Тѣмъ не менѣе именно это путешествіе Екатерины и образъ дѣйствій Потемкина въ это время содѣйствовали объявленію турками войны. Этотъ кризисъ могъ сдѣлаться роковымъ для князя.

Потемкинъ преобразовалъ войско, строилъ военные корабли, арсеналы, верфи, магазины, гавани. Екатерина была весьма довольна тѣмъ, что̀ успѣла осмотрѣть во время своего пребыванія въ намѣстничествѣ князя. Теперь Потемкинъ долженъ былъ доказать на дѣлѣ, что его дѣятельность не была тщетною, что всѣ слухи о ничтожности результатовъ его администраціи были лишены основанія.

Къ лицамъ, скептически относящимся къ дѣятельности Потемкина, какъ мы видѣли выше, принадлежалъ императоръ Іосифъ II. Въ его письмахъ къ фельдмаршалу Ласи встрѣчаются весьма подробныя указанія на вооруженныя силы Россіи. Онъ былъ крайне недоволенъ и постоянно повторялъ, что внѣшнему блеску арміи и флота не соотвѣтствовала внутренняя прочность и сила. Войско было одѣто въ новые и весьма изящные мундиры, но у конницы, напримѣръ, сабли были негодны. Одежду солдатъ Іосифъ находилъ несоотвѣтствующею условіямъ климата, отчего они заболѣвали часто лихорадкою. Больныхъ было вообще весьма много, а лазаретная часть страдала отъ многихъ недостатковъ. При страшной дороговизнѣ на югѣ офицеры нуждались въ существенномъ и иногда терпѣли голодъ, а солдаты часто ходили безъ рубахъ. Лошади, не находившія достаточнаго корма, походили на тощихъ клячъ. Комплектъ полковъ былъ далеко не полный. Всего войска въ намѣстничествѣ Потемкина считалось на бумагѣ 100,000 человѣкъ; на дѣлѣ же, какъ полагалъ Іосифъ, было не болѣе 40,000, изъ которыхъ многіе хворали, а другіе были заняты разными работами при постройкахъ. Такъ, напр., во время путешествія императрицы, не успѣли собрать надлежащее число

лошадей для движенія галеръ по Днѣпру;—нѣсколько сотенъ солдатъ съ утра до вечера, находясь въ водѣ, тянули эти галеры, что сильно поразило Іосифа. Состояніе крѣпостей также казалось Іосифу весьма неудовлетворительнымъ. Онъ находилъ, что стѣны Херсонской крѣпости были сдѣланы изъ песка, готоваго каждую минуту разсыпаться. Къ пріѣзду Екатерины,—писалъ Іосифъ,—хотѣли стрѣлять изъ пушекъ, находившихся на крѣпостномъ валу, но опасались, что отъ грома ихъ можетъ обрушиться валъ. При постройкѣ были сдѣланы, по мнѣнію императора, большія ошибки. У Кинбурнской крѣпости онъ также находилъ профили слишкомъ низкими. Числу пушекъ не соотвѣтствовало количество снарядовъ. Опыты надъ бомбами и брандскугелями, сдѣланные въ присутствіи императора, не удавались. О военныхъ корабляхъ Іосифъ писалъ, что матеріалъ, изъ котораго они построены, никуда не годился. Матросы ему казались неопытными: это были обыкновенные рекруты, переименованные въ матросовъ; они должны были лазить по мачтамъ и такелажу, часто падали, ломали себѣ руки и ноги, и проч. Далѣе Іосифъ находилъ, что калмыки стрѣляли довольно плохо. Ему казалось страннымъ, что гренадерскіе полки были созданы лишь для того, чтобы раздать новыя офицерскія мѣста людямъ, которымъ Потемкинъ хотѣлъ оказать милость [1]).

Въ этомъ же духѣ отзывались и другіе современники, иностранцы и русскіе. Сиверсъ, въ апрѣлѣ 1787 года, считалъ войну почти невозможною, потому что, по его мнѣнію, Россія вовсе не была къ ней приготовлена. При этомъ Сиверсъ выразилъ надежду, что по крайней мѣрѣ графъ Румянцевъ откроетъ императрицѣ глаза относительно печальнаго состоянія военной администраціи [2]). Саксонскій дипломатъ Гельбигъ, сообщая въ донесеніи своему правительству о русской арміи, замѣтилъ, что численность ея на бумагѣ сильно преувеличена и смертность въ войскѣ ужасна; такія же данныя встрѣчаются въ донесеніяхъ прусскаго дипломата Кел-

---

[1]) Arneth, „Joseph II u. Katharina“. Приложеніе.

[2]) Blum, „Ein russ. Staatsmann“, II. 482.

лера [1]). Французскаго дипломата Сегюра забавляли выходки шута Потемкина, Моссе, смѣявшагося надъ бѣдственнымъ состояніемъ Россіи въ началѣ войны и указывавшаго на пустоту въ казнѣ, на неполноту состава арміи и на то, что война не имѣетъ другой цѣли, кромѣ доставленія Потемкину Георгіевской ленты [2]). Съ различныхъ сторонъ старались доказать императрицѣ, что въ интересахъ Россіи необходимо было желать сохраненія міра, что Потемкинъ представлялъ средства Россіи въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ [3]).

Особенно рѣзко осуждалъ князь Щербатовъ образъ дѣйствій Потемкина. Говоря о неудачныхъ операціяхъ въ началѣ войны, о медленности военныхъ дѣйствій, онъ замѣчаетъ: „Потемкинъ, человѣкъ, носящій на себѣ особливо милость и повѣренность монаршу, могущій все, что̀ восхощетъ, генералъ-губернаторъ къ турецкимъ границамъ прилегающихъ губерній и президентъ военныхъ коллегій, поскакалъ на турецкія границы. При таковыхъ обстоятельствахъ кто бы не подумалъ, чтобы князь Потемкинъ, при первомъ открытіи войны, не вступилъ въ непріятельскія области, чтобы флотъ нашъ, котораго въ Севастопольскомъ портѣ показывали государынѣ и германскому императору, не выступилъ въ море и не пошелъ бы прямо къ Константинополю или, по крайней мѣрѣ, къ Синопу и не опустошалъ-бы области турецкія... Чего не доставало? Пять лѣтъ мы готовились къ войнѣ; войска были отовсюду собраны, артиллерія привезена, флотъ готовъ, все казано монархинѣ, всему она чинила похвалу... Стекалися, кажется, случаи для обвиненія пышнаго начальника“, и проч. [4]). Щербатовъ, на указанныхъ основаніяхъ, приходитъ къ заключенію, что Потемкинъ долженъ былъ или позаботиться о приведеніи въ надлежащее состояніе войска и флота, или же не вызывать войны съ Портою.

И правда, оказалось, что средства Потемкина во время

---

[1]) Herrmann, „Gesch. d. russ. Staats“, VI. 155, 156. Также многія данныя въ соч. Гельбига о Потемкинѣ, „Minerva“, 1798, I. 546, II. 488, 493, и пр.

[2]) Ségur, III. 456.

[3]) Herrmann, VI. 164. Донесеніе Гельбига.

[4]) „Чтенія Моск. Общ.“, 1860. 78—80.

войны были недостаточны. Медленность и незначительность успѣховъ его въ первый годъ борьбы современники не безъ основанія объясняли тѣмъ, что князь, не смотря на громадныя суммы, истраченныя имъ на войско и флотъ, не вполнѣ былъ приготовленъ къ войнѣ. Сравнительно-скромные успѣхи не соотвѣтствовали внѣшнему блеску арміи и флота, чрезвычайно понравившихся императрицѣ. Потемкинъ обвинялся въ небрежности, безпечности, даже въ трусости, а его неумѣнью вести дѣло приписывались неудачи перваго времени войны, особенно-же медленность при важнѣйшей операціи— осадѣ Очакова.

Подробное изложеніе дѣятельности Потемкина въ области дипломаціи по случаю разрыва Россіи съ Турціей въ 1787 году и въ качествѣ полководца во время войны до 1791 года выходило бы изъ рамки нашего сочиненія. Мы ограничиваемся указаніемъ на нѣкоторыя характеристическія черты этихъ важныхъ событій для освѣщенія нрава Потемкина и мѣста, занимаемаго имъ въ исторіи этой эпохи. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ главахъ нашего очерка, мы будемъ обращать главное вниманіе на отношенія Потемкина къ Екатеринѣ.

Ко времени разрыва между Россіей и Турціей относится множество писемъ Екатерины къ Потемкину. Изъ нихъ видно, въ какой мѣрѣ императрица стояла выше князя по силѣ воли и умственнымъ способностямъ. Порою Потемкинъ, въ первое время войны, падалъ духомъ, унывалъ, обнаруживалъ малодушіе. Екатерина старалась ободрить его, наставляла, руководила его дѣйствіями. Во все это время князь пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы, между тѣмъ какъ почти всѣ современники, болѣе или менѣе знакомые съ ходомъ дѣлъ, порицали его образъ дѣйствій и считали его виновникомъ неудачъ въ войнѣ.

Скоро послѣ того, какъ Екатерина послѣ пребыванія на югѣ разсталась съ Потемкинымъ на пути въ столицу, она узнала о разныхъ дѣйствіяхъ Порты, готовой объявить войну Россіи. Тогда она написала Потемкину, указывая, между про-

чимъ, на событія въ Турціи: „Противу сего всякія слабыя мѣры дѣйствительны быть не могутъ; тутъ не слова, а дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобъ сохранить честь, славу и пользу государя и государства“ [1]).

Екатерина, основываясь на данныхъ, сообщенныхъ ей Потемкинымъ, считала Россію хорошо для войны приготовленной и замѣтила въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ (1 сентября), что „въ двѣ недѣли всѣ войска могутъ быть на своихъ мѣстахъ“ [2]). При всемъ томъ императрица, однако, сильно безпокоилась. 3-го сентября она плакала, жалуясь на „отлучку князя“ и замѣчая, что „въ теченіе тринадцати лѣтъ сдѣлала привычку обо всемъ обстоятельно говорить и совѣтоваться“ съ Потемкинымъ. „Что меня болѣе тревожитъ“, сказала она, „то это, что князь ничего рѣшительно не пишетъ, какъ-будто-бы и онъ чѣмъ нибудь нечаянно встревоженъ“ [3]).

Агентъ Потемкина въ Петербургѣ — Гарновскій, наблюдавшій зорко за настроеніемъ умовъ въ столицѣ въ отношеніи къ князю, писалъ въ это время Попову: „Несмотря, что, по случаю бытности Ея И. В-ва въ Тавридѣ, его свѣтлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роютъ подкопы, да и рыть, доколѣ партія противо-борствующая его свѣтлости не истребится, не престанутъ“. Гарновскій находилъ, что въ этомъ отношеніи нельзя надѣяться даже на графа Безбородко, находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ недоброжелателями князя. Гарновскій опасался, что люди вліятельные станутъ препятствовать усиленному набору рекрутъ, желая „сдѣлать князю маленькое шиканство“. Между тѣмъ какъ одни желали Потемкину успѣха, другіе ожидали, что его положеніе сдѣлается опаснымъ. „Если-бы не онъ, то бы не было войны“, говорили въ иностранной коллегіи. Зато Екатерина оставалась вѣрною своимъ взглядамъ. Мамоновъ въ сентябрѣ 1787 года говорилъ Гарновскому: „Я васъ увѣряю, что князь въ мысляхъ государыни въ такомъ положеніи,

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 421.
[2]) Дневн. Храп. 1 и 2 сент. 1787.
[3]) Зап. Гарновскаго—„Р. Стар.“, XV. 247.

что никто не дерзнетъ сдѣлать что-нибудь вопреки ему“ [1]). Было устроено самое быстрое сообщеніе между главною квартирою Потемкина и императрицею. Для курьеровъ на каждой станціи стояло по 12 лошадей. Однако князь вообще писалъ очень рѣдко. Въ запискѣ Екатерины отъ 20 сентября сказано: „Третья недѣля, какъ я отъ васъ не имѣю ни единой строки, почему нахожусь въ великомъ душевномъ безпокойствѣ, столько по дѣламъ, какъ и о вашемъ здоровьѣ; увѣдомите меня чаще о томъ и другомъ“ [2]).

Наконецъ, Потемкинъ, командовавшій въ это время Екатеринославскою арміей, выразилъ желаніе пріѣхать въ Петербургъ. Екатерина была недовольна и начала письмо къ князю такими словами: „Я думаю, что въ военное время фельдмаршалу надлежитъ при арміи находиться“. Однако, по просьбѣ Мамонова, благоволившаго къ Потемкину въ это время, редакція письма была смягчена [3]).

Въ это время начались военныя дѣйствія на берегахъ Чернаго моря, преимущественно у Кинбурна, но Потемкинъ въ нихъ не участвовалъ. Екатеринославская армія была еще довольно далеко отъ береговъ Чернаго моря, гдѣ находился Суворовъ съ отрядомъ войскъ. Кинбурнъ былъ недостаточно укрѣпленъ, и Потемкинъ, какъ видно изъ его переписки съ Екатериною, считалъ положеніе крѣпости весьма опаснымъ; онъ падалъ духомъ и не вѣрилъ въ возможность отстоять Кинбурнскую крѣпость. Екатеринѣ приходилось утѣшать его 23 сентября она писала ему: „Ради Бога, ради меня, береги свое драгоцѣнное для меня здоровье; я все это время была не жива, ни мертва отъ того, что не имѣла извѣстія. Молю Бога, чтобъ вамъ удалось спасти Кинбурнъ“, и проч. 24 сентября она писала: „Я съ немалымъ удовольствіемъ вижу, что ты моимъ письмамъ даешь настоящую ихъ цѣну; они суть и будутъ искренно дружескія, а не иныя. Безпокоитъ меня твое здоровье: я знаю, какъ ты заботливъ, какъ ты

---

[1]) „Р. Стар. XV. 244, 245, 249, 259.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 423.
[3]) „Р. Старина“, XV. 214.

ревностенъ, рвяся изо всей силы; для самого Бога, для меня имѣй о себѣ болѣе прежняго попеченіе; ничего меня не страшитъ опричъ твоей болѣзни. Въ настоящее время, мой милый другъ, ты не просто частный человѣкъ, который живетъ и все дѣлаетъ, какъ ему угодно; вы принадлежите государству и мнѣ; ты долженъ, приказываю тебѣ, беречь свое здоровье; я должна сдѣлать это, ибо благо, защита и слава имперіи поручены твоимъ заботамъ, и нужно быть здоровымъ и тѣломъ и душею, чтобы исполнить дѣло, которое ты имѣешь на рукахъ; послѣ этого материнскаго увѣщанія, которое прошу принять съ покорностью и послушаніемъ, буду продолжать... Дай Боже не потерять Кинбурна, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться какъ ни на есть отомстить и брать реваншъ; имперія останется имперіею и безъ Кинбурна; то ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ; тамо, да и здѣсь не уныли, а публика лжетъ въ свою пользу, и города беретъ и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ Войновичемъ; я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себѣ на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, естьли бы гдѣ и вырвалось что непріятное. Усердіе А. В. Суворова, которое ты такъ живо описываешь, меня весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить, какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности". Затѣмъ Екатерина, сообщивъ разныя подробности о дѣлахъ въ военной администраціи, объ образѣ дѣйствій различныхъ европейскихъ державъ, и проч., продолжаетъ: „Молю Бога, чтобъ тебѣ далъ силы и здоровье и унялъ ипохондрію. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покою нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкой детайль; скажи, кто тебѣ надобенъ: я пришлю; на то даются фельдмаршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, въ томъ я увѣрена: но во всякомъ случаѣ не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ

и не оставитъ, а царь тебѣ другъ и подкрѣпитель; и вѣдомо, какъ ты пишешь и по твоимъ словамъ, проклятое оборонительное состояніе, и я его не люблю; старайся его скорѣе оборотить въ наступательное, тогда тебѣ да и всѣмъ легче будетъ, и больныхъ будетъ меньше и не всѣ на одномъ мѣстѣ будутъ. Написавъ ко мнѣ семь страницъ да и много инаго, дивишься что ослабѣлъ! Когда увидишь, что отъѣхать тебѣ можно будетъ, то пріѣзжай къ намъ; я очень рада буду тебя видѣть всегда“ [1]).

Нельзя не сожалѣть о томъ, что до насъ дошли весьма лишь немногія письма Потемкина, относящіяся къ этому времени. Мы только знаемъ, что объявленіе войны турками для него было дѣломъ неожиданнымъ и онъ сознавалъ, съ какими затрудненіями ему предстояло бороться, такъ какъ ни войско, ни флотъ не были готовы къ открытію дѣйствій. Еще въ концѣ августа онъ писалъ: „Весьма нужно протянуть два года, а то война прервetъ построеніе флота“ [2]). Не прошло послѣ этого двухъ недѣль, какъ Потемкинъ, видя, что война неминуема, въ письмѣ къ императрицѣ выразилъ желаніе оставить свой постъ главнокомандующаго, пріѣхать въ Петербургъ, удалиться въ частную жизнь, „скрыться“. Екатерина, удивляясь такому малодушію князя, писала ему 25 сентября: „Тѣснитъ грудь мою ваше собственное состояніе и ваши спазмы, чувствительность и горячность, которыя производитъ усердіе; понимаю весьма, что̀ возбуждаетъ въ васъ нетерпѣливость; я сама весьма часто въ такомъ положеніи, паче же тогда, когда дѣла таковой важности какъ нынѣ; но ничего хуже не можешь дѣлать какъ лишить меня и имперію низложеніемъ твоихъ достоинствъ человѣка самонужнаго, способнаго, вѣрнаго, да притомъ и лучшаго друга; оставь унылую такую мысль; ободри свой духъ; укрѣпи свой умъ и душу противъ всѣхъ затрудненій и будь увѣренъ, что ты побѣдишь ихъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ; но это настоящая слабость, чтобъ, какъ пишешь ко мнѣ, снизложить свои достоинства и

---

[1]) „Сборникъ Ист. Общ.“, XXVII. 426—428.
[2]) „Русская Старина“, XVI. 442.

скрыться, отчего? я не вѣдаю; не запрещаю тебѣ пріѣхать сюда, есть ли ты увидишь, что твой пріѣздъ не разстроитъ тобою начатое, либо производимое, либо судишь, что побываніе здѣсь нужнѣе, нежели тутъ, гдѣ ты теперь; приказаніе къ фельдмаршалу Румянцову для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, естьли послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны, пребываю хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ". Въ припискѣ сказано: „Какъ отъѣдешь отъ своего нынѣшняго поста, кому поручишь Кавказскій корпусъ? О семъ фельдмаршалъ Румянцовъ и о тамошнихъ дѣлахъ свѣдѣнія не имѣетъ и едва можетъ-ли оными управлять, и что̀ изъ этого выйдетъ, не вѣдаю; ты самъ знаешь, какою трудною мнѣ показывается всякая мысль, къ которой я никакъ не пріуготовлена, но однако на такой для меня трудной шагъ я рѣшилась, понеже говоришь, что здоровье твое того требуетъ; здоровье твое мнѣ нужно; я тебѣ его желаю, равномѣрно и продолженія дѣлъ, славныхъ для тебя и имперіи. Дай Боже, чтобъ ты раздумалъ сдать команду фельдмаршалу Румянцову; не понимаю, какъ одному командовать ужасной таковой громадою, развѣ въ такое время, когда завѣрно будетъ безопасно отъ непріятельскихъ нападеній или предпріятій" [1]).

Повидимому, Екатерина, сильно озадаченная страннымъ образомъ мыслей Потемкина и даже изъявляя готовность исполнить его просьбу объ увольненіи его отъ главной команды надъ Екатеринославскою арміей, все-таки не теряла надежды, что онъ останется на своемъ постѣ. Она и послѣ этого не переставала почти ежедневно отправлять письма къ князю, повторяя свою просьбу, чтобы онъ писалъ почаще [2]). Просьба князя объ увольненіи, впрочемъ, для всѣхъ другихъ оставалась тайною, хотя при дворѣ ходили слухи

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", 428—430.

[2]) См, напр., краткое письмо отъ 30 сентября въ „Сб. Истор. Общ." XXVII. 432.

объ унынiи Потемкина. Гарновскiй писалъ 30 сентября о замѣчанiи Глѣбова: „Знаемъ, что князь боленъ; чудная болѣзнь: послѣ горячки сдѣлалась лихорадка. Знаемъ и то, что князь просится сюда; узнали графу Петру Александровичу (Румянцову) цѣну. Дворъ (Екатерина) уважаетъ его теперь болѣе князя“ [1]).

Вскорѣ императрица получила новое неутѣшительное извѣстiе отъ Потемкина. Какъ видно изъ ея письма къ императору Iосифу II [2]), она надѣялась на дѣйствiя черноморскаго флота, и Потемкинъ, желая встрѣчи съ турками на морѣ, приказалъ контръ-адмиралу Войновичу собрать флотъ и „произвести дѣло“. „Хотя-бы всѣмъ погибнуть“,—сказано въ его ордерѣ,—„но должно показать свою неустрашимость къ нападенiю и истребленiю непрiятеля. Сiе объявить всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкiй, атакуйте его во что бы ни стало, хотя-бы всѣмъ пропасть“ [3]).

Вышло иначе. Эскадрѣ было велѣно идти къ Варнѣ и запереть или истребить стоявшую тамъ турецкую эскадру. На пути русскiе корабли были застигнуты страшной бурей, продолжавшеюся нѣсколько дней. Они потерпѣли сильное поврежденiе. Это новое несчастiе окончательно отняло духъ у Потемкина. Любимое его созданiе, севастопольскiй флотъ, былъ разбитъ бурею; сынъ счастья пришелъ въ совершенное отчаянiе. „Матушка государыня“, писалъ онъ 24 сентября, „я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпрiемлемыхъ, все идетъ навыворотъ. Флотъ севастопольскiй разбитъ бурею; остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда и лучше сказать не употребительныя; корабли и большiе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не турки. Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученiи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую (sic); не дайте чрезъ сiе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ, я всѣ милости и имѣнiе, которое по-

---

[1]) „Русская Старина“, XV. 255—256.
[2]) Arneth, „Joseph II und Katharina“, 301.
[3]) „Жизнь Ушакова“, соч. Скаловскаго, I. 53.

лучилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю къ стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцову), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но, не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю, чтобы онъ принялъ, и такъ, Богъ вѣсть, что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ". Въ отчаяніи Потемкинъ ко всему этому еще прибавилъ свое соображеніе, что надобно вывести войска изъ Крыма [1]). Въ другомъ письмѣ онъ снова говоритъ о потерѣ флота, о своемъ отчаяніи: „Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолѣвалъ препятствій и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царюгороду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣльный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ. Вы не можете представить, сколь сей печальный случай меня почти поразилъ до отчаянія" [2]).

Какъ видно, Потемкинъ былъ страшно разстроенъ и потрясенъ. Недаромъ считался онъ главнымъ виновникомъ войны; на немъ лежала теперь вся отвѣтственность; онъ не разсчитывалъ на успѣхъ, упалъ духомъ и серьезно помышлялъ о выходѣ въ отставку. Въ публикѣ ожидали осады Бендеръ и Очакова, экспедиціи противъ Константинополя, а между тѣмъ, главнокомандующій, одержимый ипохондріей, думалъ даже объ уступкѣ Крымскаго полуострова туркамъ! Послѣ блистательнаго путешествія Екатерины, послѣ того, какъ князь старался убѣдить всѣхъ въ томъ, что его административная дѣятельность была въ высшей степени успѣшна и полезна для края, что мѣры, принятыя имъ на случай войны, были вполнѣ цѣлесообразны и достаточны, можно было удивляться, что онъ ограничивался лишь обороною границъ, не предпринималъ

---

[1]) Соловьевъ, „Паденіе Польши", 176. Нельзя не сожалѣть, что письмо Потемкина сообщено не цѣликомъ, а въ извлеченіи.

[2]) Соловьевъ, „Паденіе Польши", 177.

ничего рѣшительнаго и предавался бездѣйствію въ Елисаветградѣ.

Къ счастію для Потемкина въ публикѣ никто не зналъ о содержаніи переписки его съ императрицею. Если Екатерина оставляла его на его постѣ, то объяснить это можно только личнымъ ея расположеніемъ къ нему, да отчасти недостаткомъ „горячихъ головъ“, способныхъ людей, на который такъ горько жаловалась она въ бесѣдахъ своихъ съ Храповицкимъ. Наконецъ, она могла думать, что Потемкинъ лишь временно упалъ духомъ. Поэтому она послѣ полученія печальнаго извѣстія о поврежденіи флота всячески старалась ободрить его. Она писала къ нему 2-го октября: „Извѣстія конечно не радостныя; но однако ничто не пропало; сколько буря была вредна намъ, авось либо столько-же была вредна и непріятелю, ни уже что вѣтеръ дулъ лишь на насъ; какъ ни ты, ни я сему не причиною, то о семъ уже болѣе и говорить не стану, а надѣюсь отъ добрыхъ твоихъ распоряженій, что стараться будутъ исправить корабли и ободрить людей, буде они унылы, чего однако я не примѣчаю; я сожалѣю вскрайне, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, какъ ты пишешь; что хочешь сдать команду, сіе мнѣ всего болѣе печально. Въ письмахъ твоихъ отъ 24-го ты упоминаешь о томъ, что вывести войска изъ полуострова; естьли сіе исполнишь, то родится вопросъ, что-же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобную. Я надѣюсь, что сіе отъ тебя письмо было въ первомъ движеніи, когда мыслилъ, что весь флотъ пропалъ, и что мысль такую не исполнишь безъ необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лучше было, естьлибъ можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ, либо на Бендеры, чтобъ оборону, тобою самимъ признанную за вредную, оборотить въ наступленіе. Начать же войну эвакуаціею такой провинціи, которая доднесь не въ опасности, кажется, спѣшить не для чего, равномѣрно сдать команду, сложить достоинство, чины и невѣдомо что; надѣюсь, что удержишься, ибо не вижу къ тому ни резоновъ, ни нужды,

а приписываю сіе чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію, которыя имѣли не такой успѣхъ, какъ ожидали; но въ такихъ случаяхъ всегда прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу поправить можетъ; все сіе пишу тебѣ какъ лучшему другу воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, нежели я сама, но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова... По твоему желанію и тѣша тебя, я послала къ тебѣ желаемый тобою рескриптъ о сдачѣ команды; но признаюсь, что сіе распоряженіе мнѣ отнюдь не мило и не славно; никто на свѣтѣ тебѣ не желаетъ болѣе добра какъ я, и для того тебѣ такъ говорю, какъ думаю. Естьли же уже сдалъ команду, то прошу пріѣхать сюда скорѣе, чтобъ я могла тебя имѣть возлѣ себя, и чтобъ ты могъ самъ узнать, какъ я думаю и о семъ сужу; здѣсь найдешь, что я какъ всегда къ тебѣ съ дружескимъ и искреннимъ доброжелательствомъ". Въ письмѣ есть слѣдующая приписка: „А вотъ какъ я о семъ сужу: (по-французски) что ты нетерпѣливъ, какъ пятилѣтнее дитя, между тѣмъ какъ дѣла, порученныя тебѣ въ сіе время, требуютъ непоколебимаго терпѣнія. Прощай, мой другъ. Ни время, ни отдаленность и никто на свѣтѣ не перемѣнятъ моего образа мыслей къ тебѣ и объ тебѣ". И еще другой постскриптумъ: „Пришло мнѣ на умъ еще по случаю того, что̀ пишешь о выводѣ войскъ изъ полуострова, что чрезъ то туркамъ и татарамъ открылася бы паки дорога, такъ-то сказать въ сердце имперіи; ибо на степи едва-ли удобно концентрировать оборону; въ прошедшія времена мы занимали Крымъ, чтобъ украсить оборону; а теперь Крымъ въ нашихъ рукахъ; какъ флотъ вычинится, то надѣюсь, что сія идея совсѣмъ исчезнетъ, и что оно представлялось только тогда, когда ты думалъ, что флота нѣту; но естьли хочешь, я тебѣ дюженьку фрегатовъ велю построить на Дону; вѣдь и Севастопольскій флотъ имъ же пользуется и нынѣ [1]).

Очевидно, императрица и въ это время не переставала

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 433 и 434.

высоко цѣнить способности Потемкина, питала къ нему довѣріе и относилась дружески. Гарновскій упоминаетъ о намѣреніи Екатерины отправить къ князю именно въ то время какіе-то подарки; къ этому-же времени относится поднесеніе Екатеринѣ мраморнаго бюста Потемкина, сдѣланнаго Кенигомъ [1]). Изъ того-же источника мы узнаемъ, что въ средѣ высшихъ сановниковъ были слышны неблагопріятные отзывы объ образѣ дѣйствій Потемкина. Такъ, напр., въ совѣтѣ говорили: „Мы знали, что князь погорячился, давъ флоту повелѣніе выступить въ море въ такое время, которое къ выходу судовъ совсѣмъ неспособно“. Доброжелатели Потемкина защищали его. Гарновскій выставлялъ на видъ, что въ Петербургѣ нельзя составить себѣ точнаго понятія о соображеніяхъ начальствующаго флотомъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, какъ замѣчаетъ Гарновскій, „стоя грудью“ за Потемкина, сказалъ: „Дай Богъ, чтобы князь завладѣлъ Очаковомъ, хотя съ потеряніемъ десяти тысячъ людей“. Гарновскій передаетъ также слѣдующее замѣчаніе императрицы о Потемкинѣ: „Честь моя и собственная княжая требуетъ, чтобъ онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого-либо славнаго дѣла,—хотябъ Очаковъ взяли. Богъ знаетъ, отчего онъ унываетъ и почти печальныя письма пишетъ. Должно мнѣ теперь весь свѣтъ удостовѣрить, что я, имѣя къ князю неограниченную во всѣхъ дѣлахъ довѣренность, въ выборѣ моемъ не ошиблась“. Въ это время ходили слухи, что Екатерина намѣревалась вызвать Потемкина въ Петербургъ, а начальство надъ всею арміей поручить Румянцеву; говорили, что князь Потемкинъ „держится однѣми интригами“ [2])

Въ это время въ Петербургѣ шла борьба между сторонниками Румянцова и приверженцами Потемкина. Къ послѣднимъ принадлежалъ Мамоновъ. Однажды, за столомъ, когда императрица предложила пить за здоровье предводителей обѣихъ армій, Мамоновъ сдѣлалъ демонстрацію въ пользу Потемкина, сказавъ: „Да здравствуетъ предводитель Екатеринославской

---

[1]) „Р. Стар.“, XV. 256 и 257.
[2]) „Р. Стар.“, XV. 263 и 264.

арміи!“ При этомъ онъ замѣтилъ, что никто не можетъ быть преданнѣе, какъ Потемкинъ. За то другіе старались вредить князю. Такъ напр Завадовскій, узнавъ, что Потемкинъ, послѣ разбитія бурею черноморскаго флота, написалъ Румянцеву отчаянное письмо, сообщилъ объ этомъ Екатеринѣ. Передавая объ этомъ Гарновскому, Мамоновъ замѣтилъ: „Напрасно князь пишетъ чувствительность свою изображающія письма къ такимъ лицамъ, которыя не только цѣны великости духа его не знаютъ, но и злодѣйствуютъ его свѣтлости. Любя его свѣтлость, какъ родного отца и благодѣтеля моего, желалъ бы я предостеречь его удержаться отъ такой вредной для него переписки, служащей забавою злодѣямъ его“. Далѣе, Мамоновъ, въ интересѣ Потемкина, опасался его пріѣзда въ Петербургъ. „Вотъ будутъ тогда злодѣи“,—сказалъ онъ,—„имѣть поводъ къ разнымъ толкамъ. Государыня, любя его и почитая честь его нераздѣльно съ своею сопряженною, крайне сего боится; знаете-ли, государыня увѣряла меня, что князь, по полученіи позволенія быть сюда, тотчасъ сюда будетъ, и хотѣла со мною объ закладъ биться, а я увѣрялъ, что князь, не устроивъ тамошнихъ дѣлъ, не будетъ. Слава Богу, что сталося по моему. Какъ государыня этому рада! Да и зачѣмъ князь былъ бы, не сдѣлавъ никакого славнаго дѣла“. Въ заключеніе этого разговора Мамоновъ замѣтилъ: „Князю некого здѣсь опасаться. Доколѣ я буду, что теперь есть, никто противу князя ничего не посмѣетъ; я вамъ честью клянусь въ семъ“ [1]).

Образъ мыслей Мамонова главнымъ образомъ объясняется расположеніемъ императрицы къ Потемкину. Она же не переставала утѣшать князя, наставлять его, бесѣдовать съ нимъ о всѣхъ текущихъ дѣлахъ. Въ ея письмѣ отъ 9 октября сказано между прочимъ: „Твои безчисленныя заботы я понимаю, и весьма жалѣю, что ты ночи не спишь и въ крайней слабости; потеря флота севастопольскаго не тебѣ одному нанесла ударъ; я сіе несчастіе съ тобою дѣлю. Что ты ни-

---

[1]) Гарновскій въ „Р. Стар.“, XV. 474, 477—478.

чего не упускалъ, о семъ ни я и никто не сумнѣвается". Затѣмъ императрица даетъ князю совѣты о сохраненіи здоровья. Далѣе сказано: „Радуюсь, что ты теперь покойнѣе, что ты стараться будешь о своемъ здоровьѣ какъ о дѣлахъ моихъ всякій разъ, когда вспомнишь, что ты мнѣ нуженъ и надобенъ... Естьли-бъ Очаковъ былъ въ нашихъ рукахъ, то бы и Кинбурнъ былъ приведенъ въ безопасность; я невозможнаго не требую, но лишь пишу, что́ думаю. Прошу прочесть терпѣливо; отъ моего письма ничто не портится, ни ломается, лишь перо тупится и то не бѣда. Будь здоровъ, а не боленъ, вотъ чего я желаю; будешь здоровъ и сюда пріѣдешь; тогда переговоримъ о чемъ нужно будетъ. Я свое безпокойство мало считаю и въ счетъ не ставлю, авось либо Богъ силу дастъ снести; одинъ способъ есть уменьшить мое безпокойство: чаще пиши и увѣдоми меня о состояніи дѣлъ" и проч. [1])

Удачное дѣйствіе Суворова подъ Кинбурномъ ободрило Потемкина. 1-го октября отражено было нападеніе турокъ на эту крѣпость. Успѣхъ этотъ произвелъ хорошее нравственное вліяніе не только на войско, но и на главнокомандующаго. Въ письмѣ отъ 5 октября Потемкинъ благодарилъ Суворова [2]), но все еще не переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и просилъ императрицу дозволить ему употребить, въ случаѣ надобности, одинъ корпусъ Украинской арміи [3]).

Узнавъ объ этомъ, Екатерина опять-таки выразила желаніе, чтобы были приняты мѣры къ занятію Очакова. Входя во всѣ подробности военныхъ дѣйствій, императрица не переставала просить князя беречь свое здоровье и не слишкомъ тревожиться въ случаѣ какихъ-либо неудачъ. Такъ напр. она, узнавъ, что одинъ изъ русскихъ кораблей, поврежденный бурею, попалъ въ руки турокъ, писала: „Что дѣлать, быть такъ; прошу тебя только сего отнюдь не брать съ лиш-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 436—437.
[2]) Smitt, „Suworow", I. 293.
[3]) „Зап. Энгельгардта", 69.

нею чувствительностью“ [1]) Подробныя и частыя письма Екатерины къ Потемкину въ это время доказываютъ, что она дѣйствительно нуждалась въ его совѣтахъ и высоко цѣнила его мнѣніе относительно всѣхъ политическихъ вопросовъ. Все это, однако, не мѣшало ей удивляться медленности военныхъ дѣйствій на югѣ и сожалѣть объ ипохондріи князя. Въ началѣ ноября Мамоновъ сказалъ Гарновскому: „Я радъ, что князь сталъ повеселѣе; еслибъ онъ зналъ сколько стоило мнѣ это труда“ [2]).

Потемкинъ дѣйствительно немного оправился духомъ. По крайней мѣрѣ онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ Елисаветграда пріѣхалъ въ Херсонъ для осмотра галернаго флота, сооруженіе котораго было предметомъ его заботъ во все это время. При этомъ случаѣ онъ осмотрѣлъ Лиманъ и довольно близко подошелъ къ Очаковской крѣпости, такъ что шлюпка его находилась въ опасности. До нея долетали турецкія пули. Разговаривая съ флотскими офицерами о Кинбурнскомъ дѣлѣ, онъ замѣтилъ: „Турки навѣрное въ будущую кампанію придутъ въ Лиманъ для отмщенія вамъ за вашу отважность и за причиненныя безпокойства; но я надѣюсь на всѣхъ васъ, что покажете имъ, какова Херсонская гребная флотилія“ [3]).

Екатеринѣ князь въ письмѣ отъ 1-го ноября объяснялъ подробно, почему не такъ скоро, какъ она ожидала, можно было приступить къ осадѣ Очакова. „Кому больше на сердцѣ Очаковъ, какъ мнѣ“? — говорится въ этомъ письмѣ. — „Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не стало бы за доброй волею моей, еслибъ я видѣлъ возможности. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ, — и къ ней столь много приготовленій!...—Еслибы слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей столь драгоцѣнныхъ обязываетъ иттить вѣрными шагами“ [4]).

---

[1]) Сб. И. Общ.“, XXVII. 441.
[2]) „Р. Стар.“, XV. 480.
[3]) Самойловъ въ „Р. Архивѣ“, 1867. 1242, 1566—1567.
[4]) Соловьевъ, „Паденіе польши“, 178.

Преждевременное начатіе войны и соединенныя съ нимъ невыгоды внушали и Потемкину, и Екатеринѣ желаніе какъ-бы поскорѣе освободиться отъ войны [1]). За письмо отъ 1-го ноября императрица хвалила князя. „Спасибо тебѣ, что ты откровенно и прямо дружески ко мнѣ пишешь и, при всѣхъ хлопотахъ по мѣсту и должности, однако не оставляешь меня подробно увѣдомить; я сіе принимаю съ отличнымъ сердечнымъ чувствомъ и тобою чрезвычайно довольна, и ты развернулъ свѣту въ нынѣшнее время такое обширное и искусственное знаніе и поведеніе, которое моему выбору и тебѣ дѣлаетъ честь, и я тебя люблю вдвое болѣе еще. Вижу, что Очаковъ тебѣ дѣлаетъ заботу; я тутъ-же, отдавая тебѣ полную волю, лишь Бога прошу, чтобъ благословилъ твои добрыя предпріятія... Что хлопоты тебя не допустятъ побывать здѣсь хотя на короткое время, о семъ весьма жалѣю: я-бъ къ тебѣ бы поскакала, естьли сіе можно было дѣлать безъ прибавленія хлопотъ. Что твое здоровье поправляется, сіе служитъ мнѣ къ великому утѣшенію, понеже люблю тебя весьма и тобою очень, очень довольна... Прощай, мой другъ. Богъ съ тобою, и никогда чтобъ тебѣ на умъ не приходило, чтобы ты мною могъ быть позабытъ. Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ) тебя какъ душу любитъ“. Въ другомъ письмѣ сказано: „Будь здоровъ, бодръ, веселъ и благонадеженъ на лучшаго твоего друга, то есть на меня, и напиши мнѣ, что признаешь меня такимъ“ [2]).

Какъ видно, императрица считала нужнымъ нравственно поддерживать Потемкина. Хотя она не была довольна медленностью хода дѣлъ, она не подвергала строгой критикѣ образъ дѣйствій главнокомандующаго. Только однажды Екатерина выразилась болѣе энергично, но все-таки осторожно, порицая нерѣшимость князя и вялость военныхъ операцій. Въ ея письмѣ отъ 23-го ноября сказано: „Изъ многихъ вашихъ писемъ мнѣ бы казаться могло, что вы ко-

---

[1]) См. ея письмо къ Потемкину отъ 4 ноября 1787 г. въ „Сб. И. О.“, XXVII. 445 и слѣд.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 451—452.

леблетесь въ выполненіи вами же начерченнаго и уже начатаго плана въ разсужденіи турокъ и относительно до того; но я сихъ мыслей себѣ никакъ не дозволяю и выбиваю изъ головы, понеже не могу себѣ вообразить, чтобъ въ мысляхъ вашихъ находилась подобная колебленность, ибо нѣтъ ни славы, ни чести, ни барыша, предпріявъ какое дѣло и горячо оное поведя, потомъ не додѣлавъ, самовольно исковеркать, паки начать иное. Оборону границъ вы вели съ совершеннымъ успѣхомъ; дастъ Богъ здоровья, мой другъ, поведешь съ успѣхомъ и наступательныя дѣйствія“ [1]).

Изъ послѣдняго замѣчанія можно заключить, что императрица неудачный ходъ дѣлъ на югѣ приписывала главнымъ образомъ ипохондріи князя. Къ тому-же послѣдній въ это время оставлялъ Екатерину иногда по цѣлымъ недѣлямъ безъ всякихъ прямыхъ извѣстій, чѣмъ она была крайне недовольна. Въ декабрѣ Гарновскій писалъ Попову: „Государыня находится въ великой задумчивости и часто со слезами пеняетъ на свѣтлѣйшаго князя“. Онъ же пишетъ, что Екатерина сказала: „Еслибъ князь зналъ, каково у меня на сердцѣ, то бы онъ не мучилъ меня долговременнымъ молчаніемъ“ [2]). Въ запискѣ Екатерины къ Безбородкѣ, относящейся къ этому времени, сказано: „Пошлите нарочнаго по дорогѣ къ Кременчугу, который бы навѣдывался на каждой почтѣ, не пропалъ ли или не занемогъ ли какой курьеръ отъ князя“ [3]). Къ самому Потемкину она писала 30 декабря: „Я тобою, мой другъ, во всемъ была бы чрезвычайно довольна, естьли-бъ ты могъ себя принудить чаще ко мнѣ писать и непремѣнно отправить еженедѣльно курьера; сей бы успокоилъ не токмо мой духъ, сберегъ бы мое здоровье отъ излишнихъ безпокойствъ и отвратилъ бы тысячу не одну неудобствъ; въ сей часъ ровно мѣсяцъ какъ отъ васъ не имѣю ни строки; изъ каждой губерніи, окромѣ имя мое носящей, получаю извѣстія двойжды въ мѣсяцъ, а отъ васъ и изъ арміи ни строки,

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 454.
[2]) „Р. Старина“, XV. 494, 496, 497.
[3]) „Сб. И. О.“, XXVII. 461.

хотя сей пунктъ есть тотъ, на который вся мысль и хотѣніе устремлены; это значитъ заставить меня умирать тысячью смертей, а не одной смертью; вы ничѣмъ живѣе не можете мнѣ казать привязанности и благодарности, какъ писать ко мнѣ чаще; а писать изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, какъ нынѣ, сіе есть самый суровый поступокъ, отъ котораго я страдаю ежечасно и который можетъ имѣть самыя злыя, неожидаемыя и нежелаемыя отъ васъ слѣдствія“ [1]).

Недоброжелатели князя радовались такому неудовольствію Екатерины. Такъ напр. Алексѣй Орловъ рѣзко порицалъ Потемкина при этомъ случаѣ [2]). Безбородко жаловался графу С. Р. Воронцову: „По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ“ [3]). Въ городѣ говорили, что императрица отправила князя Репнина на смѣну Потемкина. Графъ А. Р. Воронцовъ говорилъ: „На мѣстѣ Румянцева я бы просилъ государыню, чтобы не только армію, но и князя поручила мнѣ въ команду, а иначе отъ нея бы отказался... Какъ можно требовать, чтобы все повиновалось князю... Все только то хорошо, что дѣлаетъ князь... Что мы—чучелы, что-ли?“ Павелъ былъ недоволенъ Потемкинымъ, приписывая ему нежеланіе императрицы отпустить его въ армію. Вяземскій жаловался на Потемкина, требовавшаго болѣе и болѣе денегъ; другіе говорили, что онъ „моритъ солдатъ“ [4]). Такимъ образомъ, князь къ концу года находился въ крайне неловкомъ, даже въ опасномъ положеніи.

---

[1]) „Сб. И. О.“, XXVII. 459.
[2]) „Р. Старина„, XV. 693.
[3]) „Сб. И. О.“, XXVI. 404.
[4]) „Русская Старина“, XV. 478, 483, 487. Храповицкаго дневникъ, 6 октября 1787 г.

VII.

Очаковъ.

Уже въ ноябрѣ 1787 года императрица съ нетерпѣніемъ ожидала взятія Очакова, но эта крѣпость была занята лишь въ декабрѣ 1788 года. Такую медленность военныхъ дѣйствій приписывали неумѣнью Потемкина взяться за дѣло. Румянцевъ въ 1788 году съ успѣхомъ поражалъ турокъ за Прутомъ, между тѣмъ какъ армія Потемкина вяло передвигалась въ направленіи къ Очакову. Война началась въ августѣ 1787 г. До зимы Потемкинъ могъ бы сдѣлать многое, если-бы приготовленія къ походу были своевременно и какъ должно сдѣланы. Бездѣйствіе войскъ дало туркамъ возможность сильнѣе укрѣпиться въ Очаковѣ, усилить гарнизонъ, улучшить флотъ. Къ сожалѣнію, у Потемкина, какъ главнокомандующаго, не было опредѣленнаго плана дѣйствій, да къ тому еще онъ въ это время часто хворалъ. Сильное же поврежденіе флота окончательно подорвало его энергію. Избалованный счастіемъ, привыкшій къ постоянному исполненію своихъ малѣйшихъ желаній, онъ приходилъ въ отчаяніе отъ того, что военныя дѣйствія затягивались, тогда какъ онъ разсчитывалъ кончить все однимъ ударомъ [1]).

Императрица, въ свою очередь, не переставала утѣшать Потемкина, изъявлять ему полное довѣріе. Она писала ему 11 января: „Что твои заботы велики, о томъ нимало не сумнѣваюсь, но тебя, мой свѣтъ, станетъ на большія и ма-

---

[1]) Петровъ, „Вторая турецкая война“, I. 106.

лыя заботы; я духъ и душевныя силы моего ученика знаю, и вѣдаю, что его на все достанетъ; однако будь увѣренъ, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попеченія: я знаю, что они истекаютъ изъ горячей любви и усердія ко мнѣ и къ общему дѣлу... Будь увѣренъ, что хотя заочно, но мысленно всегда съ тобою и вхожу во всѣ твои безпокойства по чистосердечной моей къ тебѣ дружбѣ и то весьма понимаю, что будущіе успѣхи много зависятъ отъ нынѣшнихъ приготовленій и попеченій... Я молю Бога, чтобъ укрѣпилъ твои силы душевныя и тѣлесныя... я тебя люблю и полную справедливость отдаю твоей службѣ„ [1]). Въ письмѣ отъ 26 января говорится, между прочимъ: „Пришло мнѣ на умъ, что ты мои шубки любишь, а которыя есть, я чаю, уже стары, и для того вздумала снабдить тебя новою; носи ее на здоровье“ [2]). Въ другихъ письмахъ, относящихся къ этому времени, находимъ, между прочимъ, слѣдующія выраженія: „Слушай, папа, я тебя очень люблю“... „Радуюсь, что шубка моя тебѣ понравилась; китайскихъ два шлафрока посылаю; я не сомнѣваюсь, что вездѣ увижу твою ко мнѣ любовь, вѣрность и усердіе; я сама, ваша свѣтлость, васъ очень, очень и очень люблю. Въ письмѣ, писанномъ въ мартѣ, говорится: „Я безъ тебя, какъ безъ рукъ, и сама затрудненія нахожу тутъ, гдѣ съ тобою не нахаживала: все опасаюсь, чтобъ чего не проронили“. И дальше: „Добрымъ твоимъ распоряженіемъ надѣюсь, что все ко времени поспѣетъ; жалѣю лишь о томъ, что ты изъ силъ выбился“. Сообщая въ апрѣлѣ о слухѣ, будто-бы Турція желаетъ заключенія мира, императрица писала: „Я сего отъ сердца желаю, дабы ты сюда возвратился, и я не была бы безъ рукъ, какъ нынѣ. Какъ возьмешь съ Божіею помощью Очаковъ, тѣмъ и кончится“ [3]).

Иногда и Потемкину приходилось утѣшать императрицу, которая жаловалась на большое число больныхъ, на хлопоты и заботы по случаю войны. „Въ семъ случаѣ, что вамъ дѣ-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 464—467.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 469.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 470—486.

лать?“ —писалъ князь однажды: — „терпѣть и неизмѣнно надѣяться на Бога. Христосъ вамъ поможетъ. Онъ пошлетъ конецъ напастямъ. Пройдите вашу жизнь: увидите, сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастіи вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способные казались пресѣчены пути, — вдругъ выходила удача“ [1]).

Иногда Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала писемъ отъ Потемкина. „У меня княжія письма не лежатъ безъ отвѣтовъ; лишь-бы князь былъ въ перепискѣ столько акуратенъ, сколько я, и не заставлялъ-бы меня ожидать своихъ курьеровъ“ [2]), — писала императрица въ январѣ. Вообще же она была очень довольна княземъ. Мамоновъ также говорилъ о своей готовности во всѣхъ отношеніяхъ отстаивать интересы Потемкина и заботиться о доставленіи ему достаточныхъ суммъ денегъ [3]). Гарновскій писалъ Попову, что друзья Потемкина дѣйствовали въ его пользу, замѣчая при этомъ: „На князя говорили, что денегъ много потрачено по пустому; теперь государыня сама видѣла Херсонъ и разныя въ тѣхъ мѣстахъ заведенія, то можетъ ли кто ее послѣ сего увѣрить, что деньги истрачены даромъ?“ Далѣе Гарновскій писалъ: „Очаковымъ занимается площадь, публика, совѣтъ и дворъ. Дворъ (т.-е. Екатерина) имѣетъ къ его свѣтлости довѣренность, но прочія три части разглагольствуютъ о семъ сходственно съ ихъ познаніями, не посовѣтуясь однако же никогда съ пятью чувствами, имъ дарованными. Нѣкто изъ совѣта, производя безразсудные ропоты на упущенія и входя въ споры, давно бы уже въ семь дней завладѣлъ Очаковымъ, еслибъ Богъ всѣхъ звѣрей надѣлилъ рогами“. Зато Мамоновъ не терпѣлъ, чтобы въ его присутствіи что-либо говорили противъ князя. Великій же князь Павелъ Петровичъ обнаруживалъ явную холодность въ обращеніи со всѣми тѣми лицами, которыя могли считаться приверженцами Потемкина, и князь Вязем-

---

[1]) „Соловьевъ, „Паденіе Польши“, 180.
[2]) „Зап. Гарновскаго“ въ „Р. Старинѣ“, XV. 695.
[3]) „Зап. Гарновскаго“ въ „Р. Старинѣ“, XV. 696.

скій жаловался на громадность суммъ, требуемыхъ Потемкинымъ для продолженія военныхъ дѣйствій [1]).

Екатерина во все время оставалась вѣрною своимъ взглядамъ на необычайныя способности Потемкина. Разговаривая въ апрѣлѣ 1788 года съ Храповицкимъ о „горячихъ головахъ“, она замѣтила между прочимъ [2]), что „теперь одинъ князь Потемкинъ-Таврическій“ (т.-е. изъ „горячихъ головъ“). Искренно заботясь о здоровьѣ князя, императрица была очень довольна начальникомъ канцеляріи князя, Поповымъ, который совѣтовалъ ей въ письмахъ къ князю „попенять на крайнее о своемъ здоровьѣ нерадѣніе“ его [3]).

Недоброжелатели Потемкина въ маѣ распускали слухъ и говорили Екатеринѣ, что въ екатеринославской арміи больныхъ и умирающихъ много оттого, что людей вмѣсто хлѣба, будто-бы за неимѣніемъ его, кормятъ кутьею; Гарновскій жаловался особенно на графовъ Воронцова и Завадовскаго, старавшихся вредить Потемкину [4]). Недаромъ князь писалъ Екатеринѣ 5 мая: „Дѣла много; не до того, чтобы заниматься о злодѣйствахъ, на меня устремленныхъ, а скажу только, что, матушка государыня, полагаю всю и во всемъ пространствѣ надежду на васъ и изъ-за сей презираю злость“. Прочитавъ Храповицкому это письмо, императрица сказала: „Конечно, князь можетъ надѣяться; оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другаго государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе злодѣи его нынѣ, каковы были князь Гр. Орловъ и графъ Н. И. Панинъ. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ уменъ, какъ чортъ“ [5]).

Спустя нѣсколько дней, однако, Потемкинъ озадачилъ императрицу повтореніемъ предложенія покинуть Крымъ. Въ его письмѣ отъ 10 мая сказано: „Дай Боже помощь; но при томъ помяну мою прежнюю мысль, что, не имѣя тамо крѣ-

---

[1]) „Р. Старина“, XV. 698—699, 716—720.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго“, 4 апр. 1788 г.

[3]) „Р. Старина“, XVI. 6.

[4]) „Р. Старина“, XVI. 10.

[5]) Храповицкій, 12 мая 1788 года. Письмо Потемкина отъ 5 мая напечатано въ „Русск. Старинѣ“, VIII. 727—728.

постей надежныхъ, ни флоту еще сильнаго, гораздо-бы лучше было его оставить и, давъ войти непріятелю, его выгнать. Войска-же тамошнія, находящіяся за Перекопомъ, могли по обстоятельствамъ дѣйствовать и умножить наше пититное [1]) число, а теперь они, кромѣ обороны, по которой привязаны къ Севастополю, въ Тавридѣ, какъ въ кошелѣ, лежать должны". Въ этомъ же письмѣ Потемкинъ писалъ далѣе: „Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Я и пойду и буду дѣйствовать со всею ревностью, не смотря на новость моей пѣхоты, которая почти вся изъ рекрутъ; я вездѣ собою показывать стану примѣръ, съ охотою принесу на жертву жизнь мою вамъ, моей матери, государству и, можно сказать, христіанству, надѣясь несомнѣнно, что Богъ мнѣ поможетъ. Я вездѣ сдѣлалъ всевозможныя распоряженія противу непріятельскихъ покушеній, но какъ успѣхи военные перемѣнѣ подвержены, то если-бы, за всѣми моими стараніями, гдѣ-либо непріятель получилъ выигрышъ,—не причтите, милостивѣйшая государыня, мнѣ въ вину. Богъ видитъ, сколько я распаленъ желаніемъ принести вамъ славу" [2]).

Императрица была тронута этимъ изъявленіемъ готовности умереть за нее, за Россію и „за христіанство". Сообщая Храповицкому о содержаніи письма Потемкина, оно сказала: „Самъ съ рекрутами идетъ доказать свое усердіе и умереть христіаниномъ; въ войнѣ обстоятельства перемѣнны: можетъ быть, и турки нѣкоторыя удачи получатъ. Не хочу, чтобъ онъ жертвовалъ собою" [3]).

За-то императрица не понимала, какимъ образомъ Потемкинъ могъ думать объ оставленіи Крыма, между тѣмъ какъ соображенія князя могутъ быть объяснены его самолюбіемъ. Крымскія войска онъ хотѣлъ присоединить къ своей арміи, чтобы обезпечить ей легчайшій успѣхъ [4]). Екатерина же была крайне недовольна предложеніемъ князя и писала ему: „На

---

[1]) Малое.
[2]) „Р. Старина", XVI. 460.
[3]) „Дневникъ Храповицкаго", 17 мая 1788 г.
[4]) Петровъ, I. 107.

оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и естьли сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь и всѣ труды и заведенія пропадутъ, и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи; и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ, и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, кои ни во Днѣпрѣ, ни въ Азовскомъ морѣ не будутъ имѣть убѣжища; ради Бога не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно, и мнѣ кажутся неудобными, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и войною выгоды и пользы. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ-ли съ онаго, чтобъ держаться за хвостъ. Впрочемъ, будь благонадеженъ, что мыслей и дѣйствій твоихъ, основанныхъ на усердіи, ревности и любви ко мнѣ и къ государству, каковъ бы успѣхъ ни былъ, тебѣ всеконечно въ вину не причту". „Кому извѣстно столько, какъ мнѣ самой", — говорила Екатерина въ концѣ своего письма, „съ открытія войны сколько ты трудовъ имѣлъ: флотъ чинилъ и строилъ, формировалъ снова пѣхоту и конницу, собралъ въ голодное время магазейны, снабдилъ артиллерію волами и лошадьми, охранялъ границу такъ, что во всю зиму ни кота не пропускалъ", и проч. [1]).

Совсѣмъ иначе, т. е. гораздо менѣе выгодно отзывались объ образѣ дѣйствій Потемкина люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ. Къ числу ихъ принадлежалъ принцъ де-Линь, находившійся въ лагерѣ Потемкина въ качествѣ военно-дипломатическаго агента Австріи. Нѣкоторыя изъ его писемъ къ Іосифу II и Сегюру весьма интересны. „Я желалъ представить вамъ отчетъ", — писалъ онъ императору, „о вашихъ непріятеляхъ и друзьяхъ: первые, однако, слишкомъ далеко отсюда, послѣдніе же слишкомъ самолюбивы. Какая разница между русскою арміей въ нынѣшнемъ и тою-же арміей въ прошломъ году. Какую ревность вы видѣли здѣсь... Наконецъ, я сюда пріѣхалъ. Боже, что̀ за погода, что̀ за дороги, что̀ за зима, что̀ за главная квартира въ Елисаветградѣ!.. Я думалъ, что князь

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XXVII, 491—493.

Потемкинъ будетъ радъ моему пріѣзду. Я бросился обнимать его и спрашиваю: „„Что же Очаковъ?““ Онъ отвѣчаетъ мнѣ: „„Богъ мой, въ Очаковѣ 10,000 человѣкъ гарнизону, а у меня во всей арміи столько не будетъ. У насъ во всемъ недостатокъ. Я самый несчастный человѣкъ, если Богъ мнѣ не поможетъ““.—„„Какъ же““,—перебиваю я его,—„„мнѣ говорили, что у васъ начинается осада?““ А Потемкинъ въ отвѣтъ: „„Напротивъ, дай Боже, чтобы татары не напали на насъ здѣсь и не предали все огню и мечу. Богъ меня спасъ... я считаю чудомъ, что могъ еще отстоять столь обширныя границы““. „„Гдѣ же татары?““—спрашиваю я. „„Вездѣ““,—отвѣчаетъ князь,—„„а затѣмъ еще стоитъ сераскиръ со множествомъ турокъ у Аккермана; 12,000 турокъ подъ Бендерами сторожатъ берегъ Днѣстра и 6,000 въ Хотинѣ““. Во всемъ этомъ не было ни одного слова правды. Но могъ ли я думать, что Потемкинъ захочетъ обманывать тѣхъ, въ помощи кого онъ нуждался. „„Вотъ““,—сказалъ я ему,—„„письмо императора, въ которомъ изложенъ планъ войны... Его величество поручилъ мнѣ спросить васъ, что̀ вы предполагаете дѣлать?““ Князь возразилъ, что на другой же день письменно сообщитъ мнѣ свои соображенія. Жду день, два, три дня, недѣлю, двѣ недѣли; наконецъ мнѣ доставленъ планъ кампаніи, заключающій въ себѣ слѣдующее: „„Съ помощію Божіею я атакую все, что̀ встрѣчу между Бугомъ и Днѣстромъ““ [1]).

Таковъ былъ Потемкинъ въ это время. Онъ опасался набѣга татаръ, что̀ казалось въ высшей степени забавнымъ принцу де-Линю. Два раза послѣдній въ насмѣшливомъ тонѣ писалъ къ Сегюру объ этихъ татарахъ.

Какъ видно, ипохондрія князя мѣшала ему заняться составленіемъ подробнаго плана кампаніи. Въ общихъ чертахъ союзники договаривались, что Австрія попытается взять Бѣлградъ, а русское войско займется осадой Очакова; но въ частностяхъ ничего не было опредѣлено. Потемкинъ не дорожилъ временемъ. Французскій инженеръ Лафитъ, особенно

[1]) „Oeuvres du prince de Ligne“. Paris, 1860. II. 58—61.

дѣятельно трудившійся надъ укрѣпленіемъ Очакова, писалъ къ графу Сегюру, что крѣпость эта не устояла-бы противъ быстраго и рѣшительнаго нападенія. Нельзя поэтому удивляться тому, что Сегюръ находилъ образъ дѣйствій князя, постоянно обвинявшаго австрійцевъ въ бездѣйствіи, непростительнымъ [1]). Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Потемкинъ занимался сборами войска и изготовленіемъ снарядовъ, необходимыхъ для осады Очакова. А между тѣмъ условія успѣха становились менѣе и менѣе благопріятными. Изъ перлюстраціи письма отъ принца Нассау-Зигенъ къ Сегюру изъ Варшавы императрица узнала, что по плану принца можно было взять Очаковъ въ апрѣлѣ, что Суворовъ былъ согласенъ съ этимъ и гарнизонъ тогда не превосходилъ 4,000 солдатъ [2]). Однако, при недостаткѣ во всемъ необходимомъ въ арміи, Потемкинъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Въ „Запискахъ Державина“ сказано: „Въ 1788 году въ арміи князя Потемкина былъ крѣпкій недостатокъ въ хлѣбѣ. Онъ велѣлъ въ мартѣ мѣсяцѣ купить въ разныхъ губерніяхъ; но такъ какъ въ томъ году родился хлѣбъ худо, то и не могъ онъ удовлетворить требованію“. Принцъ де-Линь писалъ въ апрѣлѣ изъ лагеря Потемкина императору Іосифу: „Если-бы у насъ были съѣстные припасы, мы отправились-бы въ походъ; если-бы мы имѣли понтоны, то имѣли-бы возможность переходить чрезъ рѣки; если-бы были у насъ бомбы и ядра, мы приступили-бы къ осадѣ крѣпостей,—но именно забыли запастись всѣмъ этимъ (on n'a oublié que cela), и теперь князь велѣлъ привезти эти вещи по почтѣ. Транспорты и покупки аммуниціи стоятъ мильоны рублей... Мы здѣсь ровно ничего не дѣлаемъ. На-дняхъ я упрекнулъ князя въ бездѣйствіи“... „На-дняхъ“,—говорилъ де-Линь въ другомъ письмѣ,—„я сказалъ князю, что призову 6,000 кроатовъ для взятія Очакова, съ которымъ такъ церемонится здѣшняя армія... Императрица въ крайнемъ удивленіи, что я не пишу къ ней; но я люблю быть откровеннымъ; мнѣ непріятно писать о

---

[1]) Ségur, „Mémoires“, III. 352.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго“, 10 декабря 1788 г.

князѣ, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо болѣе, нежели дѣлаетъ“.

Не смотря на все это личность Потемкина сильно нравилась принцу де-Линю. Хотя онъ часто смѣялся надъ изнѣженностью и причудами князя, онъ иногда и хвалилъ его. Такъ напр. въ маѣ, говоря о поѣздкѣ князя въ Херсонъ для осмотра галерной флотиліи, онъ ставилъ ему въ большую заслугу, что онъ такъ скоро создалъ эту флотилію. И послѣ кончины Потемкина онъ въ восторженномъ тонѣ говорилъ о необычайныхъ способностяхъ князя. За то весною 1788 г. онъ часто выходилъ изъ терпѣнія, имѣя дѣло съ княземъ. „Я здѣсь“, — писалъ онъ изъ Елисаветграда, — „состою нянькой. Мой ребенокъ великъ, силенъ и упрямъ. Вчера онъ мнѣ сказалъ: „„Неужели вы воображаете, что пріѣхали сюда для того, чтобы водить меня за носъ?““ „„Неужели““, — возразилъ я ему, — „„вы думаете, что я вообще пріѣхалъ-бы сюда, если-бы не имѣлъ этого намѣренія? Любезный князь, вы лѣнивы и неопытны; потому для васъ это самое лучшее. Зачѣмъ не хотите вы ввѣрить себя человѣку, влюбившемуся въ вашу славу и только мечтающему о могуществѣ двухъ имперій? Вамъ недостаетъ весьма немного для того, чтобы быть совершенствомъ, но геній вашъ безсиленъ, если онъ не будетъ поддерживаемъ довѣріемъ и дружбою““. Князь замѣтилъ: „„Дайте перейти вашему императору чрезъ Саву — и я двинусь за Бугъ““. „„Значитъ““, — возразилъ я, — „„вы считаетесь комплиментами, какъ щеголи у дверей салона. Мой государь уступаетъ вамъ первый шагъ: противъ него дѣйствуетъ турецкая армія. Предъ вами же нѣтъ никакой арміи““. „„Думаете ли вы““, — спросилъ онъ наконецъ, — „„что императоръ пожалуетъ насъ знакомъ ордена Маріи Терезіи и приметъ знаки Георгіевскаго креста для раздачи отличившимся въ обѣихъ арміяхъ?““ Тутъ я увидѣлъ, куда мѣтилъ князь. Онъ имѣетъ страсть къ знакамъ отличія. У него ихъ только двѣнадцать; я же увѣрилъ его, что взятіе Очакова непремѣнно доставитъ ему нашъ орденъ высшей степени (notre grande croix), а если бы содѣйствовалъ онъ

взятію нашими войсками Бѣлграда, то пріобрѣлъ-бы даже право на орденъ св. Стефана. Прошу ваше величество подтвердить мое обѣщаніе; и если-бы можно было уговорить его величество, католическаго короля, дать ему орденъ Золотого Руна, то мы могли-бы совершенно разсчитывать на князя“ [1]).

Потемкинъ оставался въ Елисаветградѣ до мая мѣсяца. Тогда только рѣшился онъ отправиться на югъ для начатія военныхъ дѣйствій. Спеціалисты впослѣдствіи обвиняли его въ томъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку. „Чтобы парализировать стратегическое значеніе Очакова“,—пишетъ полковникъ генеральнаго штаба Петровъ,—„достаточно было бы наблюдать его отдѣльнымъ отрядомъ, а съ главными силами арміи слѣдовало идти къ Дунаю и скорѣе соединиться съ австрійцами для общаго наступленія къ Балканамъ“ [2]).

Особенно важными дѣлами оказались дѣйствія на морѣ около Очакова. Недаромъ въ Россіи надѣялись на флотъ, постройка и снаряженіе котораго были по-преимуществу предметомъ заботъ князя Потемкина. Флотъ этотъ въ Севастополѣ чрезвычайно понравился Екатеринѣ, отчасти даже Іосифу и внушалъ сильныя опасенія Сегюру. Роль его могла быть чрезвычайно важною. При помощи этого флота можно было отрѣзать Очаковъ отъ Турціи, воспрепятствовать подвозу свѣжихъ войскъ и припасовъ въ осажденную крѣпость. Вотъ почему князь употребилъ громадныя средства на постройку кораблей и предался сильному отчаянію, когда осенью 1787 года корабли эти серьезно пострадали отъ бури. Весною 1788 года онъ предписалъ флоту подойти къ Очакову и стараться не допускать туда турецкаго флота [3]). Приготовленіемъ ко всему этому Потемкинъ объяснялъ свое бездѣйствіе по отношенію къ сухопутному войску. Въ негодованіи писалъ онъ императрицѣ 19 мая: „Я слышу, будто императоръ вамъ и, черезъ

---

[1]) Oeuvres, II. 62 и слѣд. 86 и слѣд.

[2]) Петровъ, „Вторая тур. война“, I. 130.

[3]) О состояніи флота въ это время см. подробное изложеніе въ „Исторіи черноморскаго флота“ въ „Зап. Од. Общ.“, IV, стр. 292 и слѣд.

посла, вице-канцлеру жаловался на несодѣйствіе арміи. Съ какой стати меня они тутъ припутываютъ? Войска, мнѣ ввѣренныя, большею частію хранить должны границы; наступательное же у меня на одинъ пунктъ, то-есть на Очаковъ, для чего я долженъ путемъ собраться и взять всѣ мѣры, чтобы не плакаться... По нечаянной войнѣ мнѣ было нужно сдѣлать въ четыре мѣсяца то, что̀-бы должно было въ два года произвести. Пускай другой могъ бы возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитый погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ходить въ морѣ, такое множество и сформировать совсѣмъ вновь шестнадцать баталіоновъ пѣхоты, до десяти тысячъ совсѣмъ новой конницы, составить большой магазинъ подвижной, снабдить артиллерію ужаснымъ числомъ воловъ, изворачиваться въ пропитаніи—и все это въ четыре мѣсяца на степяхъ, безъ достаточныхъ квартиръ, а паче на Кинбурнской сторонѣ, гдѣ слишкомъ на десять тысячъ людей въ три недѣли было должно построить жилища“. Далѣе князь писалъ: „Матушка, всемилостивѣйшая государыня, вы видите, съ какою охотою я поѣду“. Въ другомъ письмѣ говорится: „Я бы былъ уже самъ за Бугомъ, но нужно дождаться изъ Херсона увѣдомленій“ [1]).

Ожидая столкновеній между русскимъ и турецкимъ флотами въ Очаковскомъ лиманѣ, Потемкинъ опасался неудачи. „Не тѣ турки“,—писалъ онъ,—„и чортъ ихъ научилъ. Флотилія ихъ на лиманѣ сильна и тяготитъ меня много“. Онъ жаловался также и на австрійцевъ: „Императоръ ничего не дѣлаетъ“. Въ тотъ-же день онъ доносилъ о морскомъ сраженіи (7 іюня), въ которомъ русскій флотъ одержалъ верхъ. Къ его разсказу прибавлено: „Еслибы брандеры наши изъ Херсона поспѣли, то бы, конечно, дѣло было рѣшительное“. На каждомъ шагу являлись препятствія, затрудненія. Въ первыхъ числахъ іюня, именно въ то время, когда князь рѣшился двинуться изъ Елисаветграда, онъ захворалъ; 15 іюня онъ писалъ: „Я уже о сію пору былъ-бы подъ Очаковымъ, но дожди сильные и необычайные отняли у меня способъ пере-

[1]) „Рус. Старина“, XVI. 462—468.

правиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ была удобность... Хлопотамъ не было конца". Сообщивъ въ восторгѣ о второй и болѣе важной побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, Потемкинъ писалъ: „Вотъ, матушка, сколько было заботы, чтобы въ два мѣсяца построить то, чѣмъ теперь бьемъ непріятеля", и проч. [1]).

На самого Потемкина извѣстіе о морской побѣдѣ 17 іюня подѣйствовало чрезвычайно сильно. Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ объ этомъ событіи съ принцемъ де-Линь и видѣлъ въ немъ Божій промыселъ, особое, оказанное ему Провидѣніемъ, покровительство.

Екатерина все время была очень довольна Потемкинымъ. Въ маѣ, по полученіи подробныхъ извѣстій отъ князя, она сказала: „Еслибы и вся Россія вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ (Румянцевымъ) противу князя возстали, я съ нимъ" [2]). Въ концѣ іюня Гарновскій писалъ Попову: „Дворъ (т. е. Екатерина), толико важныхъ успѣховъ на водѣ не ожидавшій, нынѣ восхищеніемъ оныхъ упоенный—внѣ себя", и проч. [3]). Опасность, грозившая въ это время Россіи со стороны Швеціи, заставляла Екатерину сожалѣть объ отсутствіи Потемкина. Переписываясь съ нимъ о всѣхъ подробностяхъ разрыва съ Густавомъ III, она, обсуждая вопросъ, отправить-ли Грейга съ флотомъ въ Средиземное море или нѣтъ, замѣтила: „Есть-ли-бъ ты былъ здѣсь, я-бъ рѣшилась въ пять минутъ что̀ дѣлать, переговоря съ тобою" [4]). Но императрица попрежнему продолжала желать, чтобы Потемкинъ занялся главною задачею—осадою Очакова. „Дай Боже услышать скорѣе о взятіи Очакова",—писала она князю 18 іюня, т. е. за полгода до занятія этой крѣпости. По полученіи извѣстія о первомъ морскомъ сраженіи она писала Потемкину о раздачѣ разнымъ лицамъ наградъ: „А тебѣ скажу, что ты—другъ мой любезный и что я тебя много, много и очень много люблю и качества твои чту и надѣюсь отъ тебя видѣть величайшія услуги. Будь

---

[1]) Русская Старина", XVI. 468, 470, 474.
[2]) „Зап. Гарновскаго" въ „Рус. Старинѣ", XVI. 9.
[3]) „Рус. Старина", XVI. 19.
[4]) „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 496.

лишь здоровъ и благополученъ“. Въ письмѣ послѣ второй побѣды сказано: „Тебя, моего друга, благодарю за твои труды и попеченіе... даруй тебѣ Боже Очаковъ взять безъ потери всякой“. На просьбу Потемкина отправить къ нему двѣ тысячи хорошихъ матросовъ [1]), императрица отвѣтила: „О томъ теперь и думать нельзя, чтобъ единаго матроса тронуть; нельзя-ли тебѣ плѣнныхъ грековъ употребить? а какъ здѣсь поогляднмся, тогда, что можно будетъ, того пришлемъ“. 3 іюля, послѣ сообщенія разныхъ подробностей о войнѣ съ Швеціей, императрица спрашивала: „Что дѣлаетъ Очаковская осада?“ Въ письмѣ отъ 13 іюля, въ которомъ сообщалось князю о наградахъ за вторую битву въ Лиманѣ, между прочимъ говорится: „Къ тебѣ же, моему другу, какъ строителю флота, приказала, сдѣлавъ, послать большое золотое блюдо съ надписью и на немъ шпагу богатую съ лаврами и надписью“ [2]).

Эти подарки, стоившіе болѣе 30,000 рублей, были отправлены въ концѣ августа.

Кромѣ того Потемкину было дозволено имѣть штатъ „генералъ-фельдмаршалскій отъ флота Черноморскаго“ [3]).

Узнавъ, что Потемкинъ во время рекогносцировокъ подвергалъ свою жизнь опасности, Екатерина писала ему: „Теперь прошу тебя унимать свой храбрый духъ и впредь не стать на батарею, гдѣ тебя и всѣхъ съ тобою находящихся могли убить одною картечью; къ чему-бы это? развѣ еще у меня хлопотъ мало? уморя себя, уморишь и меня. Сдѣлай милость, впередъ удержись отъ подобной потѣхи“. Но и въ этомъ письмѣ, отъ 14 іюля, сказано: „Дай Боже тебѣ успѣхъ на Очаковъ“ [4]). Возвращаясь и въ слѣдующихъ письмахъ къ мысли объ Очаковѣ, императрица постоянно повторяла желаніе, чтобы занятіе крѣпости не стоило слишкомъ большихъ жертвъ людьми. Это обстоятельство достойно вниманія потому, что медленность дѣйствій князя подъ Очаковымъ,—какъ уви-

---

[1]) См. „Рус. Старина“, XVI. 474—475.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 498—509. О блюдѣ см. „Дневникъ Храповицкаго“ 13 іюля.

[3]) „Дневникъ Храповицкаго“, 14 іюля. „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 510.

[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 509.

димъ ниже,—объясняется, между прочимъ, заботами его какъ можно болѣе сократить размѣры кровопролитія. „Помоги тебѣ самъ Творецъ во взятіи Очакова“, сказано въ письмѣ Екатерины отъ 28 іюля,—„паче всего старайся сберечь людей; лучше имѣть терпѣніе поболѣе“ [1]).

Въ письмѣ Екатерины отъ 19 іюля, между прочимъ, сказано: „Къ намъ грянулъ, какъ снѣгъ на голову, графъ А. Г. Орловъ. Богъ вѣсть ради чего трудился“ [2]). Изъ „Записокъ“ Гарновскаго видно, что̀ побудило Орлова пріѣхать въ столицу. Онъ, какъ и прежде, въ бесѣдахъ съ императрицею „представлялъ государственное правленіе въ черномъ видѣ“. Гарновскій, сообщая объ этомъ, намекаетъ на то, что тутъ была рѣчь о князѣ Потемкинѣ. „Злодѣи его свѣтлости“,—сказано въ письмѣ Гарновскаго, — „пользуясь настоящимъ положеніемъ происшествій, дворъ иногда тревожащихъ, дѣлаютъ все то, что̀ только могутъ, къ достиженію адскихъ намѣреній своихъ, но тщетно. И когда я писалъ къ вамъ, что желательно, чтобы его свѣтлость вскорѣ насъ посѣтить соблаговолилъ, то это не для того, чтобъ была какая-нибудь опасность, собственно до особы его свѣтлости касающаяся, но дабы не дать вкорениться во дворѣ посѣяннымъ во ономъ мыслямъ, что мы можемъ безъ его свѣтлости обойтиться“ [3]).

До чего доходили интриги при дворѣ, видно изъ слѣдующаго подробнаго разсказа Гарновскаго: „30 іюля приступалъ графъ Чесменскій къ государынѣ съ полными доказательствами о безпорядкахъ, а особливо сей разъ критиковалъ болѣе прочихъ часть воинскую и доносилъ, между прочимъ, что солдаты наши ни ходить, ни стрѣлять не умѣютъ, ружья имѣютъ негодныя и вообще войска наши въ одеждѣ и во всемъ никогда такъ дурны не были, какъ теперь. Весь сей донос̀ расположенъ былъ такъ, чтобъ внушить государынѣ, что всему сему причиною его свѣтлость (кн. Потемкинъ). Случившіеся тутъ графъ Александръ Матвѣевичъ (Мамоновъ)

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 511, 513.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 513.
[3]) „Рус. Старина“, XVI. 30.

и Михаилъ Сергѣевичъ (Потемкинъ) принялись горячо оспаривать таковой несправедливый доносъ и умѣли дать оному такой толкъ, что государыня, почтя себя доносомъ Чесменскаго лично оскорбленною, дала съ негодованіемъ чувствовать, что, царствуя 25 лѣтъ, никогда она по своей должности упущенія не сдѣлала и что съ сожалѣніемъ взираетъ на заблужденія, въ которыхъ графъ Чесменскій находится. Это было Чесменскому очень непріятно“ [1]). Сообщая немного позже новыя данныя о стараніяхъ графа Орлова повредить Потемкину въ глазахъ императрицы, Гарновскій замѣчаетъ, что недоброжелатели князя, къ которымъ принадлежали, между прочимъ, камеръ-фрейлина Протасова и цесарскій посолъ Кобенцель и которыхъ Гарновскій называетъ „соціететомъ“, нарочно выписали Орлова изъ Москвы и черезъ него старались дѣйствовать противъ Потемкина. По поводу только-что сообщеннаго объясненія, происходившаго между императрицею и Орловымъ, члены „соціетета“ разсуждали, „что графъ Чесменскій говоритъ хотя просто, но правду, и говоритъ то, чего другіе сказать не смѣютъ, и что сей графъ — человѣкъ добрый, безкорыстный, немстительный, усердный отечеству слуга и неправду ненавидящій“ [2]).

Недаромъ Гарновскій опасался за судьбу Потемкина и потому зорко слѣдилъ за настроеніемъ умовъ въ Петербургѣ. Такъ напр. онъ писалъ въ августѣ: „Послѣднія изъ-подъ Очакова извѣстія были двору непріятны. Нетерпѣливо хочется, чтобъ Очаковъ былъ взятъ прежде Хотина. Нетерпѣливости двора нельзя удивляться, когда многіе, не входя въ обстоятельства, со взятіемъ городовъ сопряженныя, все почитаютъ за бездѣлицу и стараются то же внушить двору“. Объ австрійцахъ Гарновскій писалъ: „Посолъ ихъ кричитъ вездѣ: Mon Dieu, mon Dieu, Oczakow! Сему подражаютъ и наши наемники ихъ; что же касается до государыни, то она нимало Очаковымъ не безпокоится, и все, что его свѣтлость предпринимать изволитъ, превозноситъ хвальбою. Досадуетъ

---

[1]) „Рус. Старина“, XVI. 207.
[2]) „Р. Старина“, XVI. 210.

на одно только то, что его свѣтлость подвергаетъ себя опасности. Какую пользу принесетъ Очаковъ, если виновникъ пріобрѣтенія его постраждетъ?“ [1]).

Какъ мы видѣли, Екатерина писала Потемкину очень часто и подробно. Въ ея письмѣ отъ 28 іюля сказано: „Теперь, мой другъ, ты просишь меня о увѣдомленіи почаще; суди теперь самъ, какова я была, не имѣя отъ тебя недѣли по три увѣдомленія; однако я къ тебѣ пишу и писала почти каждую недѣлю“ [2]). Именно въ это время Потемкинъ началъ писать очень рѣдко,чѣмъ вызывалъ нѣкоторое раздраженіе императрицы. 14-го августа она спросила Храповицкаго, котораго числа былъ курьеръ отъ князя. Оказалось, что три недѣли не было извѣстій. Екатерина замѣтила: „Самъ же просилъ, чтобъ чаще увѣдомляла о здѣшнихъ обстоятельствахъ, и самъ же теперь молчитъ; здѣсь война на носу, а тамъ не знаю что̀ дѣлаютъ“ [3]). Однако, въ письмахъ къ князю императрица не обнаруживала особеннаго нетерпѣнія. „Дай Боже тебѣ всякое, всякое, всякое благополучіе и счастіе“,—сказано, между прочимъ, въ письмѣ отъ 31 іюля. 14 августа она писала: „Безпокоитъ меня твоя ногтоѣда, о которой ты меня извѣщаешь своимъ письмомъ отъ 6 августа послѣ трехнедѣльнаго молчанія; мнѣ кажется, что ты раненъ, а оное скрываешь отъ меня. Синельниковъ, конечно, былъ близокъ возлѣ тебя, когда онъ рану получилъ; не тѣмъ-ли ядромъ и тебя зацѣпило за пальцы? Я-же вижу, что ваше теперешнее состояніе подъ Очаковомъ весьма заботливо и труднѣе, нежели я себѣ представляла, и такъ всѣ безпокойства ваши мнѣ теперь чувствительнѣе, нежели дурацкая шведская война“ и проч. Къ этому прибавлено: „Пожалуй, повадься писать чаще, а то до мира не доживу“. 28 августа: „Отъ васъ двѣ недѣли ни строки не имѣю... Пиши ради Бога почаще, что̀ у васъ дѣлается на морѣ и на сухомъ пути“, и проч. [4]). 31 августа: „Я жалѣю

---

[1]) „Р. Старина“, XVI. 213, 220.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 514.
[3]) Храповицкій, 14 авг. 1788.
[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 516—517.

весьма, что ты столь много обезпокоенъ очаковскою осадою; терпѣніемъ все преодолѣвается; лучше тише, но здорово, нежели скоро, но подвергаться опасности, либо потерѣ многолюдной“ [1]).

Изъ всего этого видно, какого выгоднаго мнѣнія о Потемкинѣ была императрица. Нѣсколько иначе думали о князѣ лица, находившіяся при немъ. Принцъ де-Линь былъ убѣжденъ, что можно было взять Очаковъ 1 іюля, пользуясь побѣдою надъ стоявшею подъ стѣнами этой крѣпости флотиліей. Такого же мнѣнія были и другія лица. Потемкина обвиняли въ томъ, что онъ недостаточно былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ крѣпости, откладывалъ напрасно рѣшительныя дѣйствія и этимъ подвергалъ свое войско страшнымъ страданіямъ отъ болѣзней и морозовъ. Потемкинъ жестоко ошибался, ожидая, что Очаковъ сдастся вслѣдствіе битвъ въ Лиманѣ. Еще весною Суворовъ предлагалъ ему штурмовать Очаковъ и брался исполнить это дѣло. Потемкинъ писалъ ему въ отвѣтъ: „Я на всякую пользу тебѣ руки развязываю, но касательно Очакова попытка можетъ быть вредна; я все употреблю, чтобы достался онъ дешево“ [2]).

Потемкинъ самъ явился у Очакова въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, но войско собиралось такъ медленно, что осадныя работы начались не раньше 31 іюля. Медленность движеній войска и путешествія самого князя объясняли его неровнымъ, капризнымъ характеромъ. Де-Линь иронически замѣчаетъ, что главнокомандующаго задерживала вкусная рыба. Конечно, это—шутка, но все-же Потемкинъ велъ себя не какъ полководецъ, а какъ большой баринъ, сибаритъ. Изъ переписки его видно, что въ апрѣлѣ были отправлены къ нему два обоза съ напитками, съѣстными припасами, серебрянымъ сервизомъ и другими подобными вещами, одинъ—по московскому, другой — по бѣлорусскому трактамъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить своевременное прибытіе къ мѣсту хоть одного изъ нихъ [3]).

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 519.
[2]) „Жизнь князя Потемкина“, Москва. 1812, IV. 24.
[3]) „Зап. Одесск. Общ.“, VIII. 238.

Несправедливо однако было-бы безусловно обвинять Потемкина въ бездѣйствіи. Напротивъ, мы имѣемъ доказательства многосторонней его дѣятельности во время осады Очакова. Собственноручные ордеры его къ Фалѣеву и другимъ лицамъ свидѣтельствуютъ, что онъ работалъ самостоятельно, заботился о постройкѣ судовъ, о продовольствіи солдатъ, о лекарствахъ для больныхъ, объ обученіи рекрутъ. Очень часто онъ былъ недоволенъ мошенничествомъ подрядчиковъ, дурно исполнявшихъ казенныя работы, а также недобросовѣстностью и нерадѣніемъ служащихъ. „Вы не дивитесь“,— писалъ онъ однажды Фалѣеву,— „что я ворчу; Богу извѣстно что силъ недостаетъ; вездѣ самому быть нельзя. А все до малѣйшихъ способовъ требуютъ отъ меня“ [1]). Принцъ де-Линь, во многомъ отдавая справедливость князю, находилъ, что онъ слишкомъ поддавался ипохондріи и по временамъ страшно лѣнился. Во время осады Очакова онъ занимался литературными трудами, писалъ мадригалы дамамъ и переводилъ церковную исторію аббата Флёри. Музыка и пиршества въ то время занимали его [2]).

Изнѣженность однако не мѣшала Потемкину подвергаться иногда личнымъ опасностямъ. Такъ напр. вскорѣ послѣ прибытія своего къ Очакову, желая присутствовать при военныхъ опытахъ, онъ легко могъ попасться въ плѣнъ или даже быть убитымъ вслѣдствіе приключившагося при этомъ взрыва. Однажды, когда князь разъѣзжалъ между Кинбурномъ и Очаковымъ на прекрасномъ катерѣ, турки сильно стрѣляли по плавающимъ и даже бросились за ними въ погоню. Потемкинъ, сохраняя хладнокровіе, успѣлъ доѣхать до русскихъ батарей [3]). Узнавъ, что его подозрѣваютъ въ недостаткѣ мужества, онъ, однажды, сопровождаемый нѣсколькими офице-

---

[1]) „Зап. Одесск. Общ.“, II. 657.

[2]) Надеждинъ, въ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1839 года, стр. 66. Не находится-ли въ связи съ литературными занятіями князя вышедшій въ 1790 году переводъ книги Бернардена Сенъ-Пьера о вѣчномъ мирѣ, въ заглавіи котораго сказано: „Переводъ съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковымъ въ 1788 году“? См. Гротъ, „Державинъ“, I. 358.

[3]) Самойловъ, въ „Р. Арх.“, 1867, стр. 1567.

рами, сдѣлалъ рекогносцировку такъ близко у непріятельскаго лагеря, что бывшему съ нимъ генералу Синельникову турецкое ядро оторвало ногу [1]). Въ подобныхъ случаяхъ Потемкинъ одѣвался пышно и былъ увѣшанъ звѣздами [2]). Мы видѣли выше, что императрица бранила князя за неумѣстную отвагу.

Солдаты, кажется, любили его. Они были обязаны ему введеніемъ болѣе удобной одежды, отмѣною косъ и проч. Онъ шутилъ съ ними, часто пріѣзжалъ въ траншеи и сказалъ однажды вставшимъ предъ нимъ солдатамъ: „Слушайте ребята, приказываю вамъ однажды навсегда, чтобы вы передо мною не вставали, а отъ турецкихъ ядеръ не ложились на землю“ [3]).

О стратегическихъ предположеніяхъ Потемкина въ самомъ началѣ осады мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго Гельбигомъ, который, пользуясь своими связями, досталъ планъ осады, составленный княземъ и извѣстный, по всей вѣроятности, весьма немногимъ лицамъ [4]).

Современники-очевидцы не переставали упрекать князя въ разныхъ промахахъ. Какъ ни много было собрано осадныхъ средствъ, но Потемкину нужно было больше и больше. А турки тѣмъ временемъ не дремали, и оборонительная сила крѣпости понемногу выростала. Въ моментъ открытія осады крѣпость не въ состояніи была долго противостоять дѣятельной, энергической аттакѣ. А Потемкинъ именно на это и не рѣшался. Онъ долго ограничивался рекогносцировками и разными приготовленіями къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Его тревожили нарочно распущенные турками слухи о минахъ, заложенныхъ французскими инженерами, и онъ поджидалъ изъ Парижа подробныхъ плановъ крѣпости со всѣми минными галлереями, не жалѣя на это издержекъ. Онъ считалъ вѣроятнымъ, что турки сдадутъ крѣпость на капитуляцію безъ кровопролитія. Къ тому-же, какъ замѣчаетъ новѣйшій исто-

---

[1]) Castéra, „Vie de Cathérine II“, II. 155.

[2]) Самойловъ, стр. 1565.

[3]) Самойловъ, 1566.

[4]) Подробности плана осады см. въ моей монографіи „Осада Очакова“ въ „Журн. мин. нар. просв.“, CLXVIII, отд. 2, стр. 400.

рикъ этихъ событій, въ его главной квартирѣ было много иностранцевъ, задававшихъ князю вопросы, предлагавшихъ совѣты, дѣлавшихъ косвенныя замѣчанія; онъ тяготился всей этой толпой соглядатаевъ, критиковъ и совѣтниковъ и, какъ безхарактерный баловень, поставленный судьбою не на свое мѣсто, больше всего опасался дать поводъ къ заключенію, будто онъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а съ чужого голоса [1]).

Находили, что князь строилъ редуты въ слишкомъ значительномъ отъ Очакова разстояніи, иногда давалъ противорѣчащія одно другому приказанія, сильно заблуждался относительно настроенія умовъ въ Очаковѣ. Осада, къ крайнему неудовольствію прочихъ генераловъ, съ самаго начала шла вяло; дѣло затянулось. Только изрѣдка случались вылазки съ той и съ другой стороны.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ Потемкинъ жаловался принцу де-Линю: „Этотъ поганый городъ мнѣ надоѣдаетъ“. Де-Линь отвѣтилъ: „Онъ еще болѣе надоѣстъ вамъ, если вы не возьметесь за дѣло какъ слѣдуетъ. Сдѣлайте фальшивую аттаку съ одной стороны, а съ другой берите ретраншементы штурмомъ, и крѣпость будетъ ваша“. Потемкинъ былъ огорченъ этимъ отвѣтомъ: онъ замѣтилъ, что овладѣть Очаковомъ мудренѣе, чѣмъ турецкою крѣпостью Сабацъ, занятою австрійскими войсками подъ командою самого императора Іосифа еще весною этого года. Тогда обидѣлся, въ свою очередь, принцъ де-Линь. Онъ колко замѣтилъ Потемкину, что о подвигахъ Іосифа II слѣдуетъ говорить съ большимъ уваженіемъ, что императоръ самъ при этомъ случаѣ выказалъ необыкновенное мужество, подвергая себя большой опасности. Потемкинъ хотѣлъ доказать, что въ отношеніи къ мужеству онъ нисколько не уступаетъ императору Іосифу, и на другой день, во время рекогносцировки, подъѣхалъ довольно близко къ ретраншементамъ, гдѣ былъ осыпанъ градомъ пуль и ядеръ. „Спросите принца де-Линя“, — сказалъ онъ находившемуся

---

[1]) Петрушевскій, 323—325.

при немъ графу Браницкому, — „былъ ли императоръ при Сабацѣ храбрѣе меня?“ [1]).

Не смотря на такія выходки, скорѣе свидѣтельствовавшія о мелочности и тщеславіи, нежели о стратегическихъ способностяхъ князя, характеръ осады не измѣнялся. Принцъ де-Линь въ іюлѣ мѣсяцѣ писалъ, что, еслибы русскіе взялись за дѣло какъ слѣдуетъ, Очаковъ былъ бы взятъ въ продолженіе одной недѣли; между тѣмъ, по медленности и нерѣшительности, русскіе, по словамъ его, походили на осажденныхъ, турки же держались хорошо и не пропускали случая вредить нашимъ войскамъ, которыя теряли много людей [2]).

Къ этому времени относится столкновеніе Потемкина съ Суворовымъ по случаю довольно важной схватки между русскими и турками. Суворовъ во все время былъ очень недоволенъ генералъ-фельдмаршаломъ и не могъ удержаться отъ критики и сарказмовъ. „Не такими способами бивали мы поляковъ и турокъ“,—говорилъ онъ въ близкомъ кругу:—„однимъ глядѣньемъ крѣпости не возьмешь. Послушались-бы меня—давно Очаковъ былъ-бы въ нашихъ рукахъ“ [3]). Разсказываютъ, что де-Рибасъ, находившійся при Потемкинѣ, старался вредить Суворову въ глазахъ главнокомандующаго. Однажды вспыхнулъ споръ. Суворовъ настаивалъ на своемъ мнѣніи; Потемкинъ съ досадою воскликнулъ: „Онъ все себѣ хочетъ заграбить!“ Суворовъ въ письмахъ къ Попову жаловался на Потемкина, на его упрямство, неумѣніе вести осаду; въ письмѣ къ де-Рибасу, узнавъ о гнѣвѣ князя, онъ жаловался на наушниковъ, окружавшихъ Потемкина, требовалъ, чтобъ крѣпость настойчивѣе была бомбардирована; чтобы была сдѣлана брешь, и проч. [4]).

27-го іюля Суворовъ воспользовался вылазкою, сдѣланною турками, для дого, чтобы, безъ согласія Потемкина, завязать

---

[1]) См. письмо принца де-Линя, дѣйствительно восхищавшагося хладнокровіемъ князя, въ „Oeuvres“, II. 71.

[2]) „Oeuvres“, II. 71—73.

[3]) Петрушевскій, I. 325.

[4]) Полевой, „Біографія Суворова“, 129.

большое дѣло. Энгельгардтъ и другіе современники [1]) полагали, что Суворовъ намѣревался, видя медленность военныхъ дѣйствій, заставить Потемкина этимъ средствомъ рѣшиться на штурмъ, или самому съ своимъ корпусомъ на плечахъ турокъ ворваться въ крѣпость [2]). Дѣло вышло, однако, совсѣмъ иначе. Суворовъ былъ раненъ и потерялъ много народу. Принцъ де-Линь, видя, что турки сосредоточиваютъ всѣ силы на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила аттака Суворова, старался уговорить Потемкина броситься на оставшуюся почти безъ защиты лѣвую часть укрѣпленія. Потемкинъ былъ въ страшномъ волненіи; сначала онъ вовсе не отвѣчалъ на запросы, сдѣланные принцемъ де-Линемъ чрезъ одного австрійскаго, а затѣмъ и чрезъ русскаго офицера. Принцъ увѣрялъ въ своихъ письмахъ объ этомъ эпизодѣ, что Потемкинъ въ эти минуты проливалъ слезы, жалѣя о значительномъ числѣ убитыхъ солдатъ. Затѣмъ онъ наотрѣзъ отказалъ принцу.

Разсказываютъ, что Суворовъ въ то время, когда перевязывали ему рану, отвѣчалъ дежурному генералу, посланному къ нему отъ Потемкина съ грознымъ вопросомъ—какъ онъ, Суворовъ, осмѣлился безъ повелѣнія завязать такое важное дѣло: „Я на камушкѣ сижу: на Очаковъ я гляжу“. Можно считать вѣроятнымъ, что Потемкину передали этотъ дерзкій отвѣтъ, осмѣивавшій бездѣйствіе князя [3]).

Этотъ эпизодъ показываетъ, въ какой степени въ русскомъ лагерѣ недоставало единства мысли, дисциплины и довѣрія къ главнокомандующему. Одинъ изъ генераловъ самовольно рѣшается на предпріятіе, которое могло удасться лишь при дружномъ дѣйствіи всѣхъ частей войска. Цѣлыя сотни солдатъ были загублены лишь для того, чтобы страшною опасностью принудить главнокомандующаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но и это не удалось.

Если-бы Потемкинъ внялъ увѣщаніямъ, то, можетъ быть, хотя и съ значительною потерею, взялъ-бы крѣпость; но онъ

---

[1]) Masson, „Mémoires secrets“, I. 300.
[2]) Энгельгардтъ, „Записки“, 85.
[3]) См. подробности этого дѣла у Петрушевскаго, I. 327.

поступилъ иначе, и осада послѣ этого продолжалась еще болѣе четырехъ мѣсяцевъ. А между тѣмъ штурмъ 27-го іюля, по всей вѣроятности, былъ бы менѣе кровопролитенъ, нежели штурмъ 6-го декабря. Потемкинъ не воспользовался этою минутою, какъ говоритъ принцъ де-Линь, потому, что жалѣлъ солдатъ; но кромѣ того и самолюбіе останавливало его. Еслибъ Очаковъ былъ взятъ 27-го іюля, это событіе было-бы приписано отвагѣ Суворова, о которомъ Потемкинъ замѣтилъ незадолго передъ тѣмъ, что тотъ „хочетъ все себѣ ограбить“. Теперь-же Потемкинъ имѣлъ полное право обвинять Суворова, требовать отъ него отчета; онъ даже могъ бы предать его военному суду за нарушеніе правилъ субординаціи. Въ страшномъ волненіи онъ написалъ ему записку, наполненную упреками; почеркъ руки этой записки свидѣтельствовалъ о раздраженіи князя. Почти невозможно было разобрать написаннаго. „Солдаты“,—писалъ Потемкинъ,—„такая драгоцѣнность, что ими нельзя безполезно жертвовать. Низачто-ни-прочто погублено столько драгоцѣннаго народа, что весь Очаковъ того не стоитъ. Странно, что при мнѣ мои подчиненные распоряжаются движеніями войска, даже не увѣдомляя меня о томъ“ [1]). Вскорѣ послѣ того Суворовъ былъ опять раненъ при взрывѣ въ лабораторіи и уѣхалъ послѣ этого.

Осада и дальше шла вяло и неудачно. Потемкинъ не переставалъ ждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для рѣшительныхъ дѣйствій, а между тѣмъ капуданъ-паша Гассанъ постоянно имѣлъ сообщеніе съ крѣпостью при помощи флота, „прилипъ къ ней какъ банный листъ“, писалъ Потемкинъ къ Румянцеву, или „какъ шпанская муха“, сказано въ письмѣ князя къ императрицѣ [2]). Туркамъ неоднократно удавалось высаживать войска для усиленія очаковскаго гарнизона [3]). Осаждающіе не имѣли возможности блокировать крѣпость; обвиняли Потемкина, между прочимъ, въ томъ, что онъ не

---

[1]) Smitt „Suworow“, 334. Полевой, 131. У Бантышъ-Каменскаго другая записка Потемкина; см. „Словарь достопамятныхъ людей“, III. 315 и слѣд.

[2]) Петрушевскій, I. 331. Храповицкій, 14 августа.

[3]) Сегюръ, „Записки“, III. 360 и 441. „Спб. Вѣдомости“, 1788, стр. 1405.

успѣлъ заблаговременно построить батареи на самомъ концѣ Кинбурнской косы. Де-Линь замѣтилъ, что постройкою редутовъ и батарей завѣдывали низшіе офицеры (quelques subalternes), мало-опытные и незнакомые съ дѣломъ. Начали уѣзжать люди болѣе выдающіеся, какъ напр. Поль-Жонесъ, принцъ Нассау-Зигенъ. Принцъ де-Линь также счелъ болѣе удобнымъ удалиться. Хотя отношенія между нимъ и Потемкинымъ были довольно благопріятныя, тѣмъ не менѣе вѣчный контроль со стороны австрійскаго полководца-дипломата былъ въ тягость главнокомандующему. „Эти союзники“, — писалъ онъ однажды,— „мнѣ очень надоѣли; они во все вмѣшиваются, хотятъ все знать, а затѣмъ критикуютъ и осуждаютъ, не зная самаго дѣла основательно“ [1]).

Критиковали однако не только иностранцы, но и свои. Въ запискахъ Ѳ. Н. Голицына, между прочимъ, сказано: „Отъ нерѣшимости князя Потемкина и отъ пышной и сладострастной жизни его армія стала ослабѣвать. Наступила стужа... войско стало нуждаться пищею и претерпѣвать холодъ. Завелись наконецъ смертоносныя болѣзни. Князь Репнинъ, видя такое неустройство и небреженіе, рѣшился его усовѣстить, написалъ ему письмо въ твердыхъ выраженіяхъ, гдѣ, между прочимъ, онъ ему вспоминаетъ, что онъ за такое нерадѣніе будетъ отвѣчать Богу, государю и отечеству. Крѣпость вскорѣ послѣ того была взята приступомъ. Я слышалъ отъ самого въ ней командующаго трехъ-бунчужнаго паши, котораго мнѣ случилось въ проѣздъ его черезъ Москву видѣть у князя Репнина, что гарнизонъ въ крѣпости нѣсколько разъ почти началъ бунтовать, и что онъ удивляется, какъ не воспользовались осаждающіе такими случаями. Вотъ каковъ былъ князь Потемкинъ, начальствуя арміею“ [2]).

И по случаю разсказа объ осадѣ Очакова, какъ и прежде по поводу замѣчаній о преобразованіяхъ въ войскѣ князь

---

[1]) Smitt, „Suworow“, I. 331.

[2]) „Р. Арх.“, 1874. I. 1280. Къ разсказу о заговорѣ Репнина въ запискахъ Тургенева (Р. Старина 1887. т. LIII. 339—340) нужно относиться скептически.

Ю. В. Долгорукій рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій Потемкина. Тутъ, между прочимъ, сказано: „Князь Потемкинъ все ѣздилъ въ коляскѣ: я его уговаривалъ, чтобы ѣхалъ верхомъ, даже подарилъ ему лошадь, очень смирную и по его росту. Онъ меня увѣрялъ, что въ надобное время онъ сядетъ на лошадь“, и пр. Далѣе говорится о лишенномъ основанія предположеніи князя, что за Бугомъ очаковскіе турки сдѣлаютъ нападеніе на армію, о неудачныхъ мѣрахъ, принятыхъ княземъ, о томъ, что онъ много пилъ шампанскаго и венгерскаго вина и что „вздорныя, ни къ чему не ведущія операціи“ стоили множество людей и лошадей, и пр. Послѣ того какъ князь Ю. В. Долгорукій отъ скуки уѣхалъ въ отпускъ, „ералашъ и безпорядки всей арміи умножились, войско было доведено до отчаянія“, и пр. [1]).

Чрезвычайно рельефно очерчено въ письмѣ принца де-Линя неотрадное положеніе въ русскомъ лагерѣ подъ Очаковымъ. „Я уѣзжаю“,—писалъ онъ въ концѣ октября къ императору Іосифу;—„остаются только принцъ Ангальтъ и Василій Долгорукій. Теперь лишь благодаря какому-либо отчаянному подвигу можно будетъ овладѣть Очаковымъ. Нужно же наконецъ избавиться отъ снѣга и грязи, въ которые мы со дня на день все болѣе и болѣе погружаемся. Браницкій уѣхалъ въ свое помѣстье, Нассау—въ Петербургъ, Ксаверій Любомирскій и Соллогубъ—въ Польшу, другіе генералы — Богъ знаетъ куда; имъ всѣмъ здѣсь было тошно (ils sont tous dégoûtés), и они почти больны...“ Въ томъ-же письмѣ говорится далѣе: „Потемкинъ хотѣлъ взять турецкое судно, но не успѣлъ. Онъ весь день былъ въ страшной меланхоліи и ипохондріи и со мною обращался, даже въ присутствіи другихъ лицъ, весьма неласково. Вечеромъ я съ нимъ простился. Онъ былъ тронутъ, долго держалъ меня въ объятіяхъ и съ трудомъ разстался со мною, вновь и вновь обнимая меня. Уѣзжая отсюда, я долженъ отдать полную справедливость хорошимъ качествамъ князя, его уму, любезности, такту (если

---

[1]) „Р. Ст.“ 1889. т. LXIII, стр. 510—511.

онъ хочетъ показать оные), благородству, мужеству, великодушію и даже гуманности. Мы разстались неохотно. Но я не могу долѣе вынести здѣшней жизни“ [1]).

Положеніе войска подъ Очаковымъ становилось съ часу на часъ болѣе и болѣе отчаяннымъ. Мокрая холодная осень смѣнилась лютой зимой, которая на долгое время осталась въ памяти народной подъ названіемъ Очаковской. Солдаты коченѣли въ своихъ землянкахъ, терпя страшную нужду въ самомъ необходимомъ. Свирѣпствовали болѣзни. Въ Петербургѣ ходили слухи, что третья часть войска Потемкина сдѣлалась жертвою болѣзней [2]). Разсказывали, будто смертность доходила до того, что отъ одной стужи убывало до 30—40 человѣкъ въ день [3]).

Современники противорѣчатъ другъ другу. Энгельгардтъ писалъ: „Взятіе Очакова стоило очень дорого; потеря людей была чрезвычайно значительна не убитыми, но отъ продолжительной кампаніи; зима изнурила до того, что едва четвертая часть осталась отъ многочисленной арміи, а кавалерія потеряла почти всѣхъ лошадей“ [4]). Самойловъ же разсказываетъ: „Холодъ былъ необыкновенный, но войска ничего не терпѣли, солдаты въ траншеяхъ имѣли шубы, шапки и кеньги, мясную пищу, винную порцію, пуншъ горячій изъ рижскаго бальзама, который пили офицеры и генералы“ [5]).

Едва ли можно сомнѣваться, что недостатокъ въ припасахъ и морозы значительно содѣйствовали рѣшимости Потемкина взять Очаковъ приступомъ. Но была и другая причина: въ Петербургѣ смотрѣли на него косо.

Мамоновъ говорилъ Гарновскому въ началѣ октября: „Государыня недовольна: 1) что не присылается сюда жур-

---

[1]) „Oeuvres“, II. 81–83.

[2]) Ségur, „Tableau des principaux évènements“, 160.

[3]) Петрушевскій, 332. О значительномъ числѣ больныхъ въ лагерѣ Потемкина писалъ и неизвѣстный авторъ письма (не Сегюръ, какъ по ошибкѣ сказано въ журналѣ „Новь“ XIV т., стр. 230), факсимиле котораго помѣщено въ этомъ мѣстѣ).

[4]) „Зап. Энгельгардта“, 72.

[5]) Самойловъ въ „Р. Арх.“, 1867, стр. 1251.

налъ объ осадѣ Очаковской; 2) что отъ его свѣтлости въ теченіе нынѣшняго года не было принесено поздравленія ея императорскому величеству ни съ однимъ изъ ея праздниковъ, и наконецъ, 3) что отъ его свѣтлости не воспослѣдовало ни малѣйшаго отзыва о шпагѣ и золотомъ блюдѣ, къ нему посланныхъ". О послѣднемъ обстоятельствѣ, по свидѣтельству Гарновскаго, Екатерина говорила камердинеру Захару: „Наша посылка какъ въ воду впала" [1]). Гарновскій, сильно безпокоясь, писалъ Попову: „Кромѣ сихъ причинъ надобно быть еще другимъ, гнѣвъ таковой водворившимъ. Чрезъ все лѣто государыня была хорошаго расположенія и претензіи ея появились недавно. Я думаю, что во время графской (Мамонова) болѣзни злодѣи его свѣтлости успѣли что-нибудь внушить Въ числѣ злодѣевъ занимаетъ не послѣднее мѣсто цесарскій посолъ, безпрестанно и неусыпно въ происках коварныхъ обращающійся. Въ сіе время носился въ городѣ повсемѣстно слухъ, родившійся, по догадкамъ моимъ, въ Муринѣ [2]), будто бы армія Екатеринославская, бывъ жестоко поражена очаковскими и капитанъ-пашинскими войсками, подвинулась семьнадцать верстъ назадъ. Много было и теперь есть вранья, сему подобнаго, которымъ, яко ни малѣйшаго вниманія нестоющимъ, я вамъ не скучаю" [3]).

И изъ дневника Храповицкаго мы узнаемъ, что Екатерина была недовольна. Иногда случалось, что въ донесеніяхъ князя, именно въ то время, когда ежедневно ждали извѣстій о взятіи Очакова, не было ни слова объ осадѣ. Императрица была въ волненіи и почти больна отъ ожиданія. Въ началѣ ноября былъ отправленъ рескриптъ съ совѣтомъ князю взяться, наконецъ, за дѣло энергически [4]). Державинъ увѣряетъ, что въ это время „при дворѣ были весьма дурные

---

[1]) Въ письмѣ Екатерины къ Потемкину отъ 10 октября упомянуто: „Что шпага и блюдо до тебя дошли, усматриваю изъ письма твоего отъ 29 сентября". „Сб. Ист. Общ.", XXVII. 524.

[2]) Имѣніе графа А. Р. Воронцова.

[3]) „Р. Старина", XIV. 220—221.

[4]) Храповицкій, 8, 15, 26 октября, 4 ноября.

толки о Потемкинѣ, и едва ему не отказано отъ команды“ [1]).

Въ письмахъ къ князю Екатерина повторяла, что надѣется на взятіе крѣпости. „По взятіи Очакова“, — сказано въ ея письмѣ отъ 19 октября, — „старайся заводить мирные договоры“. Въ другомъ письмѣ отъ 7 ноября говорится: „Планъ осады открылъ мнѣ всю трудность, которую имѣешь; умали Богъ упорность гарнизона очаковскаго“. 27 ноября: „Молю Бога, чтобы Очаковъ скорѣе сдался“ [2]).

Гарновскій желалъ взятія Очакова особенно потому, что пріѣздъ князя въ столицу казался ему крайне нужнымъ для возстановленія авторитета его при дворѣ. „Всѣ со всякою всячиною лѣзутъ“, — писалъ онъ уже въ сентябрѣ. — „Пусть такъ будетъ до пріѣзда его свѣтлости, дабы и злодѣи его восчувствовали предъ нимъ свое ничтожество. Но послѣ взятія Очакова, въ чемъ Богъ да поможетъ, здѣсь его свѣтлости, конечно, быть необходимо нужно и для себя, и для дѣлъ государевыхъ и государственныхъ“. „Цесарскіе наемники“, — жаловался Гарновскій въ октябрѣ, — „желая всѣ дѣла рѣшить такъ, какъ имъ хочется, стараются дворъ содержать въ расположеніяхъ, намѣреніямъ ихъ соотвѣтствующихъ. Дай Богъ, чтобъ не сдѣлали привычки рѣшать дѣла сами-собою“. Далѣе Гарновскій доносилъ о злостныхъ замѣчаніяхъ разныхъ лицъ, настроенныхъ противъ Потемкина, напр. А. Р. Воронцова, Завадовскаго и др. Впрочемъ, Гарновскій вскорѣ успокоился, узнавъ, что императрица сама желала видѣть князя скорѣе [3]).

Дѣйствительно, Екатерина писала Потемкину въ этомъ смыслѣ. Очевидно князь, въ припадкѣ ипохондріи, изъявилъ желаніе удалиться отъ дѣлъ. Екатерина писала ему 7 ноября: „Естьли ты возьмешь покой, то о томъ весьма жалѣть буду и приму сіе за смертельный ударъ, тѣмъ паче, что чрезъ то меня оставишь посреди интригъ, за что, думаю, отъ меня спасибо не ожидаешь; но я надѣюсь, что когда все кончится

---

[1]) Гротъ, I. 232.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 527, 529, 531.
[3]) „Р. Старина“, XXVI. 216, 222, 224, 227, 228.

благополучно, то, любя меня, что и сія мысль исчезнетъ, и будешь, какъ и былъ, вѣрнѣйшій". Въ припискѣ сказано: „Ничего на свѣтѣ такъ не хочу, какъ чтобъ ты могъ по взятіи Очакова и по окончаніи зимнихъ распоряженій въ теченіе зимы пріѣхать на часъ сюда, чтобъ, во-первыхъ, имѣть удовольствіе тебя видѣть по столь долгой разлукѣ, а второе, чтобъ съ тобою о многомъ изустно переговорить" [1]).

Гарновскій писалъ: „Дай Богъ, чтобъ его свѣтлость поспѣшилъ, а то нужда въ дѣловыхъ людяхъ". Говоря о только-что приведенной припискѣ Екатерины, Гарновскій писалъ Попову: „Быть (князю) здѣсь непремѣнно нужно. Сего требуетъ странное дѣлъ теченіе и состояніе государыни, смущенной въ духѣ, подверженной безпрестаннымъ тревогамъ и колеблющейся безъ подпоры. Есть надежда, что, по прибытіи сюда его свѣтлости, пойдутъ дѣла по желанію его". Мамоновъ, опасаясь, что императрицею будетъ оказанъ Потемкину неблагопріятный пріемъ, говорилъ Гарновскому: „Я боюсь, чтобъ выговоры, если оные случатся, не удалили отъ дѣлъ государственныхъ такого человѣка, котораго государыня ничѣмъ на свѣтѣ замѣнить не въ состояніи будетъ, и отчего не послѣдовало-бы паденіе государства" [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкину хорошо было извѣстно настроеніе умовъ въ Петербургѣ. Его положеніе при дворѣ, дальнѣйшее довѣріе къ нему Екатерины, награды, почести— все это зависѣло отъ взятія Очакова. Впрочемъ, и безъ того оказывалось невозможнымъ откладывать штурмъ. 5 декабря дежурный генералъ объявилъ князю, что на другой день нѣтъ болѣе ни одного куска топлива; оберъ-провіантмейстеръ съ своей стороны прибавилъ, что хлѣба не хватитъ даже на одинъ день.

Тогда Потемкинъ рѣшился на штурмъ и велѣлъ обѣщать солдатамъ добычу, даже пушки и казну, которыя будутъ взяты въ Очаковѣ. Началось ужасное кровопролитіе... Есть преданіе, что Потемкинъ будто-бы во все время штурма

---

[1]) „Сб. И. Общ.", XXVII. 531.
[2]) „Р. Старина", XVI. 228, 230—231.

сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукою, и повторялъ постоянно: „Господи помилуй“ [1]). Во время самаго дѣла можно было сомнѣваться въ успѣхѣ. Послѣ страшныхъ усилій и потерь русскіе утвердились, наконецъ, въ крѣпости. Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина достался, между прочимъ, великолѣпный изумрудъ, величиною въ куриное яйцо, которое онъ подарилъ Екатеринѣ [2]). Объ обращеніи Потемкина съ плѣннымъ Гуссейнъ-пашею существуютъ различныя преданія. Самойловъ утверждаетъ, что князь велъ себя весьма благородно, признавая, что паша не могъ сдаться добровольно. По другимъ же свѣдѣніямъ, Потемкинъ, увидѣвъ пашу, грозно закричалъ на него, упрекая его въ упрямствѣ, которое сдѣлалось причиною ужаснаго кровопролитія [3]).

Извѣстному художнику Казанова Потемкинъ поручилъ написать двѣ картины, изображающія штурмъ Очакова. Одна была назначена для графини Браницкой, другая—для столовой въ Таврическомъ дворцѣ [4]).

Извѣстіе о взятіи Очакова произвело въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе. Каждый понималъ, что это событіе имѣло важное политическое значеніе. Существуетъ современная гравюра, на которой изображена осада этой крѣпости. Надъ нею надпись: „Gute Nacht, Krim! Oczakow ist durch Potemkin gefallen. Darob der Halbmond erbebt und zittern die Mauern Stambuls“ [5]).

---

[1]) Надеждинъ, въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1839 г. стр. 68.

[2]) См. мою статью объ осадѣ Очакова. Herrmann, „Ergänzungsband“, 654.

[3]) „Р. Арх.“, 1867, 1257. Smitt, „Suworow“, I. 348.

[4]) Одна изъ этихъ картинъ была гравирована на стали; см. „Minerva“, 1799, I. 173. Массонъ видѣлъ ее въ таврическомъ дворцѣ („Mémoires secrets“, I. 98).

[5]) Новь, 1885 (т. XIV, стр. 229).

VIII.

Событія 1789 и 1790 годовъ.

Во время осады Очакова Екатерина не переставала надѣяться на полный успѣхъ. За нѣсколько дней до взятія крѣпости она, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, выразила убѣжденіе, что „Очаковъ лежитъ...“ „Я знаю его (Потемкина)“,— прибавила императрица, — „я знаю, что его честь требуетъ этого“ [1]). По полученіи извѣстія о взятіи Очакова Екатерина была въ восторгѣ и писала Потемкину: „За ушки взявъ обѣими руками, мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный“. И дальше: „Всѣмъ ты ротъ закрылъ, и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще способъ оказать великодушіе слѣпо и вѣтренно тебя осуждающимъ“ [2]).

Какъ было указано уже раньше, Екатерина неоднократно просила Потемкина по возможности избѣгать лишняго кровопролитія. Почти наканунѣ полученія извѣстія о взятіи крѣпости императрица, узнавъ изъ перлюстраціи, что принцъ Нассау-Зигенъ обвинялъ Потемкина въ упущеніи удобнаго времени для рѣшительныхъ дѣйствій, замѣтила въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ: „Это правда: я сама не велѣла идти на приступъ для сбереженія людей“ [3]). Теперь же, т. е. по полученіи извѣстія о взятіи Очакова, она писала (29 января

---

[1]) „Je connais mon homme, je sais que son honneur y est attaché“. Дневникъ Храповицкаго въ ноябрѣ 1788 г.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII. 536.

[3]) Храповицкій, 10 дек. 1788.

1789 года) къ доктору Циммерману, защищая Потемкина отъ упрековъ въ чрезмѣрной медлительности: „Князь предпринималъ всѣ способы такъ, какъ и должно, прежде нежели приступить штурмовать сію крѣпость. Удобнѣйшее время къ сему, конечно, было то, когда лиманъ, покрывшись льдомъ, сдѣлалъ приморскую сторону неприступною къ доставленію помощи осажденнымъ, сверхъ же того, и по взятіи города давалъ время взять нужныя предосторожности для будущаго. Но нетерпѣливость горячихъ головъ и молодыхъ храбрыхъ людей, также полуголовъ, не видящихъ далѣе своего носа, трехчетвертныхъ головъ, толкующихъ криво, завистниковъ, враговъ явныхъ и тайныхъ, все сіе въ подобномъ случаѣ, конечно, есть дѣло самое непріятное, и отъ всего онаго чрезвычайно много должны были терпѣть твердость и постоянство фельдмаршала. Въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему честь величайшую то, что онъ въ числѣ другихъ великихъ и похвальныхъ качествъ имѣетъ еще и способность прощать непріятелямъ, дѣлать имъ добро и такимъ образомъ умѣетъ торжествовать надъ своими противниками. Теперь говорятъ, что онъ могъ взять Очаковъ раньше; это правда; но теперь это было удобнѣе, чѣмъ когда либо“ [1]).

Также и Самойловъ защищаетъ Потемкина противъ упрека въ нерѣшимости, излагая подробно причины, заставлявшія князя откладывать приступъ [2]). Князь самъ въ бесѣдѣ съ Сегюромъ оправдывался указаніемъ на разныя затрудненія, доказывая, что онъ сдѣлалъ все, что̀ было возможно [3]). Энгельгардтъ, напротивъ, утверждалъ, что разсчетъ для сбереженія людей былъ невѣрнымъ и „филантропія не всегда бываетъ кстати“ [4]).

Послѣ штурма Очакова князь отправился въ Херсонъ для распоряженій по части кораблестроенія. Затѣмъ онъ по-

---

[1]) Marcard, „Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II“, Bremen, 1803, стр. 381.

[2]) „Р. Архивъ“, 1867, стр. 1260.

[3]) Ségur, „Mémoires“, III. 451.

[4]) Энгельгардтъ, „Записки“, 72.

ѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина писала ему 21 января 1789 года: „Сколько ни желаю тебя видѣть послѣ долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю за то, что ты не отлучился, пока всѣ нужныя и надобныя распоряженія не окончилъ... Доѣзжай до насъ съ покоемъ, побереги свое здоровье и будь увѣренъ, что принятъ будешь съ радостью, окончивъ столь славно и благополучно толь трудную кампанію“ [1]).

Изъ писемъ Гарновскаго мы узнаемъ, въ какомъ настроеніи находилась императрица въ это время по отношенію къ князю. Ей хорошо было извѣстно, что онъ не раздѣлялъ ея ненависти къ Пруссіи. Она опасалась объясненій съ Потемкинымъ объ этомъ предметѣ. Гарновскій писалъ 3 января 1789 года: „Иногда, помышляя о пріѣздѣ его свѣтлости, (государыня) тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его свѣтлость опрокинуть оную не возможетъ; но все сіе, какъ мнѣ кажется, не изъявляетъ твердости, чтобъ системы перемѣнить нельзя было, а посему и пріѣздъ его свѣтлости тревожитъ“.

Во всякомъ случаѣ пріѣздъ князя былъ предметомъ многихъ разговоровъ. Гарновскій весьма рельефно описываетъ настроеніе умовъ въ это время: „Да и вообще“,—писалъ онъ,—„что до пріѣзда его свѣтлости сюда касается, то у насъ теперь такое время, каковому, по писаніямъ, надлежитъ быть при второмъ пришествіи. Стоящіе ошую трепещутъ, одесную же радуются, судимы будучи безъ суда каждый плодами дѣлъ своихъ. Вѣнской [2]) ходитъ, прижавши хвостъ, который приподнять обѣщаетъ французской [3]), надѣясь на прежній свой кредитъ у его свѣтлости. Что же касается до прусскаго и англійскаго, то сіи ожидаютъ его свѣтлость нетерпѣливо. Фрезеръ, напившись до-пьяна на балѣ у Льва Александровича (Нарышкина), при питіи здоровья его свѣтлости, прокричалъ, что болѣе всего дѣлаетъ чести побѣдителю Очаковскому, это то, что разогналъ изъ арміи принцевъ де-Линьевъ, принцевъ

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 3.
[2]) Кобенцель.
[3]) Сегюръ.

Нассавскихъ и Павловъ-Жонесовъ и взялъ городъ безъ ихъ совѣтовъ". Сообщивъ въ январѣ, что императрица съ часу на часъ ожидаетъ пріѣзда князя, Гарновскій писалъ 3 февраля: „Весь городъ ожиданіемъ его свѣтлости встревоженъ. Теперь, кромѣ касающихся до сего разговоровъ, другихъ нигдѣ не слышно. Государыня въ ожиданіи сильно скучаетъ. „„Боже мой, какъ мнѣ князь теперь нуженъ!"" (слова Екатерины). Третьяго дня вотъ какой былъ, между прочимъ, разговоръ съ Захаромъ. Государыня: Скажи, пожалуй, любятъ-ли въ городѣ князя? Захаръ: Одинъ Богъ да вы.—Получа сей отвѣтъ, призадумавшись, промолчала, потомъ, сказавъ Захару „„прощай"", размышляя прогуливалась по Эрмитажу. Цесарское посольство хотя и продолжаетъ къ его свѣтлости свою ненависть, но, однакоже, прибытія его страшится, опасаясь въ политической системѣ перемѣны" [1]).

Внимательно слѣдя за путешествіемъ князя въ Петербургъ, императрица писала ему, между прочимъ, 2-го февраля: „Переѣздъ твой изъ Кременчуга въ Могилевъ былъ подобенъ птичьему перелету, а тамъ дивишься, что усталъ; ты никакъ не бережешься, а унимать тебя некому; буде пріѣдешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему пріѣзду, однако при первомъ свиданіи за уши подеру, — будь увѣренъ; морщись, какъ хочешь, а со здоровьемъ не шути; вотъ какая у насъ готовится встрѣча побѣдителю"! [2]).

Императрицу занимали въ это время приготовленія къ пріему Потемкина. Она приказала не давать сочиненную ею оперу „Горе-Богатырь" въ театрѣ до пріѣзда князя. 26 января она сказала Храповицкому: „Князю Орлову за чуму [3]) сдѣлали мраморныя ворота; графу Румянцеву были поставлены тріумфальныя въ Коломнѣ, а князю Г. А. Потемкину совсѣмъ забыла". Храповицкій отвѣтилъ: „Ваше Величество такъ его знать изволите, что сами никакого съ нимъ разсчета не дѣ-

---

[1]) „Р. Старина", XVI. 234—236.

[2]) „Сб. Ист. Общ.", XLII. 6.

[3]) Т.-е. когда Орловъ, побывавъ въ Москвѣ во время чумы, возвратился въ столицу въ 1771 г.

лаете“. Государыня: „То такъ, однакоже все человѣкъ; можетъ быть ему захочется“. Къ этому разсказу Храповицкій прибавляетъ: „Приказано въ Царскомъ Селѣ иллюминовать мраморныя ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать въ транспарантѣ стихи, кои выбрать изволила (императрица) изъ оды на Очаковъ Петрова. Тутъ при вѣнцѣ лавровомъ будетъ въ верху: „„Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи““. Затѣмъ слова Екатерины: „Онъ (Потемкинъ) будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ; о томъ только не вдругъ мнѣ скажите“ [1]).

Гарновскій сообщаетъ также нѣкоторыя любопытныя подробности о приготовленіяхъ къ пріѣзду Потемкина: „Г. Завадовскій, услыша о надписяхъ, сочиненныхъ государынею на вратахъ, сооруженныхъ въ Софіи въ честь грядущему съ полудня на сѣверъ побѣдителю, пожавши плечами, покиваше по-словенски и главою“. Въ письмѣ Гарновскаго къ самому Потемкину также говорится о тріумфальныхъ воротахъ съ надписью, сочиненною самою императрицею, а далѣе прибавлено: „Слышно также, что отъ великаго князя дано повелѣніе морскому батальону и наслѣдникову кирасирскому полку встрѣтить вашу свѣтлость съ почестями, принадлежащими фельдмаршалу“ [2]).

И изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о вниманіи, которое петербургское общество тогда обращало на предстоявшій пріѣздъ въ столицу князя Потемкина. Къ Державину писали объ этомъ Н. А. Львовъ, А. И. Терской, С. М. Лунинъ, Савинскій, А. Грибовскій и проч. [3]).

О впечатлѣніи, которое производилъ Потемкинъ во время этого путешествія въ Петербургъ, и о почестяхъ, съ которыми его всюду встрѣчали, сохранились случайно довольно любопытныя данныя. На пути онъ останавливался между прочимъ въ Харьковѣ и въ Могилевѣ. Въ воспоминаніяхъ Ѳ. П. Любоянскаго говорится: „Въ Харьковѣ удалось мнѣ видѣть князя

---

[1]) „Дневникъ Храповицкаго“, 25, 26 января.
[2]) „Р. Старина“, XVI. 236.
[3]) Гротъ. „Державинъ“, V. 727—745.

Потемкина-Таврическаго въ поѣздку его въ столицу по взятіи Очакова. На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя въ соборъ... Свѣтлѣйшій пришелъ уже послѣ „Достойно“ и остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона, посреди церкви, взглянулъ вверхъ во всѣ четыре конца.—„„Церковь не дурна““, сказалъ онъ вслухъ губернатору Кишенскому, вслѣдъ за тѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другаго кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскія врата отворялись, повернулся—въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой, сверхъ того, шубѣ изъ чернаго мѣха, крытой шелковою же матеріей, съ бѣлой шалью около шеи, съ лицомъ повидимому неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіаѳомъ“ [1]).

Другой современникъ разсказываетъ о пребываніи Потемкина въ Могилевѣ слѣдующее: „Въ день его пріѣзда всѣ власти за нѣсколько часовъ собрались въ домѣ губернатора и ожидали тутъ прибытія князя. Цѣлый день звонили въ колокола, и жители города вышли на шкловскую дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать, предшествуемый городскими знаменами... Около семи часовъ предъ губернаторскимъ домомъ остановились его сани. Изъ нихъ вышелъ высокаго роста и чрезвычайно красивый человѣкъ съ однимъ глазомъ. Онъ былъ въ халатѣ, и его длинные, нерасчесанные волосы, висѣвшіе въ безпорядкѣ по лицу и плечамъ, доказывали, что человѣкъ этотъ менѣе всего заботится о своемъ туалетѣ. Маленькій безпорядокъ, происшедшій въ его одеждѣ при выходѣ изъ саней, доказалъ всѣмъ присутствующимъ, что онъ забылъ облачить ту часть одежды, которую считаютъ необходимой принадлежностью костюма; онъ обходился безъ нея во все время пребыванія въ Могилевѣ, и даже при пріемѣ дамъ.

[1]) „. Архивъ“, 1872, стр. 103—104.

Будучи ростомъ въ пять футъ и десять дюймовъ, этотъ красивый брюнетъ имѣлъ тогда лѣтъ около пятидесяти. Лицо его само по себѣ довольно кроткое, но когда, сидя за столомъ, онъ смотритъ разсѣянно на окружающихъ и, занятый въ тоже время какою-нибудь непріятною мыслью, склонитъ голову на руку, подперевъ ею нижнюю челюсть, и въ этой позѣ не перестаетъ смотрѣть своимъ единственнымъ глазомъ на все окружающее, тогда сжатая нижняя часть его лица придаетъ ему отвратительное, звѣрское выраженіе. Войдя въ переднюю губернатора, гдѣ всѣ ожидали его, Потемкинъ остановился возлѣ намѣстника, принявшаго его по выходѣ изъ саней. Тогда ему были представлены всѣ сословія, и каждое привѣтствовало его рѣчью. Привѣтствія были такъ же длинны, какъ коротки были его отвѣты, ограничивавшіеся, впрочемъ, однимъ благосклоннымъ наклоненіемъ головы; тѣмъ не менѣе церемонія эта длилась болѣе двухъ часовъ, а по окончаніи ея Потемкинъ вошелъ въ залу намѣстника, который сталъ возлѣ него, между тѣмъ какъ князь сѣлъ передъ столомъ, принявъ вышеописанную позу. Мы простояли вдоль стѣнъ залы еще болѣе двухъ часовъ. Князь все это время не открывалъ рта и не подымалъ головы, какъ съ тѣмъ, чтобъ проглотить большой стаканъ кислыхъ щей, который ему подносили каждыя четверть часа. Мнѣ сказывали, что этотъ напитокъ, приготовленный для него необыкновенно густымъ, служитъ ему питьемъ и пищею и онъ выпивалъ его въ день до пятнадцати бутылокъ.—На слѣдующее утро всѣ снова собрались въ губернаторскую залу, гдѣ намѣстникъ стоялъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ князь, сидя по вчерашнему передъ тѣмъ же столомъ, провелъ нѣсколько часовъ, не подавая другихъ признаковъ жизни, какъ дергая время отъ время за звонокъ, причемъ адъютантъ его или самъ намѣстникъ входилъ за приказаніемъ. Около полудня насъ увѣдомили, что его свѣтлость скоро выйдетъ. Дѣйствительно онъ показался, прошелся два или три раза по залѣ, осмотрѣлъ всѣхъ и каждаго и, не сказавъ ни слова, возвратился черезъ нѣсколько минутъ на свое мѣсто. Тогда начались представленія всѣхъ

тѣхъ, кто имѣлъ къ нему просьбы или желалъ сказать ему привѣтствіе. Въ числѣ ихъ было нѣсколько поэтовъ, которые поднесли ему стихи на различныхъ языкахъ". Между этими поэтами находился и самъ авторъ, котораго поэтому пригласили на обѣдъ у князя. Онъ разсказываетъ: „Къ величайшему моему удивленію князь сѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ нами и разговаривалъ довольно весело съ намѣстникомъ. Онъ былъ по вчерашнему въ халатѣ и, какъ я полагаю, былъ и внизу одѣтъ точно такъ же, какъ и вчера... Во время трехдневнаго пребыванія Потемкина въ Могилевѣ были употреблены всѣ усилія, чтобы развлечь его; человѣкъ, присутствующій на танцахъ въ халатѣ, повидимому вовсе не сочувствуетъ подобнаго рода увеселеніямъ... Князь Потемкинъ имѣетъ двѣсти тысячъ душъ крестьянъ: этого слишкомъ достаточно для человѣка, который пьетъ только кислыя щи и не платитъ никому долговъ" [1]).

Такія же сцены происходили и въ Петербургѣ, куда князь прибылъ 4 февраля вечеромъ. На другой день, какъ писалъ Савинскій Державину, „весь городъ былъ, т.-е. изъ знатныхъ, на поздравленіи его свѣтлости" [2]). И тутъ ему подносили стихи, въ которыхъ поэты восхваляли его подвигъ, взятіе Очакова. Державинъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, по совѣту Львова сочинилъ оду — „Побѣдителю" [3]). Во время пребыванія князя въ Петербургѣ, откуда онъ выѣхалъ въ началѣ мая, былъ нарисованъ его портретъ однимъ русскимъ художникомъ [4]). Тогда же онъ получилъ отъ императрицы щедрыя награды, повелительный жезлъ, медаль, похвальную грамату и 100,000 рублей на достройку дома [5]).

О дѣятельности князя во время его пребыванія въ Петербургѣ сохранились лишь отрывочныя данныя. Главнымъ его занятіемъ, какъ кажется, были бесѣды съ императрицею о вопросахъ внѣшней политики. Дѣла Польши, Даніи, Швеціи,

---

[1]) „Рус. Старина", XXII. 331—333.
[2]) Гротъ, „Державинъ", V. 746.
[3]) Гротъ, „Державинъ", I. 231. VIII. 575.
[4]) „Russische Günstlinge", 389.
[5]) „Дневникъ Храповицкаго", 14 апрѣля 1789 г.

Англіи и проч. служили предметомъ этихъ разговоровъ. Разсказывали между прочимъ, что князь старался внушить Екатеринѣ нѣкоторую уступчивость въ отношеніи къ Швеціи. Такъ напр. онъ увѣрялъ ее, что не слѣдуетъ слишкомъ надѣяться на представителей оппозиціи противъ Густава III [1]). Послѣ того какъ онъ, на второй день по прибытіи въ столицу, присутствовалъ на представленіи въ эрмитажномъ театрѣ оперы „Горе-Богатырь“, въ которой былъ осмѣянъ шведскій король, онъ совѣтовалъ не выпускать въ свѣтъ этого сочиненія и не давать этой пьесы въ публичномъ театрѣ [2]).

Сохранились такія записки императрицы, изъ которыхъ видно, что Екатерина не безъ раздраженія говорила о Пруссіи, между тѣмъ какъ князь старался успокоить ее, причемъ разногласіе повело даже и къ недоразумѣніямъ. Екатерина писала, между прочимъ: „Что ты пишешь объ усердіи, о томъ спора нѣту, но какъ мною сдѣлано все возможное, то мнѣ кажется, что съ меня и болѣе требовать нѣтъ возможности, не унижая достоинства, а безъ сего ни жизни, ни короны мнѣ не нужно“. И дальше: „Я гнѣвныхъ, другъ мой, выраженій съ тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, которое прилично, за сіе прошу меня не осуждать; ибо я-бъ не достойна была своего мѣста и званія, еслибъ я сего чувства въ своей душѣ не имѣла“ [3]).

Было и другое недоразумѣніе между княземъ и императрицею. Онъ требовалъ коренныхъ реформъ во флотѣ и арміи, а Екатерина писала ему: „Касательно артиллеріи скажу, что теперь весьма трудно въ ней сдѣлать перемѣну... Бога для, на теперешній случай и когда такъ близко возлѣ столицы театръ войны, оставь вещи какъ есть; теперь ли время завода и перемѣнъ частей. Награжденіе я тебѣ съ радостью удѣлю; но отъ сего, любя меня, теперь откажись“ и пр. [4]).

---

[1]) „Minerva“, 1798. IV. 93.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго“ 5 и 6 февраля 1789 г. „Minerva“, 1799. II. 75.

[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 2—3. См. также соч. Гельбига въ журналѣ „Minerva“, 1798. IV. 81.

[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 9.

Безбородко считалъ Потемкина гораздо болѣе полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ нежели способнымъ военачальникомъ. Поэтому онъ желалъ пріѣзда князя въ Петербургъ, ожидая, что военныя дѣйствія на югѣ безъ него пойдутъ успѣшнѣе, а въ столицѣ „многое скорѣе и рѣшительнѣе потекло-бы его содѣйствіемъ“ [1]). И правда, разныя бумаги и распоряженія, относящіяся ко времени пребыванія Потемкина въ Петербургѣ, доказываютъ, что онъ въ это время не былъ празднымъ. Имъ была составлена записка о вылитіи „единороговъ“ и мортиръ для финляндской арміи, а также планъ будущей кампаніи противъ шведовъ [2]); онъ бесѣдовалъ съ Екатериною о вопросахъ военной администраціи и пр. Иногда она хвалила его, но иногда и жаловалась на его же медленность [3]). Особенно подробно въ бесѣдахъ императрицы обсуждался планъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ въ предстоявшей кампаніи, причемъ Екатерина выразила мысль объ отозваніи Румянцева и о порученіи Потемкину обѣихъ армій, „дабы согласно дѣло шло“ [4]).

Послѣ того, какъ князь 5 мая покинулъ столицу, онъ съ дороги неоднократно писалъ Екатеринѣ. 13 мая она писала ему между прочимъ: „Ты летаешь, а не ѣздишь; жаль мнѣ только то, что не наблюдаешь моего предписанія касательно сбереженія твоего здоровья, а пріѣдешь на мѣсто, буде не совсѣмъ боленъ, по крайней мѣрѣ замученъ... За апельсины благодарствую“. Въ письмѣ 16 мая говорится: „Вижу, что хлопотъ у васъ безъ счета по причинѣ прокормленія арміи, однако, надѣюсь, что ты изъ оныхъ выпутаешься. Не диво, что ты дорогою размучился по твоей ѣздѣ... Спасибо тебѣ, что такъ часто пишешь“. 31 мая: „Дай Боже королямъ шведскому и прусскому ногтоѣдицу на каждомъ пальцѣ, а чтобъ твои пальцы перестали болѣть.

---

[1]) См. письмо Безбородки къ С. Р. Воронцову въ „Арх. Кн. Воронцова“, XIII. 144.

[2]) „Р. Арх.“, 1865, стр. 725.

[3]) Дневникъ Храповицкаго 7, 16, 17, 18 марта. См. также о занятіяхъ князя разсказъ Самойлова въ Р. Архивѣ, 1867. 1537—1538.

[4]) „Р. Старина“, XVII. 26.

Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь, тѣмъ самымъ успокоивается мой духъ“... 20 іюля: „Жалѣю очень, что ты замучился, ѣздя повсюду; молю Бога о твоемъ здоровьѣ и надѣюсь, что по твоему благому обыкновенію преодолѣешь всѣ затрудненія; желаю тебѣ вездѣ счастія и удачи“ [1]) и т. д. Во все это время императрица писала подробно и о дѣлахъ политическихъ, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, о Пруссіи и проч.

Въ перепискѣ Екатерины съ Потемкинымъ лѣтомъ 1789 г. занималъ довольно видное мѣсто эпизодъ съ Мамоновымъ. Какъ было уже сказано раньше, Гарновскій не безъ основанія считалъ фаворита ревностнымъ сторонникомъ интересовъ князя. Мы не знаемъ, каковы были отношенія Мамонова къ Потемкину во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Ходили слухи о какихъ-то интригахъ Мамонова, направленныхъ противъ князя [2]). Храповицкій разсказываетъ, что Потемкинъ, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, по случаю спора между Мамоновымъ и императрицею „миротворствовалъ“ [3]).

Лѣтомъ 1789 года Екатерина узнала, что фаворитъ былъ давно влюбленъ въ княжну Щербатову. Она тотчасъ же уволила его отъ должности при дворѣ, женила его на этой фрейлинѣ и отпустила обоихъ въ Москву.

Неоднократно императрица писала къ князю объ этомъ эпизодѣ, сильно ее огорчившемъ.

Мамоновъ самъ при этомъ случаѣ сильно волновался, зная, что Потемкинъ будетъ очень недоволенъ его образомъ дѣйствій. Онъ говорилъ Гарновскому: „Я князю (Потемкину) болѣе не надобенъ, сколько я могъ примѣтить изъ его рѣчей; что же мнѣ оставалось? Въ противномъ случаѣ, можетъ быть, я бы и никогда не открылъ своей страсти или, по крайней мѣрѣ, долго бы оною мучился. Дай Богъ, чтобы это не потревожило князя. Просите его свѣтлость (тутъ онъ запла-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 11—16.
[2]) Записки Ѳ. Голицына въ „Р. Арх.“, 1874. I. 1329.
[3]) „Дневникъ Храповицкаго“, 12 февраля 1789.

калъ), чтобы онъ былъ навсегда моимъ отцомъ. Мнѣ нужны его милость и покровительство, ибо современемъ мнѣ, конечно, будутъ мстить“. Въ письмѣ къ князю Мамоновъ старался всячески оправдать свой поступокъ [1]).

И Потемкинъ отъ удаленія Мамонова не безъ основанія ожидалъ для себя непріятностей, хотя, повидимому, императрица во все это время была довольна Потемкинымъ и его дѣятельностью. Она въ письмахъ къ князю не переставала утѣшать и хвалить его. Въ письмѣ отъ 9-го іюля онъ жаловался на коварство Пруссіи. Она отвѣчала ему 24 іюля: „Что враги Россіи и мои равномѣрно и тебѣ ищутъ дѣлать досады, сему дивиться нечему; ибо ты имъ опаснѣе всѣхъ по своимъ качествамъ и моей къ тебѣ довѣренности“. Въ другихъ письмахъ: „Дай Боже тебѣ успѣхи и побѣды, чего заслуживаешь своими качествами, усердіемъ ко мнѣ и къ общему дѣлу, своимъ рвеніемъ и трудами. Твоими распоряженіями я весьма довольна... Я тебя люблю всѣмъ сердцемъ, какъ искреннѣйшаго друга. Въ тебѣ одномъ болѣе ревности къ общему дѣлу и къ моей службѣ, нежели въ прочихъ, и ты же замысловатѣе. Прошлогодняя кампанія оправдала совершенно мои о тебѣ мысли и довѣренность“. Посылая ему медали съ его портретомъ, она писала ему: „Я въ нихъ любовалась какъ на образъ твой, такъ какъ и на дѣла того человѣка, въ которомъ я никакъ не ошиблась, знавъ его усердіе и рвеніе ко мнѣ и къ общему дѣлу, совокуплено съ отличными дарованіями души и сердца“. Въ другомъ письмѣ: „Я хочу, чтобы ты былъ въ веселомъ расположеніи, а не смотрѣлъ сентябремъ; также и я не люблю, когда ты морщишься“ [2]).

Частыя и подробныя письма императрицы къ Потемкину въ это время заключаютъ въ себѣ изложеніе политическихъ дѣлъ. Сообщая князю о всемъ происходившемъ, Екатерина давала ему инструкціи, испрашивала его совѣтовъ и проч. Хотя она и знала о кое-какихъ недостаткахъ военной адми-

---

[1]) Гарновскій въ „Р. Старинѣ“, XVI. 400, 403.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 23—36.

нистраціи въ украинской арміи [1]), но все же была очень довольна княземъ. „Его щегольская кампанія какое занимаетъ пространство!“ — сказала она съ восторгомъ въ сентябрѣ [2]). Дѣло въ томъ, что она приписывала ему важную долю въ успѣшныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и тогда, когда онъ не оказывалъ непосредственныхъ услугъ и держалъ себя въ сторонѣ.

Современники-спеціалисты, а также и позднѣйшіе историки, изслѣдовавшіе военныя дѣйствія 1789 г., находили, что и эта кампанія служила доказательствомъ очень посредственныхъ стратегическихъ способностей Потемкина. Цѣлью кампаніи было занятіе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ мѣстъ въ пограничныхъ предѣлахъ Турціи. Нанесеніемъ ударовъ турецкимъ войскамъ можно было принудить Порту къ заключенію мира. Кромѣ военныхъ дѣйствій, впрочемъ, Потемкинъ старался пустить въ ходъ еще другія средства. Продажность турокъ доставляла князю возможность, по крайней мѣрѣ, узнавать подробно о планахъ Турціи, о предполагавшихся военныхъ операціяхъ, о настроеніи умовъ въ сералѣ [3]). Онъ старался даже, какъ разсказывали, подкупить султаншу-валиде и капуданъ-пашу [4]). Гельбигъ пишетъ о сотняхъ тысячъ рублей, отправленныхъ въ Константинополь по предложенію Потемкина, и о разныхъ драгоцѣнныхъ подаркахъ, которыми онъ старался дѣйствовать на турецкихъ министровъ [5]).

Что касается стратегической дѣятельности Потемкина, то онъ прежде всего заботился о пополненіи убылей въ своей арміи для предстоящей кампаніи [6]). Далѣе онъ успѣлъ лишить Румянцева значенія и вліянія на ходъ дѣлъ. Румянцевъ не былъ явно подчиненъ Потемкину, но долженъ былъ всѣ дѣйствія своей арміи согласовать съ операціями арміи

---

[1]) См. „Дневникъ Храповицкаго“, 7 іюля 1789 г.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго“, 12 сентября 1789 г.

[3]) „Р. Арх.“, 1866. 1577 и слѣд. Письмо Булгакова къ князю отъ 21 января 1789 г.

[4]) Надеждинъ въ „Одесск. Альманахѣ“, 1839, стр. 71.

[5]) „Minerva“, 1799. II. 407 и 413.

[6]) Петровъ, II. 9.

Потемкина и быть отъ нихъ въ полной зависимости. Трудно сказать, насколько справедливъ упрекъ нѣкоторыхъ писателей въ томъ, что Потемкинъ настраивалъ императрицу противъ Румянцева [1]). Намъ кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что Екатерина, ограничивая значеніе послѣдняго, дѣйствовала независимо отъ внушеній Потемкина; но тѣмъ не менѣе Потемкинъ сдѣлался главнокомандующимъ всѣми войсками. Румянцевъ оставался празднымъ. Князь Репнинъ, смѣнившій Румянцева, поступилъ подъ начальство Потемкина. Послѣдній, однако, не игралъ важной роли въ войнѣ, такъ какъ Суворовъ былъ главнымъ героемъ похода 1789 года. До чего доходилъ въ это время авторитетъ Потемкина, видно изъ разсказа Энгельгардта, относящагося къ тому времени, когда Румянцевъ, прекратившій свою дѣятельность, жилъ около Яссъ въ Жижѣ: „Генералы изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа (Румянцева), да и то самое малое число. Одинъ только Суворовъ оказывалъ ему уваженіе, посылая къ нему курьеровъ, какъ бы онъ еще командовалъ арміей“ [2]).

Потемкинъ со всею арміей медленно шелъ къ Днѣстру; великому визирю удалось военными дѣйствіями ввести Потемкина въ заблужденіе, и онъ безъ всякаго основанія ожидалъ открытія турками дѣйствій со стороны Бессарабіи и противъ Крыма. Суворовъ же въ это время одерживалъ блистательныя побѣды. Обманутый операціями великаго визиря, князь не зналъ — приступить ли ему къ осадѣ Бендеръ или нѣтъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію спеціалистовъ, онъ долженъ былъ, вмѣсто поѣздки въ Херсонъ и Очаковъ, вмѣсто военныхъ дѣйствій около Бендеръ, участвовать въ главныхъ операціяхъ Репнина и Суворова [3]).

Главная квартира Потемкина лѣтомъ 1789 г. была въ

---

[1]) Петровъ, II. 23—25. „Minerva“, 1799. II. 408. О томъ, какъ Потемкинъ вредилъ Румянцеву, разсказываетъ въ своихъ запискахъ князь Ю. В. Долгорукій въ Р. Старинѣ (1889) т. LXIII, стр. 512, при чемъ замѣчено: „Кажется судьба его возвела всѣхъ отмѣнныхъ людей вытѣснивать“.

[2]) Энгельгардтъ, 82.

[3]) См. соч. Петрова, II. 44—53 и соч. Петрушевскаго I. 348.

Дубоссарахъ. „Ставка его“—писалъ очевидецъ, князь Ю. В. Долгорукій, „весьма похожа была великолѣпіемъ на визирскую; даже полковникъ Боуръ насадилъ вокругъ нея садъ въ англійскомъ вкусѣ. Капельмейстеръ Сарти съ двумя хорами роговой музыки и прочихъ многихъ музыкантовъ насъ ежедневно забавлялъ. Казалось, что свѣтлѣйшій князь тутъ намѣренъ былъ остаться навсегда“ [1]). Энгельгардтъ тоже разсказываетъ, что „главная квартира (Потемкина) отличалась противъ бывшей подъ командою графа Петра Александровича (Румянцева). Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ; безпрестанно были праздники, балы, театръ, балеты“. Упомянувъ о Сарти, всегда бывшемъ при князѣ, Энгельгардтъ замѣчаетъ: „Онъ положилъ на музыку побѣдную пѣснь: „Тебѣ, Бога, хвалимъ“, и къ оной музыкѣ прилажена батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ; когда пѣли: „святъ! святъ!“—тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная стрѣльба“ [2]).

Въ сентябрѣ Потемкинъ былъ обрадованъ извѣстіемъ о побѣдѣ при Рымникѣ. Онъ писалъ Суворову: „Объемлю тебя лобызаніемъ искреннимъ и крупными словами свидѣтельствую мою благодарность. Ты во мнѣ возбуждаешь желаніе имѣть тебя повсемѣстно“ и проч. [3]). Онъ же просилъ Екатерину наградить Суворова безпримѣрно щедро. Недаромъ впослѣдствіи Суворовъ хвалилъ Потемкина въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Въ письмѣ къ Екатеринѣ онъ называлъ Потемкина „великодушнымъ начальникомъ“ и „великимъ мужемъ“. Въ письмѣ его къ Попову сказано: „Долгій вѣкъ князю Григорію Александровичу; увѣнчай его Господь Богъ лаврами, славою; великой Екатерины вѣрноподданные да питаются отъ тука его милостей. Онъ честный человѣкъ, онъ добрый человѣкъ, онъ великій человѣкъ. Счастье мое за него умереть“ [4]).

Екатерина была въ восхищеніи отъ извѣстій о Рымник-

---

[1]) „Р. Старина“, XIV. 218.
[2]) Энгельгардтъ, 81.
[3]) Петрушевскій, I. 362.
[4]) Петрушевскій, I. 364.

ской битвѣ. Хотя Потемкинъ въ ней не принималъ участія, она писала ему: „Естьли бы ты былъ здѣсь, то бы я, взявъ тебя за ушки, поцѣловала, а теперь заочно премного благодарю... Ты право умница; спасибо, мой фельдмаршалъ, что дѣла ведешь умно и съ успѣхомъ... я нахожу тебя очаровательнымъ“ [1]).

И битва при Фокшанахъ, въ которой Потемкинъ также не принималъ участія, была очень выгодною для князя. Гарновскій писалъ: „Государыня отъ радости плакала: къ его свѣтлости обращена была первая благодарность въ присутствіи многихъ придворныхъ особъ“. И дальше: „Никогда дворъ и столица не имѣли толикаго къ его свѣтлости почтенія, какъ теперь; кто преданъ, тотъ говоритъ громко, а чье сердце наполнено ядомъ, тотъ молчитъ“ [2]). Нѣсколько позже онъ же писалъ: „Дай Боже, чтобъ его свѣтлость былъ навсегда въ такомъ искреннемъ почтеніи у двора и публики, какъ теперь... Никогда государыня не была лучше расположена къ его свѣтлости, какъ теперь; въ день воспоминаетъ его разъ по нѣскольку и весьма его здѣсь видѣть желаетъ“. Въ началѣ сентября Гарновскій писалъ: „Шубину приказано вырѣзать изъ мрамора бюстъ его свѣтлости“. Разсказавъ далѣе о приказаніи Екатерины приготовить къ пріѣзду князя покои его и „одѣть спальню и предспальню бѣлымъ штофомъ, каковымъ одѣты нѣкоторыя комнаты у государыни и у Зубова“, Гарновскій замѣчаетъ: „Не проходитъ того дня, чтобъ государыня не занималась его свѣтлостью и весьма его свѣтлость видѣть желаетъ“. 18 сентября: „Государыня приказала спѣшить съ убранствомъ покоевъ его свѣтлости“ [3]).

Около этого времени императрица писала Потемкину: „Покои твои я приказала убрать почище; я по нимъ проходилась и нашла, что они такъ замараны и такъ гадки, что полководца прославившагося въ оные ввести непристойно, а полюбится ли тебѣ, какъ я ихъ прибрать велѣла, не вѣдаю;

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 37—38.
[2]) „Р. Старина“, XVI. 410—411, 413.
[3]) „Р. Старина“, XVI, 415—419.

для меня не дурно, но, зная твой вкусъ, опасаюсь, что тебѣ не понравится, но какъ бы то ни было, они красивѣе землянки, либо палатки. Прощай, мой другъ, я тебя очень люблю". Послѣ занятія Аккермана Потемкинымъ—городъ сдался безъ боя—императрица писала: „Знатно, что имя твое страшно врагамъ, что сдались на дискрецію, что лишь показался. Спасибо тебѣ и преспасибо; кампанія твоя нынѣшняя щегольская". Далѣе: „Постарайся, мой другъ, сдѣлать полезный миръ съ турками... Послѣ нынѣшней твоей кампаніи сего ожидать можемъ. Помоги тебѣ Господь Богъ самъ взять Бендеры. Посылаю тебѣ гравированный портретъ съ рѣзнаго камня Очаковскаго побѣдителя... Что ты замучился, о томъ жалѣю; побереги свое здоровье; ты знаешь, что оно мнѣ и государству нужно... Бога прошу, да поможетъ тебѣ взять Бендеры, а наипаче безъ потери людей и естьли паче чаянія, чего Боже сохрани, недостаточно гдѣ было пропитанія или провіанта, такъ чтобы съ неба шелъ хлѣбъ и сухари, какъ дождикъ". Изъ писемъ Екатерины можно видѣть, какъ высоко она въ это время цѣнила князя и постоянно обращалась къ нему съ разными вопросами. 18 октября она не менѣе четырехъ разъ писала къ нему [1]).

Городъ Бендеры также сдался Потемкину безъ кровопролитія. Тутъ князь обнаружилъ не столько военныя, сколько дипломатическія способности. Онъ велъ переговоры о сдачѣ крѣпости ловко и успѣшно. Считали возможнымъ, что и тутъ онъ дѣйствовалъ подкупомъ. Суворовъ, поздравляя Потемкина, замѣтилъ, что въ томъ столѣтіи ни одна турецкая важная крѣпость „не сдалась русскимъ такъ пріятно" [2]). Впрочемъ до сдачи крѣпости происходила перестрѣлка, и Самойловъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Ядро большаго калибра упало близъ князя и осыпало его землею; не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, Потемкинъ продолжалъ свои наблюденія и, замѣтивъ тревогу среди окружавшихъ его, сказалъ: „Что

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XLII. 39, 42, 43, 45.

[2]) Петрушевскій, I. 366. Подробности о переговорахъ см. въ соч. Петрова, II.

это? неужели вы думали, что по насъ и стрѣлять не будутъ?“ [1]).

Потемкинъ подробно извѣстилъ Екатерину о ходѣ дѣла и какія имъ были приняты мѣры, чтобы довести турокъ до сдачи крѣпости [2]). Екатерина писала ему: „Не даромъ я тебя люблю и жаловала: ты совершенно оправдаешь мой выборъ и мое о тебѣ мнѣніе; ты отнюдь не хвастунъ и выполнилъ всѣ предположенія, и цесарцевъ выучилъ турковъ побѣдить. Тебѣ Богъ помогаетъ и благословляетъ; ты покрытъ славою; я посылаю тебѣ лавровый вѣнецъ, который ты заслужилъ, но еще не готовъ. Теперь, мой другъ, прошу тебя, не спѣсивься; не возгордися, но покажи свѣту великость своей души, которая въ счастіи столь же ненадменна, какъ и не унываетъ въ неудачѣ. Нѣтъ ласки, другъ мой, которую я бы не хотѣла сказать тебѣ; ты очарователенъ тѣмъ, что взялъ Бендеры безъ потери хотя бы одного человѣка. Усердіе и трудъ твой умножили бы во мнѣ благодарность, естьли-бъ она и безъ того не была такова, что увеличиться уже не можетъ“. Въ другомъ письмѣ: „За Бендеры скажу еще разъ спасибо... желаю, чтобъ Христосъ тебѣ помогъ заключить честный и полезный миръ... Покоряя Бендеры, ты увѣнчалъ дѣло настоящей кампаніи... Охотно я пропою тобою сочиненную пѣсню:

Nous avons pris neuf lançons
Sans perdre un garçon
Et Bender avec trois pachas
Sans perdre un chat [3])“.

„Я рада тебя видѣть въ столь хорошемъ расположеніи духа; это и неудивительно послѣ блистательной кампаніи“.

Вѣроятно Потемкинъ въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что покои, приготовленные для него им-

---

[1]) „Р. Арх.“, 1867, стр. 1565.

[2]) „Р. Арх.“, 1865, стр. 367. Судя по разсказамъ Ю. В. Долгорукаго (въ Русской Старинѣ 1889 г. т. LXIII, стр. 512—514) все было сдѣлано безъ всякаго участія Потемкина. „Я былъ имъ очень доволенъ“, сказано тутъ, „что онъ ни во что не вступался“.

[3]) Т.-е. мы взяли десять баркасовъ, не потерявъ ни одного молодца, и Бендеры съ тремя пашами, не потерявъ кота.

ператрицею, слишкомъ роскошны. Въ отвѣтъ на это сказано въ ея письмѣ: „Господинъ монахъ, прошу не монашествовать; вотъ что я отвѣчаю на слово келья по поводу твоихъ комнатъ, которыя я съ особеннымъ удовольствіемъ украшиваю. Послѣ мира отдохнешь, и Богъ подкрѣпитъ твои силы тѣлесныя и душевныя“ [1]).

Скоро послѣ этого стало извѣстно, что Потемкинъ не намѣревался пріѣхать въ Петербургъ [2]).

Екатерина и Зубовъ всячески ласкали въ то время Потемкина. Зубовъ послалъ князю въ подарокъ книги. Императрица для него велѣла сдѣлать драгоцѣнную шляпу и разныя другія вещи, которыя цѣнили въ 40,000 рублей. „Имя его свѣтлости прославляется повсемѣстно“, писалъ Гарновскій Попову [3]). Въ началѣ октября императрица писала Потемкину: „Посылаю тебѣ аптеку цѣлую моихъ лекарствъ, и желаю отъ всего сердца, чтобъ тебѣ въ оной никакой нужды не было... Вторая посылка есть лисья шуба да соболья шапка, чтобъ тебѣ холодъ не вредилъ; носи на здоровье. Лавровый вѣнецъ еще недѣли черезъ двѣ поспѣетъ“. Въ письмѣ ея отъ 20 декабря сказано между прочимъ: „Ты дивишься моему совѣту, чтобъ ты не заспесивѣлъ; вотъ каково писать за тысячу верстъ; естьли-бъ я съ тобой говорила въ ту минуту на словахъ, то-бъ ты, поцѣловавъ руку у меня, разстался бы со мною со слезами радости. Какъ мнѣ тебѣ не сказать: не заспесивься, видя тебя покрытымъ успѣхами, коими тебя Богъ благословилъ. Душа моя, исполненная радостью, хочетъ лишь одного: выразить желаніе, чтобы ты избѣгъ единственной вещи, которая могла бы повредить величію твоей души. Узнай въ этомъ одну материнскую къ тебѣ дружбу. Кто болѣе тебя заслужилъ посылаемый тебѣ вѣнецъ лавровый? Прими и носи его, если возможно, сто лѣтъ. Разумѣется, что епископской митры ты отъ меня никогда не получишь и монастырь никогда не будетъ жили-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 46—49.
[2]) Храповицкій, 23 декабря 1789.
[3]) „Р. Старина“, XVI. 421—423.

щемъ человѣка, имя котораго раздается въ Азіи и въ Европѣ: онъ слишкомъ малъ для него“. 10 января 1790 года: „Ты меня благодаришь съ такимъ чувствіемъ, что до слезъ тронута была; дай Богъ тебѣ соединить къ побѣдамъ имя миротворца... Жалѣю весьма, что рука у тебя такъ сильно болитъ (слѣдуютъ разные совѣты какъ лечить ее камфорною мазью, мыльнымъ спиртомъ и проч.). Какъ тебѣ Богъ дастъ заключить миръ, то ты будешь благословенъ въ мужахъ“.

Рескриптомъ отъ 10 января 1790 года Екатерина дала князю титулъ гетмана казацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ [1]). По этому поводу заслуживаетъ вниманія слѣдующее письмо Гарновскаго къ Попову отъ 21 марта 1790 года: „О пожалованіи его свѣтлости гетманомъ великимъ никто здѣсь кромѣ графа Александра Андреевича (Безбородко) не зналъ до тѣхъ поръ, пока съ симъ извѣстіемъ не пріѣхалъ отъ васъ курьеръ. Какое было удивленіе въ совѣтѣ при чтеніи бумаги, которою его свѣтлость принесъ Ея Императорскому Величеству за полученіе новаго достоинства сего благодарность. Вся наша министерія занимается теперь разсужденіемъ, не будутъ ли соединены со званіемъ гетманскимъ какія-нибудь преимущества“ [2]).

Новая милость очень понравилась Потемкину. Энгельгардтъ пишетъ: „Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона, который онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ Екатеринославскихъ и Черноморскмхъ казаковъ“ [3]).

Получивъ драгоцѣнный лавровый вѣнокъ за покореніе Бендеръ, Потемкинъ писалъ императрицѣ: „Лавровый вѣнецъ, высочайшій даръ Божіей Помазанницы, я получилъ съ преисполненнымъ благодарности сердцемъ, возложилъ его на алтарь Господень и принесъ теплыя молитвы. Милосерднѣйшая мать! Ты уже излила на меня всѣ щедроты, а я еще живъ! Но вѣрь, Августѣйшая Монархиня, что сія жизнь

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 50—58.
[2]) „Р. Старина“, XVI. 426.
[3]) Энгельгардтъ, 82.

будетъ тебѣ жертвою всегда и вездѣ противъ враговъ твоихъ» [1]).

Гарновскій упоминаетъ еще о другихъ знакахъ милости императрицы. Она заказала мраморный бюстъ Потемкина съ лавровымъ вѣнкомъ, вышивала для него туфли, обрубливала платки; далѣе она заказала для него великолѣпный кавалергардскій мундиръ изъ синяго бархата. 6 февраля 1790 года императрица писала князю: „Прошу поберечь здоровье; оно мнѣ нужно; въ холодное время употреби фляшу и чарку, которыя сей курьеръ къ тебѣ привезетъ. Желаю, чтобы эта вещица доставила тебѣ столько же удовольствія, какъ мнѣ отправленіе ея отъ добраго сердца...“ Екатерина также получала отъ князя подарки: „За простыни благодарствую“,— сказано въ ея письмѣ, — „въ Царскомъ Селѣ сдѣлаю изъ нихъ употребленіе“. Въ другомъ письмѣ она благодарила князя за табакерку и коверъ.

Такимъ образомъ Потемкинъ могъ надѣяться на благосклонное вниманіе къ нему императрицы. Мы видѣли выше, какъ Гарновскій въ 1788 году опасался интригъ недоброжелателей князя и какъ онъ поэтому желалъ пріѣзда Потемкина въ столицу для успѣшнаго противодѣйствія происканъ враговъ князя — Алексѣя Орлова, Завадовскаго и проч. Зимою же 1789—90 гг. не было рѣчи о какой-либо грозившей Потемкину опасности. Онъ преспокойно могъ оставаться на югѣ.

Вмѣсто поѣздки въ Петербургъ Потемкинъ проживалъ сначала въ Яссахъ, потомъ въ Бендерахъ, окружая себя необычайной роскошью. О житьѣ-бытьѣ въ Бендерахъ Энгельгардтъ разсказываетъ слѣдующее: „Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія княгинѣ К. Ѳ. Долгорукой. Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противу Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что̀ только роскошь можетъ выдумать. Кромѣ великолѣпной сей подземельной залы особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь

[1]) „Р. Арх.“ 1878. I. 20.

самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки. Близъ онаго карея поставлена была батарея изъ ста пушекъ; барабанщики собраны были въ землянкѣ. Однажды князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому какъ полками, такъ и изъ батарей произведенъ былъ батальный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ“.

О пребываніи Потемкина въ Яссахъ и Бендерахъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ пишетъ: „Проживая въ Яссахъ и въ Бендерахъ, окруженный роскошью невиданною, Потемкинъ походилъ не на военачальника, а скорѣе на владѣтельнаго государя среди блистательнаго двора. Тутъ были знатные и богатые иностранцы, разсыпавшіеся предъ нимъ въ комплиментахъ, а про-себя издѣвавшіяся надъ его сатрапскими замашками, азіатскою роскошью и капризнымъ непостоянствомъ. Тутъ были люди знатныхъ или вліятельныхъ фамилій, налетѣвшіе изъ столичныхъ салоновъ за дешевыми лаврами; вокругъ жужжалъ рой красавицъ, вращался легіонъ прихлебателей и проходимцевъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; одна затѣя пресыщеннаго человѣка мѣнялась другою, еще болѣе чудною; по-истинѣ то была folle journée, продолжавшаяся недѣли и мѣсяцы“ [1]).

Забавляясь такимъ образомъ, утопая въ роскоши, князь работалъ, слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ области обще-европейской политики, руководилъ военными дѣйствіями, переписывался о дѣлахъ съ императрицею, Булгаковымъ, Поповымъ, Суворовымъ и проч., входилъ во всѣ частности военной администраціи, велъ переговоры о мирѣ съ Турціей, предпринималъ иногда путешествія для обозрѣнія того или другаго важнаго пункта и т. д. Множество дѣловыхъ бумагъ, опубликованныхъ въ разныхъ сборникахъ, даетъ намъ понятіе о многосторонности труда князя въ это время [2]). Такъ напр. Потемкинъ въ это время составлялъ подробныя записки о

---

[1]) Петрушевскій, I. 371. См., напротивъ, обстановку у Суворова, на стр. 375—376.

[2]) См. напр. письма къ нему разныхъ лицъ въ „Зап. Од. Общ.“, IX. 227 и слѣд.

Польшѣ, такъ что уже въ 1790 году онъ указывалъ на возможность приступить ко второму раздѣлу [1]). Имѣя подробныя свѣдѣнія о ходѣ шведской войны, о враждебныхъ дѣйствіяхъ Пруссіи, о намѣреніяхъ Англіи и проч., князь во все это время давалъ совѣты Екатеринѣ, составлялъ записки о дипломатическихъ дѣлахъ [2]). Къ сожалѣнію, до насъ не дошла бо̀льшая часть писемъ князя къ императрицѣ, но изъ ея писемъ къ нему видно, въ какой мѣрѣ онъ, находясь на югѣ, во время турецкой войны, раздѣлялъ съ нею заботы по управленію государствомъ. Изъ писемъ Безбородки къ С. Р. Воронцову видно, что Потемкинъ въ 1790 году входилъ въ частности стратегическихъ дѣйствій противъ шведовъ [3]). То онъ совѣтовалъ императрицѣ сблизиться съ Англіей посредствомъ заключенія торговаго договора [4]), то онъ подвергалъ критикѣ образъ дѣйствій русскаго дипломата въ Польшѣ, Штакельберга [5]), то его занимали частности укомплектованія черноморскаго флота и проч. Даже тѣ историки-спеціалисты, которые, какъ напр. Петровъ, рѣзко осуждаютъ тактику Потемкина, отдаютъ полную справедливость административной дѣятельности князя; укомплектованіе арміи, снабженіе продовольствіемъ и всѣми необходимыми средствами для веденія войны—велось съ замѣчательнымъ успѣхомъ [6]).

Главною задачею Потемкина въ это время было заключеніе мира съ Турціей. Постоянно императрица твердила ему о необходимости скораго окончанія войны. Переговоры все время не прекращались, но князь старался показывать видъ, что Россія не нуждается въ мирѣ, и что не Россіи, а Турціи подобаетъ выказывать уступчивость. Во всякомъ случаѣ онъ не соглашался на прекращеніе военныхъ дѣйствій во время переговоровъ. Недоброжелатели Потемкина обвиняли

---

[1]) См. „Р. Арх.“, 1865, стр. 730. См. „Historische Zeitschrift“, XXXIX. 237 и слѣд.

[2]) См. напр. записку въ „Р. Арх.“, 1865 г., стр. 732. О быстротѣ поѣздокъ князя см. напр. „Зап. Од. Общ.“. IX. 250, письмо Фалѣева.

[3]) „Арх. кн. Воронцова“, XIII. 178.

[4]) „Minerva“, 1799. III. 252.

[5]) „Minerva“, 1799. III. 269.

[6]) Петровъ, II. 105.

его въ нежеланіи заключить миръ [1]). Упрекъ этотъ едва-ли можетъ считаться справедливымъ. Потемкинъ переписывался съ визиремъ [2]) объ условіяхъ мира, давалъ разныя инструкціи русскому уполномоченному, Лашкареву, отправленному къ визирю [3]), старался дѣйствовать на турокъ посредствомъ подкупа и проч. [4]).

Екатерина писала князю 6 февраля 1790 года: „О семъ нимало не сумнѣваюсь, что миръ скорѣе сдѣлается, когда Богъ дастъ, что наступишь, какъ пишешь, имъ на горло. Какъ тебѣ не выигрывать у турецкаго народа довѣрія, вящшаго ихъ начальниковъ? Во-первыхъ, ты умнѣе тѣхъ, во-вторыхъ, поступаешь съ ними великодушно и человѣколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слыхали отъ своихъ“. Въ другомъ письмѣ императрица упоминаетъ о большой суммѣ денегъ, которую можно употребить для того, чтобы способствовать миру. Екатерина, впрочемъ, не довѣряла туркамъ. Зная, что Потемкинъ непосредственно имѣлъ дѣло съ ними, она писала (19 апрѣля): „Поберегись Христа ради отъ своего турка; дай Боже, чтобъ я обманулась, но у меня въ головѣ опасеніе, извини меня, чтобъ онъ тебя не окормилъ; у нихъ таковые шутки водятся“ [5]). Послѣ того, какъ ей удалось заключить Верельскій миръ, она писала: „Теперь молю Бога, чтобъ тебѣ помогъ сдѣлать то-же и съ турками... Одну лапу мы изъ грязи вытащили: какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуіа... Я увѣрена, что ты съ своей стороны не пропустишь случай, полезный къ заключенію мира“ и проч. Посылая князю по поводу празднованія Верельскаго мира подарокъ, Екатерина писала: „Празднуя днесь миръ съ королемъ шведскимъ, не могу запамятовать добрые совѣты ваши какъ по той войнѣ, такожде и касательно мирнаго сего дѣла, и въ знакъ моего признанія посылаю къ вамъ перстень брилліантовой; пускай лучи, изъ онаго исходящіе, уда-

---

[1]) „Minerva“, 1799. IV. 110.

[2]) „Зап. Од. Общ.“, VIII. 194.

[3]) „Р. Арх.“, 1884. II. 27 и слѣд.

[4]) О разныхъ, отчасти нелѣпыхъ слухахъ, относившихся къ переговорамъ, см. депеши Гельбига въ „Арх. кн. Воронцова“, XXVI. 439.

[5]) „Сб. И. Общ.“, XLII. 59, 66 и 75.

ряютъ во зрѣніе враговъ нашихъ, да отверзутъ очи, закрытыя лестью, доводящею ихъ даже до невѣрія о семъ мирномъ постановленіи. Бога прошу, да поможетъ тебѣ совершить и съ ними миръ благополучный“ [1]).

Желаніе императрицы не исполнилось, и война не такъ скоро должна была прекратиться.

Историки-спеціалисты находятъ, что Потемкинъ и во время кампаніи 1790 года не отличался военными способностями. Не умѣя частнаго подчинять общему, — пишетъ Петровъ, — князь небольшимъ отрядамъ (какъ напр. корпусу Суворова) предоставлялъ бороться съ главными силами Порты, а самъ со своими арміями терялъ дорогое время въ занятіи ничтожныхъ пунктовъ. Такая печальная неумѣлость распоряжаться соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и съ энергіей направлять ихъ къ достиженію главной цѣли войны безплодно истощала матеріальныя средства и приводила къ потерѣ времени [2]). Утверждаютъ далѣе, что Потемкинъ, при составленіи плана похода, руководствовался совѣтами Суворова [3]). Кромѣ того обвиняютъ Потемкина въ безцеремонномъ обращеніи съ союзниками Россіи, австрійцами. Полководецъ австрійскій, принцъ Кобургъ, нѣсколько разъ писалъ Потемкину, развивая передъ нимъ свои планы; Потемкинъ не счелъ нужнымъ даже отвѣчать австрійскому фельдмаршалу, который горько жаловался на такое невниманіе [4]). Вмѣсто того, чтобы всячески содѣйствовать успѣхамъ австрійцевъ, онъ радовался ихъ неудачамъ и, когда они должны были отступить отъ Журжи, называлъ Кобурга, въ донесеніи государынѣ, тупымъ, глупымъ, невѣжественнымъ, достойнымъ сумасшедшаго дома и проч. [5]). Послѣ того, какъ австрійцы прекратили военныя дѣйствія, онъ хотѣлъ показать, что онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно [6]).

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 99, 101, 103 и 106.
[2]) Петровъ, II. 98—99.
[3]) Петрушевскій, I. 378.
[4]) Петровъ, II. 99—100.
[5]) Петрушевскій, I. 370.
[6]) Петровъ. II. 147.

Во всякомъ случаѣ главныя дѣйствія Потемкина въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключались въ наблюденіи за непріятелемъ, въ укомплектованіи арміи и въ усиленіи черноморскаго флота. Затѣмъ только, лѣтомъ 1790 года, было рѣшено, овладѣвъ устьями Дуная, покорить Измаилъ. Увѣряютъ, что до этого Потемкинъ неопредѣленными и даже заключающими въ себѣ противорѣчія предписаніями тормазилъ дѣйствія Суворова [1]). Какъ-бы то ни было, князь не участвовалъ самолично въ важнѣйшихъ военныхъ событіяхъ 1790 года, а лишь издалека наблюдалъ за ходомъ дѣлъ.

Особенно обрадовала Потемкина побѣда, одержанная лѣтомъ Ушаковымъ на морѣ надъ турками. „Наши“ — писалъ онъ Фалѣеву, „благодаря Богу, такого перцу задали, что любо; спасибо Ѳедору Ѳедоровичу (Ушакову)“ [2]). Екатерина писала князю 16 сентября: „Я совершенно вхожу въ ту радость, которую ты долженъ чувствовать при семъ знаменитомъ случаѣ, понеже черноморскій флотъ на Днѣпрѣ строился подъ твоимъ попеченіемъ, а теперь видишь плоды онаго заведенія... Я всегда отмѣннымъ окомъ взирала на всѣ флотскія вообще дѣла; успѣхи же онаго меня всегда болѣе обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже къ симъ изстари Россія привыкла, а о морскихъ ея подвигахъ лишь въ мое царствованіе прямо слышно стало, и до дней онаго морская часть почиталась слабѣйшею; черноморскій же флотъ есть наше заведеніе собственное, слѣдственно сердцу близко... Спасибо тебѣ, мой другъ, и преспасибо за вѣсти и за попеченіе и за всѣ твои полезныя и добрыя дѣла; къ тебѣ пошлю, когда бы только поспѣло скорѣе, приборъ кофейный золотой для потчиванія пашей, кои къ тебѣ пріѣдутъ за симъ для трактованія мира“ [3]).

Однако мира все еще не было, и нужно было надѣяться на дальнѣйшіе успѣхи въ войнѣ. „Я не хвалюсь“,—писалъ Потемкинъ Бароцію, агенту, имѣвшему порученіе трактовать съ турками о мирѣ,—„но они не увидятъ, какъ я живо по-

---

[1]) Полевой, 152—155. Smitt, I. 495.
[2]) „Зап. Од. Общ.“, IV. 371.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 109—110.

веду войну и что имъ такую посажу вошь въ голову, какой они еще не имѣли“ [1]).

Потемкинъ имѣлъ въ виду ввести въ устья Дуная легкую флотилію, которая, облегая непріятельскія крѣпости со стороны рѣки, способствовала-бы дѣйствіямъ противъ нихъ съ сухопутной стороны. Его заслуга заключалась въ сооруженіи этой флотиліи, которая участвовала въ операціяхъ на Дунаѣ и въ дѣлѣ взятія Измаила.

Взятіе Измаила было необходимо какъ въ виду политическихъ, такъ и стратегическихъ соображеній. Потемкинъ предписалъ Суворову принять начальство надъ всѣми собранными при Измаилѣ войсками. Впрочемъ, князь все еще надѣялся, что крѣпость сдастся безъ кровопролитія. Въ письмѣ на имя измаильскаго сераскира Потемкинъ обѣщалъ отпустить войска и жителей за Дунай съ ихъ имѣніемъ, а иначе—грозилъ участью Очакова [2]).

Существуетъ преданіе, что Потемкинъ, когда уже было рѣшено штурмовать крѣпость, устрашенный опасностью неудачи, предоставилъ Суворову свободу не отважиться на приступъ [3]). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, этотъ разсказъ ничѣмъ не подтверждается [4]). Совершенно легендарнымъ и не заслуживающимъ довѣрія оказывается слѣдующій разсказъ въ сочиненіи Надеждина: „Потемкинъ, жившій въ то время въ Бендерахъ, колебался по обыкновенію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Разъ, одна дама, госпожа В. (Витъ) гадала передъ нимъ на картахъ и сказала, что Измаилъ сдастся чрезъ три недѣли. „„Я умѣю гадать лучше васъ““, отвѣчалъ Потемкинъ съ улыбкою и въ ту-же минуту послалъ къ Суворову приказаніе взять Измаилъ приступомъ, во что бы то ни стало. Приказаніе было исполнено“ [5]).

---

[1]) „Зап. Од. Общ.“, VIII. 196.

[2]) Петрушевскій, I. 385. См. также письма Чернышева изъ лагеря подъ Измаиломъ въ „Р. Арх.“ 1871 г. стр. 385—407.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Полевой и пр.

[4]) Петрушевскій, I. 387. Герцогъ Ришельё разсказываетъ, будто Потемкинъ писалъ къ Суворову: „Vous prendrez Jsmaël à quel que prix que ce soit“. „Сб. И. О.“ LIV. 80. См. тамъ же стр. 166.

[5]) Надеждинъ, въ „Од. Альманахѣ“ на 1839 г.

Послѣ штурма и взятія крѣпости [1]) Суворовъ писалъ Потемкину: „Нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій предъ высочайшимъ тропомъ ея императорскаго величества кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю вашу свѣтлость“. Не жалѣя комплиментовъ, Суворовъ въ это время увѣрялъ князя, что всѣ готовы за него умереть, что „желалъ бы коснуться его мышцы и въ душѣ обнимаетъ его колѣни“ и т. под. Когда однако Суворовъ пріѣхалъ въ Яссы къ Потемкину, ихъ свиданіе было болѣе чѣмъ странно.

„Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?“ спросилъ Потемкинъ, вполнѣ довольный этимъ свиданіемъ. „Ничѣмъ, князь“, отвѣчалъ Суворовъ раздражительно:—„я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни никто меня наградить не можетъ“. Потемкинъ, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, поблѣднѣлъ, повернулся и пошелъ въ залъ. Суворовъ за нимъ. Здѣсь онъ подалъ строевой рапортъ; Потемкинъ принялъ холодно; оба рядомъ походили по залѣ молча, затѣмъ раскланялись и разошлись [2]).

Какъ видно, этотъ разсказъ, основанный на устномъ преданіи, имѣетъ анекдотическій характеръ и вѣроятно не соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ виду позднѣйшихъ натянутыхъ отношеній между Потемкинымъ и Суворовымъ, однако, нельзя не считать вѣроятнымъ, что по поводу наградъ за Измаилъ между военачальниками произошло что-то въ родѣ размолвки. Суворовъ имѣлъ право ожидать, что его сдѣлаютъ фельдмаршаломъ, но онъ былъ удостоенъ другихъ наградъ; Потемкинъ предложилъ Екатеринѣ сдѣлать медаль въ честь Суворова, отличить его чиномъ гвардіи подполковника или генералъ-адъютанта; о возведеніи его въ фельдмаршалы не было и рѣчи [3]).

---

[1]) О взятіи Измаила см. мою статью въ „Baltische Monatsschrift“, Neue Folge, II. 556—585.

[2]) Петрушевскій, I. 400—401.

[3]) См. замѣчанія у Петрушевскаго, 402--403. О взятіи Измаила см. любопытный разсказъ герцога Ришельё въ Сб. Ист. Общ. LIV. 166 и слѣд. и новѣйшіе труды, появившіеся по случаю столѣтней памяти этого событія.

IX.

Пребываніе Потемкина въ Петербургѣ въ 1791 г.

Хотя Потемкинъ не участвовалъ въ Измаильскомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе императрица благодарила его и по этому поводу „за всѣ добрыя и полезныя дѣла“ [1]). Вообще она въ это время относилась къ нему въ высшей степени благосклонно, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ соглашалась съ его политическими воззрѣніями. Такъ напр. весною 1790 года онъ предлагалъ императрицѣ, не довольствуясь миромъ съ турками, заключить съ ними союзъ. Екатерина была недовольна этою мыслью и писала ему: „Я не понимаю, противу кого союзъ съ турками намъ заключить и сіе бы было дѣло къ непрестаннымъ съ ними ссорамъ и хлопотамъ для и противъ нихъ; сію мысль лучше оставить, и съ врагами христіанъ не связываться союзомъ; каково подобной союзъ грекамъ однимъ былъ-бы горестенъ, самъ разсуди“ [2]). Въ другой разъ между Потемкинымъ и Екатериною произошло разногласіе по поводу вопроса о враждебныхъ дѣйствіяхъ Пруссіи. Какъ было указано раньше, во время пребыванія князя въ Петербургѣ, весною 1789 года, этотъ вопросъ былъ предметомъ нѣкотораго спора между государынею и Потемкинымъ. Теперь же она упрекала князя въ томъ, что онъ недостаточно цѣнитъ опасность, грозящую чести Россіи со

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 135.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“ XLII. 66.

стороны Пруссіи. Въ одномъ изъ ея писемъ сказано: „Я писала безъ гнѣва; одно мое опасеніе, что обиды, сдѣланныя Россійской имперіи, иногда не принимались съ тѣмъ чувствомъ, которыя рвеніе къ достоинству ея въ моей душѣ впечатлѣла... я съ тобою говорю, яко съ собою“. Въ этомъ ясно проглядываетъ упрекъ въ равнодушіи къ достоинству имперіи. Впрочемъ, императрица была убѣждена въ томъ, что Потемкинъ умѣлъ цѣнить значеніе чести государства. Послѣ Верельскаго мира она писала къ нему: „Что ты сей миръ принялъ съ великою радостью, о семъ нимало не сумнѣваюсь, зная усердіе твое и любовь ко мнѣ и къ общему дѣлу“. Число писемъ, ихъ тонъ и характеръ свидѣтельствуютъ объ истинной дружбѣ и привязанности между императрицею и Потемкинымъ. Князь посылалъ ей разные подарки, напр. новое музыкальное сочиненіе Сарти; она ему (въ октябрѣ 1790 г.) подарила дачу и т. п. Потемкинъ хворалъ часто въ это время; Екатерина часто просила его беречь свое здоровье, предлагала разныя средства противъ болѣзней, и проч. [1]).

Въ свою очередь и князь писалъ императрицѣ въ тонѣ искренней дружбы, напр. въ началѣ іюля 1790 г.: „Матушка родная; при обстоятельствахъ, васъ отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія; неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ; каково мнѣ слышать со всѣхъ сторонъ нелѣпыя новости и не знать, вѣрно-ли или нѣтъ. Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость: лишась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе... Ежели моя жизнь чего-нибудь стòитъ, то въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы“ [2]).

Все это достойно вниманія особенно потому, что среди иностранцевъ ходилъ тогда слухъ о какой-то размолвкѣ между княземъ и императрицею. Разсказывали, что чрезмѣрные

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“ XLII. 80, 103, 104 и 113.

[2]) „Р. Старина“, XVII. 416. Дѣйствительно между 13 апрѣля и 13 мая въ XLII томѣ Сб. Ист. Общ. нѣтъ писемъ Екатерины къ Потемкину.

расходы Потемкина во время войны приводили императрицу въ отчаяніе; когда онъ, осенью 1790 г., потребовалъ вновь три милліона рублей на покрытіе издержекъ, она въ сильныхъ выраженіяхъ осуждала расточительность князя [1]).

Князя въ это время считали всесильнымъ человѣкомъ. Герцогъ Ришельё писалъ въ 1790 г.: „Положеніе Потемкина превосходитъ все, что̀ можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства. Онъ располагаетъ неимовѣрными сокровищами; имѣнія его доставляютъ ему доходы въ размѣрѣ отъ четырехъ до пяти милліоновъ франковъ. Къ тому же онъ по усмотрѣнію беретъ сколько хочетъ изъ разныхъ кассъ Имперіи“, и пр. [2]).

Князь просилъ Екатерину о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ 22 января 1791 г.: „Касательно до твоего пріѣзда сюда, я тебѣ скажу, что лично я всегда рада тебя видѣть, какъ самъ довольно вѣдаешь; сверхъ сего на словахъ говорить и писать конечно разница, и скорѣе сношенія быть могутъ въ разговорахъ, нежели на письмѣ. Но дѣло паче въ томъ въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, чтобъ не проронить важныхъ минутъ, которыми воспользоваться ты можешь, бывъ тамо, скорѣе нежели здѣсь для возстановленія мира съ турками по нашему желанію. Итакъ почитаю за необходимо нужно, чтобъ ты тамо ожидалъ вѣстей о импрессіи, кою сдѣлаетъ въ Царѣградѣ взятіе Измаила; ежели же онѣ таковы и самъ усмотришь, что твой пріѣздъ сюда дѣла не испортитъ, мирные договоры не отдалитъ, либо раннее открытіе кампаніи тѣмъ не остановится, дозволяю тебѣ пріѣхать съ нами бесѣдовать; но буде турки окажутся тебѣ къ миру склонными, либо раннее открытіе кампаніи пріѣздомъ остановишь, тогда нахожусь въ необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дѣлъ и

---

[1]) Minerva, 1799. III. 113—115. Депеша Гельбига къ Лоссу отъ 15 октября 1790 въ „Арх. Кн. Воронцова“ XXVI. 476.

[2]) Сб. Ист. Общ. LIV. 149.

не отлучаться, но, заключа миръ, возвратиться яко миротворцу; либо устроя все къ принужденію турокъ къ оному самыми дѣйствіями, тогда пріѣхать". Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ письмѣ слышится тонъ наставленія: „Самые недоброхоты",—писала Екатерина 24 января, — „хотя злятся, но оспаривать не могутъ великіе тобою пріобрѣтенные успѣхи, коими Всевышній увѣнчалъ и искусные твои труды, и раченіе; что же оными не гордишься по совѣту моему, за сіе хвалю, и да не будетъ въ тебѣ также уничиженіе паче гордости, а желаю, чтобы ты веселился своими успѣхами и былъ пріятенъ и любезенъ въ своемъ обхожденіи; сію задачу тебѣ выполнить не трудно; понеже тогда природный твой умъ находитъ свободное сопряженіе съ твоимъ добрымъ сердцемъ. Твои ко мнѣ чувства мнѣ извѣстны и какъ, по моему убѣжденію, это часть твоего существованія, то я увѣрена, что они никогда не измѣнятся; я у тебя иныхъ никогда не знала. Господинъ питомецъ мой, ты оправдалъ мое объ тебѣ мнѣніе, и я дала и даю тебѣ аттестатъ, что ты господинъ преизрядный... Я писала къ тебѣ въ предъидущемъ письмѣ, что ежели дѣла не претерпятъ отъ твоей ѣзды сюда, чтобъ ты самъ рѣшился когда ѣхать. Теперь вижу изъ твоего письма, что почитаешь нынѣшнее время, яко глухую пору; и такъ думаю, что ты уже въ дорогѣ, а сіе пишу въ запасъ паче чаянія, ежели не поѣхалъ, и возобновляю тебѣ дозволеніе пріѣхать, когда усмотришь, что пріѣздомъ твоимъ дѣла не испортятся". Скоро послѣ этого императрица узнала, что князь дѣйствительно находится уже на дорогѣ; поэтому она писала ему (15 февраля): „Когда пріѣдешь, тогда переговоримъ изустно обо всемъ; ожидаю тебя на масляницу, но въ какое время бы ни пріѣхалъ, увижу тебя съ равнымъ удовольствіемъ" [1]).

Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ 28-го февраля [2]). На пути его возобновлялись всюду, гдѣ проѣзжалъ князь, тѣ самыя сцены, о которыхъ была рѣчь при разсказѣ о путе-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XLII. 136—138, 143.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго".

шествіи князя въ столицу послѣ взятія Очакова. Болотовъ, какъ очевидецъ, такъ разсказываетъ о приготовленіяхъ къ пріѣзду Потемкина въ Серпуховъ: „Лошади, пріуготовленныя подъ него, стояли фрунтомъ; судьи же вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ, прискакавшимъ для срѣтенія онаго, были всѣ распудрены и въ тяжкихъ нарядахъ“. О Лопаснѣ, куда пріѣхалъ Болотовъ на пути въ Москву, сказано: „Мы нашли и тутъ великія пріуготовленія къ проѣзду княжескому и видѣли разставленныя повсюду дегтярныя бочки для освѣщенія въ ночное время пути сему вельможѣ. Словомъ, вездѣ готовились принимать его какъ-бы самого царя. А онъ, по тогдашнему своему полновластію, и былъ немногимъ ниже онаго“. О пребываніи Потемкина въ Москвѣ говорится: „Вся Москва гремѣла и занималась княземъ Потемкинымъ, пріѣхавшимъ въ оную въ послѣдніе дни масляницы. Вся знать обратилась къ нему для обыкновеннаго идолопоклонства; но намъ удалось видѣть его только однажды, проѣзжающаго на нашей улицѣ, съ пышною и превеликою свитою, и я, смотря на сіе, подумалъ и говорилъ самъ себѣ: Ахъ! долго ли-то тебѣ, государь нашъ, поцарствовать и повеличаться, и не приближается-ли уже конецъ твой?“ [1]).

Изъ другихъ источниковъ мы узнаёмъ, что было приказано всюду исправлять дороги для Потемкина, и императрица отправила къ нему навстрѣчу графа Безбородко [2]). Безбородко, сообщавшій въ это время князю разныя извѣстія о положеніи дѣлъ, отъ имени императрицы испрашивавшій мнѣніе Потемкина по разнымъ политическимъ вопросамъ, писалъ ему въ январѣ 1791 года: „Радуюсь несказанно, что вы рѣшились сюда прибыть и тѣмъ великую пользу и пособіе дѣламъ принесть“ [3]).

Можно думать, что Потемкинъ, рѣшаясь отправиться въ столицу, думалъ скорѣе о своихъ личныхъ интересахъ, нежели о дѣлахъ. Письменная бесѣда съ Екатериною въ про-

---

[1]) „Зап. Болотова“, 1791 г., стр. 806 и 811.
[2]) Minerva 1800. IV. 512.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI. 307.

долженіе двухъ лѣтъ, послѣ пребыванія въ столицѣ въ 1789 году, не могла замѣнить ему непосредственнаго устнаго объясненія по разнымъ вопросамъ.

Князь прибылъ въ Петербургъ въ такое время, когда усложненіе дѣлъ въ области политики погружало Екатерину въ тяжкія заботы. Война турецкая продолжалась, и переговоры о мирѣ пока не имѣли успѣха. Пруссія относилась къ Россіи чрезвычайно враждебно, такъ что считали вѣроятнымъ разрывъ съ этою державою. Отношенія между Россіей и Англіей были натянутыми. Французская революція, въ свою очередь, содѣйствовала усиленію разстройства Екатерины. Польскія дѣла (во время пребыванія Потемкина въ Петербургѣ состоялась конституція 3 мая 1791 года) озадачивали петербургскій кабинетъ. Миръ со Швеціей считался непрочнымъ. Финансовыя затрудненія, недоразумѣнія, случавшіяся между Екатериною и „молодымъ дворомъ“, соперничество между вельможами—все это, во время пребыванія Потемкина въ столицѣ до конца іюля 1791 года, занимало и заботило императрицу и князя.

Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкинъ въ это время принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ. Многочисленные рескрипты императрицы къ князю, относящіеся къ этому времени, бесѣды его съ разными иностранными дипломатами и русскими сановниками, объясненія съ императрицею по разнымъ вопросамъ государственнаго управленія—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что князь, находясь въ Петербургѣ, былъ, такъ сказать, соправителемъ, важнѣйшимъ консультантомъ по главнымъ дѣламъ политики, что его должность главнокомандующаго войсками, продолжавшими воевать съ турками, имѣла въ это время сравнительно мало значенія. Особенно дѣятельно участвовалъ князь въ приготовленіяхъ къ отпору Пруссіи въ случаѣ разрыва съ этою державою [1]). Въ бесѣдахъ съ представителями иностранныхъ державъ онъ нерѣдко обнаруживалъ высокомѣріе и надменность. Такъ напр. онъ озадачилъ Витворта безцеремонностью, съ которою говорилъ о

[1]) Самойловъ въ „Р. Арх.“, 1867. 1553—1554.

дѣлахъ. Послѣ пріѣзда въ Петербургъ чрезвычайнаго англійскаго посла Фокнера (Fawkener) Потемкинъ, принимая у себя на дачѣ англійскихъ дипломатовъ и Гольца, велъ съ ними переговоры о заключеніи мира съ Турціей [1]). Нельзя рѣшить, на чемъ основанъ отзывъ русскаго дипломата, графа С. Р. Воронцова, что Потемкинъ, по случаю переговоровъ съ Англіей, обнаруживалъ малодушіе и трусость. Онъ же разсказываетъ, что Потемкинъ предоставилъ значительную сумму денегъ русскому посланнику въ Парижѣ, Симолину, чтобы подкупить графа Мирабо и заставить его содѣйствовать разрыву между Франціей и Англіей [2]). Потемкинъ, между прочимъ, и въ Вѣнѣ содержалъ агентовъ, по большей части авантюристовъ, которые впутывались въ дипломатическія дѣла и, подъ защитою всемогущаго своего патрона, разыгривали тамъ довольно важную роль. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Андрей Кирилловичъ Разумовскій, былъ недоволенъ княземъ. Но, не смотря на недовольство, этотъ русскій дипломатъ, находившійся въ Петербургѣ во время пребыванія тамъ Потемкина, былъ очень обрадованъ, когда князь дружески принялъ его и бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ дѣлахъ. „Князь у васъ силенъ и всемогущъ“, писалъ къ сыну старикъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій:— „что онъ съ тобою ласково обходится, то хорошо; что ко мнѣ о его дружбѣ и преданности говоритъ, и то не дурно; но все сіе есть монета придворная и весьма легковѣсная, на которую полагаться нельзя“. Андрей Кирилловичъ Разумовскій всячески льстилъ Потемкину; находясь въ Вѣнѣ, онъ исполнялъ его политическія и личныя порученія, присылалъ ему вина, пріискивалъ музыку для оркестра, и проч. Въ одномъ изъ писемъ (отъ 10 августа 1791 г.) сказано: „Великіе люди считаются величайшею рѣдкостью; они составляютъ самое драгоцѣнное сокровище для народовъ: Екатерина и Потемкинъ, не имѣющіе равныхъ себѣ геніи, приводятъ въ удивленіе человѣчество и дѣлаютъ ему честь“ [3]).

---

[1]) Herrmann, „Geschichte des russischen Staates“. VI. 404, 412.
[2]) „Архивъ князя Воронцова“ VIII. 22.
[3]) Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“. III. 122.

Что касается Англіи, то Потемкинъ дѣйствительно полагалъ, что Россія не въ силахъ воевать съ этою державою. Храповицкій писалъ 9 апрѣля: „Князь (Потемкинъ) съ графомъ Безбородкой составили какую-то записку для отклоненія отъ войны. Князь говорилъ Захару: Какъ рекрутамъ драться съ англичанами? Развѣ не наскучила здѣсь шведская пальба“. Главнымъ поводомъ натянутости отношеній между Англіей и Россіей были турецкія дѣла. Самойловъ, восхваляя дипломатическія способности Потемкина, пишетъ о важной бесѣдѣ князя съ Фокнеромъ: „При семъ случаѣ князь доказалъ ему излишность и неполезность требованій Англіи. Онъ изъяснилъ ему всѣ тѣ средства, коими Россія въ состояніи удержать прусскаго двора наглость; онъ несомнительными доводами доказалъ, сколь непреодолима твердость императрицы и что никакія угрозы не могутъ надъ нею подѣйствовать, но, напротивъ того, паче утвердятъ въ достиженіи ея предмета. Сіе свиданіе имѣло вліяніе на умъ г-на Фокнера; онъ увѣрился, что Россія далѣе Днѣстра завоеваній за собою удержать не пожелаетъ, почему Англія ослабила требованія свои и не столько уже возбуждала враговъ противъ Россіи“ [1]).

Роль, которую игралъ Потемкинъ во время пребыванія въ Петербургѣ въ отношеніи текущихъ государственныхъ дѣлъ, была самая видная. Онъ совѣтовалъ Екатеринѣ не слишкомъ враждебно относиться къ императору Леопольду [2]), содѣйствовалъ смягченію судьбы несчастнаго Радищева [3]), защищалъ князя Безбородко отъ происковъ Зубова [4]), и проч. Между тѣмъ какъ иностранные дипломаты удивлялись рѣзкости въ обращеніи князя съ графомъ А. Р. Воронцовымъ [5]), Безбородко гордился тѣмъ, что Потемкинъ съ нимъ работалъ, и черезъ него представлялъ свое мнѣніе о дѣлахъ.

О случаяхъ прямыхъ непріятностей между Зубовымъ и

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1867. 1554.
[2]) Minerva, 1799. III. 259.
[3]) „Арх. кн. Воронцова“, V. 401–402.
[4]) „Сб. Ист. Общ.“ XXVI. 425.
[5]) Herrmann, „Ergänzungsband“. 102.

Потемкинымъ мы не знаемъ, но между ними происходили кое-какія косвенныя столкновенія.

Однажды, какъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ Державинъ, нѣкто маіоръ Бехтѣевъ, въ присутствіи многихъ лицъ громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который „ограбилъ его“, отнявъ у него, безъ всякаго права, деревню. Потемкинъ защитилъ Бехтѣева, заставилъ отца Зубова удить это дѣло, чѣмъ, разумѣется, сильно задѣлъ самолюбіе молодаго Зубова [1]). О другомъ случаѣ самъ Зубовъ разсказывалъ (въ 1819 или 1820 году) своему управляющему, М. Братковскому, слѣдующее: „Хотя я побѣдилъ его (Потемкина) наполовину, но окончательно устранить съ моего пути никакъ не могъ; а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстрѣчу его желаніямъ и просто боялась его. Потемкинъ главная причина тому, что я не вдвое богаче. Дѣло вотъ въ чемъ: однажды императрица объявила мнѣ, что за мои заслуги даритъ мнѣ имѣніе въ Могилевской губерніи, заселенное 12,000 душъ крестьянъ... но потомъ спохватилась, что имѣніе это уже подарено Потемкину. Потому она за столомъ сказала князю: „„Продай мнѣ твое Могилевское имѣніе““. Потемкинъ, покраснѣвъ до ушей, быстро оглянувшись, отвѣчалъ, что исполнить желаніе ея величества не можетъ, такъ какъ имѣніе вчера продано— „„вотъ ему!““ и онъ указалъ на стоящаго за его креслами молодаго камеръ-юнкера Голынскаго. Императрица, сильно смутившаяся, догадываясь, что Потемкинъ проникъ ея намѣреніе, спросила Голынскаго съ замѣшательствомъ: „„Какъ же это ты купилъ имѣніе у свѣтлѣйшаго?““ Потемкинъ, упреждая отвѣтъ, метнулъ мнимому покупщику выразительный взглядъ, и догадливый Голынскій глубокимъ поклономъ подтвердилъ выдумку князя Таврическаго. По этому можно судить, каковъ для меня злодѣй былъ Потемкинъ, когда съ такою наглостью лишилъ меня 12,000 душъ“ [2]).

---

[1]) Гротъ, „Державинъ“, VI. 614—616.

[2]) См. подробности этого дѣла въ біографіи Зубова, въ „Р. Старинѣ“ XVII. 43—44.

Зато сохранились данныя, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что происходили сильныя личныя столкновенія между императрицею и княземъ. На этотъ разъ повѣствованія историковъ-памфлетистовъ, какъ напр. Гельбига и Кастера, подтверждаются замѣтками въ такихъ источникахъ, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія. Однако и при этомъ случаѣ оказывается несостоятельность разсказовъ иностранныхъ писателей, какъ-то систематически враждебно относящихся къ Екатеринѣ и Потемкину. Такъ напр. Гельбигъ пишетъ, что между княземъ и императрицею, вскорѣ послѣ его прибытія въ столицу, произошло полнѣйшее охлажденіе и что лишь внѣшнія соображенія заставляли обоихъ показывать видъ, будто между ними продолжались прежнія дружескія отношенія. У этого же писателя мы встрѣчаемъ замѣтку, что нежеланіе князя принять энергическія мѣры для заключенія мира съ турками особенно содѣйствовало раздраженію Екатерины [1]). Замѣчаніе это не лишено нѣкоторой доли правды, но о полномъ разрывѣ между ними не можетъ быть и рѣчи.

Въ „Запискахъ“ Державина, находившагося въ это время въ Петербургѣ и постоянно имѣвшаго дѣло то съ княземъ, то съ императрицею, сказано: „Надобно знать, что въ сіе время крылося какое-то тайное въ сердцѣ императрицы подозрѣніе противъ Потемкина, по истиннымъ-ли политическимъ какимъ, замѣченнымъ отъ двора причинамъ, или по недоброжелательству Зубова“. Далѣе Державинъ разсказываетъ, что Зубовъ, отъ имени императрицы приказалъ ему, поэту, писать для князя, что̀ прикажетъ, но отнюдь ничего не принимать отъ него и не просить; онъ сообщаетъ также, что императрица однажды, въ присутствіи всего двора, сознательно и намѣренно кольнула Потемкина тѣмъ, что восхваляла доблесть адмирала Чичагова, побѣдителя шведовъ при Ревелѣ, и еще тѣмъ, что, противъ воли Потемкина, она хотѣла назначить Державина своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ. „Князь“,—пишетъ Державинъ,—„узнавъ сіе, не вы-

[1]) „Minerva“, 1800. IV. 511—514.

шелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю". Разсказавъ о праздникѣ, устроенномъ Потемкинымъ, Державинъ прибавляетъ: „Князю при дворѣ тогда было очень плохо. Злоязычники говорили, что будто онъ часто пьянъ напивается, а иногда какъ бы сходитъ съ ума; заѣзжая къ женщинамъ, почти съ нимъ незнакомымъ, говоритъ несвязно всякую нелѣпицу" [1]).

Храповицкій разсказываетъ о слѣдующихъ эпизодахъ въ половинѣ марта: „Захаръ изъ разговора съ княземъ узналъ, что (императрица), упрямясь, ничьихъ совѣтовъ не слушаетъ. Онъ намѣренъ браниться. Она плачетъ съ досады; не хочетъ снизойти и переписаться съ королемъ прусскимъ".

И прежде,—какъ извѣстно уже читателямъ,—между Екатериною и Потемкинымъ происходили недоразумѣнія по вопросу объ отношеніи Россіи къ Пруссіи. Екатерина, поддерживая честь и достоинство Россіи, относилась враждебно къ королю Фридриху-Вильгельму II; Потемкинъ же, считая положеніе Россіи опаснымъ, требовалъ большей уступчивости со стороны императрицы. Какъ видно, въ данномъ случаѣ самыя важныя политическія соображенія поссорили временно императрицу съ княземъ. Столь серьезное отношеніе къ дѣламъ политическимъ производитъ вообще довольно благопріятное впечатлѣніе. Но, какъ кажется, минуты разногласія, взаимнаго раздраженія повторялись, и, быть можетъ, предметомъ спора служили часто и гораздо менѣе важныя дѣла. Все это до такой степени разстраивало императрицу, что она даже часто хворала въ это время. Храповицкій писалъ 22-го марта: „Нездоровье, спазмы и сильная колика съ занятіемъ духа. Князь говоритъ, чтобъ лечиться; (императрица) не слушается, полагаясь на натуру". На другой день: „Продолженіе слабости. Всѣмъ скучаетъ. Малое вниманіе къ дѣламъ" [2]).

Особенно любопытенъ разсказъ Секретарева, бывшаго камердинеромъ у Потемкина, о личныхъ отношеніяхъ между

---

[1]) Гротъ, „Державинъ", VI. 616—620.
[2]) Храповицкій 17, 22, 23 марта 1791 г.

имъ и императрицею. Легко возможно, что этотъ разсказъ, относившійся къ тому времени, когда разскащикъ, котораго князь и императрица обыкновенно называли Ѳедею, былъ очень молодымъ человѣкомъ или чуть не мальчикомъ, представляетъ собою данныя о времени послѣдняго пребыванія Потемкина въ Петербургѣ. Тутъ сказано: „У князя съ государыней нерѣдко бывали размолвки. Мнѣ случалось видѣть, какъ князь кричалъ въ гнѣвѣ на горько плакавшую императрицу, вскакивалъ съ мѣста и скорыми, порывистыми шагами направлялся къ двери, съ сердцемъ отворялъ ее и такъ ею хлопалъ, что даже стекла дребезжали, и тряслась мебель. Они меня не стѣснялись, потому что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть такія сцены; на меня они смотрѣли, какъ на ребенка, который ничего не понимаетъ. Однажды князь, разсердившись и хлопнувъ по своему обыкновенію дверью, ушелъ, а императрица вся въ слезахъ осталась глазъ на глазъ со мною въ своей комнатѣ. Я притаился и не смѣлъ промолвить слова. Очень мнѣ жаль ея было: она горько плакала, рыдала даже; видѣть ее плачущую для меня было невыносимо; я стоялъ, боясь пошевельнуться. Кажется, она прочла на лицѣ моемъ участіе къ ней. Взглянувъ на меня своимъ добрымъ, почти заискивающимъ взоромъ, она сказала мнѣ: „„Сходи, Ѳедя, къ нему; посмотри, что̀ онъ дѣлаетъ; но не говори, что я тебя послала““. Я вышелъ, и войдя въ кабинетъ князя, гдѣ онъ сидѣлъ задумавшись, началъ что-то убирать на столѣ. Увидя меня, онъ спросилъ: „„Это она тебя прислала?““ Сказавъ, что я пришелъ самъ по себѣ, я опять началъ что-то перекладывать на столѣ съ мѣста на мѣсто. „„Она плачетъ?““— „„Горько плачетъ““, отвѣчалъ я. „„Развѣ вамъ не жаль ея? Вѣдь она будетъ нездорова““. На лицѣ князя показалась досада. „„Пусть реветъ; она капризничаетъ““, проговорилъ онъ отрывисто. „„Сходите къ ней; помиритесь““, упрашивалъ я смѣло, нисколько не опасаясь его гнѣва; и не знаю — задушевность-ли моего дѣтскаго голоса и искренность моего къ нимъ обоимъ сочувствія, или сама собой прошла его горячка, но только онъ всталъ, ве-

лѣлъ мнѣ остаться, а самъ пошелъ на половину къ государынѣ. Кажется, что согласіе возстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвкѣ не было помину“ [1]).

Бывали случаи неудовольствія, но отношенія между императрицею и княземъ оставались искренними, и раздраженіе уступало мѣсто дружбѣ и привязанности. При всей слабости женской натуры императрица, благодаря своему положенію и своимъ способностямъ, имѣла перевѣсъ надъ Потемкинымъ. Однажды, когда онъ, именно въ это время, рекомендовалъ ей какое-то, по ея мнѣнію, совсѣмъ недостойное лицо для занятія довольно высокой должности, она отказала князю въ назначеніи этого кандидата и писала ему: „Не по красотѣ, не по уму, еще менѣе по знанію и по опрятности тѣлесной представляешь человѣка въ арміи инспектора. Онъ же столь взбалмошной, что по городу хвастается, что онъ тебя поймалъ и за носъ водитъ... Дуракъ сей столь лѣнивъ, что кромѣ ѣды да пѣтуховой драки и въ головѣ ничто не помѣщается... Онъ тебѣ чести въ арміи не принесетъ; несчастлива-бы армія была, ежели въ ней не найдется единаго человѣка достойнѣе того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоитъ того, чтобъ ты себя обременялъ такимъ человѣкомъ, который въ короткое время тебѣ будетъ въ тягость; тутъ же не возьмешь ничего ...мужъ окажется весьма тяжелымъ бременемъ... Мой другъ, я привыкла тебѣ правду говорить; ты мнѣ ее также говоришь, когда случай къ тому представляется. Сдѣлай мнѣ удовольствіе выбрать на эту должность кого-либо болѣе подходящаго. Я люблю доставлять тебѣ удовольствіе; не люблю также тебѣ отказывать; но я бы хотѣла относительно этой должности, чтобы всѣ сказали: вотъ прекрасный выборъ... Извини меня, ежели я скажу, что мужъ и жена тебя обманываютъ; я знаю, что ты сіе не любишь, но остеречь тебя не можетъ быть иное, окромѣ слово лишнее“ [2]).

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1882, I, стр. 164.
[2]) „Сб. И. Общ.“, XLII. 141—142.

Изъ этого письма видно, что, несмотря на случившіяся въ это время размолвки между княземъ и императрицею, продолжались въ сущности прежнія дружескія отношенія между ними. Изъ „Записокъ“ Храповицкаго видно, что Потемкинъ постоянно находился въ обществѣ Екатерины. 5-го марта у князя былъ ужинъ, на которомъ была и великокняжеская чета; 9 апрѣля въ дневникѣ секретаря императрицы сказано: „Князь былъ ввечеру у государыни и оттуда пошелъ на исповѣдь“. Въ другой разъ—это было уже лѣтомъ—императрица изъ Петергофа пріѣхала къ князю обѣдать въ Таврическій дворецъ и оттуда отправилась въ Царское Село [1]).

Внѣшніе знаки милости не прекращались. Безбородко 25 марта 1791 года писалъ Милорадовичу: „За прошедшую кампанію велѣно сенату заготовить генералъ-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому похвальную грамату и сверхъ того соорудить ему, на иждивеніи государственномъ, въ столицѣ ли или въ деревнѣ, гдѣ онъ пожелаетъ, домъ со всѣмъ убранствомъ и предъ домомъ воздвигнуть монументъ съ изображеніемъ побѣдъ и завоеваній, подъ его руководствомъ учиненныхъ“ [2]).

Въ письмахъ императрицы къ Гримму за это время говорится весьма часто о Потемкинѣ въ тонѣ истинной привязанности. Такъ напр. въ письмѣ отъ 3 марта сказано: „Четыре дня тому назадъ пріѣхалъ къ намъ фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій; онъ былъ хорошъ, болѣе любезенъ, болѣе остроуменъ, чѣмъ когда-либо, и въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа. Послѣ столь успѣшной кампаніи можно быть въ ударѣ“. Въ концѣ апрѣля Екатерина съ радостью сообщила Гримму, что Потемкинъ въ восхищеніи отъ великаго князя Александра Павловича; въ другомъ письмѣ она хвалила подаренные ей Потемкинымъ и особенно удобные башмаки, причемъ прибавила, что всѣ теперь при дворѣ носятъ эту новоизобрѣтенную обувь [3]).

---

[1]) Храповицкій, 2 іюля 1791 г.
[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIX. 533. П. С. З. № 16953.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 494, 504, 525, 545.

Замѣчаніе о чрезвычайной веселости князя могло относиться развѣ только къ самому началу пребыванія его въ столицѣ. Другіе современники, напротивъ, находили, что Потемкинъ въ это время отличался самымъ мрачнымъ расположеніемъ духа. Самойловъ пишетъ: „Въ продолженіе послѣдняго пребыванія князя въ Петербургѣ, непонятно отъ чего, пришло ему въ мысль странное воображеніе, что онъ доживаетъ свой вѣкъ; а потому, чтобы заглушить или развлечь мрачность сего воображенія и разсѣять мысль о близкой его кончинѣ, онъ вымышлялъ заниматься увеселеніями и учреждать пиршества, такъ что въ столицѣ ни о чемъ не мыслили болѣе, какъ о составленіи веселостей; но сіе, равно какъ и занятіе дѣлами государственными, толико важными, не уничтожало въ князѣ Григоріѣ Александровичѣ скучныхъ предчувствованій и погружало его нерѣдко въ задумчивость неразвлекаемую“ [1]).

Пышность и роскошь, которыми окружалъ себя князь во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, изумляли современниковъ. По случаю гулянья въ Екатерингофѣ онъ явился съ многочисленною свитою, состоявшею изъ множества генераловъ, офицеровъ и плѣнныхъ пашей [2]). Гельбигъ доносилъ въ мартѣ своему двору: „Князь Потемкинъ съ удовольствіемъ присутствуетъ при устраиваемыхъ въ честь его министрами, генералами и купцами празднествахъ... Съ здѣшними вельможами онъ обращается въ высшей степени гордо и надменно, обнаруживая презрѣніе къ нимъ, и иногда заставляя ихъ ждать по цѣлымъ часамъ въ своей передней и иногда не допуская ихъ вовсе къ себѣ. Онъ тратитъ громадныя суммы на покупку разныхъ драгоцѣнныхъ вещей; мнѣ говорили, что онъ первую недѣлю своего пребыванія здѣсь накупилъ такихъ предметовъ на сумму 100,000 рублей“. Въ другомъ письмѣ Гельбига сказано: „Образъ жизни Потемкина расточительностью превосходитъ все, что только можно во-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 1555.

[2]) Reimers „St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts“, St.-Petersburg. 1805. I. 375—376.

образить себѣ. Расходы на его пиршества доходятъ до 20,000 рублей на каждое. Однажды одна уха на одномъ изъ пировъ князя стоила 1,300 рублей; ее подали въ серебряной ваннѣ; другой разъ онъ накупилъ устрицъ на 300 рублей, фруктовъ на 1,000 червонцевъ. За двѣ люстры онъ заплатилъ 40,000 рублей; два дивана въ той же комнатѣ, гдѣ были повѣшены люстры, обошлись въ 42,000 рублей. Самые роскошные обѣды онъ устраивалъ въ постъ, не обращая вниманія на ропотъ народа. Въ отношеніи къ женщинамъ онъ нарушаетъ всѣ правила приличія; мужья же, робѣя предъ нимъ, не препятствуютъ этому. Все это должно будетъ повести къ опалѣ князя, о приближеніи которой поговариваютъ подъ-рукою. Онъ же уповаетъ на твердость своего положенія и презираетъ всѣхъ и все... При публичныхъ выходахъ онъ является осыпанный брилліантами, въ блескѣ и со свитою государя, и народъ, какъ кажется, признаетъ его таковымъ“ [1]). „Приглашая князя, вельмбжи“ — говоритъ Гельбигъ въ другомъ мѣстѣ — „считали часто своимъ долгомъ лично прислуживать ему, за обѣдомъ стоять за его стуломъ, какъ дѣлается съ суверенами. Впрочемъ бывали и другіе, которые не унижались до того, а садились за столъ“ [2]).

Екатерина уже давно подарила князю домъ, который, по близости отъ казармъ Конной гвардіи, сталъ называться Конногвардейскимъ или позже, по титулу владѣльца, Таврическимъ. Домъ этотъ былъ построенъ по плану, самимъ княземъ избранному. Потомъ онъ продалъ этотъ домъ въ казну за 460,000 рублей. Когда же зашла рѣчь о построеніи ему дома въ награду за его побѣды, онъ снова выпросилъ себѣ это зданіе, слѣдовательно получилъ и домъ и около полумилліона рублей [3]).

Въ этомъ Конногвардейскомъ домѣ или Таврическомъ дворцѣ князь въ то время, когда еще домъ не былъ убранъ, даже не совсѣмъ достроенъ, задумалъ угостить императрицу

---

[1]) Herrmann, „Ergänzungsband“ 102—103.
[2]) „Wir haben mehr als einmal gesehen“ и проч. „Minerva“, 1800. IV. 516.
[3]) Гротъ, „Державинъ“, I. 370.

великолѣпнымъ праздникомъ, роскошью и пышностью превосходившимъ всѣ прежнія пиршества такого рода. Къ тому же онъ, быть можетъ, желалъ отблагодарить богачей, устраивавшихъ для него обѣды, ужины, балы и маскарады [1]). За нѣсколько дней до праздника въ этомъ домѣ явилось множество всякихъ художниковъ. Стали поспѣшно отдѣлывать и украшать покои. Изъ лавокъ взято на прокатъ до двухъ сотъ люстръ и множество зеркалъ, кромѣ тѣхъ, которыя были привезены съ зеркальнаго завода князя. Отъ придворной конторы принято 400 пудовъ воску заимообразно; кромѣ 9—10,000 свѣчей было приготовлено болѣе 20,000 стаканчиковъ съ воскомъ; для ста человѣкъ прислуги была сдѣлана новая, богатая ливрея. Многія деревянныя строенія, окружавшія дворецъ, были сломаны, чтобы фасадъ дома производилъ болѣе выгодное впечатлѣніе. Передъ дворцомъ устроена большая площадь для народнаго праздника.

Гостей на праздникѣ, устроенномъ Потемкинымъ, было нѣсколько тысячъ. Потемкинъ ожидалъ Екатерину въ залахъ своего дворца. На немъ былъ малиновый фракъ и епанча изъ черныхъ кружевъ въ нѣсколько тысячъ рублей; брильянты сіяли вездѣ. Унизанная ими шляпа была такъ тяжела, что онъ передалъ ее своему адъютанту и велѣлъ вездѣ носить за собою. При появленіи императрицы онъ самъ высадилъ ее изъ кареты.

Для царственныхъ гостей въ огромной залѣ или ротондѣ была устроена колоннада. Великолѣпная эстрада отдѣляла эту залу отъ зимняго сада, огромнаго зданія, въ которомъ для бо́льшаго эфекта освѣщенія разставлены были колоссальныя зеркала, обвитыя зеленью и цвѣтами. Въ этомъ саду устроенъ былъ храмъ съ жертвенникомъ, на которомъ высилась статуя Екатерины изъ бѣлаго мрамора. Въ глубинѣ сада красовался гротъ, а передъ нимъ стояла хрустальная пирамида съ вензелемъ Екатерины. Покои блистали картинами, коврами, великолѣпными обоями и разными прихотливыми украшеніями, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе

[1]) См. письмо Тимоѳея Кирьяка въ „Р. Архивѣ“ 1867, 673—693.

обращалъ на себя золотой слонъ, носившій на спинѣ великолѣпные часы и шевелившій глазами, ушами и хвостомъ.

При появленіи государыни ее встрѣтили двѣ кадрили; въ ту же минуту воздухъ огласила извѣстная пѣсня Державина „Громъ побѣды раздавайся“. Въ кадрили участвовали великіе князья Александръ и Константинъ. Послѣ танцевъ хозяинъ повелъ императрицу и все собраніе въ другую залу, гдѣ увидѣли сперва балетъ, далѣе комедію „Les faux amants“, а потомъ пантомиму „Le marchand de Smyrne“. Около полуночи начался ужинъ. Потемкинъ стоялъ за кресломъ императрицы, пока она не приказала ему сѣсть. Въ продолженіе всего вечера хоръ пѣлъ сочиненные Державинымъ стихи. Наконецъ — какъ разсказываетъ поэтъ — Потемкинъ „съ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ своею самодержицею и облобызалъ ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе“. Екатерина уѣхала во второмъ часу ночи [1]).

На другой день рано утромъ Екатерина въ письмѣ къ Гримму описывала частности великолѣпнаго праздника, причемъ собственноручно набросала планъ главной залы въ Таврическомъ дворцѣ. „Вотъ какъ, государь мой“,— сказано въ концѣ письма,—„проводятъ время въ Петербургѣ, не смотря на шумъ и войну и угрозы диктаторовъ“ [2]). Послѣднее замѣчаніе — намекъ на враждебное отношеніе Пруссіи къ Россіи; неоднократно въ это время императрица смѣялась надъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, принимавшимъ тонъ „диктатора“.

Стихи Державина, сочиненные для праздника въ Таврическомъ дворцѣ, относились главнымъ образомъ къ событіямъ турецкой войны. Въ нихъ говорилось о взятіи Измаила;

---

[1]) Подробное описаніе праздника см. въ вышеупомянутомъ письмѣ Кирьяка. Множество данныхъ собрано Гротомъ въ его изданіи сочиненій Державина, I. 377—449 и VIII. 591—596. См. также мою статью „Potemkins Glück und Ende“ въ журналѣ „Baltische Monatsschrift“, Neue Folge. Bd. I. Heft. 11 u. 12“. Замѣтки современниковъ въ журналѣ „Minerva“, 1800, IV. 518, письмо Сенакъ-де Мельяна въ „Архивѣ князя Воронцова“, XXV. 44, Masson, „Mémoires secrets“, II. 237 и проч.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII. 517—519.

тутъ поэтъ сравнивалъ императрицу съ Минервою, князя съ Марсомъ, старшаго внука Екатерины съ Александромъ Великимъ. Были намеки также на греческій проектъ, на предполагаемое возстановленіе Византійской имперіи.

Все это происходило въ то время, когда продолжалась турецкая война, въ то время, когда современники находили, что Потемкинъ недостаточно энергично домогался окончанія войны и заключенія выгоднаго мира. Не только находили, что князь былъ плохъ какъ полководецъ, но также считали его слабымъ дипломатомъ. М. С. Потемкинъ еще въ 1790-мъ году писалъ къ брату: „Видно, турки хотятъ насъ проводить. Здѣсь давно знаютъ, что турки насъ обманываютъ. Я слышалъ, что недоброжелатели княжіе говорятъ, что князь не хочетъ ничего дѣлать... онъ въ обманъ дается“ [1]). Теперь же, въ 1791 году, находили, что Потемкинъ думаетъ скорѣе о развлеченіи и забавахъ, нежели о турецкой войнѣ. Даже Самойловъ въ своей панегирической біографіи князя замѣчаетъ, намекая, впрочемъ, на переговоры съ англійскими дипломатами: „По симъ-то обстоятельствамъ князь Григорій Александровичъ пробылъ въ столицѣ долѣе, нежели военныя обстоятельства главнаго надъ арміями начальства ему позволяли“ [2]). Гораздо болѣе рѣзко выражался Завадовскій въ письмѣ къ С. Р. Воронцову отъ 6 іюня: „Князь, сюда заѣхавши, инымъ не занимается какъ обществомъ женщинъ, ища имъ нравиться и ихъ дурачить и обманывать. Влюбился онъ еще въ арміи въ княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинскаго. Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Онъ мечется какъ угорѣлый. Уязвленное честолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ. Пороки Аннибала, пороки Александра видимъ, безъ ихъ великихъ дарованій. До сихъ послѣднихъ достигнуть труднѣе, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ... Онъ таковъ же какъ всегда. Не знаю, воображаешь ли ты столько, какъ я, всѣ способы, что̀ мы имѣли для нынѣшней

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1879, II. 194.
[2]) „Р. Архивъ“, 1867, 1554.

войны турецкой, и какъ, напротивъ, турки были слабы. Вмѣсто удара на вѣкъ сокрушительнаго, мы еще и того не достигли, что̀ произвели въ предъидущую войну... Не дивись, если мы объ арміи меньше знаемъ теперь, когда самъ вождь у насъ, нежели какъ его не было“ [1]).

Спеціалисты военной исторіи очень мало цѣнятъ стратегическія способности Потемкина, и напр. Петрушевскій замѣчаетъ: „Кампанія 1791 года въ Турціи велась довольно дѣятельно, потому что Потемкинъ проживалъ въ Петербургѣ, сдавъ войска во временное начальствованіе князя Рѣпнина. Она ознаменовалась нѣсколькими крупными дѣлами: взятіемъ штурмомъ Анапы, разбитіемъ турецкаго флота при Канаврiи, побѣдою князя Репнина при Мачинѣ“ [2]).

Петровъ замѣчаетъ также: „Одержать побѣду надъ графомъ Зубовымъ было для Потемкина желательнѣе, чѣмъ разбить визиря... Рядъ пораженій, нанесенныхъ русскимъ оружіемъ непріятелю, пораженія, начавшіяся именно послѣ отъѣзда князя Потемкина изъ арміи, дѣлали сомнительнымъ его военный талантъ и доказывали, что въ его отсутствіе дѣла могутъ вестись не только не хуже, но, напротивъ, несравненно лучше и рѣшительнѣе. Зная боевую опытность князя Репнина, князь Потемкинъ опасался, чтобы въ его отсутствіе не произошелъ рѣшительный бой, результатомъ котораго могло послѣдовать заключеніе мира, подъ которымъ не будетъ красоваться его имя. Поэтому, живя въ Петербургѣ, князь Потемкинъ въ письмахъ своихъ къ князю Репнину ясно намекалъ, что не надобно было предпринимать ничего рѣшительнаго до дальнѣйшихъ повелѣній“ [3]).

Ѳ. П. Лубяновскій, адъютантъ князя Репнина, говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что на всѣ письма Репнина къ Потемкину въ Петербургъ онъ не получилъ ни одного отвѣта, что Потемкинъ даже задерживалъ курьеровъ, которые должны были отправляться въ армію Репнина. Случился слѣ-

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, XII. 68.
[2]) Петрушевскій, „Суворовъ“, I. 420.
[3]) Петровъ, II. 241, при чемъ ссылка на разсказы Лубяновскаго.

дующій интересный эпизодъ. Императрица, находясь въ Царскомъ Селѣ, вызвала В. С. Попова, управляющаго канцеляріей Потемкина. Въ 6 часовъ утра Поповъ явился. Императрица была не въ духѣ. „Правда ли“, — спросила она, — „что цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина живетъ у васъ въ Петербургѣ?“ — „До десяти наберется“. — „Зачѣмъ не отправляете ихъ?“ — „Нѣтъ приказанія“. — „Скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непремѣнно сегодня, онъ отвѣчалъ Репнину, что̀ понужнѣе; скажите ему: я велю; а мнѣ пришлите записку, въ которомъ часу курьеръ вашъ уѣдетъ“. „Не добились мы“, говорилъ послѣ Поповъ, — „отъ кого императрица узнала про курьеровъ“. Ходилъ передъ тѣмъ по городу слухъ, что однажды, прежде чѣмъ государыня вышла къ столу, пошли гости къ закускѣ, въ томъ числѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Л. А. Нарышкинъ. Сей послѣдній говорилъ, въ общей бесѣдѣ о войнѣ, что изъ арміи не было извѣстій, но и Репнинъ-де ничего не дѣлалъ. Орловъ молча подобралъ къ себѣ всѣ ножи со стола и потомъ просилъ Нарышкина отрѣзать ему чего-то кусокъ. Тотъ туда-сюда: нѣтъ ножа. „Такъ-то и Репнину, когда ничего не даютъ ему, нечего дѣлать“, сказалъ Орловъ [1]).

Безъ сомнѣнія императрица была очень недовольна медленностью дѣйствій князя Потемкина. Сохранилась краткая записка ея къ князю, въ которой сказано: „Ежели хочешь камень свалить съ моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорѣе въ армію курьера и разрѣши силы сухопутныя и морскія произвести дѣйствія наискорѣе, а то войну протянешь еще надолго, чего конечно ни ты, ни я не желаемъ“ [2]).

28-го іюля Репнинъ одержалъ блистательную побѣду при Мачинѣ и началъ переговоры. Потемкинъ, узнавъ объ этихъ важныхъ событіяхъ, долженъ былъ видѣть, что можетъ утра-

---

[1]) Петровъ, II. 241—242.

[2]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 148. Издатель отнесъ эту записку къ марту. Вѣрно ли это? Въ изданіи этой же записки въ „Р. Старинѣ“, XVII. 649 сказано: „Безъ числа“.

тить обаяніе побѣдителя въ войнѣ, которую онъ началъ, но которую могъ кончить другой. Раздосадованный своимъ неловкимъ положеніемъ при дворѣ, гдѣ онъ не могъ удалить Зубова, разстроенный ипохондріей, мыслью о близкой кончинѣ, болѣзненными припадками, князь долженъ былъ рѣшиться покинуть столицу. 24 іюля въ 5 часовъ утра онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села [1]). Современники разсказывали о страшномъ раздраженіи князя по поводу успѣховъ Репнина [2]). Ходили также слухи о личномъ столкновеніи между Екатериною и княземъ наканунѣ отъѣзда послѣдняго. Императрица старалась уговорить его къ отъѣзду, ради скорѣйшаго окончанія войны; Потемкинъ желалъ оставаться въ Петербургѣ. Наконецъ, императрица чрезъ Зубова или чрезъ Безбородко хотѣла приказать ему уѣхать. Никто изъ вельможъ не пожелалъ пойти къ князю съ столь опаснымъ порученіемъ. Тогда она самолично пошла къ князю и объявила ему въ рѣшительномъ тонѣ что ему пора ѣхать, что дѣла требуютъ этого. Потемкинъ изъ своенравнаго, строптиваго, упрямаго — сдѣлался совершенно скромнымъ, послушнымъ, кроткимъ и повиновался желанію Екатерины, такъ что всѣ удивлялись въ послѣдніе дни и часы пребыванія Потемкина въ столицѣ его кротости, мягкости, крутой перемѣнѣ его нрава [3]).

Признавая, что этотъ разсказъ саксонскаго дипломата, Гельбига, имѣетъ анекдотическій характеръ, считая возможною нѣкоторую неточность заключающихся въ немъ частностей, мы считаемъ вѣроятнымъ, что, въ общей сложности, разсказъ Гельбига соотвѣтствуетъ ходу дѣла. Къ тому же онъ подтверждается слѣдующимъ письмомъ Ростопчина къ С. Р. Воронцову, рельефно очерчивающимъ характеръ послѣдняго пребыванія Потемкина въ столицѣ: „Вы не можете представить, графъ, сколько повредила послѣдняя поѣздка его въ Петербургъ многимъ лицамъ, пользовавшимся до того времени уваженіемъ. Низость восторжествовала надъ высокомѣ-

---

[1]) Храповицкій, 24 іюля 1791 г.
[2]) „Minerva“, 1800, III. 527.
[3]) „Minerva“, 1800, IV. 540.

ріемъ и притворными чувствами. Послѣднею слабостью князя Потемкина было влюбляться во всѣхъ женщинъ и прослыть за повѣсу. Это желаніе, хотя и смѣшное, имѣло полный успѣхъ... Женщины хлопотали о благосклонности князя, какъ мужчины хлопочутъ о чинахъ. Бывали споры о матеріяхъ на платья, о приглашеніяхъ и проч. Онъ былъ почти сосланъ; значеніе его упало; онъ уѣхалъ, истративъ въ четыре мѣсяца 850 тысячъ рублей, которые были выплачены изъ Кабинета, не считая частныхъ долговъ“ [1]).

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, VIII. 44.

X.

Кончина Потемкина.

Потемкинъ противъ собственной воли покинулъ Петербургъ: императрица заставила его уѣхать. Но несправедливо было бы смотрѣть на это какъ на какую-нибудь опалу или размолвку между Екатериною и княземъ, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ оживленной переписки между ними въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, до самой кончины Потемкина.

24-го іюля онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села. На другой день уже императрица писала ему: „Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ. Рапортъ къ тебѣ князя Репнина отъ 14 іюля я, раскрывъ, читала... Бога молю, да благословитъ успѣхъ, а тебѣ желаю благополучнаго пути“. Далѣе слѣдуютъ разныя замѣчанія о Каменскомъ, Безбородкѣ и проч., а въ заключеніе сказано: „Adieu, mon ami, je vous embrasse.“ Такія же записки, не богатыя, впрочемъ, содержаніемъ, Екатерина писала 3, 9, 12, 28 августа и проч. Онѣ свидѣтельствуютъ о дружбѣ и привязанности. Кромѣ разныхъ замѣчаній о дѣлахъ встрѣчаются увѣренія въ расположеніи, въ искренности которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться. Часто попадаются фразы о необходимости заключенія мира. „Признаюсь, что ничего на свѣтѣ такъ не хочу, какъ мира“. „Обрадовалъ ты меня прелиминарными пунктами о мирѣ, за что тебя благодарю душею и сердцемъ; дай Боже скорѣе совершить сіе полезное дѣло заключеніемъ самаго мира... Желаю весьма, чтобы великія жары и труды дороги

здоровью твоему не нанесли вреда въ теперешнее паче время, когда всякая минута требуетъ новаго труда. Adieu, mon ami“. Въ письмѣ отъ 28 августа, послѣ разныхъ замѣтокъ о переговорахъ, сказано: „О чемъ я всекрайне сожалѣю и что̀ меня же столько безпокоитъ, есть твоя болѣзнь и что ты ко мнѣ пишешь, что не въ силахъ себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтобъ отвратилъ отъ тебя сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія. О разогнаніи турецкаго флота здѣсь узнали съ великою радостью, но у меня все твоя болѣзнь на душѣ... Прикажи ко мнѣ писать кому почаще о себѣ. Означеніе полномочныхъ усмотрѣла изъ твоего письма; все это хорошо, а худо то только, что ты боленъ. Молю Бога о твоемъ выздоровленіи. Прощай, Христосъ съ тобою. Платонъ Александровичъ тебѣ кланяется и самъ пишетъ къ тебѣ“. 4 сентября: „Письмо твое отъ 24 августа упокоило душу мою въ разсужденіи тебя самого, понеже увидѣла, что тебѣ есть легче, а до того я была крайне безпокойна; но не понимаю, какъ, въ крайней слабости бывъ, можешь переѣхать изъ мѣста на мѣсто... Платонъ Александровичъ тебѣ кланяется и самъ будетъ писать къ тебѣ; онъ весьма безпокоился о твоей болѣзни и одинъ день не зналъ, чѣмъ и какъ печаль мою облегчить“ [1]).

Болѣзнь князя дѣйствительно сильно безпокоила императрицу. Это видно изъ слѣдующей замѣтки въ дневникѣ Храповицкаго отъ 28 августа: „Получено извѣстіе чрезъ Кречетникова изъ Кіева, что князь Потемкинъ очень боленъ и къ нему поѣхала Браницкая... Печаль и слезы“.

Несмотря на болѣзненное состояніе Потемкинъ совершилъ путешествіе чрезвычайно быстро; въ восемь дней онъ прибылъ въ Яссы. Репнинъ, одержавъ побѣду 28 іюля при Мачинѣ, открылъ переговоры о мирѣ; 31 іюля были подписаны прелиминарные пункты; 1 августа прибылъ Потемкинъ.

Трудно сказать, насколько вѣренъ разсказъ о страшномъ

[1]) „Сборникъ Ист. Общ.“, XLII. 189—199

раздраженіи Потемкина по поводу столь энергичныхъ и успѣшныхъ дѣйствій князя Репнина; онъ основанъ только на устномъ преданіи [1]). Быть можетъ, Потемкинъ былъ недоволенъ условіями прелиминарнаго договора, заключеннаго Репнинымъ. Въ перепискѣ между Екатериною и Потемкинымъ говорится о необходимости сокращенія перемирія, на которое согласился Репнинъ; вообще же Потемкинъ тотчасъ же послѣ пріѣзда призналъ договоръ, какъ „fait accompli“, и этимъ, какъ мы видѣли, обрадовалъ императрицу [2]).

Энгельгардтъ пишетъ: „Свѣтлѣйшему князю очень было досадно, что князь Репнинъ поспѣшилъ заключить миръ; онъ выговаривалъ ему при многихъ, сказавъ: „„Вамъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи нашъ черноморскій флотъ, и о экспедиціи Гудовича; дождавшись донесенія ихъ и узнавъ отъ оныхъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ и уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Анапу, тогда бы вы могли сдѣлать несравненно выгоднѣйшія условія““. Это дѣйствительно было справедливо“,—продолжаетъ Энгельгардтъ:—„князь Репнинъ въ семъ случаѣ предпочелъ личное свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобы его окончить до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя“ [3]).

Можно считать вѣроятнымъ, что между Потемкинымъ и Репнинымъ происходило нѣкоторое объясненіе. Впрочемъ, Потемкинъ вскорѣ же призналъ заслуги Репнина и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Лубяновскій разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Помирившись съ Репнинымъ, Потемкинъ былъ у него однажды на обѣдѣ, причемъ вдругъ сдѣ-

---

[1]) Петровъ, II, 245. Напрасно Петровъ вѣритъ въ уничтоженіе галацкаго договора въ столь рѣзкой формѣ, что Потемкинъ будто „разорвалъ“ договоръ и т. п. См. біографію Репнина у Бантышъ-Каменскаго, Словарь достоп. людей“, 303.

[2]) См. также письмо Шувалова къ Репнину въ соч. Петрова, II. 244—245.

[3]) Энгельгардтъ, „Записки“. 95—96. Ростопчинъ порицаетъ Репнина за полную зависимость отъ Потемкина (ses bassesses auprès du prince Потемкинъ). „Арх. кн. Воронцова“, XXVI. 501.

лался грустнымъ. „О чемъ такъ вдругъ закручинились, ваша свѣтлость?“ — спросилъ Репнинъ. „Не взыщите, князь Николай Васильевичъ“, — отвѣтилъ Потемкинъ:— „грусть находитъ вдругъ на меня, какъ черная туча. Ничто не мило; иногда помышляю идти въ монахи“.— „Что-жъ, ваша свѣтлость“,— сказалъ Репнинъ,— „не дурное дѣло и это. Сегодня іеромонахомъ, черезъ день архимандритомъ, черезъ недѣлю въ епископы, затѣмъ и бѣлый клобукъ. Будете благословлять насъ обѣими, а мы будемъ цѣловать у васъ правую“ [1]).

Упавъ духомъ, чувствуя усиленіе болѣзни, Потемкинъ не въ состояніи былъ довести до конца переговоры о мирѣ. Въ средѣ русскихъ дипломатовъ въ это время подвергали строгой критикѣ образъ дѣйствій Потемкина. Такъ напр. Морковъ въ письмѣ своемъ къ С. Р. Воронцову находилъ выборъ лицъ, которымъ было поручено вести переговоры о мирѣ, совсѣмъ неудачнымъ [2]).

Какъ относились турки къ Потемкину, можно видѣть изъ письма Безбородки къ С. Р. Воронцову, писаннаго вскорѣ послѣ кончины князя, во время переговоровъ о ясскомъ мирѣ: „Думаютъ, можетъ быть, у васъ, что имя покойнаго страшило ихъ. Сколько въ томъ ошибаются! Я тебѣ скажу что̀ четвертаго дня случилось. Второй (турецкій) полномочный говорилъ съ нашимъ драгоманомъ о покойномъ: „„Сожалѣю““, сказалъ онъ, „„что я не видалъ сего страннаго человѣка, который всѣ дѣла дѣлалъ языкомъ; да и подлинно онъ думалъ, что ѣдкій и бранчивый языкъ, такъ какъ и обычай его грозить, надъ всѣми дѣйствовать могъ. Впрочемъ, гдѣ же храбрость видна была? Гдѣ случалась драка въ разныхъ или меньшихъ съ вашей стороны силахъ, тамъ не онъ присутствовалъ. Взялъ Аккерманъ и Бендеры, приведши съ собою 80,000 одной пѣхоты и многія сотни пушекъ. Люди испугалися и сами отдалися““ [3]).

Около этого времени ходили разные слухи о чрезмѣр-

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1872, стр. 140.
[2]) „Арх. кн. Воронцова“, XX. 23.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIX. 144.

номъ честолюбіи Потемкина. Разсказывали, будто князь желалъ превращенія Крымскаго полуострова въ независимое царство, государемъ котораго будетъ онъ самъ [1]). Партія Зубовыхъ вздумала подогрѣвать старую исторію Мазепы, распуская слухи, будто Потемкинъ кромѣ дѣйствующей арміи содержалъ еще на свой счетъ второй комплектъ солдатъ и, всячески привлекая къ себѣ молдаванъ и валаховъ, хотѣлъ отложиться отъ Россіи и сдѣлаться въ этомъ краѣ независимымъ господаремъ [2]). Даже Самойловъ намекаетъ на это, замѣчая: „Князь весьма желалъ независимости Молдавіи отъ Порты, тѣмъ паче, что привязанность молдавскихъ вельможъ, къ нему оказанная, и заслуги, имъ явленныя императрицѣ, подавали ему надежду быть защитникомъ и покровителемъ сей страны“ [3]). Энгельгардтъ, сообщая объ образованіи Потемкинымъ въ это время громаднаго полка изъ 11,000 человѣкъ и 20 орудій артиллеріи подъ названіемъ „Великой Гетманской Булавы“, замѣчаетъ: „На сей счетъ разныя дѣлали догадки; прямой цѣли никто не постигалъ, ибо невозможно было, чтобъ одинъ только капризъ князя Потемкина былъ тому причиною. Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи, другіе — что онъ хотѣлъ себя объявить независимымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ польскимъ“ [4]). Суворовъ, находившійся въ это время въ Финляндіи, считалъ честолюбіе Потемкина опаснымъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ Хвостову сказано: „По побѣдѣ надъ визиремъ, чѣмъ дальше князь Потемкинъ пойдетъ, тѣмъ опаснѣе; я помню дерзкій приказъ: арнауты принадлежатъ гетманской булавѣ. Онъ имѣетъ инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ; его поминаютъ за выносомъ безъ синода, съ прибавленіемъ его арміи военной; газетчины даютъ ему I“ [5]).

---

[1]) „Minerva“, 1799, IV. 433.

[2]) „Minerva“, 1799, IV. 429, 1800. IV. 541. См. также статью барона Бюлера въ „Древней и новой Россіи“, 1875, III. 338.

[3]) „Р. Архивъ“, 1867, стр. 1553.

[4]) Энгельгардтъ, „Записки“, 96.

[5]) „Р. Старина“, VI. 414.

Впрочемъ, еще въ концѣ августа 1791 г., значитъ послѣ первыхъ пароксизмовъ болѣзней, жертвою которой онъ сдѣлался, князь очень дѣятельно занимался текущими дѣлами. Въ его письмѣ къ А. А. Безбородкѣ отъ 24 августа изъ Гуши, которое впрочемъ онъ продиктовалъ Попову, сказано между прочимъ: „Изъ Яссъ буду я писать обо всемъ обстоятельно и о Польшѣ и пришлю журналъ всего происходившаго между мною и визиремъ. Дѣло совсѣмъ было расклеилось упрямствомъ султана; но флотъ нашъ черноморскій все поправилъ, приведя до крайней трусости Его Султаново Величество. Донесите, Ваше Сіятельство, при случаѣ, что я ничего не упущу, и въ томъ будьте спокойны. Я такъ себя поставилъ, что Турки за мною ходятъ, а не я за ними. Визирь осыпаетъ меня учтивостями и письмами“. А затѣмъ Потемкинъ пишетъ объ отношеніи Россіи къ Австріи и Пруссіи: „На императора (Леопольда) нельзя надѣяться и для того нужно скорѣе учредить свои интересы съ Берлинскимъ дворомъ. Послѣ все можно устроить, но только на теперешній случай сіе надобно конечно“. А 29 августа Потемкинъ писалъ къ Безбородкѣ: „Польша требуетъ большого вниманія, паче тѣмъ, что императоръ ладитъ съ королемъ прусскимъ, а сладивши, мы останемся какъ ракъ на мели“ и пр.

Еще въ сентябрѣ князь неоднократно писалъ къ Безбородкѣ о дѣлахъ, о ходѣ переговоровъ съ Турками, объ арміи и пр. Въ краткомъ письмѣ отъ 16 сентября изъ Яссъ сказано: „Когда дѣла много, тутъ силъ нѣтъ, но я вѣрно себя не щажу... усталъ, какъ собака“. А между тѣмъ ему стало хуже. 21 сентября онъ писалъ: „Сталъ было я бродить, но третьяго дня схватилъ меня сильно пароксизмъ и держалъ болѣе 12 часовъ, такъ что и по сіе время не могу отдохнуть; крайнее ослабленіе. Вообразите, что всѣ больны въ Яссахъ и у меня въ домѣ скоро некому будетъ служить. Прошу отыскать для меня шлафрокъ китайскій и прислать; оный крайне мнѣ нуженъ“ [1]).

---

[1]) Изъ собранія копій писемъ Потемкина и Попова, сообщенныхъ мнѣ г. Шубинскимъ.

Болѣзнь князя приняла опасный оборотъ въ то самое время, когда отъ его дипломатическаго искусства зависѣло заключеніе мира или продолженіе войны. Могло казаться, что мира не будетъ. Потемкинъ настаивалъ на независимости Молдавіи, на облегченіи судьбы Валахіи, на уступкѣ Анапы; а между тѣмъ великій визирь съ арміей въ 180,000 чел. стоялъ на правомъ берегу Дуная, противъ Браилова. Самойловъ пишетъ: „Можно заключать, что князь не положительнорѣшителенъ былъ на принятіе мирныхъ предложеній. Въ такомъ будучи намѣреніи трактовалъ онъ всѣ вѣжливости великаго визиря съ равнодушіемъ и съ самымъ неуваженіемъ“ [1]).

Современники съ напряженіемъ слѣдили за дипломатическою дѣятельностью князя. Бантышъ-Каменскій писалъ тогда къ Куракину: „Ежели вѣрить носящимся слухамъ, то дѣло идетъ о Молдавіи и о Анапѣ. О! ежели выполнитъ Рѣшемыслъ обѣ сіи статьи, прямо великъ будетъ и словомъ, и дѣломъ“ [2]). Морковъ, напротивъ, считая Потемкина плохимъ дипломатомъ, порицалъ его образъ дѣйствій въ рѣзкихъ выраженіяхъ [3]).

Однако въ это же время Потемкинъ уже предчувствовалъ приближающуюся кончину. Замѣчали, что уже на пути въ армію онъ былъ задумчивъ и временами жаловался на головную боль [4]). Въ началѣ августа онъ прибылъ въ Галацъ, гдѣ вскорѣ послѣ этого скончался братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, принцъ Виртембергскій. Энгельгардтъ разсказываетъ: „Свѣтлѣйшій князь былъ на похоронахъ, и, какъ по окончаніи отпѣванія князь вышелъ изъ церкви и приказано было подать его карету, вмѣсто того подвезли гробовыя дроги; князь съ ужасомъ отступилъ; онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ сего онъ вскорѣ занемогъ и повезли его

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1867, 1556.

[2]) Въ одной изъ одъ Державина Потемкинъ былъ названъ „Рѣшемысломъ“. Письмо Бантышъ-Каменскаго въ „Р. Архивѣ“ 1876, III. 266.

[3]) См. письмо Моркова къ С. Р. Воронцову въ „Арх. кн. Воронцова“, XX. 23.

[4]) Энгельгардтъ, 97.

больного въ Яссы“ [1]). По другимъ извѣстіямъ князь въ разсѣянности даже сѣлъ на погребальныя дроги, что̀, разумѣется, должно считаться весьма невѣроятнымъ. Камердинеръ Потемкина Секретаревъ разсказывалъ, что былъ свидѣтелемъ ошибки князя при выходѣ изъ церкви, когда вмѣсто своего экипажа сѣлъ на похоронныя дроги... „По разсѣянности ли“, — пишетъ дочь Секретарева, по разсказу отца, — „или по чему другому, необъяснимому, князь положительно сѣлъ на дроги и лишь чрезъ нѣкоторое время замѣтилъ свою ошибку. Вскорѣ послѣ князь занемогъ“ [2]).

Князь совершенно упалъ духомъ, мучимый мнительностью и тоскою. Къ душевнымъ его страданіямъ присоединились лихорадочные припадки, и князь обратился къ помощи докторовъ Тимана, Массо и штабъ-лекаря Санковскаго. 20 августа Потемкинъ писалъ къ Репнину о переѣздѣ изъ Галаца въ Яссы. „Продолжающіяся мои страданія“ — говорилось въ письмѣ — „довели меня до совершенной слабости“. Въ другомъ письмѣ сказано: „Одно средство къ сохраненію людей нахожу я въ удаленіи ихъ изъ Галаца. Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походитъ на гробъ, нежели на обиталище живыхъ... Болѣзнь меня замучила, и я теперь въ крайнѣйшей слабости“. Въ Яссахъ болѣзнь Потемкина усилилась, а присоединившаяся къ ней тоска побуждала его раза два выѣзжать изъ города въ сосѣднія деревни и опять возвращаться въ Яссы [3]). Черныя мысли заставляли его думать опять о монашествѣ. Къ этому времени, какъ кажется, относится сочиненіе княземъ „Канона Спасителю“, въ девяти пѣсняхъ, въ тонѣ и духѣ псалмовъ. Въ предчувствіи близкой кончины, онъ какъ бы хотѣлъ очистить свою душу покаянною молитвою [4]).

Понятно, что опасное положеніе князя въ то время, когда вопросъ о мирѣ и войнѣ занималъ всѣхъ, сильно без-

---

[1]) Энгельгардтъ, 96.
[2]) „Р. Архивъ“, 1882, I. 164.
[3]) „Р. Старина“, XIV. 247—248.
[4]) „Р. Архивъ“, 1881, II. 17—23.

покоило императрицу, старавшуюся скрывать свое волненіе. Она все еще надѣялась на выздоровленіе князя. Въ ея письмѣ къ Гримму отъ 1 сентября сказано: „Князь Потемкинъ пишетъ, что миръ съ султаномъ будетъ въ скоромъ времени подписанъ. Онъ былъ очень боленъ, но 24 августа ему было уже гораздо легче: я нарочно ставлю число, чтобъ вы не вѣрили ложнымъ слухамъ“ [1]).

31 августа Завадовскій писалъ къ С. Р. Воронцову, что Безбородко считалъ положеніе Потемкина отчаяннымъ. „Энгельгардтъ пишетъ“,—сказано въ письмѣ Завадовскаго,—„что онъ (Потемкинъ) имѣетъ припадокъ лихорадочный, ничего не принимаетъ и никого не слушаетъ, потому (Энгельгардтъ) и просилъ Браницкую, чтобъ пріѣхала его на медицину уговаривать, считая, что долгъ родства и благодарности къ тому ее обязываетъ. . Князь будетъ или есть по прежнему здоровъ; а мы только доказательство имѣемъ, противъ чаянія многихъ, сколько дорожатъ имъ. Нашъ пріятель (Безбородко) убитъ былъ таковымъ приключеніемъ, во мнѣніи, что лишается руки, его содержащей. Курьера другого еще нѣтъ; но я увѣренъ, что будетъ радостный“. Какъ мало Завадовскій предвидѣлъ кончину князя, видно изъ его письма къ С. Р. Воронцову отъ 24 сентября: „Князь занемогъ и переѣхалъ въ деревню, въ пяти верстахъ отъ Яссъ. Уже онъ выздоровѣлъ“. 11 октября Завадовскій писалъ: „Князь то боленъ, то выздоравливаетъ“ [2]).

Послѣ того, какъ графиня Браницкая, племянница Потемкина, поѣхала къ больному, императрица писала къ ней 16 сентября: „Тревожитъ меня болѣзнь дядюшки вашего, князя Григорія Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мнѣ, каковъ онъ, и постарайтесь, чтобъ онъ берегся какъ возможно отъ рецидивы, кои хуже всего, когда кто отъ болѣзни уже слабъ. Я знаю какъ онъ безпеченъ о своемъ здоровьѣ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 3 октября, говорится: „Изъ письма вашего отъ 27 сентября вижу я, что князю

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXII'. 555.
[2]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII. 70—73, 74.

есть полегче; но совсѣмъ тѣмъ я весьма безпокойна о его состояніи. Пожалуй, останься съ нимъ, а пуще всего, чтобъ во время продолжительнаго выздоровленія поберегся“ [1]).

О состояніи Потемкина въ сентябрѣ мы подробно узнаемъ изъ писемъ В. С. Попова къ Екатеринѣ и къ А. А. Безбородкѣ. Въ письмѣ къ послѣднему отъ 24 августа 1791 г. сказано о „жестокой“ и „мучительной болѣзни“ князя, что это была „желчная горячка“. А далѣе Поповъ пишетъ: „Слава Богу, что князь, убѣжденный нашими просьбами, принялъ лекарство, которое много помогло. Одинъ только сильный и долговременный пароксизмъ былъ послѣ сего лекарства, но потомъ становились они легче и оставили токмо по себѣ крайнюю слабость, которая до сихъ поръ держитъ его свѣтлость въ постелѣ, но не препятствуетъ уже теченію дѣлъ, хотя то и стоитъ его свѣтлости труда“ [2]). Поповъ писалъ 6 сентября („въ загородномъ домѣ при Яссахъ“) императрицѣ: „Съ 3-го дня сего мѣсяца показался опять жаръ, и его свѣтлость проводилъ ночь въ безпрестанной тоскѣ, которая и въ слѣдующій день продолжалась; въ ночь на 5 число князь не могъ тоже уснуть: жаръ и тоска мучили его несказанно до самаго полдня. Всемилостивѣйшее письмо вашего императорскаго величества и милосердое въ ономъ соболѣзнованіе тронули его свѣтлость до слезъ, и сіе много подѣйствовало; жаръ началъ умаляться... Доктора Тиманъ, Массотъ и штабъ-лекарь Санковскій поперемѣнно не оставляютъ его свѣтлость ни на минуту. Они приписываютъ продолженіе болѣзни бывшимъ несноснымъ жарамъ, а болѣе накопившейся желчи. Для того и стараемся мы удалить все то, что̀ только можетъ дать поводъ къ огорченію его свѣтлости, весьма для него въ настоящемъ положеніи опасному. Не безвредна также для его свѣтлости и забота его чрезвычайная по долгу службы: всякій день по утру занимается князь слушаніемъ отвсюду вступающихъ дѣлъ, не въ состояніи будучи самъ читать, приказываетъ по онымъ разныя исполненія и когда только мо-

---

[1]) „Архивъ кн. Воронцова“, XXV. 467.
[2]) Изъ собранія копій писемъ Потемкина и Попова.

жетъ приподняться, то подписываетъ нужныя бумаги, хотя весьма слабою рукою". Къ Безбородкѣ Поповъ писалъ 16 сентября: „Его свѣтлость, освободясь отъ болѣзни, не можетъ еще освободиться отъ своей слабости, и притомъ много терпитъ отъ стрѣлянія въ ушахъ. Дня съ три сбирался онъ съ силами, чтобъ отмѣтить на спискахъ рекомендованныхъ за Мачинское и Анапское дѣло мнѣніе свое о ихъ награжденіи, но не былъ въ состояніи того исполнить, такъ какъ и положить на бумагѣ всѣ свои переговоры и сношенія съ визиремъ, и такъ отложилъ, пока силы его укрѣпятся". 21 сентября: „Князь опять занемогъ. Лихорадка мучила его третьяго дня жесточайшимъ образомъ, такъ что его свѣтлость до сихъ поръ не встаетъ съ постели. Если сія лихорадка сдѣлается четвородневною, то для его свѣтлости будетъ весьма несносна, и тѣмъ болѣе, что для изгнанія ея нужно будетъ принимать лекарства, до коихъ князь весьма неохотливъ". 25 сентября изъ Яссъ Поповъ писалъ къ Екатеринѣ: „Отъ 21 сентября до нынѣшняго дня князь подверженъ былъ беспрестаннымъ и жестокимъ страданіямъ. Всѣ признаки открывали тяжкую и мучительную болѣзнь. Горестныя его стенанія сокрушали всѣхъ окружающихъ его Когда только боли унимались, то его свѣтлость начиналъ говорить о безнадежности своей жизни и со всѣми прощался, не внемля никакимъ нашимъ вопреки сего увѣреніямъ. Всѣ наличные здѣсь доктора держали консиліумъ о болѣзни его свѣтлости и о способахъ къ его врачеванію и согласно положили давать его свѣтлости хину, которую онъ уже и принимаетъ". 27 сентября: „Состояніе свѣтлѣйшаго князя, слава Богу, перемѣнилось въ лучшее... и самъ князь пересталъ уже говорить о смерти. Сегодня въ 12-мъ часу его свѣтлость пріобщился Святыхъ Таинъ и послѣ того сталъ довольно веселъ. Много принесло его свѣтлости радости и удовольствія полученіе вчера всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества письма и въ ономъ шубки и шлафрока. При напоминаніи вашего величества имени всегда льются обильныя слезы изъ глазъ его. Крайняя слабость послѣ претерпѣнныхъ мученій не позво-

лила много писать къ вашему и. величеству; но я надѣюсь, что съ первымъ курьеромъ его свѣтлость напишетъ болѣе“ [1]) 2 октября Поповъ писалъ: „30-е число, день рожденія и имянинъ его свѣтлости, всѣ окружающіе его старались утѣшать его разными опытами усердія своего; нѣсколько разъ вспоминалъ онъ священное вашего императорскаго величества имя и горько плакалъ, воображая, что, можетъ быть, не будетъ имѣть счастія ваше и. величество увидѣть... Я просилъ его свѣтлость убѣдительнѣйшимъ образомъ о принятіи хины, но ничто не можетъ преодолѣть совершеннаго его отъ нея отвращенія и, кажется, болѣзнь умножается при воспоминаніи о лекарствѣ. Теперь желаетъ его свѣтлость, чтобъ везли его отсюда въ здоровѣйшее мѣсто, но я не знаю, какъ тронуться ему отсюда, когда всѣ силы его изнурены до крайности“ [2]).

Изъ этихъ писемъ Попова видно, какъ сильно и благотворно дѣйствовали на князя Потемкина въ послѣдніе дни его жизни письма Екатерины. Въ свою очередь императрица была въ глубокой печали при полученіи столь неотрадныхъ извѣстій о состояніи здоровья князя. Храповицкій писалъ 16 сентября: „Курьеръ отъ князя Потемкина: къ нему опять пришла лихорадка“. 3 октября: „Два курьера, что князь Потемкинъ былъ опасно боленъ, и теперь еще лихорадка продолжается; онъ пріобщенъ Св. Таинъ. Прислано описаніе болѣзни отъ Массо и Тимана. Слезы“. 11 октября: „Въ обѣдъ пріѣхалъ курьеръ, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы“.

Къ Безбородкѣ Поповъ писалъ 2-го октября: „Заботы наши о его свѣтлости все еще продолжаются. Въ прошедшую ночь сдѣлавшійся ему обморокъ много нанесъ безпокойства. Теперь, слава Богу, онъ спокоенъ, много говорилъ о дѣлахъ и непремѣнное положилъ намѣреніе отсюда удалиться. Мѣсто

---

[1]) Въ письмѣ къ Безбородкѣ отъ 27 же сентября Поповъ проситъ прислать для князя морошки, замѣчая: „Намъ весьма пріятно было услышать сіе желаніе Его Свѣтлости, ибо оно было первое послѣ жестокой болѣзни“.

[2]) „Р. Архивъ“ 1878. I, 20—22.

всѣхъ здоровѣе считаетъ его свѣтлость въ Николаевѣ, что̀ по Бугѣ, и одна мысль сей перемѣны примѣтно его утѣшаетъ“. Въ письмѣ отъ 4 октября сказано уже, что доктора потеряли надежду [1]). Подробнѣе въ тотъ же день Поповъ писалъ императрицѣ: „На 3-е число сего мѣсяца его свѣтлость проводилъ всю ночь и до девяти часовъ утра въ такомъ состояніи, которое приводило въ отчаяніе всѣхъ медиковъ. Девять часовъ не находили они пульса. Его свѣтлость не узналъ людей; руки его и ноги были холодны какъ ледъ, и цвѣтъ лица весьма измѣнился. Не взирая на слабость, его свѣтлость непремѣнно требовалъ, чтобъ везли его отсюда. На 4 число его свѣтлость проводилъ ночь довольно покойно, и хотя сна совсѣмъ почти не было, но не было и тоски. Какъ выѣздъ изъ Яссъ назначенъ былъ поутру, то князь поминутно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва только разсвѣтало, то, не смотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его нѣсколько часовъ, пока бы разошелся бывшій тогда густой туманъ. Его свѣтлость приказалъ положить себя въ большія кресла и на оныхъ снести къ шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ великимъ трудомъ и положили. Тутъ князь подписалъ письмо къ вашему императорскому величеству и въ 8 часовъ пополуночи пустился въ путь свой къ Николаеву. Съ его свѣтлостью поѣхали, но въ другихъ экипажахъ: графиня Александра Васильевна Браницкая, генералъ-поручикъ Голицынъ, генералъ-маіоръ Львовъ и оберъ-кригскоммиссаръ Фалѣевъ, доктора Тиманъ и Массотъ и штабъ-лекарь Санковскій. Всю дорогу ѣхали тихо и въ два часа пополудни прибыли благополучно на первый ночлегъ въ село Пунчешты, въ 30 верстахъ отсюда; доктора удивляются крѣпости, съ которою его свѣтлость совершилъ переѣздъ свой. Они нашли у него пульсъ лучше и гораздо болѣе свѣжести въ лицѣ; жаловался только, что очень усталъ. Есть-ли его свѣтлость слѣдующую ночь проведетъ спокойно, то мы увѣрены о скоромъ его выздоровленіи въ Николаевѣ,

---

[1]) Изъ собранія копій г. Шубинскаго.

тѣмъ паче, что его свѣтлость воспріялъ несомнѣнную въ томъ надежду, и сія надежда сильно въ немъ дѣйствуетъ“.

Поповъ упоминаетъ о письмѣ Потемкина къ императрицѣ. Вотъ оно.

„4 октября 1791. Яссы“.

(Чужою рукою [1]): „Матушка, всемилостивѣйшая Государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мои мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною“.

(Женскою рукою [2]): „Вѣчный и благодарный подданный“.

(Рукою князя Потемкина): „Я для спасенія уѣзжаю“ [3]).

Послѣднее письмо Екатерины, дошедшее до князя, отъ 16-го сентября, свидѣтельствовало о сильномъ безпокойствѣ и объ искреннемъ расположеніи къ князю. „Другъ мой сердечный“, писала императрица, „твои письма отъ 29-го августа и 6-го сентября мною получены; первое меня много обрадовало, ибо видѣла, что тебѣ было легче, а другое паки во мнѣ умножило безпокойство, видя, что четверы сутки ты имѣлъ непрерывный жаръ и боль въ головѣ. Прошу Бога, да подкрѣпитъ силы твои; не сумнѣваюсь, что по дѣламъ все пойдетъ; но каково больному дѣла, я по себѣ знаю“. Въ припискѣ сказано: „Платонъ Александровичъ благодаритъ за поклонъ и самъ къ тебѣ напишетъ“. Письма Екатерины отъ 30 сентября и 3 октября уже не застали князя въ живыхъ. Тутъ было сказано: „Всекрайне меня безпокоитъ твоя болѣзнь. Христа-ради, ежели нужно, пріими, что̀ тебѣ облегченіе, по разсужденію докторовъ, дать можетъ; да принявъ, прошу уже и беречь себя отъ пищи и питья, лекарству противныхъ... Платонъ Александровичъ тебя благодаритъ за поклонъ и весьма тужитъ о твоемъ состояніи. Съ имянинами тебя поздравляю и посылаю шубейку“. 3 октября: „Письма

---

[1]) Въ изданіи этого письма въ „Р. Старинѣ“, XVII, 852, сказано, что это писано рукою Попова.

[2]) Очевидно, писано рукою графини Браницкой.

[3]) Такъ „Р. Архивъ“ 1878. I, 25. Въ „Р. Старинѣ“ рукою Потемкина: „Одно спасеніе уѣхать“.

твои крайне меня безпокоятъ, хотя вижу, что послѣднія три строки немного получше написаны и доктора увѣряютъ, что тебѣ получше“.

Въ письмахъ къ Попову Екатерина благодарила его за подробныя извѣстія и просила писать почаще. „Кажется, доктора все дѣлаютъ, что могутъ“,—сказано въ письмѣ отъ 3 октября:—„пуще всего, что узнали чѣмъ боленъ“ [1]).

5-го октября Поповъ писалъ Екатеринѣ: „Ударъ совершился, всемилостивѣйшая государыня! Свѣтлѣйшаго князя нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Поутру онъ сдѣлался очень слабъ, но приказалъ скорѣе ѣхать; наконецъ, не доѣзжая большой горы, верстахъ въ 40 отъ Яссъ, такъ ослабѣлъ, что принуждены были вынуть его изъ коляски и положить на степи. Тутъ и испустилъ онъ, къ горестнѣйшему нашему сожалѣнію, духъ свой“ [2]).

Въ письмѣ великой княгини къ ея родителямъ изъ Гатчины отъ 27 октября (7 ноября) 1791 г. сказано, что упрямство князя, неумѣренная пища и отвращеніе отъ хины были причиною кончины князя и что по мнѣнію докторовъ безъ этого его положеніе не сдѣлалось-бы столь опаснымъ [3]).

Самойловъ замѣчаетъ въ своей біографіи Потемкина: „Болѣзнь его увеличивалась сколько сама по себѣ, но болѣе отъ того, что онъ не только не берегъ себя, но даже какъ-бы нарочно изыскивалъ средство противъ выздоровленія своего, употребляя въ пищу самыя жирныя и докторами запрещенныя ѣствы; а въ то время, когда испарина и самый потъ приходили, онъ выливалъ на голову стклянокъ по десяти одеколонъ и былъ въ безпрерывномъ неудовольствіи духа“ [4]).

И въ разсказѣ Энгельгардта мы встрѣчаемъ замѣтку, что Потемкинъ „не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и, бу-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII, 202–204.

[2]) „Р. Архивъ“, 1878, I, 23.

[3]) „Cet homme extraordinaire est mort victime de son caprice... son opiniatreté l'a tué“. См. Schlossberger, Prinz Karl v. Württemberg (1770—1791). Stuttgart, 1889.

[4]) „Р. Архивъ“, 1867, стр. 1557 и 1558.

дучи въ жару, мочилъ себѣ голову холодною водою“ [1]). Баронъ Бюлеръ писалъ князю Голицыну въ Вѣну: „Послѣдняя болѣзнь его (Потемкина) была перемежающаяся лихорадка, которая сдѣлалась смертельною вслѣдствіе отвращенія его ко всѣмъ врачебнымъ пособіямъ“ [2]).

Любопытенъ разсказъ митрополита Іоны о послѣднихъ дняхъ жизни Потемкина: „По возвращеніи изъ Петербурга князь Потемкинъ тяжко заболѣлъ горячкою; 40 дней провелъ онъ въ такомъ состояніи и, не получивъ облегченія, отправился изъ Яссъ въ ближайшее село, принадлежащее молдавскому господарю Маврокордату; оно расположено среди садовъ на возвышенности и пользуется прекраснымъ климатомъ. Но и это не помогло князю. Преосвященный Амвросій и я навѣстили его и слезно умоляли беречь себя, принимать лекарства и воздерживаться отъ вредной пищи. „„Едва-ли я выздоровѣю““;—отвѣчалъ на это князь:—„„сколько уже времени, а облегченія нѣтъ какъ нѣтъ. Но да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты духовникъ мой,““ — продолжалъ онъ, „„обращаясь къ Амвросію, „„и вѣдаешь, что я никому не желалъ зла. Осчастливить человѣка—было цѣлью моихъ желаній““. Зарыдали мы отъ этой предсмертной рѣчи доблестнаго мужа. Вышедши, мы нашли въ гостиной генералъ-доктора, француза, отъ котораго узнали, что положеніе князя безнадежно, что никакихъ лекарствъ онъ не принимаетъ, а болѣзнь уже въ такомъ развитіи, что обыкновенное врачевство едва-ли поможетъ“ [3]).

Въ 1816 г. К. Ѳ. Кнорринтъ, какъ очевидецъ послѣднихъ часовъ жизни Потемкина, разсказывалъ слѣдующее: „При переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, князь назначилъ ночлегъ на пути у него, Кнорринга, тогда командира Таврическаго гренадерскаго полка, и прибылъ въ седьмомъ часу вечера. Приготовлена торжественная встрѣча, но изъ кареты у подъѣзда слышали нерадостный голосъ: „„жарко, душно!““ Но-

---

[1]) „Записки“, 97.
[2]) „Др. и нов. Россія“, 1875. III. 339—340.
[3]) „Зап. Од. Общ“, III. 559—560.

сился слухъ, что князь былъ не совсѣмъ здоровъ, но чтобы молва заключала въ себѣ что-либо немаловажное, то въ мысль никому не приходило. Вошедши въ домъ, онъ улегся на диванѣ и велѣлъ отворить окна, повторяя: „„жарко, душно!““ Ночь была тихая, лунная, свѣжая; что̀ докторъ ни дѣлалъ, что̀ ни подавали для прохлажденія, все ему было душно; метался, страдалъ. Не прежде десятаго часа докторъ сказалъ, что князь начиналъ успокоиваться и Богъ дастъ заснетъ. Спутники пошли ужинать къ нему, Кнорррингу. Выѣздъ назначенъ между семи и восьми часовъ утра. Можно ли было подумать, что это утро, этотъ день будетъ послѣдній день жизни знаменитаго? Между двухъ и трехъ часовъ ночи неожиданная тревога: экипажи поданы, князь выѣзжаетъ. Кто какъ успѣлъ пріодѣться со сна, такъ и отправились. Велѣно ѣхать шагомъ. За нѣсколько верстъ отъ ночлега разсвѣтало. Княжая карета остановилась. Выскочили мы“ — говорилъ Кнорррингъ, — „изъ экипажей и окружили карету. Больной держалъ въ дрожащихъ рукахъ св. икону, вездѣ и всегда его сопутницу, лобызалъ ее, обливалъ слезами, рыдалъ, взывая: „„Боже мой, Боже мой!““ Пожелалъ выйти изъ кареты и лечь на травѣ. Постлали коверъ, принесли подъ голову кожанную подушку, уложили его; ничего не говорилъ, стоналъ, казался однако же покойнѣе. Такъ онъ по желанію лежалъ на травѣ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Скоро затѣмъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Смерть и тогда еще никому изъ предстоявшихъ не пришла на мысль. Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отходитъ, и закрыть-бы глаза ему; искали по всѣмъ карманамъ импе-ріала; тотъ же казакъ подалъ мѣдный пятакъ, которымъ и сомкнули глаза покойному“ [1]).

Отецъ Э. И. Стогова, записки котораго недавно появились въ „Русской Старинѣ“, разсказывалъ сыну, что онъ въ минуту кончины князя Потемкина стоялъ въ ногахъ умирающаго. Князь говорилъ доктору будто: „Спаси меня; я полцарства дамъ тебѣ“. Докторъ поднесъ ему образъ и сказалъ:

[1]) Воспоминанія О. П. Лубяновскаго въ „Русск. Архивѣ, 1872. 105—106.

„Вотъ твое спасеніе“. Потемкинъ крѣпко прижалъ образъ и скончался [1]).

Нѣкоторыя данныя въ современномъ письмѣ изъ Яссъ отчасти дополняютъ эти разсказы, отчасти не соглашаются съ ними въ частностяхъ. Потемкинъ называлъ Яссы своимъ гробомъ, и когда пріѣхалъ туда Фалѣевъ, окончившій въ то время построеніе Николаева, онъ своими разсказами возбудилъ въ больномъ желаніе посѣтить возникавшій городъ. На первомъ ночлегѣ (значитъ у Кнорринга) онъ участвовалъ въ разговорѣ Фалѣева съ Браницкою „и былъ такъ веселъ, что просидѣлъ съ ними до 12-ти часовъ, говорилъ имъ, что онъ радъ, что гробъ свой въ Яссахъ оставилъ (??). Поминутно онъ спрашивалъ, скоро ли разсвѣтетъ; лишь только показался свѣтъ, онъ и велѣлъ заложить лошадей; однако-жъ всѣ ему говорили, что ихъ повели поить. Онъ примѣтилъ, что обманъ... нечего было дѣлать, повезли его; отъѣхавъ семь верстъ, онъ сказалъ: „„Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю“ выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ““. Его положили на траву. Онъ просилъ спирту, намочить онымъ голову, и, полежавъ болѣе трехъ четвертей часа, зѣвнувъ раза три, такъ покойно умеръ, какъ-будто свѣча, которая вдругъ погаснетъ безъ малѣйшаго вѣтра“. Авторъ письма замѣчаетъ: „Сіе я описываю тебѣ, какъ пересказывалъ мнѣ г. Фалѣевъ, который былъ при князѣ до послѣдняго вздоха“.

Поповъ писалъ графу Безбородко: „Я поручилъ г-ну Иванову написать изображеніе кончины его свѣтлости. Графиня Браницкая, бросаясь на него, старалась увѣрить себя и всѣхъ, что онъ еще живъ, старалась дыханіемъ своимъ согрѣть охладѣвшія уста. Всѣ окружающіе въ ужасѣ и отчаяніи воздымали руки и били себя въ перси. Картина сія, м. г., весьма будетъ жалостна“ [2]).

---

[1]) Русская Старина (1886), т. LII, стр. 85.

[2]) Гротъ, Державинъ I. 454. На мѣстѣ смерти Потемкина былъ поставленъ памятникъ, изображеніе котораго приложено къ „Вѣстнику Европы“, 1810 г., № 5. Близъ каменнаго столба, воздвигнутаго по желанію графини Браницкой, ею-же былъ выстроенъ домикъ, въ которомъ жилъ инвалидъ. См. также въ „Истор. Вѣстникѣ“ въ сентябрской книжкѣ статью Шубин-

Бантышъ-Каменскій, сообщая князю Куракину о кончинѣ Потемкина, замѣчаетъ: „По вскрытіи тѣла нашли, что гнилая горячка и молошница были“ [1]). Безбородко, по желанію Завадовскаго, сообщая ему подробности о болѣзни Потемкина, замѣтилъ: „Тутъ не было ничего особливаго, кромѣ самаго обыкновеннаго. Склонность его къ желчи при гемороидахъ, раздраженная разными непріятностями, въ послѣднюю его у насъ бытность случившимися, при сильномъ движеніи отъ непонятно-скорой дороги увеличила силу болѣзни... По обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался отъ пищи и не принималъ лекарствъ... Пріѣхавъ въ Чердакъ близъ Яссъ, съѣлъ онъ жаренаго цѣлаго гуся и впалъ въ рецидиву... Въ концѣ сентября онъ спрашивалъ у Браницкой, не въ опасности-ли? Она его ободряла, а тѣмъ и дала ему поводъ шутить съ своимъ здоровьемъ“. Дальше, разсказавъ о кончинѣ князя, Безбородко писалъ: „По вскрытіи тѣла его, найдено необычайное разлитіе желчи, даже что части ея, прильнувъ къ нѣкіимъ внутренностямъ, затвердѣли“ [2]). И въ письмѣ Ростопчина къ С. Р. Румянцову сказано, что Потемкинъ неумѣренностью и причудами усиливалъ болѣзнь, ѣлъ гусей и фрукты, обливалъ себя холодною водою и проч. [3]).

Сейчасъ послѣ кончины князя, трупъ Потемкина былъ привезенъ обратно въ Яссы. Сначала была рѣчь о погребеніи князя въ имѣніи Васильковѣ, въ Бѣлоруссіи [4]). Нѣсколько

скаго, стр. 623 и 627. Живописецъ Казанова нарисовалъ сепіей картину кончины Потемкина. См. о гравюрахъ, изображающихъ эту сцену, въ статьѣ барона Бюлера: „Черты изъ жизни князя Потемкина“, въ „Др. и нов. Россіи“, 1875. III. 340. Тамъ-же воспроизведеніе картины Казанова.

[1]) „Р. Архивъ“, 187. III. 269.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова“, XIII. 221 — 222. Въ соч „Potemkins Privatleben“ (Leipzig und Graz, 1793) сказано, что онъ умеръ „in Folge eines vernachlässigten Gallenfiebers“.

[3]) „Архивъ кн. Воронцова, VIII. 37—38. См. также „Minerva“, 1799. 432. Нелѣпый разсказъ въ запискахъ А. М. Тургенева (Р. Старина, 1886) LII. 261 — 262, будто Зубовъ („какъ всѣ утверждаютъ“ — !!) далъ князю ядъ и будто банкиръ Судерландъ, обѣдавшій съ княземъ вдвоемъ въ день отъѣзда, умеръ отъ этого же яда—не заслуживаетъ вниманія.

[4]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 106.

недѣль тѣло его простояло въ монастырѣ Голь, близъ Яссъ, гдѣ Безбородко, вскорѣ пріѣхавшій въ Яссы для окончанія переговоровъ о мирѣ, видѣлъ гробъ Потемкина [1]). Затѣмъ тѣло было перевезено въ Херсонъ. Разсказывали, что въ Яссахъ не менѣе 600 человѣкъ работали надъ приготовленіями къ похоронамъ князя [2]). При совершеніи надгробнаго пѣнія въ монастырѣ Голь, архіепископъ Амвросій произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Монархиня лишилась совѣтника, блюстителя, споспѣшника, друга“ [3]). Митрополитъ Іона, описывая подробно погребальную церемонію, происходившую въ Яссахъ, писалъ, что полки, разставленные по этому случаю въ двѣ шеренги, стояли прямою линіей, занимавшей болѣе пяти верстъ [4]). Подробности церемоній, происходившихъ въ Яссахъ, интересовали современниковъ. Бантышъ-Каменскій писалъ къ князю Куракину 26 ноября 1791 года: „Послалъ я къ вамъ планъ погребенія покойнаго князя; теперь посылаю описаніе, по которому все точно происходило“ [5]). Въ подробномъ описаніи церемоніи въ Яссахъ, составленномъ Энгельгардтомъ, какъ очевидцемъ, сказано, между прочимъ: „Горесть написана была на всѣхъ лицахъ, наипаче воины и молдавскіе бояре проливали слезы о потерѣ своего благодѣтеля и друга“ [6]).

Изъ Яссъ гробъ Потемкина былъ перевезенъ въ Херсонъ, гдѣ его поставили въ подпольномъ склепѣ внутри церкви Св. Екатерины; при этомъ случаѣ о немъ было сказано, что онъ „всюду побѣдоносецъ неимовѣрный, возродитель градовъ, искусный созидатель флотовъ, удивленіе Европы... Сіи два имени: Херсонско-Таврическій, Потемкинъ-Таврическій останутся навѣки въ нераздѣльномъ союзѣ. Князь

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, XIII, 213.
[2]) Гротъ, I, 454—455.
[3]) „Зап. Од. Общ.“, III, 563—564.
[4]) „Зап. Од. Общ.“, III, 561.
[5]) „Р. Архивъ“, 1876. III, 271.
[6]) „Записки Энгельгардта“, 100—105.

будетъ вѣчною славою тебѣ, а ты будешь вѣчною славою и памятникомъ князю“ [1]).

Гробъ съ тѣломъ Потемкина съ 23 ноября 1791 года простоялъ въ склепѣ, незасыпаннымъ землею, по 28 апрѣля 1798 года. Тутъ же находилась сначала и богато украшенная икона Спасителя, которою императрица благословила Потемкина въ 1774 году на Новороссійское генералъ-губернаторство. Предъ этою иконою иногда служили панихиды. Но въ 1793 году племянникъ Потемкина, графъ А. Н. Самойловъ, вытребовалъ икону.

Въ 1798 году императоръ Павелъ, узнавъ, что тѣло Потемкина стоитъ непреданнымъ землѣ, приказалъ, чтобы „все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало“. Это приказаніе было исполнено такимъ образомъ, что гробъ въ склепѣ, не выкапывая особой могилы, засыпали землею; входъ въ склепъ заложили камнемъ; наконецъ, сверху былъ настланъ деревянный полъ. Въ этой мѣрѣ видно желаніе ослабить память о Потемкинѣ, котораго императоръ Павелъ, бывши великимъ княземъ, не любилъ. Императрица Екатерина приказала, въ концѣ 1791 г., „въ память Потемкина заготовить грамату съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамату сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того жъ града помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль“. Памятникъ былъ воздвигнутъ въ томъ-же храмѣ, но въ 1798 году по приказанію Павла I уничтоженъ [2]). Въ указѣ сказано: „По разстройкѣ, въ которой оставлены дѣла княземъ Потемкинымъ, въ управленіи его бывшія, не-

---

[1]) См. рѣчь, сказанную при этомъ случаѣ викаріемъ Ѳеодосійскимъ Моисеемъ въ „Зап. Од. Общ.“, IX, стр. 391.

[2]) „Р. Старина“, XIV, 262—263.

прилично быть монументу, въ память его воздвигнутому, и для того сооруженный отъ казны въ городѣ Херсонѣ повелѣваемъ уничтожить“ [1]). За то очень скоро послѣ кончины Павла, а именно 17 сентября 1801 г. именнымъ указомъ императора Александра I было разрѣшено графу Самойлову и прочимъ родственникамъ князя Потемкина соорудить памятникъ въ Херсонѣ и далѣе устроить домъ призрѣнія для престарѣлыхъ матросовъ. При этомъ было указано на заслуги Потемкина и на указъ Екатерины о воздвиженіи памятника князя въ Херсонѣ [2]). Однако не раньше какъ въ 1836 году въ херсонскомъ городскомъ саду была сооружена на повсемѣстный сборъ въ Россіи статуя. Въ 1873 году херсонское земство повѣсило въ церкви въ память Потемкина небольшую мраморную доску на средства, собранныя по подпискѣ.

Засыпаніе склепа, въ которомъ находились останки князя, породило молву, будто-бы тѣло Потемкина вынуто изъ склепа и зарыто безслѣдно гдѣ-то во рву, въ Херсонской крѣпости. Молва оказалась лишенною основанія. Ночью 4 іюля 1818 года, архіепископъ Іовъ, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, поднявъ церковный полъ, проломалъ сводъ склепа и, вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи тѣла въ гробу. Въ 1859 году пять лицъ спустились чрезъ проломину въ склепъ, вынули изъ развалившагося гроба, засыпаннаго землею, черепъ и нѣкоторыя кости, вложили все это въ особый ящикъ съ задвижкою и оставили въ склепѣ. Наконецъ, въ 1873 году Одесское общество исторіи и древностей рѣшило болѣе точно изслѣдовать состояніе могилы Потемкина. Особая ученая комиссія, во главѣ которой находился Н. Мурзакевичъ, отправилась въ Херсонъ и 19 августа 1874 года исполнила возложенную на нее задачу. Нашли ящикъ, въ которомъ лежалъ черепъ съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны клочки темнорусыхъ

---

[1]) См. статью Бороздина: „Къ характеристикѣ Павла I“, въ Историческомъ Вѣстникѣ 1888 г., т. XXXII, стр. 654.

[2]) П. С. З., т. XXVI, № 20,017.

волосъ; кромѣ того въ ящикѣ лежало нѣсколько костей. Далѣе нашли въ склепѣ части деревяннаго и свинцоваго гробовъ, куски золотого позумента, серебряныя гробовыя скобы и три шитыя канителью орденскія звѣзды первой степени: Андрея, Владиміра и Георгія. Нѣтъ сомнѣнія, что все это принадлежало могилѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго [1]).

---

[1]) См. „Зап. Од. Общ.“, IX, 390—396. Уже прежде вопросъ о могилѣ Потемкина неоднократно бывалъ изслѣдуемъ. Особенно замѣчательна статья Шугурова „Гробница князя Потемкина“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года, стр. 203 — 218 и дополненія къ этой статьѣ, 1181—1184. — Далѣе статья И. Андреевскаго „О мѣстѣ погребенія Потемкина“ въ „Зап. Од. Общ.“ V, 1006 — 1110. Краткія замѣтки въ „Др. и нов. Россіи“ 1875, III, 343; 1877, III. 283 и 1878, III, 80.

XI.

Оцѣнка личности Потемкина.

О впечатлѣніи, произведенномъ кончиною Потемкина, мы узнаемъ довольно подробно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ дневникѣ Храповицкаго сказано 12 октября: „Курьеръ къ пяти часамъ пополудни, что Потемкинъ умеръ... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустили кровь; въ 10 часовъ легли въ постель“. 13 октября: „Проснулись въ огорченіи и слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться“ (слова Екатерины).

Въ эту-же ночь императрица въ своемъ горѣ искала утѣшенія въ письменной бесѣдѣ со своимъ другомъ, бароном Гриммомъ. Она писала ему въ $2^1/_2$ часа утра: „Страшный ударъ разразился надъ моей головою. Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврическій, умеръ въ Молдавіи, отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его всегда были направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли; какой онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать словцо кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя дарованія: вездѣ была ему удача и на сушѣ, и на морѣ. Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удиви-

тельно умѣлъ управлять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственнымъ человѣкомъ: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ и выполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если, по его мнѣнію, дѣло было сдѣлано не такъ, какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣхалъ сюда, три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна, и что въ немъ незамѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ, и вотъ, къ несчастію, мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что́ былъ въ состояніи сдѣлать". 22 октября она писала Гримму-же: „Князь Потемкинъ своею смертью съигралъ со мною злую шутку. Теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ одной". 12 декабря: „Дѣла идутъ тѣмъ-же порядкомъ, не смотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту-же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что нужно родиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, а конецъ нынѣшняго столѣтія не представляетъ геніальныхъ людей" [1]). Марія Ѳеодоровна писала къ своимъ родителямъ: „Императрица была такъ поражена (кончиною князя), что нужно было пустить ей кровь; слава Богу, она здорова" [2]).

Къ Попову императрица писала на другой день послѣ полученія „рокового извѣстія": „Сколько поразила меня вѣсть о кончинѣ князя, вы сами то судить можете, знавъ мои къ нему расположеніе и признательность къ его горячему ко мнѣ усердію и многимъ важнымъ заслугамъ, которыхъ я не

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.", XXIII, 561, 564.

[2]) Schlossberger, Prinz Karl v. Württemberg. Stuttgart, 1889.

забуду“ [1]). И Самойлову, и графинѣ Браницкой Екатерина писала о „нашей общей печали“ [2]). Въ Москвѣ говорили о томъ, въ какой мѣрѣ императрица была потрясена кончиною Потемкина [3]). Въ Петербургѣ разсказывали, что Екатерина была при смерти вслѣдствіе отчаянія при полученіи этого извѣстія; что съ нею были три обморока [4]). Въ дневникѣ Храповицкаго сказано 16 октября: „Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: „Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить? Все будетъ не то... Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ; его нельзя было купить“. Въ письмѣ къ принцу Нассау-Зигенъ Екатерина сказала о Потемкинѣ (21 октября): „Онъ былъ моимъ любезнымъ другомъ, моимъ питомцемъ; онъ былъ геніальнымъ человѣкомъ; онъ дѣлалъ добро своимъ недоброжелателямъ и этимъ ихъ обезоруживалъ“ [5]).

Графъ Эстергази писалъ къ своей женѣ около этого времени: „Со смерти Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа не было; она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ“ [6]).

Изъ множества писемъ Екатерины къ Потемкину мы знаемъ, какъ высоко императрица цѣнила въ немъ не только друга, принимавшаго участіе во всемъ, что̀ занимало ее, но и сотрудника, дѣятельно помогавшаго ей при управленіи дѣлами, при рѣшеніи разныхъ задачъ административнаго управленія и политики. Часто повторявшееся во время отсутствія князя выраженіе: „я безъ тебя, какъ безъ рукъ“ — не было пустою фразою, какъ видно изъ подробностей о текущихъ дѣлахъ въ перепискѣ императрицы съ княземъ. Позднѣйшіе историки, утверждавшіе, что подчиненіе императрицы вліянію князя было чрезвычайно вредно, жестоко ошибались. Блюмъ, основывавшій свое мнѣніе о Потемкинѣ и Екатеринѣ на от-

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XLII. 203.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1878. III, 243 и „Архивъ князя Воронцова“, XXV, 467.

[3]) Письмо Бантышъ-Каменскаго въ „Русскомъ Архивѣ“, 1876. III, 269.

[4]) Masson, „Mémoires secrets“, I. 153.

[5]) „Дневникъ Храповицкаго“, 21 окт. 1791 г.

[6]) „Восемнадцатый вѣкъ“, I, 424.

зывахъ писателей-памфлетистовъ, замѣчаетъ, что первая половина царствованія Екатерины, а также и ея самостоятельность оканчивается въ 1778 году, что затѣмъ настало будто царствованіе Потемкина, „князя тьмы“ [1]). Такой отзывъ не соотвѣтствуетъ фактамъ. Впрочемъ, и Державинъ, восхвалявшій „Фелицу“, обвиняетъ Екатерину въ томъ, что она „угождала своимъ любимцамъ“, и говоритъ по этому поводу: „Когда же (она) привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скипетру новыхъ царствъ“ [2]). Очевидно, Державинъ тутъ приписываетъ Потемкину вредное вліяніе на императрицу. Гельбигъ писалъ въ 1790 году, что Екатерина боится рѣшить какое-либо важное дѣло, не спросивши князя [3]). Въ 1792 году В. С. Поповъ при дворѣ занималъ очень важное мѣсто и оказывалъ сильное вліяніе на дѣла; Ростопчинъ объяснялъ важную роль правителя канцеляріи Потемкина тѣмъ, что Поповъ поддерживалъ дѣлаемыя имъ предложенія указаніемъ на то, что они соотвѣтствуютъ соображеніямъ покойнаго князя [4]). Другіе сановники завидовали Потемкину, пользовавшемуся безусловнымъ довѣріемъ императрицы. Когда Безбородко, вскорѣ послѣ кончины князя на югѣ, велъ переговоры о мирѣ, онъ писалъ графу А. Р. Воронцову: „Дайте мнѣ знать искренно, довольны-ли моими дѣлами, или уже теперь жребій всякаго, что никто такъ не угодитъ какъ покойникъ, который все одинъ зналъ и умѣлъ“ [5]).

Современники часто думали, что Екатерина сильно боялась Потемкина, и этимъ главнымъ образомъ объясняли важную роль, которую игралъ князь. Саксонскій дипломатъ Фёлькерзамъ въ образѣ дѣйствій Екатерины, оказавшей по-

---

[1]) Въ романѣ „Pansalvin“ Потемкинъ названъ „der Fürst der Finsterniss“, см. Blum „Ein russischer Staatsmann“, II, 258.

[2] Гротъ, „Державинъ“, VI, 701.

[3] Herrmann, „Ergänzungsband“, 102.

„Архивъ кн. Воронцова“, VIII, 60.

[5]) „Архивъ кн. Воронцова“, XIII, 232.

кровительство всѣмъ приверженцамъ Потемкина послѣ его кончины, не безъ основанія видѣлъ доказательство того, что императрица не столько по боязни, сколько въ силу истинной привязанности снисходительно относилась къ причудамъ князя и давала просторъ его дѣятельности [1]). Не удивительно поэтому, что смерть Потемкина, какъ писалъ Державинъ, „поразила какъ громомъ императрицу, которая чрезвычайно о семъ присноименномъ талантами и слабостями вельможѣ соболѣзновала“ [2]). Завадовскій писалъ въ маѣ 1792 года о Потемкинѣ: „Его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде“ [3]). Напрасно нѣкоторые писатели полагали, что императрица во время послѣдняго пребыванія Потемкина въ столицѣ совсѣмъ разлюбила его и пожелала окончательно избавиться отъ него [4]); сознавая его слабости и даже допуская, что нерѣшительность Потемкина иногда мѣшала успѣху ея предпріятій, напр. препятствовала занятію Константинополя [5]), императрица и послѣ кончины князя не переставала уважать въ немъ умнаго дѣльца и безусловно преданнаго друга.

Скорбь императрицы о Потемкинѣ была искренна и глубока. Но лица, окружавшія ее, при этомъ случаѣ не раздѣляли ея чувствъ. Сообщая о печали Екатерины, графъ Эстергази замѣчаетъ: „Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобъ всѣ были слишкомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса“ [6]). Ростопчинъ писалъ С. Р. Воронцову: „Здѣсь всѣ прикидываются печальными; однако никто не скорбѣетъ“ [7]). Въ другомъ письмѣ: „Смерть

[1]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 108.

[2]) Державинъ, VI, 625.

[3]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII, 79.

[4]) Такъ напр. Блюмъ (Ein russicher Staatsmann II, 539) пишетъ: „Sie warf ihn über Bord“.

[5]) Ростопчинъ писалъ Воронцову въ 1794 году: „Elle accuse même quelquefois le prince Potemkine de n'avoir pas exécuté son projet et d'avoir manqué de bonne volonté, car il ne fallait que cela. Voilà ses expressions“. „Архивъ кн. Воронцова“, XXIV, 261. Сравн. Vie de Potemkine, Paris, 1808, стр. 62.

[6]) „Восемнадцатый вѣкъ“, I, 424.

[7]) On joue l'affliction, et personne ne songe au sérieux.

совершила свой удачный ударъ [1]). Великій мужъ исчезъ; объ немъ сожалѣютъ, кромѣ разочарованныхъ лицъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ, развѣ только гренадеры его полка, которые, лишаясь его, лишились привилегіи воровать безнаказанно. Что касается меня, то я восхищаюсь тѣмъ, что день его смерти положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія Родосскаго колосса“.—„Чудеснѣе всего“,—писалъ Ростопчинъ въ концѣ декабря 1791 года,—„что онъ (Потемкинъ) забытъ совершенно. Грядущія поколѣнія не благословятъ его память. Онъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ изъ добра дѣлать зло и внушать къ себѣ ненависть“ [2]).

Бантышъ-Каменскій писалъ изъ Москвы къ князю Куракину 12 ноября 1791 года: „Не всѣ такъ думаютъ о покойникѣ, какъ вы. Многіе уже злословить начинаютъ. Но о мертвомъ лучше что-нибудь хорошее или ничего не говорить“ [3]). Узнавъ о кончинѣ Потемкина, Я. Сиверсъ, бывшій новгородскій губернаторъ, проживавшій тогда въ своемъ имѣніи въ Лифляндіи, писалъ къ одному родственнику: „Такъ его нѣтъ болѣе въ живыхъ, этого ужаснаго человѣка, который шутилъ когда-то, что станетъ монахомъ и архіепископомъ. Онъ умеръ; но какимъ образомъ? естественною ли смертью? или, быть можетъ, Провидѣніе нашло орудіе мести? или это была молдаванская горячка?—даръ страны, которую онъ повергъ въ несчастіе и надъ которою онъ хотѣлъ царствовать“ [4]). Ростопчинъ сильно сожалѣлъ въ 1792 году о томъ, что Поповъ, орудіе Потемкина, имѣлъ вліяніе на дѣла, „отдавая отчетъ о предначертаніяхъ Потемкина“. „Память князя“ — писалъ Ростопчинъ,—„хотя и ненавистная всѣмъ, имѣетъ еще сильное вліяніе на мнѣніе двора; къ нему нельзя примѣнить пословицу: morta la bestia, morte il venino (sic)“ [5]).

---

[1]) La mort a frappé un superbe coup.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова“, VIII, 38, 41, 44.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1876. III, 270.

[4]) „Der fürchterliche Mann...“ „Hat die Vorsehung eine rächende Hand getunden?“ Blum, II, 541.

[5]) У мертвой змѣи не остается яда. См. „Архивъ кн. Воронцова“, VIII, 53.

Завадовскій писалъ въ 1795 году: „Память о князѣ Потемкинѣ проходитъ, такъ какъ всѣ слѣды большихъ матадоровъ время заглаждаетъ“ [1]). Въ минуту кончины его, это событіе казалось важнымъ. Многіе, считавшіе Потемкина препятствіемъ мира, радовались смерти его. Безбородко писалъ къ Завадовскому: „Когда было получено извѣстіе о смерти покойника, то въ Константинополѣ подлецы наши, европейскіе министры, не выключая и Герберта, послали своихъ драгомановъ къ Портѣ съ извѣстіемъ, что они сіе происшествіе пріемлютъ за доброе предзнаменованіе къ миру“ [2]). Болотовъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ“, что кончина Потемкина „поразила всю Россію не столько огорченіемъ, сколько радостью“ [3]). Особенно обрадовался смерти князя польскій король Станиславъ-Августъ, ожидавшій особенно враждебныхъ дѣйствій со стороны Потемкина противъ Польши по поводу государственнаго переворота 3-го мая 1791 года [4]).

Изъ всего этого видно, сколь важнымъ событіемъ считалась современниками кончина Потемкина. Массонъ, находившійся въ то время въ Россіи, писалъ о Потемкинѣ и его значеніи: „Онъ создавалъ или уничтожалъ все; онъ приводилъ въ безпорядокъ все. Когда его не было, всѣ говорили лишь о немъ; когда онъ находился въ столицѣ, никого не замѣчали кромѣ его. Вельможи, его ненавидѣвшіе и игравшіе нѣкоторую роль развѣ только въ то время, когда князь находился при арміи, обращались въ ничто при его возвращеніи... Его кончина оставила громадный пробѣлъ въ имперіи“ [5]).

Въ противоположность къ искренней скорби Екатерины по случаю смерти князя ея ближайшіе родственники были обрадованы извѣстіемъ объ этомъ событіи.

Нѣтъ возможности проконтролировать разсказы въ донесеніяхъ дипломатовъ, но довольно вѣроятно, что сынъ и внуки

---

[1]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII, 146.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова“, XIII, 218.

[3]) „Записки Болотова“.

[4]) „Minerva“, 1800. IV, 543 — 544. Гельбигъ полагаетъ, что король ошибался.

[5]) Masson, „Mémoires secrets“, I, 151.

Екатерины иначе смотрѣли на Потемкина, чѣмъ сама императрица. Мы не знаемъ, какъ было принято Павломъ Петровичемъ извѣстіе о кончинѣ князя; но можно думать, что онъ не раздѣлялъ при этомъ случаѣ печали матери. Впрочемъ, многія замѣчанія современниковъ о страшномъ антагонизмѣ, якобы существовавшемъ между Павломъ Петровичемъ и княземъ Потемкинымъ, могутъ считаться, если не лишенными основанія, то по крайней мѣрѣ сильно преувеличенными. Гельбигъ разсказываетъ, что Потемкинъ не переставалъ обращать вниманіе Екатерины на опасность, грозившую ей со стороны сына, и на необходимость принятія мѣръ противъ лицъ, окружавшихъ великаго князя [1]). Въ 1781 году, когда Павелъ путешествовалъ заграницею, онъ получалъ отъ Бибикова письма, въ которыхъ заключались неблагопріятные отзывы о князѣ, и объ этомъ узнали Екатерина и Потемкинъ [2]). Въ средѣ иностранцевъ ходили разные слухи объ интригахъ Потемкина, будто бы совѣтовавшаго Екатеринѣ всячески удалять великаго князя отъ войскъ. Разсказывали, что великій князь, благодаря кознямъ Потемкина, игралъ ничтожно-скромную роль во время путешествія Екатерины по южной Россіи въ 1787 году, что императрица, по совѣту же Потемкина, не дозволила сыну участвовать въ турецкой войнѣ [3]) и т. под. Всѣ эти разсказы, основанные на слухахъ и сплетняхъ, не заслуживаютъ довѣрія и не подтверждаются болѣе солидными источниками. Зато изъ писемъ разныхъ лицъ мы узнаемъ, что между Потемкинымъ и великимъ княземъ существовали именно въ восьмидесятыхъ годахъ довольно благопріятныя отношенія. Неоднократно они обмѣнивались письмами [4]). Фицгербертъ въ 1786 году доносилъ своему правительству о расположеніи великаго князя къ Потемкину [5]). Къ концу этого же года относится переписка Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны съ Потемкинымъ по поводу путе-

---

[1]) „Minerva“, 1797. II, 454.
[2]) „Minerva“, 1797. IV, 121.
[3]) „Minerva“, 1798. I, 547; 1798. II, 293, III, 157.
[4]) См. письмо Турчанинова къ Потемкину въ „Зап. Одесск. Общ.“, IX. 239.
[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 134.

шествія Екатерины въ южную Россію. Тогда именно происходила нѣкоторая размолвка между императрицею и великокняжескою четою, которая при этомъ случаѣ, такъ сказать, прибѣгла къ защитѣ князя. Письма эти свидѣтельствуютъ скорѣе о взаимномъ довѣріи, нежели о враждебныхъ или натянутыхъ отношеніяхъ между Потемкинымъ и великимъ княземъ [1]). Какъ видно изъ писемъ Гарновскаго, великая княгиня и въ 1788 и въ 1789 годахъ неоднократно въ благосклонномъ тонѣ говорила о Потемкинѣ, спрашивала о состояніи его здоровья и пр. [2]). Въ 1790 году Потемкинъ великокняжескую чету обрадовалъ отправленіемъ къ ней въ подарокъ партіи „левантскаго кофе“ [3]). Во время послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ Потемкинъ неоднократно бывалъ въ гостяхъ у великокняжеской четы, интересуясь особенно художественными занятіями Маріи Ѳеодоровны [4]).

Сообщая своимъ родителямъ о кончинѣ Потемкина, Марія Ѳеодоровна замѣчаетъ: „Карьера этого необыкновеннаго человѣка была блестящею; умъ и способности его были громадны (des plus grandes), и думаю, что трудно или пожалуй даже невозможно начертить его портретъ. Онъ составилъ счастье многихъ людей; но общее мнѣніе не было расположено въ его пользу. Что касается лично до меня, то я могу лишь хвалить его (je ne puis que m'en louer); онъ всегда старался поддерживать мои интересы, исполнять мои желанія, нравиться мнѣ и обращался со мною съ почтеніемъ“ [5]).

При всемъ томъ, однако, можно считать вѣроятнымъ, что Павелъ не любилъ Потемкина. Князь игралъ важнѣйшую роль при дворѣ и въ дѣлахъ; великій князь, напротивъ, не имѣлъ никакого значенія. Массонъ писалъ, что въ 1791 г., во время пребыванія Потемкина въ С.-Петербургѣ, онъ показывалъ видъ, что едва замѣчаетъ „маленькаго Павла“ [6]). Въ это же время

---

[1]) „Русская Старина“, VIII, 666—668.
[2]) „Зап. Одесск. Общ.“, VIII, 239. „Русская Старина“, XVI, 424.
[3]) „Русская Старина“, XVI, 427.
[4]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 104.
[5]) Schlossberger l. c.
[6]) Masson, „Mémoires secrets“, I, 151.

саксонскій дипломатъ Фёлькерзамъ доносилъ, что возлѣ знатнаго вельможи Павелъ Петровичъ казался совсѣмъ ничтожнымъ [1]). Понятно, что Павелъ не особенно благосклонно отзывался о Потемкинѣ. Разсказываютъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Однажды, скоро послѣ вступленія на престолъ, Павелъ, бесѣдуя съ В. С. Поповымъ, разговорился о Потемкинѣ, обвинялъ его въ разстройствѣ финансовъ и затѣмъ, постепенно возвышая голосъ, трижды поставилъ вопросъ: „Какъ поправить все зло, которое Потемкинъ причинилъ Россіи?“ Вынужденный отвѣчать, Поповъ сказалъ: „Отдать туркамъ южный берегъ!“ Смѣлая выходка бывшаго правителя Потемкинской канцеляріи такъ взволновала государя, что онъ бросился за шпагою; Поповъ же между тѣмъ удалился изъ дворца. Онъ былъ сосланъ въ свое имѣніе Рѣшетиловку [2]). О нерасположеніи Павла къ памяти Потемкина свидѣтельствуютъ нѣкоторыя строгія цензурныя мѣры при изданіи Державинскихъ стихотвореній, въ которыхъ упоминалось о князѣ [3]), а также ссылка слугъ Потемкина [4]).

Удивительно разногласіе въ отношеніи къ Потемкину. При занятіи исторіей его жизни, ничто такъ рѣзко не бросается въ глаза, какъ привязанность къ нему Екатерины съ одной стороны и съ другой почти общая ненависть къ нему современниковъ. Императрица считала его дѣятельность въ высшей степени полезною, высоко цѣнила его сотрудничество въ дѣлахъ правленія; другіе-же, наоборотъ, жаловались на вредъ, причиняемый имъ Россіи. Екатерина уважала и любила въ немъ человѣка, не только чрезвычайно способнаго, но и симпатичнаго; другимъ онъ казался несноснымъ деспотомъ, причудливымъ баловнемъ, упрямымъ эгоистомъ. Чѣмъ

---

[1]) Der Thronfolger erscheint gegen den Fürsten Potemkin ganz klein. „Ergänzungsband“, 104.

[2]) „Древняя и новая Россія“, 1875. III, 346.

[3]) Въ одѣ „Побѣдителю“, сочиненной по случаю взятія Очакова, въ печатномъ изданіи выпущена послѣдняя строфа о величіи Потемкина. См. изд. Грота, I, 234—235.

[4]) Когда при этомъ случаѣ Секретаревъ, камердинеръ Потемкина, былъ отправленъ въ Сибирь, Павелъ сказалъ: „Это бывшій холопъ ея Алкивіада“. „Русская Старина“, XI, 154.

объяснить эту противоположность мнѣній, эти крайности въ сужденіяхъ о Потемкинѣ?

Во-первыхъ, тѣмъ, что князь стоялъ ниже Екатерины, выше всѣхъ другихъ. Потемкинъ былъ ученикомъ императрицы, зависѣлъ отъ нея. Онъ хотя иногда и сталкивался съ нею, но вообще долженъ былъ стараться угождать. Не имѣя возможности сдѣлаться опаснымъ для нея, уступая ей въ способностяхъ и въ силѣ воли, Потемкинъ легче могъ пользоваться ея расположеніемъ. Она оставалась императрицею, и его никогда не покидало убѣжденіе, что та самая государыня, которая обласкала его, осыпала милостями, доставила ему широкій кругъ дѣятельности, каждую минуту опять можетъ удалить его и отъ себя, и отъ дѣлъ, уничтожить его положеніе, превратить его въ ничто. Такая несамостоятельность князя въ отношеніи къ Екатеринѣ смягчала въ ея глазахъ нѣкоторыя изъ его неблагопріятныхъ качествъ. Совсѣмъ иначе относились къ нему всѣ другія лица безъ исключенія. Пользуясь безусловнымъ довѣріемъ императрицы, располагая громадными средствами, превосходя всѣхъ другихъ и властью и богатствомъ, Потемкинъ легко могъ казаться недостойнымъ своего положенія и избалованнымъ счастіемъ временщикомъ. Соперничество, зависть должны были усилить строгость критики при обсужденіи его качествъ и дѣйствій. Своимъ положеніемъ онъ мѣшалъ многимъ, не давалъ дороги разнымъ вельможамъ, заслонялъ другихъ, сдѣлался камнемъ преткновенія для всѣхъ. Немудрено поэтому, что Екатерина и другія лица, смотря на Потемкина совершенно съ противоположныхъ сторонъ, кореннымъ образомъ расходились въ оцѣнкѣ его.

Во-вторыхъ, нужно признать, что въ характерѣ Потемкина соединены были совершенно противоположныя качества—добро и зло, добродѣтель и пороки, замѣчательныя умственныя способности и большіе нравственные недостатки. Онъ былъ въ одно и то-же время замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ и легкомысленнымъ сибаритомъ, представителемъ всеобъемлющихъ проектовъ Екатерины и своенравнымъ, корыстолюбивымъ аферистомъ. Въ немъ были соединены геніальность и

сила и слабость, героизмъ и фанфаронство, идеализмъ и цинизмъ, культурная утонченность и тупое варварство, гуманность и кичливое самолюбіе, умъ и сумасбродство. Такая пестрота качествъ Потемкина, такое отсутствіе гармоніи въ его личности объясняетъ противорѣчія въ сужденіяхъ о немъ. Его хвалили одни и порицали другіе, его хвалили и порицали одни и тѣ-же лица, смотря по тому, на что при отзывѣ о немъ было обращено главное вниманіе; сложность этой личности заставляла многихъ современниковъ въ одно и то-же время восхвалять и презирать его, удивляться громадности его дарованій и осуждать испорченность его нрава, считать его то героемъ, то преступникомъ, то представителемъ великихъ идей, то пустымъ хвастуномъ. Недаромъ, во время осады Очакова, принцъ де-Линь сравнивалъ его то съ Терситомъ, то съ Ахилломъ. Оба эпитета соотвѣтствовали его личности.

Принцъ де-Линь такъ очерчиваетъ Потемкина: „Показывая вицъ лѣнивца, трудится безпрестанно; не имѣетъ стола, кромѣ своихъ колѣнъ, другого гребня, кромѣ своихъ ногтей; всегда лежитъ, но не предается сну ни днемъ, ни ночью; безпокоится прежде наступленія опасности и веселится, когда она настала; унываетъ въ удовольствіяхъ; несчастенъ отъ того, что счастливъ; нетерпѣливо желаетъ и скоро всѣмъ наскучиваетъ; философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ и вмѣстѣ избалованный девятилѣтній ребенокъ; любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе, нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою привѣтствуетъ женщинъ; принимаетъ безчисленныя награжденія и тотчасъ ихъ раздаетъ; лучше любитъ давать, чѣмъ платить долги; чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣетъ денегъ; говоритъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями; поочереди имѣетъ видъ восточнаго сатрапа или любезнаго придворнаго вѣка Людовика XIV и вмѣстѣ изнѣженнаго сибарита. Какая-же его магія? Геній, потомъ и еще геній; природный умъ, превосходная память, возвышенность души,

коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи наградъ, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, что̀ онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивіада“ [1]). „Въ немъ есть много исполинскаго, романтическаго и варварскаго“, сказалъ де-Линь о Потемкинѣ въ другомъ мѣстѣ [2]). Эстергази писалъ своей женѣ: „Никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, геніальныхъ способностей, приверженности къ монархинѣ, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣность, нарушеніе заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до такой степени странныя, что иной разъ рождалось сомнѣніе—въ здравомъ-ли онъ умѣ. Отъ всего этого онъ скучалъ жизнью и былъ несчастливъ, и ты легко поймешь это: онъ не любилъ ничего“ [3]).

Сегюръ писалъ о Потемкинѣ: „Иногда онъ обнаруживалъ геній орла, иногда легкомысліе ребенка. Великіе предметы заставляли его дѣйствовать, мелочи останавливали его дѣйствія; никто не составлялъ какой-либо проектъ столь быстро, какъ онъ; никто не исполнялъ своихъ проектовъ столь медленно и не отказывался отъ ихъ исполненія столь легко, какъ онъ. Занявшись устройствомъ фабрикъ, онъ послѣ о нихъ не заботился; купивъ что-либо, онъ сейчасъ былъ готовъ продать эту вещь; часто онъ опрокидывалъ то, что̀ только-что имъ самимъ было построено. Музыка или какое-либо стихотвореніе отвлекали его отъ занятія какимъ-либо политическимъ вопросомъ; своимъ легкомысліемъ онъ часто лишался довѣрія, необходимаго при дѣлахъ, требующихъ послѣдовательности и постоянства въ трудѣ“ [4]).

Въ запискахъ П. В. Чичагова сказано: „Геній Потемкина царилъ надъ всѣми частями русской политики, и великая

---

[1]) „Записки Энгельгардта“, 35.
[2]) Masson, „Mémoires secrets“, I, 151.
[3]) „Восемнадцатый вѣкъ“, I, 425.
[4]) Ségur, „Mémoires et souvenirs“, II, 385—386.

государыня могла лишь радоваться его умѣнію содѣйствовать ея видамъ“. И дальше: „Кто же изъ государственныхъ людей болѣе Потемкина способствовалъ расширенію предѣловъ и могущества Имперіи? Онъ пріобрѣлъ для Россіи области въ одномъ изъ благорастворенныйшихъ климатовъ Европы“ и пр. а затѣмъ: „Его геній парилъ надъ всею политикою имперіи наряду съ геніемъ его безсмертной государыни“ [1]).

Вопросъ о томъ, что̀ могло заставлять императрицу столь высоко цѣнить Потемкина, занималъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, напримѣръ, сардинскій посланникъ де-Парело писалъ: „Потемкинъ—необыкновенный человѣкъ... Я никогда не слыхалъ ни о какихъ его подвигахъ, которые являли бы въ немъ истиннаго воина... Онъ баловень счастія... онъ самъ сказалъ, что всѣ проекты, вышедшіе изъ его головы, имѣли успѣхъ, и что по этой причинѣ онъ чрезвычайно предпріимчивъ. Ободряемый такимъ успѣхомъ, онъ задумалъ планъ расширенія владѣній Россіи до Чернаго моря... Человѣкъ, предлагавшій обширныя предпріятія, могъ навѣрное разсчитывать на благорасположеніе Екатерины; а такимъ являлся человѣкъ, близкій ея сердцу и обладавшій дарованіями, способными вести политическую нить труднѣйшихъ интригъ... Идолъ, которому мы здѣсь кадимъ (Потемкинъ), странное существо... Князь такой человѣкъ, который возвысился столько же своимъ умомъ, сколько по счастливому стеченію обстоятельствъ. Онъ поддерживается скорѣе необходимостью довести до конца проекты, которые онъ задумалъ и заставилъ принять, нежели потому, чтобъ онъ былъ любимъ. Онъ болѣе имѣетъ природнаго ума, чѣмъ образованія; онъ обладаетъ главнымъ изъ всѣхъ дарованій, необходимыхъ великому министру,—способностью познавать людей. Но можно-ли считать его честнымъ, искреннимъ, откровеннымъ? Говорятъ, что нѣтъ“ [2]).

О политическомъ значеніи Потемкина возлѣ Екатерины доносилъ Сегюръ французскому министру Верженну: „Князь пользуется безграничнымъ вліяніемъ; ему извѣстны всѣ тайны,

---

[1]) „Р. Старина“ (1886), LI, стр. 261 и 514.
[2]) „Сб. И. Общ.“, XXVI, 311—318.

всѣ добродѣтели и слабости государыни; онъ необходимъ для ея ума; онъ имѣетъ власть надъ ея сердцемъ; она смотритъ на него какъ на единственнаго человѣка, способнаго управлять арміей и принять какое-нибудь твердое рѣшеніе въ случаѣ революціи; это единственный подданный, вѣрность котораго она считаетъ твердой и неподкупной. Несмѣтныя богатства, которыми она его награждаетъ, и та громадная власть, которую она ему предоставила, неразрывно связываютъ его интересы съ жизнію этой государыни. Онъ служитъ ей оплотомъ противъ всѣхъ невзгодъ, какія ей могутъ угрожать; она считаетъ его, и совершенно справедливо, единственнымъ человѣкомъ, у котораго есть гордость, умъ и характеръ“ [1]).

Еще сильнѣе, но едва-ли вѣрно А. М. Тургеневъ характеризуетъ значеніе Потемкина, замѣчая въ своихъ запискахъ: „Дѣйствія Потемкина не имѣли предѣловъ; власть и воля его превышали волю и власть каждаго; но со смертію Потемкина Екатерина перестала (до извѣстной степени) быть самовластною, самодержавною повелительницею Россіи. Одинъ придворный блескъ, ее окружавшій, какъ тѣнь самодержавнаго величества, остался ей въ удѣлъ. Вельможи дѣлали, что̀ хотѣли (??), не страшились отвѣтственности и возмездія, будучи увѣренными, что некому исполнить велѣнія государыни: Потемкина уже не существовало“ [2]). А далѣе А. М. Тургеневъ пишетъ о Потемкинѣ: „Искренній и безкорыстный (?) другъ Екатерины, человѣкъ необразованный, но великій геній, человѣкъ выше предразсудковъ, выше своего вѣка, желавшій истинно славы отечества своего, прокладывавшій пути къ просвѣщенію и благоденствію народа русскаго“. И тутъ сказано, что послѣ кончины Потемкина начался упадокъ, которымъ ознаменованы послѣдніе годы царствованія Екатерины [3]).

Даже въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ-же качествамъ Потемкина въ отзывахъ встрѣчаются противорѣчія. Іосифъ II говоритъ о немъ: „Онъ человѣкъ лѣнивый, безпечный и

---

[1]) „Сб. Ист. Общ“, XXVI, 127.
[2]) „Р. Старина“ (1886), LII, стр. 260—261.
[3]) „Р. Старина“ (1889), LXII, стр. 210.

слишкомъ холодный для того, чтобы заняться какимъ-либо дѣломъ послѣдовательно“ [1]). Ѳ. Н. Голицынъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Заграбя многія важныя должности, онъ отъ своей лѣни слишкомъ на другихъ надѣялся, слѣдственно худо оныя исполнялъ. Былъ сластолюбивъ, не имѣлъ нужной въ дѣлахъ дѣятельности. Военный департаментъ, ему ввѣренный, не въ самомъ лучшемъ былъ порядкѣ“ [2]). Завадовскій писалъ къ С. Р. Воронцову о Потемкинѣ: „Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ, суть его пороки“ [3]). „Нѣтъ возможности найти человѣка болѣе лѣниваго, небрежнаго, болѣе равнодушно относящагося къ дѣламъ“, доносилъ англійскій дипломатъ Витвортъ (Whitwort) герцогу Лидсу (Leeds) о Потемкинѣ въ 1791 году [4]). О неряшливости князя говорили часто. Завадовскій писалъ однажды о какомъ-то сановникѣ, что Потемкинъ „не любитъ его за любовь къ порядку“ [5]). С. Р. Воронцовъ сильно порицалъ князя за небрежность, съ которою онъ самыя важныя бумаги оставлялъ на своемъ письменномъ столѣ, такъ что государственныя дѣла не оставались въ тайнѣ [6]). Другія лица, напротивъ, хвалили необычайную рабочую силу Потемкина, ловкость, съ которою онъ занимался редакціей бумагъ [7]). Геррисъ удивлялся тому, какъ рано вставалъ Потемкинъ, усидчиво занимался дѣлами и пр., а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что лѣнь и нерадѣніе князя не знаютъ предѣловъ [8]). Самойловъ. въ объясненіе этой загадочной черты въ характерѣ Потемкина, между прочимъ, замѣчаетъ: „При всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, имѣя способность дѣлать все безъ великаго напряженія силъ, казался онъ для публики ни о чемъ не попечительнымъ и даже разсѣяннымъ. Однакожъ, государыня и

---

[1]) Arneth, „Maria-Theresia und Joseph II“, III, 264.
[2]) „Р. Архивъ“, 1874, I, 1279.
[3]) „Архивъ князя Воронцова“, XII, 61.
[4]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 111—112.
[5]) „Арх. кн. Воронцова“, XII, 80.
[6]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII, 78.
[7]) Замѣчаніе Грибовскаго въ „Сб. И. Общ.“, XXVI, 217.
[8]) Harris, I, 483, 486 (второе изданіе).

приближенные знали его свойство и духъ, способный къ дѣятельности безъ принужденія и утомленія„ [1]).

Въ необычайныхъ способностяхъ Потемкина никто не сомнѣвался. Суворовъ говорилъ о немъ: „Великій человѣкъ: великъ умомъ, великъ и ростомъ, не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Баконъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ“ [2]). Паленъ замѣтилъ, что Потемкинъ единственный геніальный человѣкъ изъ всѣхъ людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло [3]). „Потемкинъ“ — писалъ Домъ (Dohm), — „человѣкъ геніальный и талантливый; но его умъ и характеръ не располагаютъ любить и уважать его“ [4]). Герцогъ Ришельё называлъ его великимъ и геніальнымъ, но въ то же время мелочнымъ и подвергнутымъ слабостямъ человѣкомъ, наклонности и вкусъ котораго иногда оказывались достойными смѣха. Герцогъ впрочемъ находилъ, что хорошія качества князя далеко превосходили его пороки и слабости. Въ восхищеніи герцогъ говорилъ о широкихъ познаніяхъ Потемкина, о его умѣніи собирать свѣдѣнія о людяхъ и вещахъ при каждомъ случаѣ, о его смѣтливости, его быстротѣ соображенія, о пикантности бесѣды съ нимъ. „Почти всѣ дѣйствія Потемкина“, пишетъ герцогъ Ришельё, „носятъ отпечатокъ величія и великодушія (de la noblesse et de la grandeur)“ [5]).

Нельзя сомнѣваться въ довольно многостороннемъ образованіи Потемкина. Коксъ писалъ о немъ: „Онъ отличался быстрымъ пониманіемъ и рѣдкою памятью, имѣлъ общее, хотя поверхностное понятіе о литературѣ. Его начитанность ограничивалась французской беллетристикой, русскими духовными писателями и переводами классиковъ, особенно Плутарха; но масса свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ лицъ различныхъ профессій, съ которыми онъ сталкивался, была

---

[1]) „Р. Арх.“, 1867 г., 1206—1207.
[2]) Петрушевскій, „Суворовъ“, I, 423—424.
[3]) „Р. Архивъ“, 1880, II, 236.
[4]) „Др. и нов. Россія“, 1879, III, 85.
[5]) „Сб. И. Общ.“, LIV, 15, 148—149

изумительна“ [1]). Особенно онъ любилъ слушать разсказы о путешествіяхъ и походахъ [2]). Чрезвычайно охотно онъ занимался музыкою. Неоднократно онъ посылалъ къ Гримму, съ которымъ находился въ перепискѣ, копіи нотъ новыхъ сочиненій Сарти и другихъ композиторовъ [3]). Гриммъ называлъ его „mon bienfaiseur en musique“ [4]). Посылая Гримму какой-то „хоръ дервишей“, Потемкинъ снабдилъ эту музыку разными примѣчаніями [5]). Любопытно, что графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, живя въ Вѣнѣ и желая угодить Потемкину, писалъ ему въ 1791 году: „Хотѣлъ было я отправить къ вамъ перваго піаниста и одного изъ лучшихъ композиторовъ въ Германіи, именемъ Моцартъ. Онъ не доволенъ своимъ положеніемъ здѣсь и охотно предпринялъ бы это путешествіе. Теперь онъ въ Богеміи [6]), но его ожидаютъ сюда обратно. Если ваша свѣтлость пожелаетъ, я могу нанять его не надолго, а такъ, чтобы его послушать и содержать при себѣ нѣкоторое время“ [7]). Съ разными лицами Потемкинъ переписывался о литературѣ. То онъ посылалъ одному англійскому лорду какія-то греческія книги [8]), то онъ восхищался переводомъ одъ Пиндара, которыя, по желанію князя, были переведены на русскій языкъ [9]), и проч. Списокъ книгъ, находившихся въ библіотекѣ князя, даетъ намъ понятіе о литературныхъ занятіяхъ его. Тутъ было болѣе двухъ тысячъ сочиненій, между которыми книги богословскаго содержанія занимали самое видное мѣсто [10]). Также и дошедшія до насъ замѣтки о походной типографіи князя заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о наклонностяхъ его къ словесности и богословію [11]). Въ молодости онъ писалъ стихи, между прочимъ

---

[1]) „Р. Старина“, XIX, 37.
[2]) „Сборникъ Ист. Общ.“, XXIII, 104.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 333, 374—378, 383, 386.
[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXXIII, 240.
[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 399.
[6]) Тамъ именно давали въ это время „Волшебную флейту“ Моцарта.
[7]) Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, III, 122.
[8]) „Архивъ кн. Воронцова“, IX, 468.
[9]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIII, 172.
[10]) „Зап. Од. Общ.“, VIII. 458—460.
[11]) „Зап. Од. Общ.“, IV, 470—472.

сатиры и эпиграммы на начальниковъ въ университетѣ [1]); въ 1790 году онъ сочинилъ стихи въ честь Екатерины по случаю заключенія Верельскаго мира [2]). Недаромъ Потемкинъ считался меценатомъ, покровителемъ поэтовъ. Многіе изъ послѣднихъ обращались къ нему съ письмами, всячески льстя ему, говоря о „музахъ“, о Гомерѣ и проч. [3]). Къ Державину Потемкинъ относился, какъ извѣстно, довольно благосклонно. Нѣкоторыя, впрочемъ, добродушныя шутки поэта насчетъ князя въ одѣ „Фелица“ не оскорбили послѣдняго, хотя Державинъ сильно опасался гнѣва временщика по этому поводу [4]).

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державинъ воспѣвалъ князя, напр. въ одѣ „Рѣшемыслу“, написанной по просьбѣ Дашковой [5]). Державинъ разсказываетъ, что Потемкинъ, пріѣхавъ изъ арміи въ 1791 году, сталъ къ нему ласкаться, изъявляя желаніе познакомиться ближе съ авторомъ „Фелицы“ и „Рѣшемысла“. Но когда въ хорахъ, сочиненныхъ Державинымъ по случаю Потемкинскаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, была отдана Румянцеву равная честь съ Потемкинымъ,—князь видимо обидѣлся и обнаружилъ въ обращеніи съ поэтомъ нѣкоторую холодность [6]). Послѣ однако онъ увѣрилъ его въ своемъ благорасположеніи, такъ что Державинъ могъ замѣтить въ своихъ „Запискахъ“: „Должно справедливость отдать князю Потемкину, что онъ имѣлъ весьма сердце доброе и былъ человѣкъ отлично великодушный“ [7]). Ода „Водопадъ“, написанная послѣ кончины князя, свидѣтельствуетъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ событіемъ на поэта. „Съ лихвой“—замѣчаетъ Я. К. Гротъ—„Державинъ заплатилъ долгъ благодарности своему покровителю, воздвигнувъ этотъ поэтическій памятникъ на могилѣ

---

[1]) „Р. Старина“, XII, 487.
[2]) См. „Сб. Ист. Общ.“, XXXIII, 274.
[3]) „Р. Архивъ“, 1871, 71—74.
[4]) См. Гротъ, „Державинъ“, I, 134, 135, 137, VIII, 297.
[5]) Гротъ, I, 170—177, VIII, 347.
[6]) Гротъ, VI, 614—619.
[7]) Гротъ, VI, 620—621.

его въ то время, когда многіе безъ стыда поносили память падшаго кумира. „Водопадъ“ есть блестящая апоѳеоза всего, что было въ духѣ и дѣлахъ Потемкина дѣйствительно достойнаго жить въ потомствѣ. Только даровитый поэтъ могъ такъ понять и начертить этотъ исполинскій историческій образъ Россіи 18-го вѣка“ [1]).

Восхваляя „обширный умъ, глубокомысленное понятіе и самое пылкое воображеніе Потемкина“, Самойловъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя объ особенныхъ наклонностяхъ и о вкусѣ князя въ области художествъ и литературы. Такъ напр. онъ пишетъ: „Въ архитектурѣ онъ предпочиталъ огромное и величественное... пылкое его воображеніе и огромные замыслы не вмѣстимы были въ тѣсныхъ стѣнахъ. Всѣмъ прочимъ красотамъ сего художества предпочиталъ онъ легкость и простоту іоническаго ордена. Живопись и скульптуру любилъ въ ихъ совершенствахъ, и никогда никто не обманулъ его въ оныхъ, а отличныхъ художниковъ уважалъ и старался доставлять имъ уваженіе. Музыкѣ не учась, судилъ объ ней какъ знатокъ, любилъ въ оной все важное и возвышенное; многихъ музыкантовъ и виртуозовъ имѣлъ на своемъ иждивеніи... Онъ желалъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи академію художествъ... Въ словѣ отечественномъ онъ былъ свѣдущъ и углублялся въ изслѣдованіи языка; витіевъ, и поэтовъ уважалъ, и изъ современныхъ людей, въ семъ отличавшихся, предпочиталъ другимъ В. П. Петрова, прославившагося переводомъ Виргиліевой „Энеиды“. Изъ литераторовъ особливо уважалъ И. Н. Болтина, которому далъ идею и просилъ сдѣлать возраженіе на сочиненную Леклеркомъ Россійскую исторію. Друженъ былъ къ покойному Е. А. Черткову“ и проч. Собираясь отправиться въ путь въ Кіевъ, Херсонъ и Крымъ вмѣстѣ съ императрицею, французскій дипломатъ Сегюръ писалъ къ Потемкину изъ С.-Петербурга 20 декабря 1786 г.: „Императрица везетъ съ собою библіотеку; я надѣюсь прочесть съ вами нѣсколько греческихъ трагедій, анакреонтиче-

---

[1]) Гротъ, VIII, 601.

скихъ одъ и даже переложить въ стихи нѣкоторые ихъ отрывки“ и пр. [1]).

О занятіяхъ Потемкина богословіемъ Самойловъ почти вовсе не говоритъ. Онъ только замѣчаетъ, что князь „по образу мыслей никогда не входилъ въ таинственныя общества, славившіяся мистичествомъ; но имѣлъ истинное уваженіе къ догматамъ и обрядамъ вѣры, многихъ духовныхъ особъ почиталъ и отличалъ“ и проч. [2]).

Потемкинъ,—какъ извѣстно уже читателямъ,—часто мечталъ о монашествѣ. Вѣроятно, эта наклонность его къ занятіямъ вопросами богословія и церкви дала поводъ Екатеринѣ помѣстить его еще въ молодости за прокурорскій столъ въ синодъ. „Государыня“, разсказываетъ Самойловъ,—„во время архіерейскаго служенія въ придворной церкви, призывала его къ своему мѣсту, спрашивала изъясненій о таинствахъ литургіи и объ обрядѣ облаченія архіепископскаго“ [3]). Его особенно интересовали догматическіе вопросы раскола, вопросъ о различіи между православною и католическою церквами [4]). Находясь въ сношеніяхъ съ старообрядцами, онъ исходатайствовалъ у государыни и въ правительствующемъ синодѣ позволеніе открыть для нихъ церкви и молельни, оставивъ имъ старыя книги и обряды [5]). Потемкинъ приносилъ въ даръ церквамъ богатыя пожертвованія [6]), строилъ на свой счетъ церкви [7]) и даже занимался составленіемъ „Канона Святителю“.

Въ другихъ отношеніяхъ князь часто далеко не походилъ на монаха,—былъ человѣкомъ плоти и отличался чувственностью. Допуская, что Потемкинъ былъ подверженъ страсти къ женщинамъ, Самойловъ спрашиваетъ: „Да кто же изъ великихъ людей не подверженъ былъ сей страсти?“ Затѣмъ

---

[1]) „Истор. Вѣстникъ“, 1880, т. III, 194.
[2]) „Р. Архивъ“, 1867, 1570.
[3]) „Р. Архивъ“, 1876, 592.
[4]) „Vie de Potemkine“. Paris, 1808, 28.
[5]) „Р. Архивъ“, 1867, 1206.
[6]) „Р. Архивъ“, 1873, 2317.
[7]) „Р. Архивъ“, 1882, II. 92 и слѣд.

продолжаетъ: „Но склонности князя Потемкина къ прекрасному полу были самыя благородныя, не соблазнительныя, не производящія разврата: есть ли онъ иногда имѣлъ сокровенныя связи, то не обнаруживалъ оныхъ явно; не тщеславился, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, своими метрессами и не заставлялъ чрезъ нихъ искать у себя защиты и покровительства“ [1]).

Другіе современники менѣе снисходительно судили о Потемкинѣ въ этомъ отношеніи. Болотовъ пишетъ о князѣ: „Онъ имѣлъ у себя нѣсколько родныхъ племянницъ, которыя, ежели вѣрить носившейся тогда всеобщей молвѣ, были вкупѣ и его любовницы; всѣхъ ихъ породалъ онъ кой за кого [2]). Княгиня Голицына, г-жа Шепелева, г-жа Браницкая и г-жа Скавронская, его племянницы, были, какъ утверждаютъ, его любовницами“. Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ Кочубею въ 1802 году, описывая повреждeніе нравовъ при русскомъ дворѣ: „Мы же видѣли, какъ князь Потемкинъ изъ своихъ родственницъ составилъ для себя гаремъ въ самомъ дворцѣ, часть котораго онъ занималъ“ [3]). Графъ С. Р. Воронцовъ въ маѣ 1799 года желалъ, чтобы его дочь сдѣлалась фрейлиною, при чемъ замѣтилъ: „При прежнемъ царствованіи я бы не согласился на это и предпочелъ бы для моей дочери всякое другое мѣсто пребыванію при дворѣ, гдѣ племянницы князя Потемкина по временамъ разрѣшались отъ бремени, не переставая называться demoiselles d'honneur“ [4]). Разсказываютъ, что Потемкинъ не любилъ своей матери за то, что она говорила ему правду о его поведеніи съ родными племянницами [5]). Ходили слухи о близкихъ отношеніяхъ князя къ женѣ Каліостро [6]). Какъ было указано раньше, въ лагерѣ, во время турецкой войны, князя окружало общество женщинъ; тутъ были: П. А. Потемкина—супруга Павла Сергѣе-

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1867, 1574.
[2]) „Записки Болотова“. Прил. къ VI т. „Р. Ст.“, VI, 812.
[3]) „Арх. кн. Воронцова“, XI, 360.
[4]) „Арх. кн. Воронцова“, XXII, 497.
[5]) „Русская Старина“, XII, 40.
[6]) „Русская Старина“, XII, 65—66.

вича Потемкина, графиня Самойлова — супруга племянника князя, княгиня Долгорукая, графиня Головина, княгиня Гагарина, жена польскаго генерала, славившаяся красотою, г-жа де-Витъ и другія [1]).

О любовныхъ похожденіяхъ Потемкина съ дамами, находившимися въ лагерѣ во время турецкой войны, ходило множество анекдотовъ. Державинъ замѣчаетъ, объясняя одно изъ своихъ стихотвореній: „Многія почитавшія кн. Потемкина женщины носили въ медальонахъ его портретъ на грудныхъ цѣпочкахъ“ [2]). И въ описаніи знаменитаго праздника 1791 года Державинъ представляетъ князя какимъ-то селадономъ, говоря о немъ, какъ о „нѣжномъ воздыхателѣ“ [3]). Въ „Запискахъ“ Ѳ. Н. Голицына сказано, что въ 1791 году, во время пребыванія въ Петербургѣ, „дамская бесѣда занимала его совершенно, и онъ ни объ чемъ другомъ не разговаривалъ, какъ о нарядахъ женскихъ“ [4]). Уже въ 80-хъ годахъ говорили, что князь былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Льва Александровича Нарышкина [5]). Въ мартѣ 1791 г. Безбородко писалъ: „Князь у Льва Александровича всякій вечеръ провождаетъ. Въ городѣ увѣрены, что онъ женится на Марьѣ Львовнѣ“ [6]). Баронъ Бюлеръ разсказываетъ, что князь заказывалъ у живописца Лампи портретъ одной изъ окружавшихъ его красавицъ; когда пріѣхалъ къ нему курьеръ съ важными новостями о политическихъ дѣлахъ, князь ни о чемъ не спрашивалъ его, ни о чемъ слышать не хотѣлъ и страшно разсердился, что курьеръ ничего не зналъ о портретѣ [7]). Княгиня П. Ю. Гагарина разсказывала о вольномъ обращеніи князя съ окружавшими его дамами слѣдующій эпизодъ, случившійся съ нею въ Яссахъ въ 1790 году. Потемкинъ сталъ ухаживать за нею; затѣмъ, въ виду прибытія турец-

---

[1]) Энгельгардтъ, 81.
[2]) Гротъ, I, 485.
[3]) Гротъ, VIII, 599.
[4]) „Русскій Архивъ“, 1874, I, 1280.
[5]) Ségur, „Mémoires“, II, 275.
[6]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 498.
[7]) „Древняя и новая Россія“, 1875, III, 335.

кихъ уполномоченныхъ, шутя обѣщалъ ей, такъ какъ она была беременна, собрать конгрессъ въ ея спальной; однажды у себя, послѣ обѣда, князь схватилъ ее за талію, за что она, при многочисленномъ собраніи, дала ему со всего размаху пощечину. Всѣ ахнули. Взбѣшенный и растерянный Потемкинъ поспѣшно ушелъ въ свой кабинетъ. Гости остались въ оцѣпѣненіи и ужасѣ. Укоры отовсюду посыпались на запальчивую княгиню; мужъ хотѣлъ увезти ее; но она предпочла храбро выжидать развязки и стала обращать этотъ казусъ въ смѣхъ и шутку. Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ Потемкинъ съ улыбающимся лицомъ снова вошелъ въ залу и, поцѣловавъ руку княгини, поднесъ ей изящную бомбоньерку съ надписью „Temple de l'Amitié“ [1]).

Вскорѣ послѣ кончины Потемкина въ Петербургъ пріѣхала г-жа Виже-Лебрёнъ, бывшая свидѣтельницей, что здѣсь „все еще продолжали говорить о князѣ, какъ о какомъ то чародѣѣ“, и разсказывали, между прочимъ, слѣдующія черты о страсти князя къ женщинамъ. Однажды въ лагерѣ онъ устроилъ великолѣпный праздникъ въ честь княгини Долгорукой и помѣстилъ ее за обѣдомъ возлѣ себя. За десертомъ были поданы хрустальныя чаши, наполненныя брильянтами, которые раздавались дамамъ цѣлыми ложками. Когда царица пиршества выразила удивленіе по поводу такой роскоши, Потемкинъ тихо отвѣтилъ ей: „Вѣдь я праздную ваши именины; чему же вы удивляетесь?“ Ему все было нипочемъ, лишь бы удовлетворить желанію, капризу обожаемой имъ женщины. Однажды, узнавъ, что у Долгорукой не оказалось бальныхъ башмаковъ, которые она обыкновенно выписывала изъ Парижа, онъ послалъ за ними нарочнаго; тотъ скакалъ день и ночь и къ сроку привезъ-таки башмаки. Въ другой разъ Потемкинъ, влюбленный въ г-жу де-Витъ, расточая передъ нею самыя изысканныя любезности и желая подарить ей кашемировую шаль безумно-высокой цѣны, далъ праздникъ, на которомъ было до 200 дамъ; послѣ обѣда была устроена лотерея, но такъ, что каждой досталось по шали;

[1]) „Древняя и новая Россія“, 1875, III, 335.

лучшая же шаль выпала на долю г-жи де-Витъ. Она была по происхожденію гречанка, и ее знали въ свое время подъ именемъ „la belle Fanariote“ [1]). Впрочемъ, въ это время генеральша де-Витъ была уже не молодою женщиною, такъ какъ ея сынъ состоялъ въ 1791 году повѣреннымъ въ дѣлахъ Потемкина въ Петербургѣ [2]).

Сохранились кое-какія корреспонденціи Потемкина съ разными женщинами. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ переписки Потемкина съ племянницею Варварою Энгельгардтъ (въ 1778 г.), вышедшей послѣ за князя Голицына. Она терзала дядю ревностью, капризами, непостоянствомъ и проч.; онъ же всячески старался угождать избалованной племянницѣ. Такъ, напримѣръ, она писала между прочимъ: „Я теперь вижу, что вы меня ничего не любите; когда бъ вы знали, чего мнѣ стоила эта ночь, душка злая моя, ангелъ мой, не взыщи, пожалуйста, мое сокровище безцѣнное; приди жизнь моя, ко мнѣ теперь, ей-богу грустно, моя душа, напиши хоть строчку, утѣшь свою Вариньку“. Или: „Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарокъ, и письмо, которое всегда буду беречь. Ахъ, мой другъ, папа, какъ я этому письму рада! Жизнь моя, пріѣду ручки твои цѣловать“. „Мой любезный ангелъ, въ мысляхъ тебя цѣлую мильоны разъ“. „Если вы помните Бога, если вы когда-нибудь меня любили, то, прошу васъ, забудьте меня на вѣки, а я ужъ рѣшилась, чтобъ оставить васъ. Желаю, чтобы вы были любимы тою, которую имѣть будете; но вѣрно знаю, что никто васъ столь любить не можетъ, сколько я дурачилась понапрасно; радуюсь, что въ одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами“. Въ другомъ письмѣ: „Посылаю къ вамъ всѣ ваши письма, а васъ прошу, если

---

[1]) „Др. и новая Россія“, 1876, III, 192 и 193. Баронъ Бюлеръ (въ „Др. и нов. Россіи“, 1875, III, 346) разсказываетъ, что у Потемкина была дочь отъ связи его — какъ выражается г. Бюлеръ — „если я не ошибаюсь, съ гречанкой“. Г. Бюлеръ видѣлъ ее въ Петербургѣ въ 1834 году, и ей было тогда подъ 50 лѣтъ. Отецъ г-на Бюлера находилъ, что она складомъ лица очень напоминала Потемкина.

[2]) „Арх. кн. Воронцова“, VIII, 49.

помните Бога, то пришлите мои... Будьте увѣрены, что я не забуду во весь вѣкъ, что я вами несчастлива".

Письма Потемкина наполнены фразами слѣдующаго рода: „Варинька, душа моя... я самъ сегодня буду тебя цѣловать. Прости, моя жизнь, моя милая". „Варинька, я тебя люблю до безконечности, мой духъ не имѣетъ, опричь тебя, другой пищи... ты обѣщала меня любить вѣчно; я люблю тебя, душа моя, какъ еще никого не любилъ... Прости, мое божество милое, я цѣлую всю тебя". „Не забылъ я тебя, Варинька, и не забуду никогда... я цѣлую всю тебя... какъ ни слабъ, но приду къ тебѣ. Жизнь моя, ничто мнѣ такъ мило, какъ ты... цѣлую тебя крѣпко... голубушка, другъ безцѣнный... Прости, мои губки сладкія, приходи обѣдать". „Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и расцѣловалъ и одѣлъ шлафрокомъ и перекрестилъ". „Скажи, моя душа, красавица моя, божество мое, что ты меня любишь; отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; я весь полонъ тобою". „Душа моя, любовница нѣжная. Побѣда твоя надо мною и сильна и вѣчна... приду ужо тебя цѣловать". „Ты живешь въ моемъ сердцѣ и будешь тамъ вѣчно". „Варюшечка, душа моя, не смѣй немочь [1]); я за это высѣку. Сударушка моя, я видѣлъ тебя во снѣ очень хорошо. Ужо одѣнусь и приду тебя цѣловать". „Куколка моя, цѣлую тебя 22 мильона разъ". „Хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки мои безцѣнныя. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ". „Цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливѣе меня?" „Мой ангелъ, щечки мои румяныя; цѣлую тебя, мою любезную... все ты на умѣ" и пр. и пр.

Ко времени размолвки Потемкина съ Варварою Васильевною Энгельгардтъ относятся письма двухъ другихъ дамъ, писанныя по-французски; и тутъ встрѣчается выраженіе нѣжныхъ чувствъ, идетъ рѣчь о любви. Встрѣчаются слѣдующія фразы: „Какъ ты провелъ ночь, мой милый; желаю, чтобъ

[1]) Быть нездоровой.

для тебя она была покойнѣе нежели для меня; я не могла глазъ сомкнуть... мысль о тебѣ единственная, которая меня одушевляетъ. Прощай, мой ангелъ, мнѣ недосугъ сказать тебѣ болѣе..., прощай; разстаюсь съ тобою; мужъ мой пріѣдетъ сейчасъ ко мнѣ". Въ письмѣ другой подруги Потемкина говорится: „Матинька, какъ мнѣ досадно, я тебя такъ издали только видѣла... Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, любишь ли ты меня... Когда я тебя увижу, моя жизнь?.. Заѣзжай ко мнѣ; мнѣ бы хотѣлось всякую минуту быть съ тобою; все бы тебя цѣловала, да тебѣ бы надоѣла"... „Я люблю тебя до безумія; дай мнѣ расцѣловать тебя мильонъ разъ до твоего отъѣзда... цѣлую тебя тридцатъ мильоновъ разъ съ ежеминутно возрастающею нѣжностью; пальчики и бѣленькія ножки цѣлую въ мысляхъ", и пр.

Еще какая-то, также неизвѣстная, дама писала къ Потемкину между прочимъ: „Не всякій такъ уменъ, такъ хорошъ, такъ пріятенъ, какъ ты... во всемъ ты отличаешься отъ прочихъ... чтобъ мнѣ смыслъ имѣть, когда ты со мною, надобно, чтобъ я глаза закрыла... взоръ мой тобою плѣненъ... Куда какъ бы намъ съ тобою весело было вмѣстѣ сидѣть и разговаривать, еслибъ другъ друга меньше любили; умнѣе бы были... вѣдь не повѣришь, радость, какъ нужно для разговора, чтобъ менѣе дѣйствовала любовь", и пр.

Есть и еще другія записки такого же рода. Такъ, напр., одна дама писала къ князю: „Люблю тебя безмѣрно и веселюсь твоей ко мнѣ любовью, милый и безцѣнный другъ, собственный голубчикъ, ангелъ". „Я не понимаю, что̀ у васъ задержало; неужели что мои слова подавали къ тому поводъ, чтобъ ранѣе все утихло, и я бъ васъ и ранѣе увидѣть могла, а вы тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли, но не изволь бояться; мы сами догадливы; лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, одѣлась и пошла въ вивліоѳику къ дверямъ, чтобъ васъ дожидаться, гдѣ въ сквозномъ вѣтрѣ простояла два часа, и не прежде какъ уже до одиннадцатаго часа въ исходѣ и пошла съ печали лечь въ постель, гдѣ по милости

вашей пятую ночь проводила безъ сна“. „Душенокъ... мы на вѣки сердцемъ Гришаткѣ крѣпки“. „Батинька, мой милый другъ, приди ко мнѣ, чтобъ я могла успокоить тебя безконечной лаской моей“. „Люблю тебя какъ душу душа, душатка милая“. „Гришенокъ, безцѣнный, безпримѣрный и милѣйшій въ свѣтѣ; я тебя чрезвычайно и безъ памяти люблю, цѣлую и обнимаю тебя, душою и тѣломъ... Adieu m'amour, mon coeur, мой дорогой, славной и сладкой, и все что себѣ милое, пріятное, умное представить можешь“, и пр. „Машурка, здоровъ ли ты?“ „Какъ я ласкова, то отъ васъ зависитъ платить неравною монетою: гяуръ, московъ, казакъ, яицкій Пугачевъ, индѣйскій пѣтухъ, павлинъ, котъ заморскій, фазанъ золотой, тигръ, левъ въ тростникѣ“. „Шалунъ, долго ли тебѣ дуться?“ „Воля твоя, милуша милая, Гришифишичка, а я не ревную, а тебя люблю очень“. „Соколъ, мой дорогой, позволь себя вабить, давно и долго ты очень на отлетѣ“ [1]).

Между бумагами М. А. Хмырова нашлись слѣдующія записки къ князю, неизвѣстно кѣмъ писанныя и безъ означенія года: „Souvenir pour mon cher ange: свѣтлѣйшій пунюшка, купидончикъ, мягкія щечки; не забыли ли вы, что мнѣ проиграли 150 рублей, да обѣщали кафтанъ шитый, помады и горшокъ розовъ. Пожалуйста, жизнь моя, пришли коли хочешь, чтобъ я тебѣ не наскучила и расцѣловала твои милыя мягкія щечки. Утѣшь меня, душа моя, пришли всѣ эти вещи съ этимъ посланнымъ“. Другая записка: „Душа моя, свѣтлѣйшій пунюшка, мягкія щечки, позволь себѣ напомнить: нынѣшніе дни Христа мvромъ мазали, а ты помажь помадой; и погребенье его покрыли плащаницами, а ты, жизнь моя,

---

[1]) См. біографію Потемкина въ „Русской Старинѣ“, XII, 512 — 522 и 681—685. Далѣе статью: „Языкъ любви сто лѣтъ назадъ“ въ „Русской Старинѣ“, XXXI, 498—502 и XXXII, 195—200. Нельзя не пожалѣть о томъ, что издатели этихъ любопытныхъ матеріаловъ не сообщили ни слова о томъ, гдѣ были найдены эти записки. Не принадлежатъ ли нѣкоторыя изъ этихъ записокъ перу Екатерины II, напр., въ XXXII томѣ, стр. 200, №№ 104—111? Вопросъ этотъ можно бы легко рѣшить по почерку.

насъ на здоровье одѣнь своимъ кафтаномъ; пожалуй, купидонъ мой милый, и розовъ къ празднику пришли“, и пр. [1]).

Потемкину было около 50 лѣтъ, когда онъ, во время второй турецкой войны, страстно влюбился въ Прасковью Андреевну Потемкину, рожденную Закревскую. Эта 26-лѣтняя красавица находилась въ лагерѣ. Сохранился цѣлый рядъ записокъ князя къ ней; всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о нѣжной, идеальной любви князя къ этой женщинѣ. Мѣстами въ этихъ письмахъ проглядываетъ нѣкоторый мистицизмъ. Переписка началась въ мартѣ 1789 года и продолжалась до января 1790 года. Большая часть писемъ князя на цвѣтныхъ золотообрѣзныхъ листахъ почтовой бумаги.

Князь писалъ между прочимъ: „Жизнь моя, душа общая со мною! Какъ мнѣ изъяснить словами мою къ тебѣ любовь, когда меня влечетъ непонятная къ тебѣ сила, и потому я заключаю, что наши души сродныя. Нѣтъ минуты, чтобы то, моя небесная красота, выходило у меня изъ мысли; сердце мое чувствуетъ, какъ ты въ немъ присутствуешь... Суди-же, какъ мнѣ тяжело переносить твое отсутствіе. Пріѣзжай, сударушка, поранѣе, о мой другъ! утѣха моя и сокровище безцѣнное ты; ты даръ Божій для меня... Цѣлую отъ души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость!.. Моя любовь не безумною пылкостью означается, какъ бы буйное пьянство, но исполнена непрерывнымъ нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ... Изъ твоихъ прелестей неописанныхъ состоитъ мой екстазисъ, въ которомъ я вижу тебя живо предъ собою“. Въ другомъ письмѣ: „Я тебѣ истину говорю, что тогда только существую, какъ вижу тебя, а мысля о тебѣ всегда заочно, тѣмъ только покоенъ. Ты не думай, чтобъ сему одна красота твоя была побужденіемъ или бы страсть моя къ тебѣ возбуждалась обыкновеннымъ пламенемъ; нѣтъ, душа, она слѣдствіемъ прилежнаго испытанія твоего сердца, и отъ тайной силы, и нѣкоторой сродной наклонности, что симпатіею

---

[1]) См. „Истор. Вѣстникъ“, 1881, т. IV, стр. 221. Тамъ же еще записка въ гордомъ тонѣ, отвѣтъ на нескромныя предложенія князя, на французскомъ языкѣ.

называютъ. Разсматривая тебя, я нашелъ въ тебѣ ангела, изображающаго мою душу. Итакъ ты — я; ты нераздѣльна со мною; я веселъ — когда ты весела, и сытъ, когда сыта ты“, и пр.

Устраивая какое-то драматическое представленіе, въ которомъ Потемкина должна была играть главную роль, князь подробно описываетъ великолѣпную декорацію сцены, обнаруживая при этомъ пылкое воображеніе и тонкій вкусъ: „Ты все покроешь красотой, а всего прекраснѣе, что ты сама не мнишь подобной силы“. „Я воображаю, какъ ты на театръ выдешь, какъ все просвѣтится и какъ все оживится; одинъ я буду безъ памяти“. „Ты мой Григорій Александровичъ въ женскомъ видѣ; ты моя жизнь и благополучіе“. Въ одномъ изъ писемъ сказано: „Красавица моя; ежели есть живность въ моихъ описаніяхъ, сіе не мудрено; я заимствую все отъ красотъ твоихъ; ты хороша безпримѣрно; нельзя найти порока ни въ одной чертѣ твоего лица... Ты мой цвѣтъ, украшающій родъ человѣческій, прекрасное твореніе; о! естьлибъ я могъ изобразить чувства души моей о тебѣ, открылся бы рай добротъ, не будучи же въ силахъ описать, какъ они присутствуютъ въ моемъ сердцѣ, я ихъ въ ономъ сохраню навсегда, дыша огнемъ твоихъ прелестей“, и пр. И дальше: „Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиромъ у меня въ полку! Куда какъ шапка къ тебѣ пристала; и я правъ, что къ тебѣ все пристанетъ. Сегодня надѣну на тебя архіерейскую шапку... Утѣшь меня, моя безпримѣрная красавица, сдѣлай коленкоровое платье съ малиновымъ атласомъ. Картина моя прекрасная, я тебѣ цѣны не знаю. Я жду тебя видѣть столь прекрасную, какъ солнце. Ты моя весна“. И еще: „Безъ тебя со мною только половина меня; лучше сказать, ты душа души моей, моя Парашинька“. А затѣмъ: „Ты смирно обитала въ моемъ сердцѣ, а теперь наскуча тѣснотою, кажется, выпрыгнуть хочешь; я это знаю потому, что во всю ночь билось сердце, и ежели ты въ немъ не качалась, какъ на качеляхъ, то, конечно, хочешь улетѣть вонъ. Да нѣтъ! я за тобою и, держась крѣпко, не отстану, а еще

къ тому прикрѣплю тебя цѣпью твердой и ненарушимой моей привязанности“, и пр., и пр. [1]).

Если вспомнить, что тотчасъ-же послѣ этого князь ухаживалъ за г-жею де-Витъ [2]), что онъ влюбился въ Долгорукую, что ходили слухи о его намѣреніи жениться на Нарышкиной, то нельзя не признать, что пылкость его страсти въ каждомъ данномъ случаѣ равнялась непостоянству его любви. Онъ производитъ впечатлѣніе Донъ-Жуана. Нельзя сомнѣваться въ способности Потемкина заставлять женщинъ влюбляться въ него; но въ то-же время нельзя не допустить, что его положеніе, расточительность, щедрость содѣйствовали готовности женщинъ увлекаться въ его пользу. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ приведенныхъ нами примѣровъ, Потемкинъ, избалованный ласками красавицъ, до послѣдняго времени сохранялъ способность юношески увлекаться красотою и граціей женщинъ и заниматься ими среди заботъ войны и политики.

Къ этому-же послѣднему времени жизни Потемкина относится слѣдующее письмо графа Чернышева изъ лагеря подъ Измаиломъ, въ которомъ говорится о житьѣ-бытьѣ князя во время турецкой войны слѣдующее: „Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два или по три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное общество въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ; въ оныхъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя въ это время не могутъ засѣдать въ пріемной,—до такой степени важно то святилище. Впрочемъ, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣтить ее. Г-жа Л. должна медленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку лѣтъ 15 или 16, прелестную какъ амуръ. Говорятъ, что это П., но не знаю, которая; не П. ли это, жившая при дворѣ

---

[1]) „Русская Старина“, XIII, 164—171.

[2]) О графинѣ Потоцкой и ея похожденіяхъ до знакомства съ Потемкинымъ и послѣ него см. записки А. М. Тургенева въ „Русской Старинѣ“ (1886), т. LII, стр. 259—260.

вмѣстѣ съ М.? Какъ-бы то ни было, князю готовятъ жертву, которую добылъ генералъ Львовъ“ [1]).

Разсказываютъ о слѣдующемъ эпизодѣ, сильно компрометировавшемъ нравственную репутацію Потемкина. Нѣкоему Щегловскому (офицеру) въ 1790 году было поручено наблюденіе за турецкими плѣнными, причемъ человѣкъ девять турецкихъ офицеровъ убѣжало изъ плѣна. Щегловскій былъ арестованъ и, безъ всякаго слѣдствія и суда, отправленъ въ кандалахъ въ Сибирь, гдѣ и пробылъ 49 лѣтъ. Существуетъ предположеніе, что истинная причина гнѣва Потемкина и ссылки Щегловскаго вовсе не въ побѣгѣ плѣнныхъ офицеровъ, а въ томъ, что молодой офицеръ имѣлъ несчастіе понравиться одной польской княжнѣ, за которою ухаживалъ свѣтлѣйшій. Разсказываютъ, что, когда Щегловскій, по приказанію императора Николая I, въ 1839 году, вернулся изъ Сибири, то на вопросъ наслѣдника-цесаревича за что̀ его сослали въ Сибирь, отвѣчалъ: „Всѣмъ бѣдамъ на свѣтѣ одна причина, и всѣ люди терпятъ за одну вину: Адама и Еву. Я потерпѣлъ за Еву“ [2]).

Этотъ разсказъ основанъ только на устномъ преданіи и едва-ли заслуживаетъ полнаго довѣрія. Неизвѣстно также, кто авторъ статьи о Щегловскомъ, въ которой нѣтъ никакихъ указаній и на источники.

Наберется не мало разсказовъ о неблаговидныхъ поступкахъ Потемкина, вызывающихъ сомнѣніе. Такъ напр. и Гельбигъ и Порело сообщаютъ подробно о томъ, какъ Потемкинъ, желая во что бы ни стало устранить одного молодого князя Голицына за то, что онъ пользовался вниманіемъ

---

[1]) „Р. Архивъ“, 1871. 387. Герцогъ Ришелье видѣлъ князя въ Бендерахъ въ 1790 г. и пишетъ о странномъ зрѣлищѣ: „Un divan d'étoffe d'or sous un superbe baldaquin; cinq femmes charmantes mises avec tout le goût et la recherche possibles; une sixième vêtue avec toute la magnificence du costume grec, couchée sur des coussins à la manière orientale. Le prince Potemkin assis seul auprès d'elle. Il était vêtu d'une espèce de pelisse fort large, assez semblable à une robe de chambre. Cinquante officiers de tous grades debout, garnissant le fond de la salle, qui était éclairée par un très grand nombre de bougies“ и пр. См. „Сб. Ист. Общ.“, LIV, 148.

[2]) „Р. Архивъ“, 1884. I, 273—279.

императрицы, устроилъ дѣло такимъ образомъ, что нѣкто Шепелевъ, офицеръ, вызвалъ на дуэль Голицына и убилъ его [1]). Гельбигъ, передавая слухъ объ этомъ эпизодѣ, замѣчаетъ, что нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ объ этомъ событіи. Нѣкто Дмоховскій недавно указалъ на обстоятельства, заставляющія сомнѣваться въ достовѣрности такого преданія, существующаго въ тѣсномъ кругу фамиліи князей Голицыныхъ [2]), и вопросъ о винѣ Потемкина остается открытымъ [3]).

Несомнѣнно, что существовало во многихъ случаяхъ соперничество между Потемкинымъ и разными вельможами, что иногда, не безъ основанія, обвиняли князя въ безцеремонномъ обращеніи съ такими лицами, которыя ему казались почему-либо опасными.

„Потемкинъ“ —сказано въ „Запискахъ“ Винскаго,— „не могши поравняться съ древними вельможами, оттѣснилъ ихъ всѣхъ отъ двора въ самое короткое время“. При этомъ авторъ „Записокъ“ указываетъ на то, какъ липились своего прежняго значенія Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ, Румянцевъ, и пр. Однако тотъ-же современникъ замѣчаетъ: „По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосерднымъ, и гонителемъ своихъ недоброхотовъ; напротивъ, было много примѣровъ, что онъ былъ нерѣдко къ нимъ великодушенъ; по большей части мстилъ своимъ злодѣямъ однимъ презрѣніемъ“ [4]). Однажды, когда Корсаковъ назвалъ Потемкина „общимъ врагомъ“, императрица написала слѣдующее наставленіе: „Никто (болѣе князя Потемкина) вообще друзьямъ и недругамъ и безчисленному множеству людей не дѣлалъ болѣе неисчисленнаго-же добра, начавъ сей счетъ съ первѣйшихъ людей и даже до малыхъ; вреда же или несчастья не нанесъ ни единой твари, ниже явнымъ своимъ

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 318. „Minerva“, 1798. I, 41.

[2]) „Р. Архивъ“, 1867. 479—480.

[3]) Напрасно Я. К. Гротъ („Державинъ“, III, 119) указываетъ на замѣтку г. Дмоховскаго, какъ на опроверженіе этого преданія.

[4]) „Р. Архивъ“, 1877. I, 163.

врагамъ, — напротивъ того во всѣхъ случаяхъ первымъ ихъ предстателемъ часто весьма оказался“ [1]).

Современники разсказываютъ о многихъ случаяхъ непріятностей, происходившихъ между Потемкинымъ и другими сановниками. Такъ напр. между княземъ и Чернышевымъ случилось сильное столкновеніе въ Могилевѣ въ 1780 году, но несправедливо было бы безусловно обвинять въ этомъ Потемкина. Недоразумѣніе произошло, какъ кажется, вслѣдствіе чрезмѣрнаго самолюбія Чернышева [2]). Гораздо болѣе упорнымъ былъ антагонизмъ между Потемкинымъ и Воронцовыми. Порело писалъ о „ненависти“ князя къ графу Александру Воронцову [3]). Изъ писемъ С. Р. Воронцова, Трощинскаго и пр. видно, что Потемкинъ и Александръ Романовичъ были очень недовольны другъ другомъ [4]). Графъ Семенъ Романовичъ называлъ Потемкина „дерзкимъ деспотомъ“ [5]). Намекая на нѣкоторые случаи неблаговиднаго образа дѣйствій Потемкина въ отношеніи къ С. Р. Воронцову, Ростопчинъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины князя, говорилъ, что послѣдній попиралъ ногами законъ и правила честности, отличался эгоизмомъ, и пр. [6]). Алексѣй Кириллович Разумовскій писалъ въ 1778 году о Потемкинѣ, что онъ „никому добра не желаетъ, кромѣ себя“ [7]). Завадовскій, вообще не любившій Потемкина, такъ охарактеризовалъ князя въ 1789 году: „Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сія добродѣтель въ немъ со излишествомъ. Все стоячее онъ валитъ и лежачее подымаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу; но сіи надобно исполнить бы другимъ. Словомъ, премного добраго, но общая ненависть къ нему выби-

---

[1]) „Р. Старина“, XIV, 256.
[2]) „Зап. Добрынина“ въ „Р. Старинѣ“, IV, 116–117.
[3]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 121.
[4]) „Архивъ кн. Воронцова“, IX, 148 и 149, XII, 373.
[5]) „Арх. кн. Воронцова“, XV, 451.
[6]) „Арх. кн. Воронцова“, VIII, 179, 299.
[7]) Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, II, 38.

раетъ только худое; достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами: но и величайшій мужъ Іулій Цезарь былъ in omnia praeceps“ [1]).

Особенно натянутыми, какъ кажется, были отношенія между Потемкинымъ и Я. Е. Сиверсомъ. Неоднократно послѣдній жаловался на произвольныя дѣйствія князя, на интриги его, на вредное вліяніе, которое Потемкинъ имѣлъ вообще на представителей мѣстной администраціи, и пр. [2]).

Раньше, когда говорилось о дѣятельности Потемкина во время турецкой войны, было указано на соперничество между Потемкинымъ и Румянцевымъ, а также на недоразумѣнія между княземъ и Суворовымъ. Въ разныхъ сочиненіяхъ не мало говорится о неблаговидномъ образѣ дѣйствій Потемкина въ отношеніи къ Румянцеву, и тѣмъ не менѣе нѣтъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно-бы было обвинять князя въ мелочныхъ интригахъ противъ знаменитаго полководца. Съ Суворовымъ онъ обращался то ласково, то нѣсколько холодно. Порою Суворовъ ухаживалъ за княземъ, даже льстилъ ему [3]), порою онъ считалъ его своимъ врагомъ и жаловался на его невниманіе. Послѣ Измаила, — какъ извѣстно уже читателямъ, — произошло даже что-то въ родѣ размолвки между Потемкинымъ и Суворовымъ. Разсказывали, что Потемкинъ за нѣсколько дней до знаменитаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ позаботился, чтобы Суворовъ, настоящій герой похода 1790 года, побѣдитель Измаила, не присутствовалъ на этомъ праздникѣ: — онъ долженъ былъ отправиться въ Финляндію [4]). Однако новѣйшій біографъ Суворова, г. Петрушевскій, считаетъ вѣроятнымъ, что знаменитый полководецъ именно въ это время крамолилъ противъ Потемкина вмѣстѣ съ Зубовымъ [5]). Въ письмѣ къ дочери

---

[1]) „Архивъ кн. Воронцова“, XII, 61.

[2]) Blum, „Ein russischer Staatsmann“, II, 266, 322, 371. III, 17, 54 и пр. Отзывы Блюма о Потемкинѣ далеко не безпристрастны. Онъ безъ критики относится къ разсказамъ Гельбига, Кастера и пр.

[3]) См., напр. „Зап. Одесск. Общ.“, VIII, 227 и слѣд.

[4]) Петрушевскій, I, 407.

[5]) Петрушевскій, I, 405.

изъ Финляндіи, писанномъ чуть не наканунѣ кончины Потемкина, Суворовъ сильно жаловался на „непріязненность“ къ нему Потемкина, замѣчая при этомъ, что не хочетъ сдѣлаться „саттелитомъ“ свѣтлѣйшаго [1]).

Самойловъ писалъ, что Потемкинъ „былъ неизмѣняемо благороденъ и добръ, непамятозлобенъ, немстителенъ, любилъ дѣлать добро общее и частное... снисходителенъ къ низшимъ, оставлялъ въ забвеніи личныя оскорбленія, любилъ ближнихъ“, и пр. [2]).

Въ запискахъ Рибопьера сказано о Потемкинѣ: „Полуобразованный и полу-дикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славою... Онъ постоянно останавливался во дворцѣ, входилъ безъ доклада къ Государынѣ... Онъ командовалъ всѣмъ, и никто не смѣлъ ему прекословить. Онъ выбиралъ любимцевъ, поддерживалъ или ронялъ, всегда съ согласія Государыни, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Подобно Екатеринѣ, онъ былъ эпикурейцемъ. Чувственныя удовольствія занимали важное мѣсто въ его жизни; онъ страстно любилъ женщинъ и страстямъ своимъ не зналъ преграды. Онъ вызвалъ ко двору пятерыхъ дочерей сестры своей Маріы Александровны Энгельгардтъ и по смерти ея объявилъ себя ихъ отцомъ и покровителемъ. Съ ними обращались почти какъ съ великими княжнами... Потемкинъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи, крайне снисходителенъ и добръ къ подчиненнымъ. Онъ любилъ моего отца, который былъ его адъютантомъ, и, вызвавъ меня однажды къ себѣ, принялъ съ отмѣнною добротою. Я его одинъ этотъ разъ видѣлъ близко. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, и я очень испугался, когда онъ вдругъ поднялъ меня могучими своими руками. Онъ былъ огромнаго роста. Какъ теперь его вижу одѣтаго въ широкій шлафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами“ [3]). Добродушная улыбка, съ которою онъ принималъ у себя людей, производила глубокое впечатлѣніе [4]). „Потемкинъ“ — писалъ Ѳ. Н. Голи-

[1]) „Р. Старина“, VI, 421.
[2]) „Р. Архивъ“, 1867. 1562—1563.
[3]) „Р. Архивъ“, 1867. I, 471. „Р. Архивъ“, 1877. I, 479—480.
[4]) Разсказъ митрополита Іоны въ „Зап. Одесск. Общ.“, III, 557.

цынъ,— „былъ превосходнаго разума, немстителенъ и незолъ [1]). Онъ раздѣлялъ мнѣніе Екатерины о необходимости смягченія наказаній, ненавидѣлъ Шешковскаго, начальника тайной канцеляріи, о которомъ разсказывали, что онъ прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію для вынужденія признанія у подсудимыхъ. Однажды Потемкинъ, возвратившись въ столицу, замѣтивъ между посѣтителями Шешковскаго, спросилъ его: „Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ“? [2]) Въ польскихъ имѣніяхъ своихъ Потемкинъ приказалъ „висѣлицы сломать, не оставляя и знаку оныхъ, жителямъ же объявить, чтобы они исполняли приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, а не изъ страха казни“ [3]). Потемкинъ, какъ извѣстно, смягчилъ наказанія солдатъ. О степени его популярности въ низшихъ классахъ можно судить по нѣкоторымъ народнымъ и солдатскимъ пѣснямъ, сочиненнымъ въ честь князя [4]).

Встрѣчаются и менѣе благопріятные отзывы объ обращеніи Потемкина съ подчиненными. Порою онъ казался гнѣвнымъ, деспотическимъ [5]). Однажды, въ 1790 году, когда генералъ Кречетниковъ сообщилъ, по ошибкѣ, князю ложное извѣстіе объ одержанной побѣдѣ надъ шведами, Потемкинъ за обѣдомъ сталъ бранить его; князь Д., сидѣвшій подлѣ Потемкина, началъ защищать генерала. Потемкинъ такъ разсердился и вышелъ изъ себя, что схватилъ Д. за Георгіевскій крестъ, сталъ его дергать, говоря: „Какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковскаго струсилъ?“ Вставши изъ-за стола, Потемкинъ подошелъ къ австрійскимъ генераламъ, находившимся тутъ, и сказалъ: „Извините, господа, я увлекся; но я знаю свой народъ, и я поступилъ такъ, какъ нужно“ [6]).

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1874. I, 1279.

[2]) „Р. Старина“, II. 637. „Minerva“, 1880. I, 44.

[3]) „Р. Архивъ“, 1869. 920.

[4]) Напр. „Зап. Од. Общ.“, XI, 461.

[5]) О нѣкоторой мелочности въ связи съ деспотизмомъ свидѣтельствуетъ анекдотъ, разсказанный Алексѣевымъ объ эпизодѣ съ его дѣдомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1889 г., т. XXXVII, стр. 683—684.

[6]) Энгельгардтъ, 83—84. Разсказы о пощечинахъ у Кастера („Vie de Cathérine“, II, 201) не подтверждаются никакими данными.

Офицерамъ Потемкинъ обыкновенно говорилъ „ты“, но такая привычка была тогда общею [1]).

Разсказывали о разныхъ чертахъ необычайной надменности Потемкина въ обращеніи съ вельможами, иногда съ иностранными дипломатами. Его передняя была обыкновенно наполнена лицами въ парадныхъ мундирахъ и лентахъ, между тѣмъ какъ самъ онъ, принимая такихъ посѣтителей, бывалъ въ халатѣ, безъ галстуха, въ туфляхъ и часто даже безъ панталонъ, подъ неизмѣннымъ предлогомъ нездоровья. Эта притворная болѣзнь извиняла его, когда онъ, принимая гостя, не вставалъ, не трогался съ мѣста, какъ требовало приличіе. Графъ Сегюръ, посѣщая князя и чувствуя неловкость своего положенія при столь безцеремонномъ обращеніи съ нимъ, какъ съ представителемъ Франціи, ограждалъ свое достоинство чрезвычайною фамильярностью, съ которою дружески обнималъ князя, садился къ нему на диванъ, и пр. [2]). Сохранилось преданіе о слѣдующемъ курьезномъ случаѣ. Въ февралѣ 1791 г., когда Потемкинъ, на пути въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, его посѣтилъ эксъ-гетманъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, котораго князь, по своему обыкновенію, принялъ, будучи неодѣтымъ, неумытымъ, въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ гостя дать въ честь его балъ. Кириллъ Григорьевичъ согласился, на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ [3]). „У себя“,—разсказываетъ Самойловъ,—„занимаясь дѣлами въ дорогѣ, князь вовсе не любилъ одѣваться, бывая обыкновенно или въ форменной шинели, или въ шлафрокѣ, въ чулкахъ не подвязанныхъ и туфляхъ; въ такомъ костюмѣ нерѣдко совершалъ быстрые свои переѣзды“, и пр. [4]).

О прихотяхъ и причудахъ князя передаютъ разныя лю-

---

[1]) „Др. и н. Россія“, 1875. III, 338. Странный анекдотъ о собственноручномъ наказаніи племянницы, разсказанный А. М. Тургеневымъ (Р. Старина, 1887, т. LIII, стр. 338), едва-ли заслуживаетъ довѣрія.

[2]) Ségur, „Mémoires“, III, 76—77.

[3]) Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, I, 455.

[4]) „Р. Архивъ“, 1867. 1572.

бопытныя черты. При немъ находился шутъ Моссе, забавлявшій князя своими выдумками и остротами. Узнавъ однажды въ Петербургѣ, что въ Херсонѣ какой-то чиновникъ хорошо передразнивалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, онъ тотчасъ-же отправилъ за нимъ курьера и приказалъ ему передразнивать всѣхъ, кого онъ умѣлъ, даже себя, а затѣмъ отпустилъ его обратно въ Херсонъ. Бывши подъ Очаковымъ, князь узналъ о необычайной памяти нѣкоего Спечинскаго, знавшаго наизусть всѣ святцы. Тотчасъ-же послали за Спечинскимъ въ Москву; князь убѣдился въ томъ, что разсказъ о немъ не былъ лишенъ основанія, и затѣмъ отпустилъ его домой. Изъ Тулы однажды для князя былъ выписанъ купецъ, отлично игравшій въ шахматы; Потемкинъ такъ любилъ смотрѣть на его игру, что возилъ купца съ собою даже въ армію [1]).

И въ одеждѣ, и въ пищѣ князя встрѣчались рѣзкія противоположности. То онъ почти вовсе не одѣвался, то ходилъ въ солдатскомъ мундирѣ изъ грубаго сукна, то одѣвался какъ нельзя болѣе пышно и роскошно, украшая себя драгоцѣнностями, обвѣшиваясь орденами, и пр. [2]). Щербатовъ писалъ, что Потемкинъ былъ „нетокмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ“ [3]). Энгельгардтъ говоритъ, что князь любилъ лакомиться самыми грубыми вещами; ему доставлялись издалека хорошіе соленые огурцы, капуста и пр.; съ нарочными курьерами присылали икру съ Урала, рыбу изъ Астрахани, тѣсто изъ Калуги и пр. [4]). Самойловъ разсказываетъ, что Потемкинъ предпочиталъ русскія блюда иностраннымъ, напр. рѣдьку, морковь и клюкву ананасамъ; онъ же пишетъ, что нерѣдко такое простое блюдо стоило князю дороже иностранныхъ рѣдкостей [5]). Во время путешествій князь иногда, по разсказу Кокса, питался крестьянской пищей, чернымъ хлѣбомъ, чеснокомъ, солеными огурцами и пр. [6]).

---

[1]) Энгельгардтъ, 40, 89.
[2]) Энгельгардтъ, 82. Самойловъ въ „Р. Архивѣ“, 1867. 1572.
[3]) „Р. Старина“, III, 681.
[4]) Энгельгардтъ, 40.
[5]) „Р. Архивъ“, 1867. 1573.
[6]) „Р. Старина“, XIX, 37.

Разумѣется, не всѣ анекдоты о прихотяхъ Потемкина заслуживаютъ довѣрія. Такъ напр., Коксъ разсказываетъ: „Во время путешествій князя, впереди ѣхалъ англичанинъ-садовникъ съ 600 помощниковъ и съ невѣроятною быстротою разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться князь, хотя-бы на одинъ день“ [1]). Этотъ разсказъ служитъ образчикомъ преувеличеній, часто встрѣчающихся въ „Запискахъ“ иностранцевъ. Возможно также, что не вполнѣ справедливы и разсказы объ игрѣ съ брильянтами, которые князь будто-бы любилъ раскладывать разными фигурами, развлекаясь ихъ блескомъ. Но сохранились достовѣрныя свидѣтельства о весьма значительномъ числѣ служителей, находившихся при князѣ, и множествѣ драгоцѣнныхъ предметовъ въ его домахъ. Князь писалъ не иначе, какъ на бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, и употреблялъ при этомъ золотой песокъ, какой встрѣчается въ рукописяхъ Екатерины, что̀ было тогда большою роскошью, и проч.

Потемкинъ располагалъ громадными средствами. Екатерина дарила ему большія суммы денегъ, имѣнія въ разныхъ концахъ Россіи, дома, драгоцѣнныя вещи, и проч. Разсказывали, что онъ уже въ 1779 году могъ купить разныхъ имѣній на 450,000 рублей и заплатить всю эту сумму наличными деньгами [2]). Неоднократно онъ получалъ отъ императрицы по 100—150 тысячъ рублей для уплаты долговъ [3]). Въ средѣ иностранцевъ ходили слухи о громадныхъ суммахъ, которыя князь получалъ отъ фаворитовъ [4]). Одно изъ своихъ имѣній онъ въ 1787 году продалъ казнѣ за 218,000 рублей [5]). Вообще довольно часто занимала его покупка и продажа имѣній, которыя онъ, по разсказамъ, заселялъ то преступниками, то колонистами, выписываемыми изъ-заграницы. Особенно большія имѣнія онъ покупалъ въ Польшѣ; напр. въ 1787 году у одного князя Любомирскаго было куплено

---

[1]) „P. Старина“, XIX, 35.
[2]) „Minerva“, 1798. I, 30.
[3]) См. напр. „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 137 и 179.
[4]) См. напр. „Minerva“, 1797. III, 223.
[5]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVII, 424.

разныхъ деревень на три мильона рублей [1]). Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что князь иногда самъ входилъ въ подробности управленія этими имѣніями [2]). Въ бумагахъ Потемкина часто встрѣчаются данныя о покупкѣ и продажѣ домовъ. Въ 1785 году Екатерина купила у Потемкина мѣсто на Васильевскомъ Островѣ за 15,000 рублей. Въ Москвѣ онъ купилъ домъ у княгини Хованской. Близъ Петербурга онъ имѣлъ, недалеко отъ императрицынаго дворца Пелла, дачу „Островки“; въ другомъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ же столицы, Екатерина подарила ему дачу „Осиновая Роща“, и проч.

Ф. Ф. Вигель въ Бѣлой церкви близъ Кіева въ домѣ графини Браницкой видѣлъ множество драгоцѣнныхъ вещей, мраморныхъ, фарфоровыхъ, хрустальныхъ, которыя были значительною долею подарены ей или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Онъ же разсказываетъ, что князь еще при польскомъ правительствѣ, властью и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ [3]).

Далѣе Потемкину принадлежали разные заводы, напр. стекляный и посудный, подаренные ему, по указу императрицы, въ 1777 году, въ вѣчное и потомственное владѣніе; къ этимъ заводамъ онъ еще присоединилъ зеркальный; обороты были значительные [4]). Въ письмахъ Гарновскаго [5]) къ Попову очень часто говорится объ этихъ заводахъ. Въ одномъ изъ польскихъ имѣній у Потемкина была суконная фабрика. Говорили объ огромныхъ оборотахъ, которые происходили при поставкѣ провіанта изъ польскихъ имѣній Потемкина въ армію [6]). Разсказывали, будто-бы доходъ князя съ соляныхъ

---

[1]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 632 и 650,

[2]) „Русскій Архивъ“, 1865. 734.

[3]) Вигель, Воспоминанія, I, стр. 124—126.

[4]) См. статью „Историческое описаніе Императорскаго стекляная завода“ въ „Архивѣ князя Воронцова“, V, 474 — 476. Рабочихъ было 256; вырабатывали на сумму 60,000 р.

[5]) Гарновскій пользовался особеннымъ довѣріемъ князя и заслуживалъ оное. См. записки А. М. Тургенева въ „Р. Старинѣ“ (1886), т. LII, стр. 264.

[6]) „Древняя и новая Россія“, 1875. III, 334.

озеръ Крыма доходилъ до 300,000 рублей въ годъ [1]). Можно допустить, что не совсѣмъ благовидныя спекуляціи креатуръ Потемкина, напр., Фалѣева, Попова, Лонгинова, откупныя дѣла и поставки разнаго рода доставляли князю кое-какія выгоды [2]). Управляющіе имѣній князя въ Польшѣ обвинялись въ грабежѣ [3]). Въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи Потемкина находились всегда громадныя суммы; отъ этого имѣлъ огромныя выгоды правитель канцеляріи В. С. Поповъ, сдѣлавшійся мильонеромъ [4]). Отсутствіе отчетности въ расходованіи мильоновъ рублей, какъ при управленіи южной Россіей, такъ и во время войны, было предметомъ сильнаго негодованія современниковъ. Казна, которую во время походовъ возили всегда вслѣдъ за княземъ, доходила до нѣсколькихъ мильоновъ [5]). По смерти Потемкина Поповъ подалъ записку, изъ которой видно, что съ 1787 до 1791 года Потемкинымъ было получено болѣе 55 мильоновъ рублей [6]). Въ случаѣ нужды въ деньгахъ князь обыкновенно безцеремонно и даже безъ соблюденія формальностей обращался къ Вяземскому съ требованіемъ такой-то суммы, чѣмъ выводилъ изъ терпѣнія этого сановника [7]). Послѣ кончины князя Вяземскій въ официальныхъ документахъ жаловался на Потемкина и на то, что невозможно было получать отъ него свѣдѣній о расходахъ [8]).

Въ росписяхъ о расходахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, опубликованныхъ въ послѣднее время, постоянно встрѣчаются указанія на громадныя суммы, отправляемыя въ вѣдомство князя Г. А. Потемкина по извѣстному „секретному

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIX, 484.

[2]) Гротъ, „Державинъ“, I, 471. VI, 643 и слѣд.

[3]) Herrmann, „Gesch. d. russ Staats.“, VI, 163

[4]) См. письмо Ростопчина въ „Архивѣ князя Воронцова“, VIII, 61.

[5]) „Записки Грибовскаго“, 20.

[6]) „Зап. Од. Общ.“, VIII, 225. IX, 217—227.

[7]) См. анекдотъ о томъ, какъ Вяземскій жаловался Екатеринѣ на такую безцеремонность Потемкина, въ донесеніи Фёлькерзама въ 1791 г. у Германна—„Ergänzungsband“. 108, а также анекдотъ, разсказанный А. М. Тургеневымъ въ „Русской Старинѣ“ (1886), LII, стр. 260.

[8]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVIII, 367 и слѣд.

указу“ или „по его требованію“; каждый разъ эти цифры составляютъ нѣсколько мильоновъ; очень часто идетъ рѣчь о „чрезвычайныхъ расходахъ“; далѣе самъ князь для себя получалъ напр. по 1,000 рублей въ мѣсяцъ столовыхъ денегъ, при чемъ нужно замѣтить, что одинъ рубль въ послѣднее время прошлаго столѣтія равнялся нѣсколькимъ рублямъ въ нынѣшнее время [1]).

Судя по расточительности Потемкина въ частномъ своемъ хозяйствѣ, можно думать, что и при управленіи казенными суммами онъ не руководствовался правилами бережливости. Одинъ изъ пышныхъ костюмовъ князя стоилъ не менѣе 283,000 рублей [2]); онъ тратилъ большія деньги на пустяки и игрушки въ родѣ драгоцѣнныхъ часовъ, имѣвшихъ видъ слона, павлина и проч. [3]). Разсказывали, что въ его библіотекѣ находились большія суммы денегъ, банковыхъ билетовъ, въ формѣ книгъ и т. п. [4]). О страшныхъ долгахъ князя сохранилось множество любопытныхъ данныхъ; даже Самойловъ разсказываетъ, что громадные доходы князя оказывались недостаточными для расходовъ его, что онъ безпечно предоставлялъ другимъ людямъ веденіе своихъ дѣлъ и проч. [5]). Въ источникахъ попадается много случаевъ неуплаты Потемкинымъ долговъ. У часоваго мастера Фази онъ однажды занялъ 1,400 рублей и заплатилъ ему эту сумму только тогда, когда императрица заступилась за швейцарца, притомъ почему-то мѣдными деньгами, такъ что ими пришлось наполнить двѣ комнаты [6]). Покинувъ столицу въ послѣдній разъ лѣтомъ 1791 года, онъ остался долженъ извозчикамъ 19,000 рублей, торговцамъ цвѣтовъ 38,000 рублей и проч. [7]). Бан-

киру Сутерланду онъ былъ долженъ нѣсколько сотъ тысячъ

---

[1]) См. множество данныхъ въ XXVIII томѣ „Сб. Ист. Общ.“.
[2]) „Зап. Од. Общ.“, X, 481.
[3]) Гротъ, „Державинъ“, V, 788.
[4]) Masson, „Mémoires secrets“, I, 150.
[5]) „Русскій Архивъ“, 1867, стр. 1571. Въ журналѣ „Minerva“, 1797, III, 216, напротивъ, говорится о недовѣріи Потемкина и проч.
[6]) „Русская Старина“, XIV, 589–590.
[7]) Herrmann, „Ergänzungsband“, 106.

рублей [1]). Этотъ долгъ послѣ смерти князя былъ уплаченъ императрицею, причемъ она замѣтила, что князь „многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги“ [2]).

Потемкинъ оставилъ громадное наслѣдство. Однихъ драгоцѣнныхъ камней было на сумму болѣе мильона рублей. Движимаго и недвижимаго имущества было на 7 мильоновъ. Долговъ на немъ оказалось на 2 мильона. Казна купила отъ наслѣдниковъ дома, заводы, драгоцѣнныя вещи на сумму 2.600,000 рублей. Впрочемъ, наслѣдники князя обнаружили страшное корыстолюбіе и обращались съ просьбами о неуплатѣ долговъ князя не только къ Екатеринѣ, но даже и къ Павлу I [3]).

Даже Безбородко, не принадлежавшій къ недоброжелателямъ князя, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ осуждалъ его за невниманіе къ финансовымъ интересамъ государства и жаловался на произведенный имъ хаосъ въ государственномъ хозяйствѣ [4]). С. Р. Воронцовъ писалъ въ 1788 году, что образъ дѣйствій Потемкина наноситъ ужасный вредъ государству; въ ввѣренныхъ ему вѣдомствахъ исчезаютъ безслѣдно, какъ въ безднѣ, огромныя суммы; въ князѣ нѣтъ никакой политической добродѣтели; о благѣ государства онъ заботится столько же, сколько объ изношенныхъ старыхъ туфляхъ [5]). Завадовскій писалъ въ 1792 году: „Изъ турецкой войны вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пробудемъ въ голяхъ. Власть и расточительность покойника изрыли ямы“ [6]). „Вся Молдавія“—писалъ Безбородко, пріѣхавшій въ Яссы скоро послѣ кончины

---

[1]) „Архивъ князя Воронцова“, XXVII, 16. Гротъ, „Державинъ“, VI, 648—661.

[2]) Гротъ, „Державинъ“, VI, 652.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1873, стр. 2323. Письмо Безбородки въ „Сб. Ист. Общ.“, XXIX, 159. „Архивъ князя Воронцова“, XIV, 483, XV, 129.

[4]) „Сб. Ист. Общ.“, XXVI, 428.

[5]) „Архивъ князя Воронцова“, IX, 86.

[6]) „Архивъ князя Воронцова“, XII, 79. Въ одной запискѣ французскаго дипломата, хранящейся въ парижскомъ архивѣ сказано, что Потемкинъ „avait converti plus de vingt cinq millions de livres à son profit pour se rendre indépendant“. См. „Сб. Ист. Общ.“, т. LXX, стр. 636.

князя,— „не благословитъ память умершаго, видя опустошеніе, воображеніе превосходящее, и безпорядокъ выше мѣры“ [1]). Князь Щербатовъ такъ характеризовалъ князя Потемкина: „Властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь на столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и всѣ другіе знаемые въ свѣтѣ пороки“ [2]). Болотовъ писалъ о событіяхъ 1788 года: „Потемкинъ ворочалъ всѣмъ государствомъ; онъ родился во вредъ оному, ненавидѣлъ свое отечество и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностью своею къ богатству; отъ него ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы. Все государство обрадовалось по случаю разнесшейся молвы, что пришелъ онъ въ немилость императрицы. Однако оказалось, что онъ опять превозмогъ и продолжалъ по прежнему дурить, обжираться и дѣлать проказы нимало съ такимъ саномъ несообразныя. Мы дивились тогда и не знали, что̀ съ симъ человѣкомъ наконецъ будетъ и чѣмъ кончится его пышность и величіе“ [3]).

Неотрадное время сильнаго вліянія Зубова послѣ кончины Потемкина нѣсколько смягчило строгій приговоръ, произнесенный современниками надъ княземъ. Безбородко писалъ въ 1795 году: „Флотъ черноморскій никуда не годится... При князѣ Потемкинѣ было что-нибудь хотя и въ полгнилое, но теперь поистинѣ вычесть въ ноль“ [4]). Въ другомъ письмѣ: „Вотъ какъ мы ошиблись въ заключеніяхъ своихъ послѣ смерти покойника, который по крайней мѣрѣ не былъ честнымъ людямъ тяжелъ и который, захвативъ одну или двѣ части, не быть искалъ универсальнымъ“ [5]). Завадовскій писалъ весною 1796 года: „О князѣ Потемкинѣ теперь весьма весьма жалѣютъ“ [6]).

---

[1]) „Сб. Ист. Общ.“, XXIX, 156.
[2]) „Русская Старина“, III, 678.
[3]) „Записки Болотова“. Приложеніе къ VII тому „Русской Старины“, VII, IV, 257—258.
[4]) „Архивъ князя Воронцова“, XIII, 348.
[5]) „Архивъ князя Воронцова“, XIII, 334.
[6]) „Архивъ князя Воронцова“, XII, 164.

Потемкинъ называлъ себя „l'enfant gâté de Dieu“. Энгельгардтъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды князь за столомъ былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ, шутилъ, а потомъ сталъ задумчивъ, грустенъ и сказалъ: „Можетъ ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего я желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ-будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ — имѣю; орденовъ — имѣю; любилъ играть — проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники — давалъ великолѣпные; любилъ покупать имѣнія — имѣю; любилъ строить дома—построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись“. Проговоривъ это, онъ бросилъ фарфоровую тарелку на полъ, разбилъ ее въ дребезги, ушелъ въ спальню и заперся [1]).

Весь онъ тутъ — баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой. Его пороки объясняются въ значительной долѣ недостатками тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Его дѣятельность была далеко не безполезною. Руничъ, перечисляя результаты ея—уничтоженіе Запорожской Сѣчи, построеніе Херсона и Николаева, покореніе Крыма, учрежденіе черноморскаго флота, овладѣніе Очаковомъ и тою областью, гдѣ Одесса, замѣчаетъ: „Все это не ложные суть памятники дивной прозорливости великой Екатерины II и сотрудника ея. Память о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвенною“ [2]).

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

[1]) Энгельгардтъ, „Записки“, 89—90.
[2]) „Русская Старина“, II, 129—130.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Brückner, Aleksander,

Potemkin

S.-Peterburg 1891

Biogr. 920 ap
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11572480-4